www.devec.ru

Развитие и экономика

сентябрь 2012

4

Империи не исчезают

Запад-Восток
интеграция и развитие

www.west-east.org

ТРАНСЕВРАЗИЙСКИЙ КОРИДОР РАЗВИТИЯ:
НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА
Сессия стратегического сценирования
Милан, Университет им. Луиджи Боккони
7–9 ноября 2012 года

Постоянно действующий Форум «Запад-Восток: интеграция и развитие» является площадкой для диалога с целью поиска моделей развития стран Востока и Запада

Генеральный партнер:
миллениум банк зао

Партнер:
WORLD PUBLIC FORUM DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2012 | №4

обращение главного редактора

4 С.Н. Белкин
Византия видимая и невидимая

будущее в прошлом

6 С.Ф. Черняховский
Империя как запрос

28 А.Н. Севастьянов
В подражание или в назидание: для чего нам нужен византийский опыт

44 А.В. Ефремов
«Дух суровый византийства»

52 М.А. Емельянов-Лукьянчиков
Система координат русской цивилизации

Византия и мы

70 А.И. Неклесса
Северная Ромея

84 И.Л. Бражников
Византизм: стилизация или фактор идентичности?

94 Архимандрит Тихон (Шевкунов)
Византийский урок

104 С.М. Сергеев
Византизм как последнее прибежище российской олигархии

110 А.Д. Степанов
Еще один византийский урок

На обложке: византийская мозаика XIV века.

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Главный редактор:
Сергей Белкин
Первый заместитель главного редактора:
Дмитрий Андреев
Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров
Арт-директор:
Олег Фирсов
Секретарь редакции:
Екатерина Певзнер

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77- 44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 5 сентября 2012

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Византия и постсоветский мир

118 С.В. Хатунцев
Византизм или евразийство?

130 А.Н. Окара
Новая Восточная Европа в XXI веке. Способно ли византийское цивилизационное наследие изменить Россию и весь мир?

152 Д.И. Выдрин
Византийский геном украинской элиты

интервью

166 В.М. Живов:
«Исследование того, как Россия связана с Византией, должно быть тонким и нюансированным»
Интервью доктора филологических наук, заместителя директора Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, профессора Калифорнийского университета в Беркли

умное делание

180 С.С. Хоружий
Колючий клад: византийское наследие в его обоюдоострой актуальности

192 М.В. Медоваров
Политическое измерение исихазма в поздней Византии и в новейшей истории России

государство и церковь – Византия и Россия

202 Д.В. Семикопов
Симфония священства и царства: византийское наследие в современной практике церковно-государственных отношений

218 В.И. Карпец
Церковь и Царство или «христианская демократия»? Еще один «византийский урок»

гуманитариум

228 А.П. Люсый
Византийский нарратив

236 Н.А. Ганина
Крымская Византия. Путевые впечатления

248 С.Н. Белкин
История и эмоции. Видение

contents

262 **Оглавление и сведения об авторах на английском языке**

анонс

264 **Итоги и перспективы**

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»,
член Союза писателей России,
кандидат физико-математических наук

Византия видимая и невидимая

Люди, посещающие современную Турцию, конечно, знают и помнят, что Стамбул – это Константинополь, столица Византии. Популярные курорты – Измир (Смирна), Бодрум (Галикарнас), Сельчук (Эфес), – как и вообще вся территория Турции, Греции, Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Египта, а в период максимальной экспансии еще и Болгария, Югославия, Италия, Ливия, Тунис, Корсика, часть Испании, Румынии, Украины, Грузии, Армении, Абхазии и др. – тоже Византия. Хронологические границы Византийской империи в учебниках и энциклопедиях принято укладывать в интервале 395–1453 годов. Прошло более шести веков. Византии как государства давно нет на свете. Но она продолжает оказывать свое влияние на современную жизнь. Иногда это влияние осознаваемо, чаще – нет.

Самым ярким осознанным присутствием Византии в современной жизни является, конечно, православие – и как Церковь, и как вероучение, и как система этических норм, пронизывающих жизнь всех людей. Россия и другие православные страны являются восприемниками духовной Византии. Византия видимая – это в основном храмы, которые можно видеть во многих странах – в Турции, Греции, Болгарии. Большой и зримый пласт – византийские орнаменты, оживляющие русские церкви, их изощренно-изысканная вязь и мажорная палитра неизменно формируют жизнеутверждающее начало. Попытки возродить «византийский стиль» предпринимались в XIX веке. К русско-византийскому стилю относят, например, постройки Константина Тона – храм Христа Спасителя, Большой Кремлевский дворец, Благовещенскую церковь в Петербурге.

обращение главного редактора

Есть, однако, и незримая Византия.

Присутствие Византии и византизма в нашей жизни многообразно и не всегда сознаваемо. То, например, обстоятельство, что система государственного управления во многих своих чертах позаимствована у Византийской империи всеми странами – Европы, а потом и Америки, – как-то не очень подчеркивается. Скорее – затушевывается. Но подспудно и неосознанно Византия «прорастает» в день сегодняшний, в том числе и через созданные некогда ею структуры управления и способы организации внутригосударственных процессов, используемые до сих пор.

Ускользнула от активного знания и история византийской науки и техники. А ведь тысячелетнее победоносное развитие самого могучего в военном – а значит, и в научно-техническом – отношении государства не могло обходиться и не обходилось без знания математики и инженерного искусства.

Нас учили, что математику европейцы позаимствовали от арабов, а арабы – от древних греков. Мы – русские, славяне, – как принято считать, и вовсе уж самые последние ученики просвещенной Европы. Почти наверняка дело обстояло иначе. Византия – государство, говорившее и писавшее на греческом языке, та самая «античная культура», играющая роль истока для всей европейской культуры, была не только истоком, но и собственной корневой системой культуры Византии. И математика Пифагора и Эвклида, и физика с метафизикой Аристотеля, и философские учения Фалеса, Сократа и Платона, и инженерный гений строителей Акрополя, и эстетический прорыв к совершенству Фидия и Праксителя, и «греческий огонь», и Семь чудес света – все это имманентная часть византийской культуры, науки, техники и их непрерывного развития на протяжении тысячелетия. Варварская Европа часто брала готовое знание, готовые решения и лишь продолжала их дальнейшее развитие, скрыв подлинный источник, базис своей культуры. Для этого пришлось придумать «Возрождение», стыдливо и притворно беря знания и эстетические идеалы якобы не у только что ограбленной Византии, а в «Античности». Разграбленная и оболганная Византия упорными усилиями европейских «политических историков» превращена в миф. Арабские историки в этом отношении оказывались порой более точными – потому что им не надо было сочинять европоцентристскую историю взамен истории истинной. Они простодушно и честно писали о том, что и математика, и многие технические устройства были ими заимствованы в Византии в первом тысячелетии нашей эры. Ясно, что и Древняя Русь заимствовала знания и умения там, где они были – в Византии, в «Греческом царстве», а не там, где их не было. Тем более что Русь и Византия имели близкие границы и торговые и политические связи и отношения. Так что Русь постигала передовую науку и технику, знания и умения непосредственно у их источника и носителя – у Византии. И принятие православия есть не следствие однократно предпринятого «мозгового штурма», а следствие глубоких многолетних связей.

Византийцы знали и развивали арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, владели искусством измерения времени и изготовления часов, астролябий, вели сложные и точные наблюдения за звездами и планетами, составляли карты, владели конструированием и изготовлением сложных прядильно-ткацких устройств, умели изготавливать цветную керамику и фаянс, выплавлять металлы, производить красители. Они придумали и первыми использовали арбалет, корабельный руль и штурвальное колесо, сложные подъемные механизмы и гидротехнические устройства, их города имели водопровод и канализацию. Их крепостные сооружения и каменные мосты были самыми совершенными в мире, а храм Святой Софии поражал не только эстетическим великолепием, но и недостижимым ни для кого в мире техническим совершенством.

Так что мы восприняли от Византии не только православие и Церковь, но и многие науки и знания в самых разных сферах жизни. То же самое сделала и Европа, впоследствии развив науку и технику до ее современного состояния, в которое вовлечены уже все страны и народы мира. То, что «они сделали с Византией», – практически полезный, а не только нравоучительный урок. Византию грабили столетиями. Несметные богатства были вывезены крестоносцами в Европу, что положило начало ее финансово-экономическому и политическому развитию. Мало того, кроме золота и драгоценностей, ковров и тканей, рабов и пряностей, по европейским городам рассредоточилась значительная часть выдающихся греко-византийских ученых, музыкантов, художников, врачей, писателей и поэтов. Создав на новых местах центры «античной» культуры, они способствовали тому колоссальному прорыву в культурном развитии Европы, который получил название «эпоха Возрождения». Но «просвещенной Европе» и этого было мало. Мало обогатиться золотом и знаниями, надо забыть об истинных источниках богатства и приписать все достижения себе, своей славной истории. И это было сделано. В массовом сознании многих поколений Византия не воспринимается как исток или хотя бы равноценная составляющая оснований европейской культуры. В сердцах наследников византийской культуры – а ими являются многие народы Азии и Европы – нет чувства благодарности и признательности по отношению к Византии. Так и сегодня. Российская империя и Советский Союз разграблены, богатства вывезены и продолжают вывозиться в другие страны, заметная часть образованного населения покидала в прошлом и покидает сейчас свою страну, способствуя развитию наук, новых технологий и культуры в других странах. Осталось исказить историю России в нужном ключе – что активно делается. И тогда не останется в сердцах будущих поколений ни признательности, ни благодарности «стране России»... Хорошо, если в этом смысле Византия – только наше прошлое. А не будущее.

Сергей Феликсович Черняховский – доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук

Империя как запрос

Империи не исчезают

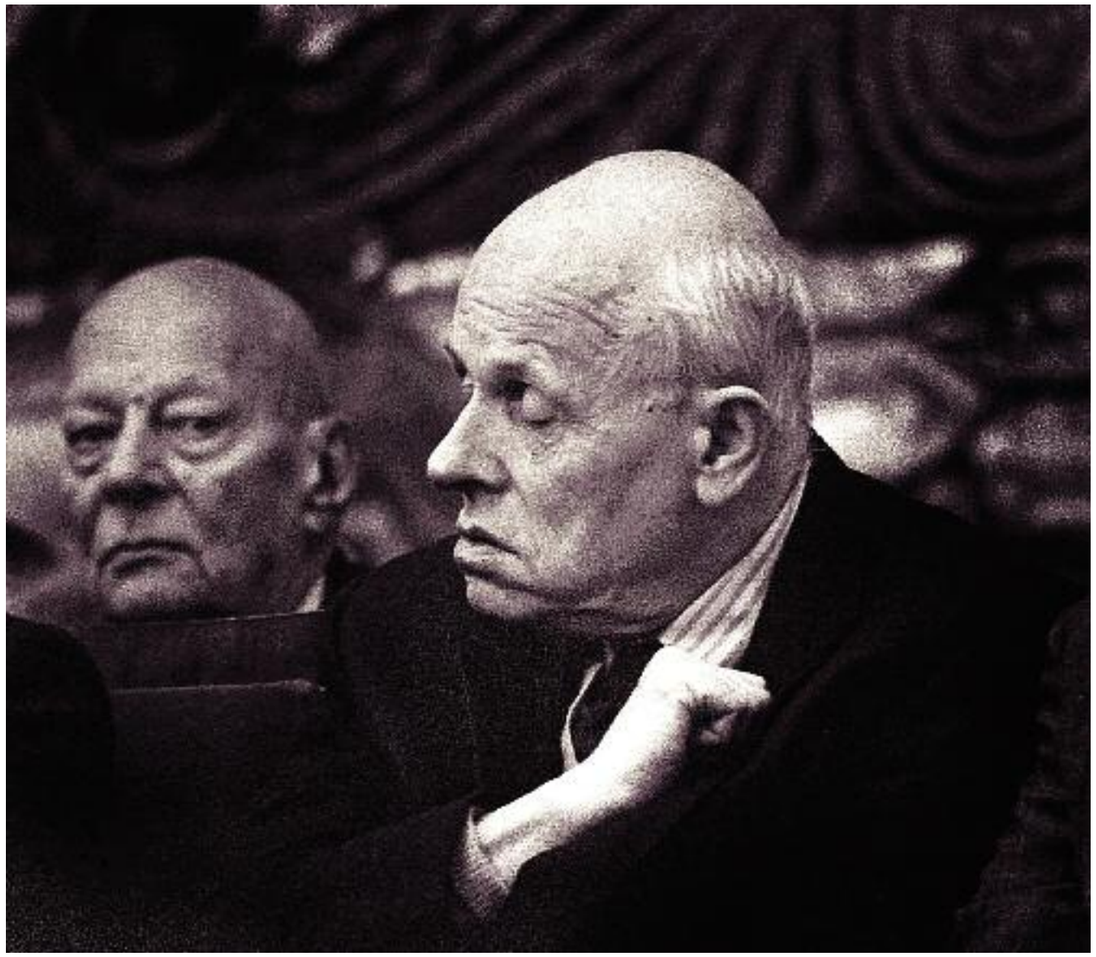
Четверть века назад, когда набирали силу процессы раздела СССР, одним из доводов тех политических сил, которые по странному стечению обстоятельств приняли самоназвание «демократов» и выступали против любых попыток сохранения страны, была странная сентенция: «Все империи распались. Советский Союз – империя. Поэтому он должен распасться тоже». Являясь по форме вполне логичным умозаключением, эта сентенция, с одной стороны, была откровенно ложной, с другой – некорректной.

Она была ложной, поскольку империи на деле не исчезают, за исключением отдельных недолговременных образований, созданных исключительно стечением конъюнктурных обстоятельств и субъективной воли. Империи как историческое образование возникают не в силу желания тех или иных политических акторов, а по причине существования в геополитическом пространстве зон, для которых форма империи – наиболее оптимальная. Падение образованной на этом пространстве одной империи является лишь прологом к образованию другой – с иными властными субъектами и иными несущими этносами, но с выполнением прежней функции: политически объединить экономически и исторически тяготеющую к единству многонациональную и поликультурную территорию.

Сентенция была некорректной в двух отношениях.

Во-первых, постольку-поскольку вовсе не все империи распались: Соединенные Штаты и тогда, и сегодня предельно далеки от распада, хотя, по сути, тоже являются империей. Для убедительности выдвигаемой сентенции надо было, как минимум, дождаться их распада, а затем звать к разделу Российско-Советской империи.

Во-вторых, она была некорректной точно так же, как некорректно утверждение: «Все люди смертны. Мы – люди. Поэтому срочно надо повеситься». Все в мире конечно, но это не основание стремиться ускорить этот конец.



Четверть века назад одним из доводов тех политических сил, которые приняли самоназвание «демократов» и выступали против сохранения страны, была странная сентенция: «Все империи распались. Советский Союз – империя. Поэтому он должен распасться тоже».

Практически вся европейская история Древнего мира – это борьба за имперское объединение двух соприкасавшихся зон обширного ближневосточного пространства восточнее Средиземного моря и зоны, прибрежной ему. Борьба, обусловленная соединением двух факторов: полиэтнического характера населявших это пространство народов и единства торговых путей, важнейшим из которых было само Средиземное море.

В какой-то момент это привело к образованию недолговечной империи Александра Македонского – недолговечной потому, что она вышла далеко на восток за это пространство. Распад этой империи был лишь прологом к началу борьбы за объединение пространства, тяготевшего к объединению, что выразилось сначала в создании Римской империи, а потом – уже в Средние века и Новое время – в борьбе на пространстве ее культурного и экономического наследия.

Восточная часть Римской империи оформилась сначала в Византийскую империю, потом – в Османскую империю. Последняя распалась лишь менее ста лет назад. На месте ее возникла зона постоянных конфликтов и войн.

На территории Западной Римской империи на протяжении всей истории не прекращаются попытки создать ее преемницу. Сначала на это претендовала империя Карла Великого, затем – Священная Римская империя германской нации, империя Наполеона, рейх Гитлера. Сегодня та же самая тенденция в предельно обновленных формах постави-

Практически вся европейская история Древнего мира – это борьба за имперское объединение двух соприкасавшихся зон обширного ближневосточного пространства восточнее Средиземного моря и зоны, прибрежной ему.

ла вопрос об «объединенной Европе».

Что вообще такое – империя, если отвлечься от стереотипного восприятия конца 1980-х, гласившего, что «империя – это что-то плохое»?

Это государственно-политическое устройство, обладающее шестью характерными чертами:

- обширной территориальной основой;
- сильно централизованной властью;
- стремлением элит к экспансии;
- ассиметричными отношениями господства и подчинения между центром и периферией;
- наличием общего политического проекта;
- разнородным этническим, культурным и национальным составом.

Исследователь феномена империи Самуэль Эйзенштадт писал: «Основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение».

При всем многообразии видов империй, представленных в истории, можно выделить два основные типа – в зависимости от третьей из названных Эйзенштадтом характеристик: стремления элит к экспансии. Империя-1 – это империя, где экспансия носит характер стремления к завоеванию, имеющему целью обеспечение существования метрополии за счет провинций. Империя-2 – это империя, где экспансия (в ее не ругательном, а содержательном смысле) носит характер утверждения своего миропроекта. В современном мире вообще нельзя быть ведущей державой, не имея собственного миропроекта, не предлагая свой вариант видения истории и политического существования.

Россия всегда существовала в первую очередь как империя второго рода. Даже само оформление русской нации являлось не этнической самоидентификацией, а смысловой. Сначала в основе лежала православная религия, выступившая и смысловым, и экономическим объединителем страны: Церковь имела хозяйства и монастыри на всем пространстве русских княжеств, была кровно заинтересована в их единстве и сыграла великую историческую роль в объединении России. Начиная с XVI–XVIII веков, с выходом Росси за собственно славянские и исторически православные пределы, на место сугубо православного проекта пришел проект империи как «мира миров». Но и в это время основой идентификации «русские» был не этнический компонент (с этнической точки зрения, «русские» – это своеобразно интегрированные представители целого ряда этносов), а компонент смысловой. Иноземец, будь он хоть арап, приняв православие, становился русским. Русский, приняв иную веру, обращался в «басурманина». С исчерпанием этого проекта к концу XIX века роль смысловой сетки, удерживавшей историческое пространство страны, перешла к коммунистической идеологии. Кризис последней обернулся распадом страны.

При этом редко вспоминается, что к разделу Союза привели не столько «национальные движения на окраинах», которые во многом были спровоцированы борьбой в центральной элите, и не пресловутые «космополиты», а вполне «патриотичные» фракции элиты, сначала отрекшиеся от сюзеренитета над восточноевропейскими союзниками, а затем – и от союзных республик. Все это делалось именно под идею «русского национального государства». Предполагалось, что в таком государстве остальные республики из формально равноправных членов федерации превратятся в неоколонии, перед которыми Россия не несет ответственности, но которые будут поставлять ей дешевую рабочую силу. На деле это обернулось не образованием сателлитов нового типа, «жадною толпой» стоящих у подножия «патриотического русского национального» трона, а стремлением последних самостоятельно пробиться под покровительство других мировых центров силы. Хотя бы потому, что «продаться» последним было выгоднее, нежели слабой и дезорганизованной Российской Федерации.

Самуэль Эйзенштадт:
«Основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение».

Раздел Советской империи привел не к торжеству «русского национального начала», а к его невиданному унижению – как в силу того, что на «самоопределившихся» территориях остались десятки миллионов русских, так и потому, что сама Россия только проиграла от потери своих реально исторических территорий.

Можно сколько угодно иронизировать над действительно не вполне корректным понятием «новая историческая общность – многонациональный советский народ». Но при всей неточности этого эвфемизма поздней советской идеологии в нем была схвачена некая реальность: образование новой нации, советской нации. Не в смысле нации сторонников советской власти, а в смысле нации, идентифицирующей себя с пространством СССР. Нации, имеющей общую историю, общее государство, преимущественно говорящей на русском советском языке (советском – в том смысле, что это был уже во многом новый язык по сравнению с русским языком XIX века), имеющей общее экономическое пространство.

Оставшаяся после раздела «большой империи» Российская Федерация, конечно, стала не национальным госу-

Православная религия выступила и смысловым, и экономическим объединителем страны: Церковь имела хозяйства и монастыри на всем пространстве русских княжеств, была кровно заинтересована в их единстве и сыграла великую историческую роль в объединении России.

дарством, а «малой империей», которую Путин точно определил как «сохраненное ядро территории Советского Союза».

В разговоре о национальном государстве все время упускается из вида и то, что нации разнятся по своему генезису и делятся на моноэтнические, как французы, немцы и т.д., и полиэтнические, как американцы и собственно русские. Утверждение, что по данным последней переписи в качестве русских себя заявили более 80 процентов населения РФ, заведомо игнорирует два факта.

Во-первых, что в ходе самой переписи шло определенное подталкивание колеблющихся представителей разных наций к тому, чтобы они дали согласие записать себя как русских.

Во-вторых, что значительная часть представителей смешанных этносов заявляла о себе как о русских, затрудняясь отдать предпочтение в выборе между несколькими национальностями своего старшего поколения. То есть их самоидентификация как русских означала на самом деле российских. То есть наследников той новой нации, которая образовывалась в СССР. В том же смысле, в каком за границей во времена Союза как русского определяли и грузина, и туркмена. Или как в нынешнем Израиле, где еврея из любой республики СССР по-прежнему считают русским. Русский народ всегда был не нацией, а имперским гиперэтносом, народом, который скреплял империю, был носителем имперскости как некой идеи «единства народов в открытой истине». Лишить его этого имперского начала – значит лишить строящей его самосознание претензии на поиск «высшей истины» и обладание ей.

Вообще что значит – переделать империю в национальное государство? Это может подразумевать интеграцию всех народов империи в единую союзную имперскую нацию по тому образцу, по которому образовывалась союзная советская нация. Это именно путь российскости как интегрирующего начала. Однако такой

Кадр из фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» режиссёра Александра Митты. 1976

путь затруднен как тем, что для него требуется воссоединение в едином государстве ныне разделенных народов СССР, так и тем, что для него требуется смысловое объединяющее начало, «наднациональная идея», которой сегодня Россия лишена. То есть собственный миропроект, который она могла бы предъявить миру, как предъявляют его остальные ведущие страны.

Если не принимать этот путь, то для создания национального государства остаются еще два.

Первый, по которому пошли турки, высвобождаясь от наследия Османской империи: каждому, кто не был готов признать себя турком, они просто перерезали горло, как это было с армянами, курдами и многими другими. Турция, конечно, почти состоялась как национальное государство, но она, с одной стороны, до сих пор не может решить курдскую проблему, с другой – сохранила лишь ничтожную часть территории Османской империи.

Второй, пропагандируемый русскими «уменьшительными националистами», – выделить из РФ «исторически русские земли», образовать некую «Республику Русь» и вслед за независимостью от республик Союза провозгласить независимость от Кавказа, Поволжья, а в конечном счете – и от Сибири.

Пример Франции или Германии с их огромными иноэтническими меньшинствами здесь абсолютно не работает, поскольку эти страны сначала образовались как национальные моноэтнические государства, а потом уже допустили в состав свих граждан представителей других народов. И, кстати, сегодня не вполне понимают, что с этим делать. Нельзя провозгласить государство одного народа, а потом автоматически дать в нем равные права представителям других народов – никакого реального равноправия не получится.

Идея же: «Хочешь зваться татарином и жить в Казани – пожалуйста, хочешь зваться русским и жить в Москве – пожалуйста», – на деле обернется в Москве лозунгом «Чемодан – вокзал – Казань», а в Казани соответственно – «Че-

Начиная с XVI–XVIII веков, с выходом России за собственно славянские и исторически православные пределы, на место сугубо православного проекта пришел проект империи как «мира миров». Иноземец, будь он хоть арап, приняв православие, становился русским.

К разделу Союза привели не столько «национальные движения на окраинах» и не пресловутые «космополиты», а вполне «патриотичные» фракции элиты, сначала отрекшиеся от сюзеренитета над восточноевропейскими союзниками, а затем – и от союзных республик.

модан – вокзал – Москва». А затем, как минимум, отделением Татарстана от России.

Это – как минимум. Потому что для, скажем, тюркских народов быстро встанет вопрос не только о том, зачем тюркам жить в русском национальном государстве, но и о том, почему бы им не жить в этнически едином Туране, охватывающем и Турцию, и Кавказ, и Поволжье.

Да и вообще трудно придумать более издевательский парадокс, нежели призыв к созданию национального государства исторических имперцев. В лучшем случае – это нечто вроде существующего ныне государства Мальтийского ордена. Государства, не имеющего собственной территории. В худшем – подобие Византийской империи накануне османского завоевания, когда она практически ограничивалась окрестностями Константинополя.

И здесь мы получаем реализацию того, о чем речь шла несколько выше: империи не исчезают, на том месте, где раньше была одна империя, всегда возникает другая империя. И те, которые хотят избавить Россию от «имперского бремени», на деле получат не «русское национальное государство», а, к примеру, Великую туранскую империю. Альтернатива Четвертому Риму – не «Республика Русь», а Вторая Орда, в которой уже русским придется просить для себя равноправия. И либо они, в лучшем случае, станут младшим братом в новой империи, либо им вообще не найдется в ней места, как не нашлось его для русского населения в независимой Ичкерии. Это не устрашающие фантазии, а реально существующие планы определенных субъектных групп мировой политики. То есть **первый** основной стратегический результат, который будет достигнут в итоге реализации планов авторов «русского национального государства», – это переуступка русскими пространства своей империи иному политическому субъекту и повторение судьбы византийцев в Османской империи.

Второй (а, может быть, и первый) основной стратегический результат – это не только лишение русского народа его исторической субъектности, выражающейся в особом характере образовавшего его мессианства, но и окончательный отказ от претензии на обладание собственным историческим цивилизационным проектом – претензии, которая идентифицировала его на протяжении нескольких столетий.

Так получилось, что русская национальная самоидентификация, в отличие от западноевропейской, имела не этнический, а смысловой характер. И отказ от имперской (не в смысле завоевательной, а в смысле проектно-смысловой) организации в пользу «русского национального государства» – это в каком-то смысле отказ от самой сущности русской самоидентификации, от самой исторической роли русских.

Погубившие Рим

Когда сегодня националисты и имперцы противопоставляют друг другу собственные идеалы государственной организации, они, пожалуй, лишь интуитивно ощущают всю глубину их взаимной правоты. Не в своем положительном или отрицательном отношении к таким историческим типам государственных систем, как национальное государство или империя, а в понимании того, что, за некими исключениями, уж либо одно, либо другое.

Тех, которые этот тезис оспаривают, можно понять. Они надеются, объявив, что эти два типа друг другу не противоречат, снять спор между, как им кажется, родственными проектами.

Можно, конечно, через те или иные логические переходы показать, что национальное государство и империя имеют нечто общее. И потому объявить их различия несущественными и несуществующими. Почти как на том основании, что в Советском Союзе и гитлеровской Германии имелось по одной партии, одному вождю и одной идеологии, объявить их родственным явлением, объединяемым публицистической и бессодержательной категорией «тоталитаризм».

Сравнение национального государства и империи – интересная тема, но тема все же отдельная, и хотелось бы в данном случае, не углубляясь в нее, ограничится двумя замечаниями.

Во-первых, сами по себе – это лишь слова. Слова, используемые для различения двух типов государственных образований. Одного – относительно более однородного в национальном плане, другого – значительно более разнородного. Тут много разных нюансов, касающихся и того, как мы понимаем саму нацию. Отдельная тема – сами основания идентификации нации. А это уже нечто иное, касаю-

Борис Ольшанский. Слово о полку Игореве. 1993

Русский народ всегда был не нацией, а имперским гиперэтносом, который был носителем имперскости как идеи «единства народов в открытой истине». Лишить его этого начала – значит лишить строящей его самосознание претензии на поиск «высшей истины» и обладание ей.

будущее в прошлом

Пьетро да Кортона. Нахождение Ромула и Рема Фаустулом. 1643

Рим погубили те, которые его создали – римляне и италийцы. То есть «основной народ» Римской империи. Можно было бы сказать «титульная нация», если бы все-таки научный подход не исходил из того, что нации возникают лишь со складыванием национальных рынков.

щееся приоритета языкового или смыслового начала (западноевропейские или русская нации), типа этничности и т.д. Но как же этого не понимать: в зависимости от того, «много» таких образований будет в государстве или «одно», мы будем иметь два очень разных явления.

Во-вторых, многое зависит от того, имеем мы дело с империей-1 или с империей-2. В одном случае речь идет о государстве со сложным составом населения, объединенного силой оружия для обеспечения процветания «главного народа». В другом – о столь же сложном образовании, объединенном проектом, то есть общим принимаемым видением мироустройства.

Не только образование, но и распад этих разных типов происходит по-разному, имеет разные перспективы и предопределяет разную судьбу разошедшихся народов. Кстати, в первом случае распад может быть и относительно безболезненным. Во втором же он рискует оказаться катастрофой не только самого проекта, но и принимавших его народов. Причем в первую очередь того народа, который выступал имперскообразующим.

Обратимся теперь к погубившим Рим.

Понятно, что общепринятых трактовок достаточно: Рим погубило его собственное разложение, Рим погубили варвары, Рим погубило христианство. Все эти трактовки в чем-то так или иначе верны, а в чем-то недостаточны.

Но есть и еще один аспект, непосредственно примыкающий к спорам между националистами и имперцами.

Он заключается в том, что Рим погубили те, которые его создали – римляне и италийцы. То есть «основной народ» Римской империи. Можно было бы сказать «титульная нация», если бы все-таки научный подход не исходил из того, что нации возникают лишь со складыванием национальных рынков, то есть в эпоху зарождения и развития капитализма. А в рассматриваемое время их все же еще не было – были лишь этносы и народности. Условно – народы.

Созданный сначала римлянами, а затем другими италийцами (населением будущей Италии), Рим как империя уже, как минимум, с конца первого века нашей эры во многом обеспечивал свои военные и государственные нужды (в плане рабочей силы это, понятно, было и раньше) за счет не столько италийцев, сколько народов провинций. Императоры, приводимые к власти легионами на периферии, уже не всегда имели собственно римское происхождение.

К пятому веку более или менее сохранявшие энергетику народы оказались в Восточной империи. Военную силу Западной империи составляли либо варвары-наемники, либо варвары-союзники. Все оставшиеся десятилетия до падения Римской империи ее история – в основном борьба между собой варварских военачальников. Само падение Рима в 476 году – это попытка варваров спасти империю, объединив ее под одним скипетром Константинополя. Императоры должным образом не оценили услугу Одоакра и в итоге передали королевский престол в Равенне Теодориху.

И вот тут началось то, что можно в известном смысле считать многовековой борьбой за восстановление Римской империи – борьбой, в которой принявшие римскую имперскую – на тот момент христианскую – идею варварские неиталийские народы пытались империю возродить, а италийцы и римляне в основном занимались тем, что им мешали.

Сначала это еще не принимало отчетливых очертаний.

Готы Теодориха дали Риму передышку. Они вообще во многом видели себя «стражами империи» и оберегали спокойное существование ее остатков, их хозяйство и культуру. Сложись все немного по-другому – кто знает, может быть, Италия не пришла бы в упадок, а Западная Римская империя просуществовала бы не меньше Восточной.

Но на беду Рима и Италии, начавшей приподниматься на заре шестого века, претендентов на роль спасителей Рима оказалось двое. Христианские православные армии Юстиниана и христианские же арианские армии готов гонялись друг за другом по Италии, во имя возрождения которой они вытаптывали ее поля и добивали ее культуру.

Роль самих италийцев в этом деле вообще оказалась минимальной, и они испуганно шарахались от одного спасителя к другому.

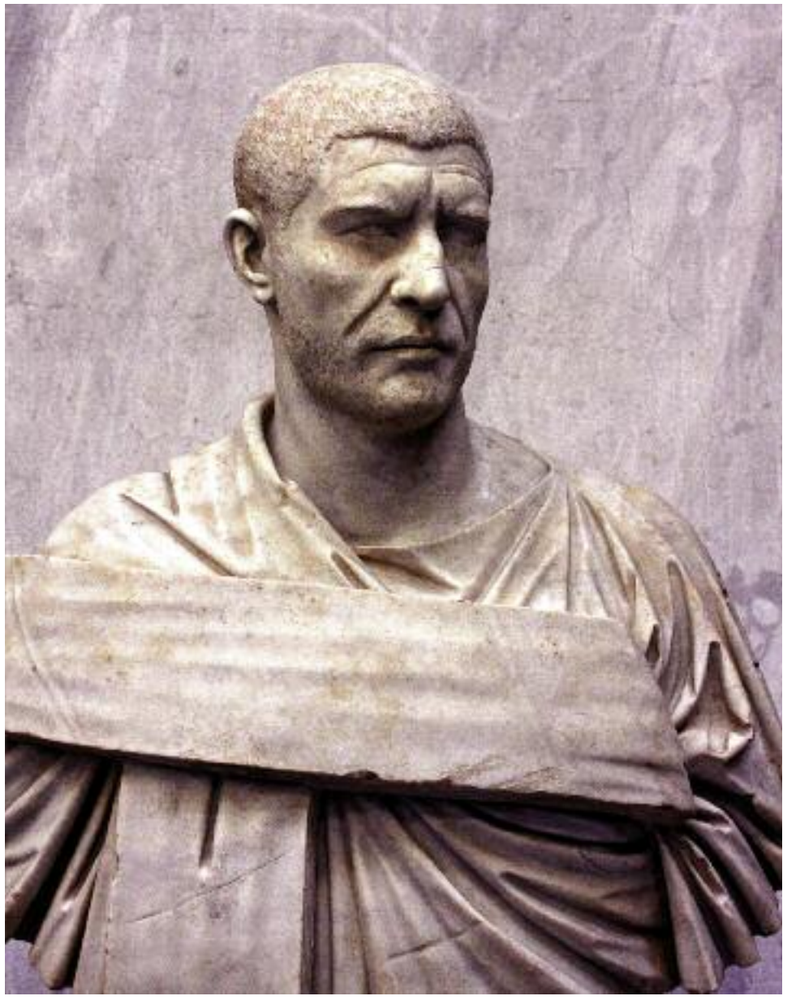
Готы уступили, Юстиниан почти восстановил империю, но скоро Константинополю оказалось не до Рима. И Италия вновь переменила хозяина, доставшись лангобардам. Древнюю страну опять принял в свои объятия новый молодой народ, оказавшийся не очень амбициозным и не пытавшийся превратить свое господство в цивилизационное спасение. Некоторое время Италия отдыхала от имперской судьбы. Ровно до тех пор, пока ее религиозное и культурное влияние не зажгло своим огнем другие народы, потянувшиеся к цивилизации. И с середины восьмого века борьба за возрождение империи интенсифицировалась и стала перманентной.

Первыми ее восстановили уже вполне романизированные франки Карла Великого. Но тут выяснилось, что меньше всего империя нужна не покоренным народам, а именно главному народу – италийцам. Хотя они составляли основное население имперских земель, выполнять свою миссию «держателей» они не собирались и за империю сражаться не хотели. Как только короли двух составных частей империи Карла – Франции и Германии – отобрали у брата-императора полосу земель, выходивших за пределы собственно Италии и доходивших до Фландрии, оказалось, что императоры не в состоянии противостоять ни собственным феодалам, ни соседям. Италийцы «устали» – и ни за что не хотели воевать. Кроме того, они стремились к тому, чтобы их никто не трогал.

С тех пор все имперские усилия народов, претендовавших на то, чтобы нести факел Рима, так или иначе разбивались о сопротивление народов Италии. Последние в течение следующей тысячи лет не только всячески сопротивлялись возрождению империи, но и не смогли составить уже даже единое национальное государство, пока не настало время, когда вне подобной формы стало просто невозможно существовать.

Но факел-то горел, светил, идея жила – и один за другим народы Европы воспринимали этот свет и загорались этой идеей. В 962 году империю вновь восстановили саксы (немцы) при Оттоне I.

После нового упадка императорской власти – с утратой



Император Филипп Аравитянин

Рим как империя уже с конца первого века нашей эры во многом обеспечивал свои военные и государственные нужды за счет не столько италийцев, сколько народов провинций. Императоры, приводимые к власти легионами на периферии, уже не всегда имели римское происхождение.

доминирующего положения саксов – ко второй половине следующего века эстафета перешла к франконцам. Еще через шаг на первый план вышли швабы и правившие ими Гогенштауфены.

С падением Гогенштауфенов – падением, вызванным во многом тем, что их новой опорой стали южные италийцы, несумевшие оказать им полноценной помощи, – империя вновь пришла в упадок. Последнее длительное возрождение идея пережила при Габсбургах. Конечно, их империя была уже не слишком похожей на собственно империю Рима, но огонь продолжал гореть почти до XIX века. И чем дальше, тем больше против империи боролись именно те, которые некогда разожгли это пламя.

Нечто похожее можно видеть и на примере отношений разных народов Восточной империи.

Разница во многом заключалась в том, что западному христианству удавалось вновь и вновь переносить имперское пламя на новые народы, из которых многие в некой исторической очереди перенимали эстафету имперского строительства. Восточное христианство шаг за шагом теряло народы, подпадавшие под его влияние. Первое побеждало одну за другой иные веры в Европе и на других концах света – второе все время сокращало зону своего влияния, проигрывая то одной иной вере, то другой.

Если оно как-то и уцелело, то только за счет Руси, разжегшей затухавший византийский костер в новый огонь и создавшей новую империю. Но кто на протяжении всей тысячи лет попыток возродить Западную Римскую империю постоянно боролся против этих попыток? Отчасти постоянно зажигавший этот огонь – равно как и постоянно пугавшийся его – католицизм. Но постоянно и регулярно – именно тот самый народ, который произвел некогда эту идею, который зажег этот огонь – италийцы (итальянцы).

И даже когда они предприняли попытку создать свою новую империю в 20–40-е годы XX века, у них ничего путного не получилось.

Очевидно, империя – в понятии империи как особого проекта, особого типа цивилизации – может существовать лишь как огонь, в который включаются все новые и новые народы – не столько в смысле увеличения их количества (хотя и это важно), сколько в смысле их появления, поддержки имперского существования новыми составляющими.

В этом смысле можно идентифицировать три типа национализма.

Первый – молодой, имперскообразующий. Возвышающий свою страну и своей энергией вовлекающий в имперского строительство соседей, возможно, имеющих недостаток такой энергии.

Второй – господствующий. Возвысившийся, господствующий, но сохраняющий только ту часть энергии, которая позволяет господствовать и присваивать чужую энергию, что рождает стремление иных народов освободится от подобного господства.

Третий – умирающий. Он уже не имеет энергии, как италийцы или византийцы. А ту, которую имеет, расходует на противостояние новой энергии, направленной на поддержание затухающего костра. Он способен лишь на то, чтобы, с одной стороны, погубить империю, а с другой – под видом борьбы за национальное государство (то есть иную фазу иного историко-этнического существования) разрушить свое собственное государство и превратить его в радующий взгляд иноземных путешественников заповедник вымирающего народа.

Разумеется, в данном случае слово «национализм» используется не в его научном значении конкретной политической идеологии, признающей свою нацию высшей ценностью в сравнении и с отдельными ее членами, и с другими народами, или в значении известного типа политической тенденции, а в смысле определенного типа тенденции самоощущения. Самоощущения, перетекающего в некую государственную определенность.

Отсюда возникают три предположения.

Первое: в прошлом империи (идентифицируемые проектно-цивилизационные ареалы) могли существовать лишь за счет вовлечения в свою энергию иных народов и подпитки их энергией, то есть исключительно экстенсивным путем.

Второе: развитие культуры и цивилизации требует создания такого типа имперского механизма, при котором энергия не уменьшается в процессе своего цивилизационного использования и не требует постоянного пополнения, а увеличивается и вовлекает в свое «горение» новые народы и культуры. И происходит это при общем увеличении количества высвобождаемой энергии и ее самовоспроизводстве. То есть центральный вопрос здесь – вопрос механизма воспроизводства энергии империи.

Третье: народы (этносы, нации – в данном случае неважно, хотя тут будут свои особенности), достигшие третьей стадии национализма, то есть включившиеся в борьбу против империи, могут подвергнуться двум воздействиям. Либо – в случае решения задачи самовоспроизводства имперской энергии – омоложе-

Мавзолей Теодориха в Равенне

Готы Теодориха дали Риму передышку. Они вообще во многом видели себя «стражами империи». Сложись все немного по-другому – кто знает, может быть, Италия не пришла бы в упадок, а Западная Римская империя просуществовала бы не меньше Восточной.

Арчимбольдо. Император Рудольф II Габсбург в образе римского бога времен года Вертумна. Около 1590

Последнее возрождение идея империи пережила при Габсбургах. Конечно, их империя была уже не слишком похожей на империю Рима, но огонь продолжал гореть почти до XIX века. И чем дальше, тем больше против империи боролись именно те, которые некогда разожгли это пламя.

нию такой энергией. Либо организованному противодействию имперских элементов. Такими элементами могут быть и те народы, которые включены в имперский процесс, но находятся на более ранней стадии развития.

Если бы, скажем, на рубеже пятого и шестого веков Теодорих менее бережно относился к италийскому населению и не организовал практически изолированное проживание готов отдельно от италийцев, а либо изгнал италийцев, либо сумел смешать и ассимилировать их с готами, то Западную Римскую империю действительно удалось бы возродить на деле. Ведь впоследствии именно италийцы срывали все попытки новых цивилизованных ими же народов возродить их же державу.

Конечно, все это в известной мере является предположением.

Но представляется, что, как минимум, в качестве некой гипотезы это стоит принимать во внимание в ситуации кризиса и упадка той или иной империи.

Иными словами – хочешь восстановить империю, созданную некогда неким имперскообразующим народом, найди народ, который продолжит его дело. Даже если первый народ пытается сопротивляться возрождению собственного детища. Или найди способ вернуть этому народу его историческую энергию – но в рамках новых, иного типа энергообразующих процессов.

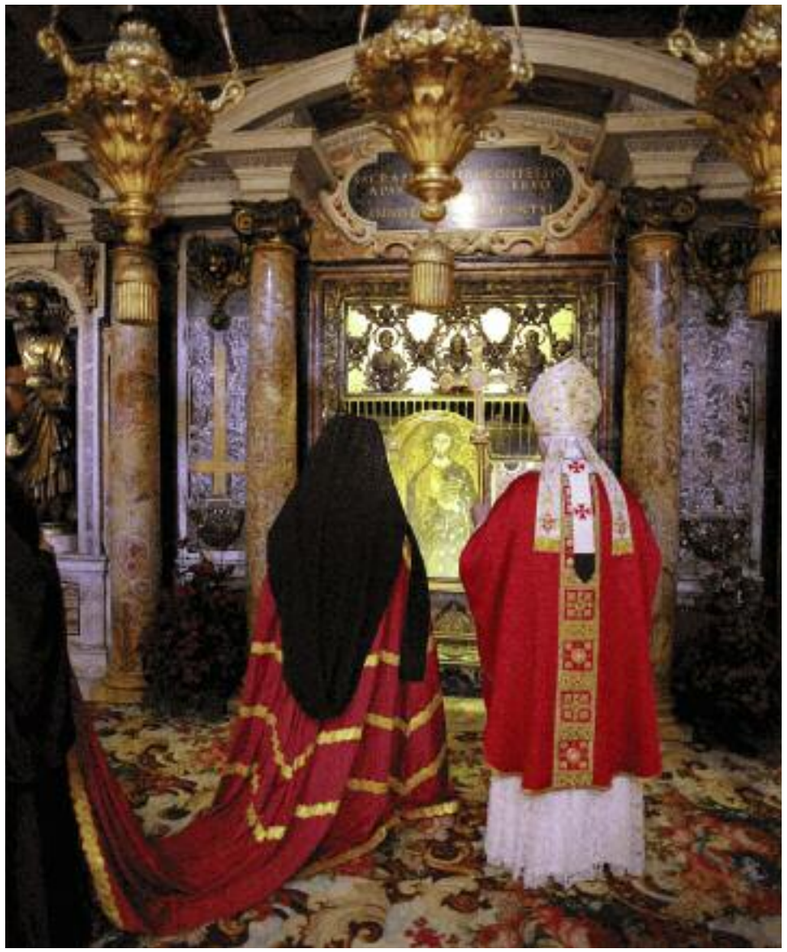
Но только не потакай его усталому стремлению помешать этому возрождению.

Византизм как агония

В силу известных аналогий интерес к такой достаточно вторичной в исторической сознании теме, как судьба Византийской империи, наверное, на некоторое время будет заметно активизирован. И в общем-то это, конечно, хорошо. Это хорошо как потому, что тема сама по себе достаточно интересная и романтическая, так и потому, что действительно есть из чего извлекать определенные уроки. Ну, действительно, была Римская империя, основа нынешней европейской цивилизации, империя, наполненная пафосом и героизмом, со всеми своими культурными достижениями – и пала, предварительно разделившись на две половины.

Обе эти половины пошли разными путями – и обе пали. Есть простор и для анализа, и для сравнений, и для рефлексий.

Два пути – и оба привели к поражению. Та часть, которая пала раньше, практически возродилась в виде последующей европейской цивилизации, а та, которая стояла еще тысячу лет, ушла в историческую па-



Западному христианству удавалось вновь и вновь переносить имперское пламя на новые народы, из которых многие в некой исторической очереди перенимали эстафету имперского строительства. Восточное христианство шаг за шагом теряло народы, подпадавшие под его влияние.

Павел Рыженко. Валаам. 2001

Российский Третий Рим – это не возрождение Второго, Восточного, а создание совсем нового. Мусульманский Стамбул в каком-то смысле (но в каком-то) куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой во многом вообще другого мира.

мять. Поскольку все же российский Третий Рим – это не возрождение Второго, Восточного, а создание совсем нового. Мусульманский Стамбул в каком-то смысле (но в каком-то) куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой во многом вообще другого мира.

Падение Византии и все проблемы так и не поднявшейся еще из глубины падения 90-х годов России – в чем-то дают повод для сопоставлений.

Но все же – это очень разные сюжеты.

Реминисценции на тему того, как могла пасть такая славная византийская цивилизация, заведомо затушевывают тот простой факт, что все ее существование есть история ее падения. Высшая точка ее могущества – это шестой век, правление Юстиниана, когда ему удалось не только закрепить внутреннее положение державы, но и вернуть ей многие земли прежней Римской империи, захваченные варварами.

Но этот век – это собственно еще не Византия, это – Восточная Римская империя. Затем опять шаг за шагом у нее начали отбирать ее владения. Лангобарды отобрали разоренную войной Италию, арабы – Ближний Восток и Африку.

Вот здесь и началась история собственно Византии. Если Восточная Римская империя – это боровшаяся за свое восстановление Римская империя – и боровшаяся вполне достойно, хотя иногда и с общим негативным результатом, – то Византия – это обворованная Восточная Римская империя. Она уже – вообще не Римская, а скорее Греческая империя. Но греки в свое время потому и уступили первенство Риму в основанном ими мире, что не были готовы сохранять наследие своего героического периода, удержать завоевания Александра Македонского. И для того, чтобы наследовать его могущество, потребовался Юлий Цезарь.

Облагороженный эллинистической культурой, Рим век за веком расширял свои границы. Византия, опиравшаяся на эллинистическое наследие в соединении с христианством, век за веком теряла свои территории.

И Западная, и Восточная Римские империи присягнули христианству. Запад пал, Восток тысячу лет противостоял падению.

В чем было различие? Во многом. Но в большой степени в том, что Константинополь опирался на зону развитого позднего эллинизма. И когда более молодые народы начали отбирать у него эту зону, уже они черпали из нее свою силу.

Что такое халифат? Взбодренный энергией молодого арабского этноса мир эллинизма.

Когда иссякли силы Византии в ее противостоянии собственному упадку? Когда она утратила эллинистические территории и эллинистическое наследие.

Когда после ударов арабов Византии удалось возродиться и вернуть себе Ближний Восток? Когда к власти пришли представители классических зон эллинистического наследия – сначала Исаврийская, а потом Македонская династии.

Когда начался новый упадок? Во времена сначала Комнинов, а потом Палеологов – то есть во времена правления аристократии центральных греческих зон.

Есть при определенном настрое мысли известный соблазн объяснить то, что сохранял Константинополь из своих успехов, соединением Римской государственности и Христианской церкви.

В основном этот соблазн опирается в лучшем случае на опыт Юстиниана. Хотя тоже с определенными вопросами. Но величие Юстиниана тратилось уже его наследниками.

Когда в 717–718 годах арабы в третий раз осадили Константинополь, его спасение можно, конечно, приписать молитвам верующих. Но, скорее всего, оно все-таки было связано с болгарскими войсками, при-

Христос, благословляющий Константина Багрянородного. Около 945

К Македонской династии принадлежал и знаменитый Константин Багрянородный. Именно на время правления этой династии выпало крещение Руси – пожалуй, единственный серьезный успех Константинопольского патриархата.

1204 год, взятие Константинополя крестоносцами – а не взятие его турками двумя с половиной веками позже – можно считать годом падения империи. Восстановленная в 1261 году Византия Палеологов – это уже явная пародия.

шедшими на помощь своему союзнику. В этот период вообще именно славяне спасали империю и дали ей несколько лишних веков жизни.

В V–VI веках Восточная Римская империя выстояла и окрепла не столько за счет истовой веры, сколько за счет того, что именно на Востоке была сосредоточена масса еще свободных крестьян, ставших основой армии Юстиниана. Точно так же в VII–VIII веках ранее потрепавшие империю славяне, прорвав оборонительные рубежи, заселили Балканы и пополнили свободное крестьянское население, а следовательно – основу ее новой армии.

Лев III Исавр и его преемники обеспечили безопасность империи. Но при этом вступили с Церковью в почти столетний конфликт, когда они поняли ее бесполезность для дела защиты страны. Если в тот момент в Византии Православная церковь в чем-либо и сыграла роль, то, пожалуй, в том, что, с одной стороны, стала прибежищем аристократической оппозиции сильной императорской власти, а с другой – своим непониманием настроений народа вызвала массовое движение павликиан, потрясшее вновь основы государственности.

Последний славный период расцвета Византии – это Македонская династия (от середины IX века до середины XI века), то есть примерно до раскола Западной и Восточной церквей. Но эта лебединая песня империи основывалась не на преодолении конфликта между иконоборцами и иконопочитателями, а скорее на капитуляции Церкви перед светской властью.

Но капитуляция Церкви, прекращение ее сопротивления императору как раз и создали – вместе с расцветом торговли и попытками новой династии защитить имущественные интересы свободных крестьян – основу последнего относительно успешного периода. В ту пору Константинополь еще более укрепился как торговый центр, а Македонцы возвратили Кипр, Крит, Сирию с Антиохией и Балканы, присоединив Сербию и Болгарию. Балканы, между прочим, возвратили себе с помощью древнерусских языческих дружин.

Тогда же имел место и последний расцвет культуры Византии. Кстати, к Македонской династии принадлежал и знаменитый Константин Багрянородный. Именно на время правления этой династии выпало крещение Руси – пожалуй, единственный серьезный успех Константинопольского патриархата.

А затем наступил растянувшийся еще на четыре века конец.

В 1057 году к власти пришла династия Комнинов.

И пошли потеря за потерей. До 1204 года Византия Комнинов агонизировала в противостоянии и исламу, и католичеству. 1204 год, взятие Константинополя крестоносцами – а не взятие его турками двумя с половиной веками позже – можно считать годом падения империи. Восстановленная в 1261 году Византия Палеологов – это уже явная пародия. Даже уния 1439 года с Римом не смогла продлить ее существование. И 29 мая 1453 года – это не падение Византии, а скорее восстановление

Борис Ольшанский. Твой щит на вратах Цареграда. 2006

Восточной Римской империи под властью полумесяца. Как говорил командующий византийским флотом Лука Нотара: «Лучше видеть в Константинополе турецкую чалму, чем папскую тиару».

Кстати, турки лишь потому не взяли Второй Рим еще на пятьдесят лет раньше, что Баязида разгромил Тимур, а затем наследники султана несколько десятилетий выясняли между собой, кто именно из них получит честь овладеть им.

Не хочется излишне абсолютизировать предлагаемую провокационную точку зрения, отличающуюся от традиционной трактовки. Но ведь получается, что христианская религия если что-либо и делала в плане ее взаимоотношений с римской цивилизацией, то только лишь способствовала ее ослаблению и разрушению. Во всяком случае – Восточная христианская церковь. Рим

Тысяча лет Византийской империи – это тысяча лет ее агонии. И в этом смысле византизм – именно византизм, а не остаточный эллинизм и Восточный Рим – это агония, причем не просто агония, а агония как концентрированная идея умирания, отказавшегося от обновления и развития.

успешно крестил народы Европы и одного за другим превращал их в носителей имперской идеи, Константинополь может похвастаться только крещением славян и наследовавшей ему Россией.

Это – немало. Это – даже много.

Но папы сохранили Рим, а патриархи не сохранили Константинополь.

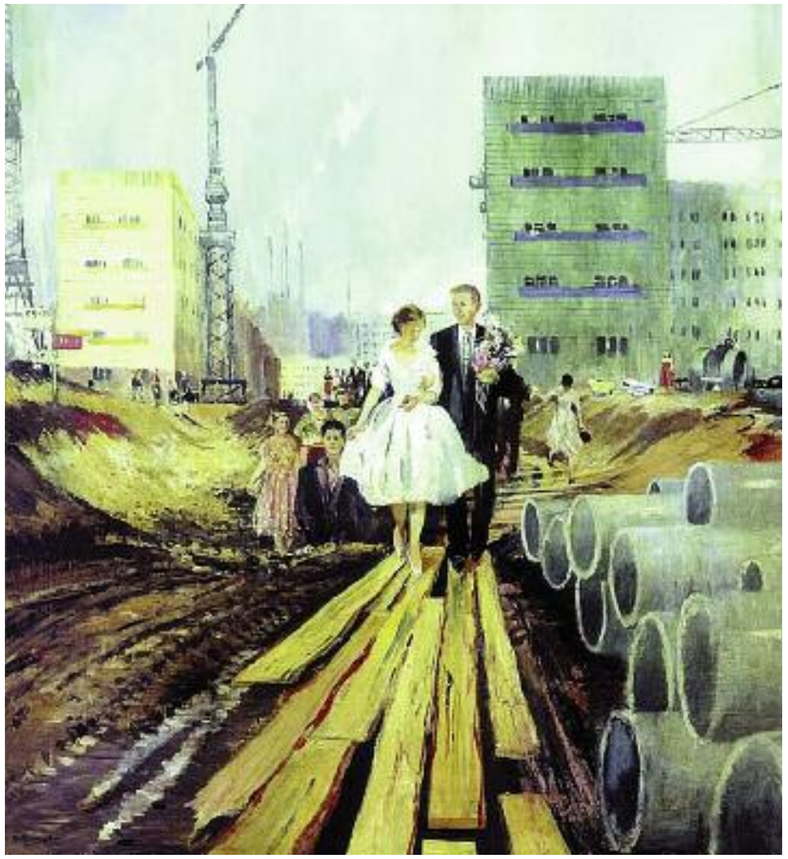
Все народы, пытавшиеся прибегнуть к защите Византии и ее патриархов, оказались в иноземном и иноверном порабощении.

Собственно одно, пожалуй, счастливое исключение – это Русь. И то, возможно, потому, что, быстро смекнув, что к чему, Ярослав Мудрый дал понять патриархам, что он о них думает, назначив своей властью Илариона первым русским митрополитом.

Тысяча лет Византийской империи – это тысяча лет ее агонии.

Можно при желании полагать, что эта тысяча лет – время чудесного стояния Восточной христианской церкви в борьбе с иноверцами.

Может быть, это тысячелетие, когда, теряя силы и лишаясь источников их пополнения, мир позднего эллинизма удерживал остатки древней цивилизации в борьбе с насту-



Юрий Пименов. Свадьба на завтрашней улице. 1962

В противопоставлении проекта – жизни в первом случае ты живешь «для того, чтобы», а во втором – «потому, что». Первое требует напряжения – второе ничего не требует. С очень большой долей условности можно сказать, что именно в империях живут народы, а вне их – в лучшем случае нации.

павшим варварством – одновременно это варварство цивилизуя?

И в этом смысле византизм – именно византизм, а не остаточный эллинизм и Восточный Рим – это агония, причем не просто агония, а агония как концентрированная идея умирания, отказавшегося от обновления и развития.

Кстати, что в истории России есть отбрасывание принципа византизма? Петр Великий. А что есть обращение к этому принципу? Николай I.

То есть, в конечном счете, верно, что обращение к истории гибели Византии имеет смысл и основание как вообще, так и с точки зрения современной русской истории. Только, как было в данном случае эскизно показано, выводы из такого обращения можно сделать противоположные.

Народ и империя

Есть простой способ их уничтожить: противопоставить. Как только мы зададим вопрос, что важнее – народ или империя, мы встанем перед вполне естественным и обоснованным соблазном признать, что народ важнее. Потому что люди, в конце концов, всегда важнее учреждений, государства, тех или иных структур, которые и создаются-то только для того, чтобы служить людям.

Признав же, что народ важнее империи, мы заявляем о готовности жертвовать империей ради народа. То есть, если возникает устойчивое мнение, что народ более не хочет жить в империи, мы говорим, что империя необязательна, что для того, чтобы малые народы могли отделиться, а большой имперскообразующий народ мог бы отдохнуть, можно отказаться от существования империи.

В данном случае сознательно используется термин «народ», а не «нация» или «этнос». Чтобы уйти от нынешних споров, в которых делаются попытки без особых опровержений отбросить простую истину, что нация – не вечная категория, а историческая общность, в которой главным является экономический компонент. То есть нация – это лишь то, что существует последние 400–500 лет. Строго говоря, нация – это субъект буржуазной модернизации. Тот, кто отстаивает вечность существования нации, отстаивает вечность существования капитализма.

Разумеется, националисты этого никогда не признают и будут спорить с этим до потери пульса. Чтобы не углубляться в этот спор, речь и ведется о народе. Точно так же неточно было бы говорить об этносе, потому что это сужало бы понятие до племенного уровня, до уровня только биологической общности. Термин «народ» в данном случае используется как более отстраненный, общий и относительно бесспорный.

Итак, если народ важнее империи, то от империи можно отказаться, лишь бы было хорошо народу: не пришлось бы гибнуть в войнах за целостность империи либо не потребовалось бы подавлять тягу к иной форме существования, когда он в какой-то момент не захочет больше жить в империи.

Илларион Прянишников. Шутники. Гостиный двор в Москве. 1865

Народ, отказавшийся от проекта, в лучшем случае остается населением. Потому что проект, кроме всего прочего, есть еще и идентичность народа, и его смыслы, и все то, за что составляющие его люди готовы умирать. Народ состоит из людей. Население – из биологических особей.

Если народ – нечто биологическое, скрепленное исключительно (или в первую очередь) законами генетики, а империя – лишь империя-1, то есть большое многонациональное государство, основанное на завоеваниях, это относительно понятно. Хотя на самом деле и в такой империи народ, кладя свои головы за экспансионистские устремления элиты, в определенной – и немалой – степени получает весьма существенную плату в виде повышения собственного благосостояния за счет богатств, извлекаемых из колоний. Так, расцвет Британской империи во второй половине XIX века позволил ей избежать революции, поскольку дал средства откупиться от экономических требований рабочих.

Но дело, в конце концов, не в этом. Все-таки сегодня, когда в тех или иных спорах или рефлексиях используется слово «империя», речь идет не об «империалистском государстве», а об обширном государстве, объединенном проектом. То есть в первую очередь вообще о такой характеристике, как проектное существование.

И если мы ставим вопрос, что важнее – проект или народ, баланс уже оказывается не таким определенным.

Да, в любом случае для народа всегда по-своему важнее всего жить, существовать. И если принести народ в жертву – империи или проекту, – народа просто не будет.

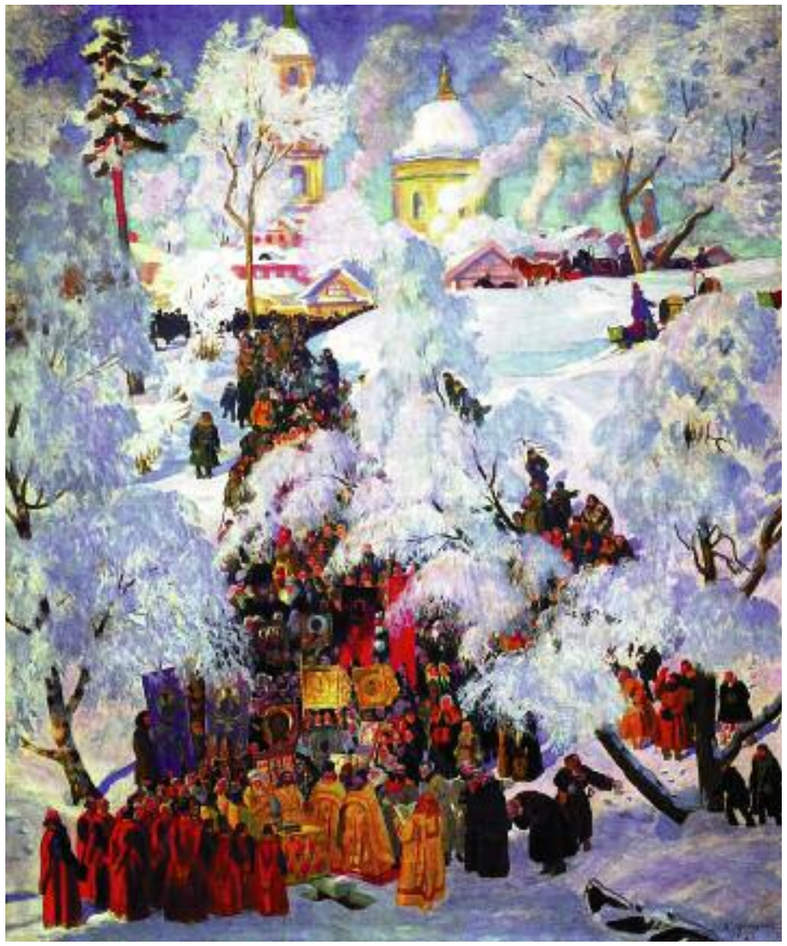
Но в том-то и есть некое противопоставление проекта – жизни, что в этом противопоставлении, насколько оно вообще осуществимо, в первом случае ты живешь «для того, чтобы», а во втором – «потому, что».

Первое требует от тебя напряжения – второе ничего не требует.

С очень большой долей условности, но можно все же сказать, что именно в империях живут народы, а вне их – в лучшем случае нации.

То есть отказ народа от империи – это действительно его превращение в нацию. И это

будущее в прошлом



Борис Кустодиев. Зима. Крещенское водосвятие. 1921

Раз возникнув, империи и проекты обладают большей ценностью, нежели их создатели. И гибель народа – что страшно – уже не равнозначна гибели проекта. Потому что, возникнув, проект существует как вариант мироустройства, он сам есть инобытие мира, его потенциальная реальность.

есть в известном смысле смерть народа. Потому что в таком случае уходит вот это самое «для того, чтобы».

Как человека от животного, в конце концов, отличает то, что у него есть нечто, за что он в принципе может умирать, нечто большее его биологического существования. И потому человек, отдавший жизнь за это свое большее, есть человек, а человек, отказавшийся от большего, есть животное. Народ, отказавшийся от проекта, в лучшем случае остается населением. Потому что проект, кроме всего прочего, есть еще и идентичность народа, и его коллективное «Я», и его смыслы, и все то, за что составляющие его люди готовы умирать. Народ состоит из людей. Население – из биологических особей.

И когда идентичность народа выводят из законов наследственности, а не из проекта, культуры, смыслов, традиций, как и их развития, обращенности в будущность, народу отводят роль совокупности биологических особей.

Вполне резонен вопрос, почему собственно лишь империя признается формой существования проекта? Почему такой формой не может быть некое малое достойно существующее государство, где мирно и спокойно проживает одна относительно небольшая нация, верящая в своих богов и чтящая свою традицию?

В известном смысле – может, потому что иначе всех жителей подобных стран пришлось бы отнести к животным, что, конечно, несправедливо.

Но тогда, на самом деле, мы имеем два варианта.

Либо перед нами государство-заповедник – государство, которое мировые держатели проектов сохраняют как некое подобие домашних животных или рекреационных зон отдыха хозяев проектов. Призыв создать «Республику Русь» где-нибудь на базе Суздаля или Звенигорода (или даже «пяти русских областей») – и есть призыв к такому существованию в качестве экзотики для туристов. Кстати, экзотики, довольно сытной. То есть, по большому счету, это никакие не «национальные государства» – это туземные бандустаны.

Либо в другом случае – это тоже никакие не «национальные государства», это автономные зоны того или иного большого проекта. То есть – чужой империи. Империя – она на то и империя, чтобы в ней могли существовать вассальные княжества и герцогства.

В этом отношении призыв к отказу от империи и созданию из ее осколков «национальных государств» – это призыв принять чужой проект и стать относительно автономной территорией чужой империи.

Нужно отметить еще два нюанса. **Первый** – почему национальное государство не может быть самодостаточным, выступать обладателем собственного проекта. И **второй** – почему империи необходима многонациональность.

Если народ является обладателем проекта, возникает вопрос о качествах этого проекта. Проект – это некая претензия на универсализм, это представление миру модели бытия, претендующей на некую абсолютность и высшую истинность. И эта претензия либо должна подтверждаться, либо опровергаться. Проект измеряется, в частности, степенью готовности людей умирать за него. И его значимость должна быть подтверждена. В частности тем, готовы ли и другие народы принять его и умирать за него.

Если да – проект получает подтверждение в виде принятия его другими. И тогда он не может быть моноэтническим или мононациональным (если речь не идет о некой полиэтнической сверхнации наподобие советской).

Если проект остается уделом лишь одного народа – значит, он непривлекателен, не обладает универсализмом и никому кроме этого народа не нужен. И тогда он не проект, а устав заповедника.

Проектность подтверждается многонациональностью – то есть привлекательностью и для других. И получая такое подтверждение, проект доказывает, что он способен к интеграции, что он больше, чем исключительные особенности одного народа. Любая самая оригинальная и интересная культура одного народа может быть всего лишь исторической случайностью. Проект, объединяющий многие народы, – всегда закономерность существования мира и полноценный вариант его бытия.

Он может не быть единственным, а, столкнувшись с другим проектом, погибнуть в борьбе. Но, приняв участие в такой борьбе, он уже доказывает свое право в принципе быть вариантом устройства жизни для всех.

Когда же мы говорим, что народ важнее империи и что народ не может приноситься в жертву отвлеченным химерам, мы лишь признаем, что видим химеру в смыслах как таковых, и не признаем существования ценностей, за которые готовы отдать свою жизнь. То есть – не признаем себя людьми.

Народы создают империи. Конечно, в рамках этих народов есть классы, и, в конце концов, проекты народов – это проекты доминирующих в них классов. Но это – другая сторона дела. Приняв проект того или иного класса, народы, следуя им, создают свои империи. Ни проект, ни империя не могут возникнуть без народа-основателя. В какой-то момент тот или иной народ может отказаться от своего проекта и устать держать свою империю.

Но, раз возникнув, империи и проекты обладают большей ценностью, нежели их создатели. И гибель народа – что страшно – уже не равнозначна гибели проекта. Потому что, возникнув, проект существует как вариант мироустройства, он сам есть вариант, инобытие мира, его потенциальная реальность. А потому равновеликим проекту становится уже не народ, тем более упавший до уровня населения, а мир.

Причем если что-либо и способно поднять народ, отрекшийся от собственного проекта – то есть от своей идентичности, – обратно до прежнего уровня, то это лишь сам проект. И в этом смысле проект, или империя – это душа народа, а население – его тело. Народ, отрекшийся от проекта, – это тело, отрекшееся от души.

Говорить, что народ важнее империи, – это все равно что сказать, допустим, что жизнь человека – важнее его свободы, достоинства и чести.

Пресловутая и мерзкая фраза времен горбачевщины: «Ничего нет важнее жизни человека», – в конце концов, означала одно: ее авторы оправдывают спасение жизни ценой любой мерзости и любого предательства.

Если жизнь важнее всего, то куда лучше гнить рабом на похлебке, которую приносит надсмотрщик, чем погибнуть, восстав против рабства.

Только, как правило, те, которые говорят такие вещи, рассчитывают не на место раба, а, как минимум, на место капо в бараке – место, которое им определят в оплату за их обоснование собственной капитуляции.

Точно так же и те, которые зовут к отказу от империи ради процветания в «национальном бантустане», подобно коллаборационистам времен Второй мировой, всего лишь рассчитывают на роль главы местного туземного самоуправления – роль, которую им выделят эмиссары другой империи.

Империя – это не ругательство. Империя – это определение. Жизнь в рамках проекта. Жизнь, наполненная ориентирующими смыслами. Империя есть там, где имеется проект, претендующий на универсализм. Там, где люди живут в рамках проекта, они становятся народом. Там, где они от него отказываются, они обращаются в население. А народ, отказавшийся от имперского призвания и имперскообразующего вызова, перестает быть народом. Теряет права народа. И потому – теряет права субъектности, обретая исключительно обязанности объекта субъектных притязаний на имперское строительство иного народа, который от таких прав и от такого призвания не отказался.

Александр Никитич Севастьянов – кандидат филологических наук, член Союза писателей и Союза журналистов России, член редакционного совета журнала «Вопросы национализма», автор многих книг, среди них: «Национал-капитализм», «Национал-демократия», «Итоги XX века для России», «Русская идея, век XXI», «Время быть русским!», «Россия – для русских!», «Этнос и нация», «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса», «Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев», «Уклоны, загибы и задвиги в русском движении»

В подражание или в назидание: для чего нам нужен **византийский опыт**

История засорена обломками государств, которые пытались совместить различные этнические, лингвистические либо религиозные группы в пределах одной верховной власти.

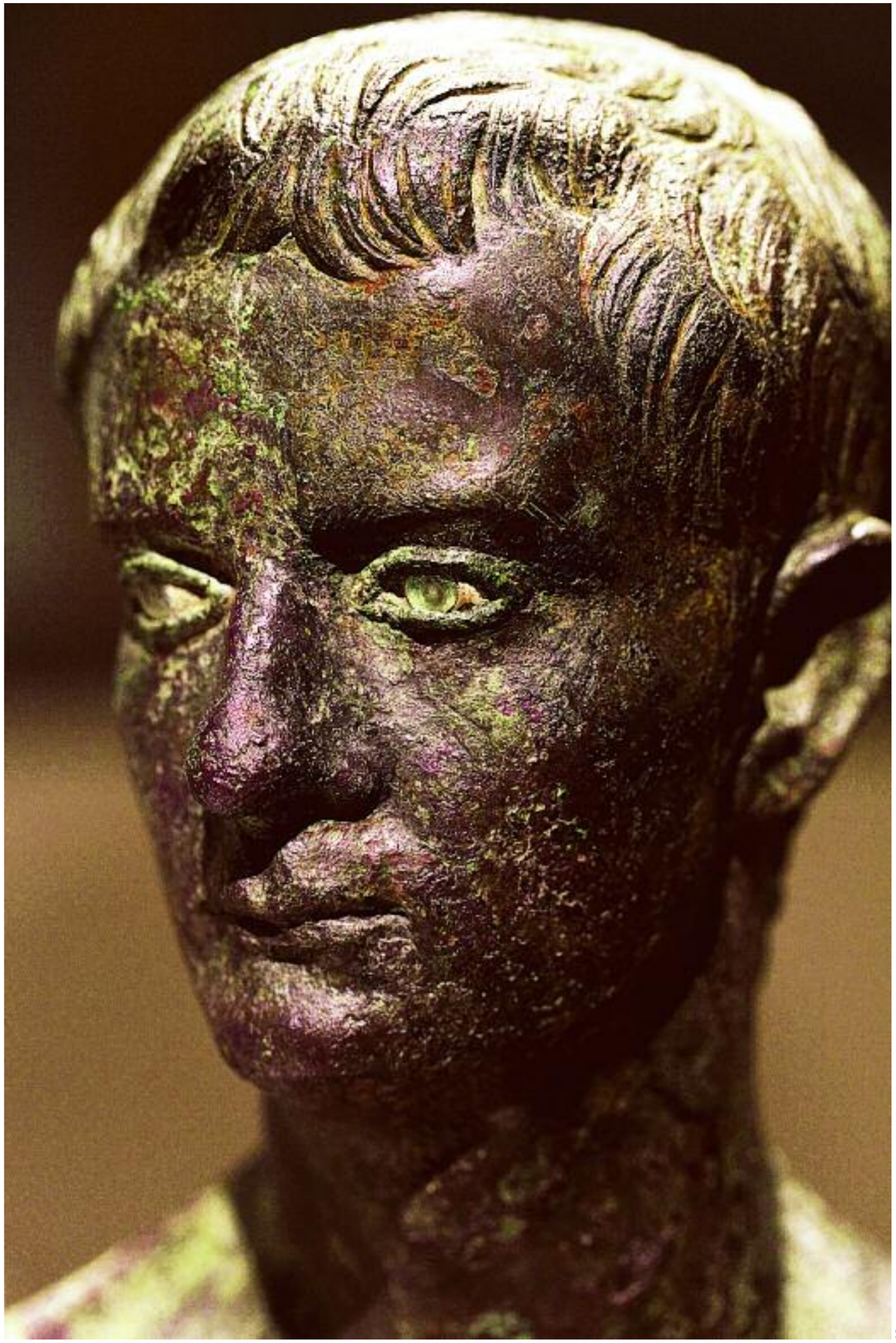
Артур Шлезингер-младший

Нация и Государство – вот коренной вопрос, который в первую очередь встает в раздумьях о византийском опыте. Сама история поставила поистине бесценный эксперимент длиною в тысячу лет, призванный его разрешить.

Но собственно в чем данный вопрос состоит?

Я хочу предложить его в такой постановке, которая больше всего должна волновать русское общество после распада Советского Союза. А именно: сохранимся ли мы, русские, как нация, сохранив при этом свое государство? Не повторим ли мы злую и печальную участь ромеев, потерявших и государство, и судьбу? Отжили ли мы уже как этнос отмеренный

Когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой национальности заправляют делами в государстве и «угнетают» его.



Калигула

Клавдий

Преемник Калигулы Клавдий охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменникам – грекам и варварам.

нам исторический век и готовимся ли сойти со сцены – или у нас есть шанс продлить собственное существование, в то же время не попав под чуждое владычество, как это произошло со многими народами Византийской империи?

Своеобразный историк и историософ Лев Гумилев полагал, будто весь процесс от зарождения до гибели этноса (он почему-то называл этот процесс этногенезом) занимает в среднем 1200–1400 лет. Этот период он объявил нормой. Однако, присмотревшись, мы легко убедимся, что на самом деле судьбы народов гораздо более разнообразны и часто не укладываются в приведенную схему.

Прежде всего обращают на себя внимание этносы, мелькнувшие, как метеоры, по небосклону истории и мгновенно погасшие, этносы-эфемериды, этносы-однодневки (по историческим меркам, разумеется, то есть жившие несколько столетий в лучшем случае). С другой стороны, мы можем наблюдать этносы, срок жизни которых в несколько раз длиннее того периода «этногенеза», что отпустил им Гумилев. Принимая эти факты к рассмотрению, мы должны, конечно, иметь в виду, что этнос, вопреки учению Гумилева, вовсе не поведенческий стереотип, а биологическое сообщество, связанное общим происхождением, имеющее общую генетику и общую «семейную историю».

Гибель этноса, происходящая подчас очень быстро, на памяти одного поколения (так погибли, например, хазары, могикане или тасманийцы), не бывает случайной. Она, как правило, оказывается следствием накопившихся этнополитических ошибок. Неважно, сознательно они совершались или нет. Эти ошибки порой настолько наглядны и разительны, что мы вправе говорить в таких случаях об этносах-самоубийцах, добровольно устремлявшихся навстречу собственной гибели.

Напротив, есть этносы, историческое существование которых исчисляется многими тысячелетиями (к примеру, китайцы, индоарии, евреи, древние египтяне), хотя и они порой вставали на грань жизни и смерти и подвергались угрозе исчезновения. Мы вправе предположить, что некогда эти этносы-долгожители сумели нащупать во тьме грядущего верный путь, сумели разгадать секреты выживания. Сумели открыть – быть может, стихийно – законы науки этнополитики. Наградой за что и стала исключительно долгая жизнь, устремленная в будущее.

Что же будет с нами, русскими?

Весь XX век русскую нацию ломали об колено, порабощали и уничтожали разные народы, используя при этом, увы, огромную социальную энергию восставших русских масс, которые предпочли классовую солидарность – солидарности национальной. Результат вполне закономерен: утратив и пока не восстановив свою элиту, мы встали на пороге вымирания и деградации.

Мы, русские, находимся сейчас в положении неустойчивого равновесия, пройдя в истории как раз такой путь, чтобы либо умереть, исчезнуть, либо учесть чужой опыт (да и свой тоже), составить верный рецепт выживания и долгожительства – и жить дальше. Разделим мы участь хазар или аваров (это их наши летописи ставят в отрицательный пример – «погибоша, аки обре») или сумеем продлить нашу историю еще на пару-тройку тысячелетий – вот вопрос сродни гамлетовскому «быть или не быть».

Хочется верить, что мы ответим – «быть».

Но мало просто ответить. Надо приложить усилия в нужном направлении, чтобы утвердить такой ответ в реальности. А для этого надо знать, где оно, это направление. Необходима хотя бы краткая летопись роковых этнополитических ошибок и гениальных этнополитических достижений.

В этой летописи Византии принадлежит особое место, так как Россия считается преемницей империи ромеев. Находятся и такие, которые ставят нам Византию в пример. Считают ее образцом для подражания.

Я стою на прямо противоположных позициях. А почему – постараюсь объяснить.

Для этого необходимо погрузиться в историю. И постичь, как и почему возникла, жила и погибла Византия.

Темпы процесса этнического размывания римского гражданства стремительно ускорялись. Наконец, в 212 году император Каракалла даровал права римского гражданства практически всему свободному населению Римской империи.

Фрагмент мозаики из храма Святой Софии. XI век

В кругу византологов сложилось мнение о «византинизме» как духовном феномене, выражавшем некую духовную общность Второго Рима. Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться.

Что Второй Рим унаследовал от Первого

Свободой Рим возрос,
а рабством погублен.
Александр Пушкин

Очень важно понять: никто и никогда специально не создавал Византию. Византия – всего лишь зараженный тленом обрубок сгнившей Римской империи. Когда Рим уже шел ко дну, Восточная Римская империя отделилась и потому спаслась. Это был способ уцелеть, сохранить старое, а вовсе не создать новое. Хотя в дальнейшем не прекращались попытки создать это новое, но ничего прочного так и не получилось: империю все время трясло, как в лихорадке, а спасало (до поры) каждый раз какое-нибудь чудо – счастливое стечение обстоятельств.

Будучи относительно богатой и удачливой страной, Византия протянула, догнивая, всего чуть более тысячи лет, но весь этот срок ее терзали внешние нашествия и внутренние неурядицы. Она то распадалась, то вновь собиралась, все сокращаясь в границах и возможностях, лишь временами отнимая у еще более слабой Западной Римской империи части ее владений, но затем опять их теряя, – пока не утратила все без остатка, включая столицу и имя.

Тысяча лет агонии – так и только так следует характеризовать ее бытие.

Какую гнилость я имею в виду? Какие болезни получил Второй Рим в наследство от Первого?

Если говорить упрощенно, Византия унаследовала общество, лишенное естественной иерархии – национальной и социальной. И еще усугубила в своем кратком существовании оба недостатка.

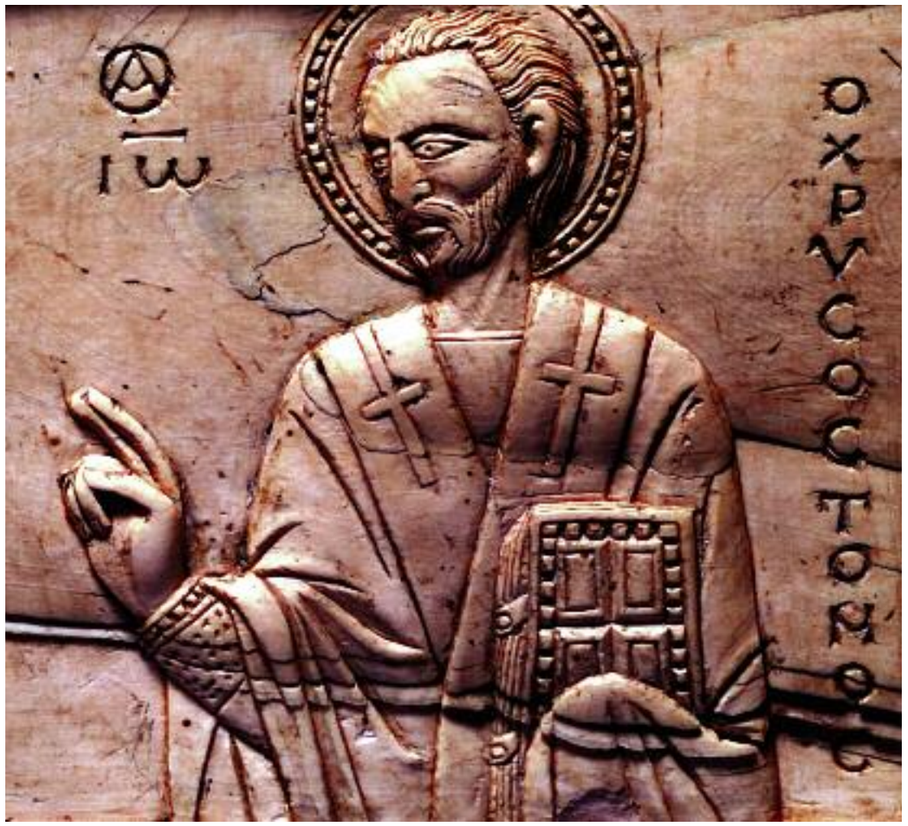
Любое здоровое биологическое сообщество естественным образом подразделяется на четыре группы – высокоранговые особи, средневысокоранговые, средненизкоранговые и низкоранговые. Эти группы распределяются по «кривой Гаусса»: минимальное количество по полюсам, максимальное – между полюсами. В мире есть единственное идеальное человеческое общество, мудро организованное в соответствии с этим законом природы. Это разделенная на четыре основные варны (касты) Индия, хотя в XX веке разложение коснулось уже и ее. Подобное устройство явилось залогом социальной стабильности полуострова на протяжении более двух тысяч лет.

Таким был когда-то и Рим периода республики. «Сенат и народ правят Римом» – в этом слогане было отражено мудрое государственное устройство. Аристократическая олигархия (элита) вела страну по пути побед и успехов, а единокровный ей, плоть от плоти, народ имел твердые гарантии того, что этот путь обеспечивает и его конечное благо. Относительно небольшого количества рабов хватало для обслуживания всех слоев общества.

Мину под это правильное устройство подложило рабовладение, неуклонно расширявшееся вследствие военных побед и изменявшее социальные и национальные пропорции государства. Абсолютное большинство рабов были инородцами, представителями этносов, побежденных римским оружием. Однако, в отличие от индоариев, изначально превративших покоренных дравидов навечно в шудр и организовавших свою (и их!) жизнь по имевшим религиозную силу законам Ману, древние римляне не закрепили кастовое деление общества. Не догадались на уровне религии сделать неизменяемой социальную принадлежность хотя бы только высокоранговых и низкоранговых слоев.

Что получилось в результате? Уже в I веке нашей эры вольноотпущенников в Риме было так много, что Тацит заметил: «Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорожденных». Императоры, ведя вечную борьбу с аристократией, охотно опирались на этот слой, национально, как правило, чуждый и даже враждебный (представители побежденных и порабощенных народов, как-никак) римскому этносу. В такой борьбе императоры находили союзников и среди римских плебеев. Недаром, когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой национальности заправляют делами в государстве и «угнетают» его: пролетарии не имеют не только отечества, как заметил Маркс, но и национальности. Лишь бы не своя родная, хорошо знакомая и ненавидимая всей душой аристократия! Вот как смотрели на дело простые римляне.

Впрочем, что представляли собой к тому времени «простые римляне»? Этническое наполнение этого слова-символа непоправимо изменилось – и продолжало изменяться все сильнее с каждым десятилетием. Особенно с установлением власти императоров, для которых национальная принадлежность их подданных не имела принци-



Иоанн Златоуст

После провозглашения христианства единственной религией всей империи Феодосием Великим можно припомнить много проявлений болезней религиозного роста Византии – хотя бы драки ревнителей христианства с остальными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте!

Монета императора Льва Исавра. VIII век

Истоки иконоборчества следует искать в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две – иудаизм и ислам – отвергают всякое идолопоклонство.

пиального значения, как им казалось, в отличие от их количества. Преемник Калигулы Клавдий охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменникам – грекам и варварам, за что его клеймил в стихах Сенека. Но голос философа был бессилен что-либо изменить. При его воспитаннике Нероне в Риме чужеземцев было уже больше, чем коренных римлян. Темпы процесса этнического размывания римского гражданства стремительно ускорялись. Наконец, в 212 году император Каракалла даровал права римского гражданства практически всему свободному населению Римской империи.

Пали последние рубежи, произошел качественный скачок, сменился – ни много ни мало – субъект истории. На смену бывшей римской нации времен республики пришло римское согражданство. Рим окончательно перестал быть Римом, а римляне – римлянами. Римом стало некому гордиться, Рим стало некому любить, некому защищать, ведь вся эта масса «римских граждан», за исключением уже немногочисленных и не сохранивших свою породу потомков жителей Лациума, была связана с гордым именем лишь номинально. Для абсолютного большинства подданных Рим ассоциировался с насилием, войнами, угнетением, с вековой борьбой их собственных этносов против Рима... Что же им было любить, защищать, чем гордиться? Попользоваться благами римского гражданства – это за милую душу, но умирать за Рим?!

Одновременно с размыванием этнической основы Рима закономерным образом шла его культурная деградация. Это коснулось главного – веры, языка, искусства. В столице Ойкумены утвердилось множество иноземных культов, особенно восточных. Тацит по этому поводу досадовал, что в Рим «отовсюду стекается все наиболее гнусное и негодное», причем именно в столице империи все это «находит приверженцев». Последние великие произведения римской литературы относятся к рубежу нашей эры, что неудивительно, поскольку латынь перестала быть национальным языком истинных римлян. Язык умер заживо, он перестал жить живой жизнью породившего его народа, превратившись в чисто служебное средство межнационального общения. Из латыни, образно говоря, вынули душу (то же самое сегодня происходит с русским языком, так что много объяснять здесь не приходится). В этнически смешанном обществе сам собою выродился и художественный вкус, зримо упало великое античное искусство архитектуры и скульптуры, особенно скульптурного портрета: в нем начали доминировать явно дегенеративные типажи – результат расово-этнического смешения.

Слом национальной, этнической иерархии сопровождался в императорском Риме доламыванием и социальных перегородок, установлением пресловутых «социальных лифтов» (совершенно противоестественным, уродливым и зловредным явлением, порожденным инородческими элитами). Процесс затронул и сам институт императоров, в результате чего на римском троне стали возникать фигуры странные и чуждые традиционному римскому обществу. Попросту сказать, инородцы и маргиналы.

Фрагмент мозаики из храма Святой Софии. XI век

Не стало центра, не стало государствообразующего этноса – римлян. Некому и незачем стало все держать, сопротивляться разложению и внешней экспансии. «Новые римляне» уже не видели особой разницы между собой и варварским миром и готовы были слиться с ним в одно целое. Что и произошло в 476 году, когда варвар Одоакр овладел властью в Риме и стал править Италией. Византию породил Рим, а отделили – урвали для себя – августы-правители, чем спасли ее от участи Западной империи. В борьбе с готами и гуннами Восточная империя поплатилась лишь временными потерями. Но при этом Византия – Второй Рим – унаследовала, впитала в себя все, чем был гнусен Первый Рим эпохи упадка. Из этого упадка, как из помойной ямы, она и произрастала, с него началась.

Без хозяина

Всяк сущий в ней язык...
Александр Пушкин

Никакой «византийской нации» никогда не было. Было

Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну.

византийское согражданство. И была страна, разноплеменным согражданам которой временно было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они платили огромные налоги (а куда денешься?), содержа наемные войска и откупаясь золотом и шелками от нашествий врагов.

Какой народ создал Византию? Такого народа не было и нет.

Византия доживала и дожевывала остатки двух великих империй – Александра Македонского (породившей некогда феномен эллинизма) и непосредственно Римской. Но к моменту, когда Византия начала самостоятельный путь в истории, ни эллинов, ни римлян в их настоящем значении уже давно не существовало.

Какие же скрепы удерживали эту страну от распада в течение тысячи лет? Среди них мы не найдем главную – единый государствообразующий народ. Византия изначально не имела этнического стержня. Нам иногда подсказывают: это, мол, были греки. Но это неправда. Греки составляли лишь небольшой сегмент в народонаселении Византии и никогда даже не пытались ее создавать. Они только научились в ней выживать, используя центральное положение и прикрываясь со всех сторон другими народами, – но не более того.

Достаточно взглянуть на карту этносов «Большой Византии» IV–V веков, чтобы убедиться в том, что грекам принадлежала весьма малая часть этого лоскутного одеяла. Правда, в этой части находилась столица империи – Константинополь, но и население этого города было этнически неоднородным. Конкуренция за власть и за влияние, за роль государствообразующего этноса между многими народами империи была постоянной. И конкуренция эта была нездоровой, она не укрепляла, а наоборот, рас-

будущее в прошлом

Император и воины. Миниатюра из «Романа об Александре Великом». XIV век

По мере разорения стратиотов иностранные наемники начинали играть все более и более заметную роль в армии.

шатывала страну. Различия в быту, морали, культуре и т.п., между этническими регионами были настолько велики, что существовали даже специальные кодексы для провинций (иудейской, персидской, эллинской и т.д.) применительно к местному обычному праву. Вся эта пестрая смесь именовала себя ни греками и ни эллинами, а только ромеями (римлянами), подчеркивая этим, что речь идет не о нации, а о согражданстве.

В кругу византологов сложилось мнение о «византинизме» как духовном феномене, выражавшем некую духовную общность Второго Рима. Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться. Что правда, то правда – эллинистическая культура, еще в IV веке до нашей эры распространившаяся на этих землях с приходом Александра Македонского, служила некоторой общей основой для взаимопонимания между названными народами. Римское согражданство добавило к этой основе также некоторое ощущение общности. Но лишь до поры до времени. Как, впрочем, и остальные две скрепы империи – язык и христианская вера. Других скреп не было, да и эти оказались ненадежными.

Для начала о языке. Обратим внимание на яркий и характерный факт: Византия вообще не дала образцов высокой литературы во всех основных ее формах – поэзии, прозе и драматургии. Когда говорят о сколько-нибудь выдающихся памятниках византийской словесности, имеют в виду лишь житийную литературу, ораторское искусство, памятники юридической и исторической мысли, эпистолярное наследие. Но не собственно литературу, где особых достижений не отмечено. Точно так же, как и Рим, по сути, прекратил литературное творчество после Вергилия и Овидия.

Причина в обоих случаях одна и та же. Латинский язык с течением времени потерял значение национального языка латинян и превратился в служебный язык межнационального общения множества народов Римской империи. Аналогичная история вышла и с греческим языком. Да ведь он и не был изначально соприроден огромному большинству населения Восточной Римской империи – хотя, правда, и не совсем чужд благодаря походу Александра. Вытеснив (за долгие пятьсот лет!) совсем уж чужеродную латынь, греческий язык так и не стал родным для всех народов Византии. Один чужой язык сменился другим чужим языком – только и всего. А что же можно создать на служебном языке, который не является органическим порождением тела и души народа, который не связан тысячами незримых нитей с самыми глубинными его корнями? Только служебную же литературу, преследующую вполне практические, далекие от чистого искусства цели. В многонациональном имперском сообществе по-другому и не могло быть.

Интересно, что латынь, преобразовавшись вначале в вульгарную латынь (язык межнационального общения почти всей Европы), в дальнейшем эволюционировала в пределах Италии и вернула-таки себе значение национального языка – итальянского для итальянцев. Что немедленно дало себя знать в великолепных достижениях итальянской литературы уже в раннем Средневековье. Да и в других странах к моменту гибели Второго Рима уже существовала Большая Литература на национальных языках. Но в Византии ничего подобного не произошло: здесь некого поставить в один ряд с Петраркой, Данте, Боккаччо, Чосером, Вийоном, куртуазной поэзией Прованса и Бургундии, Эразмом Роттердамским, Себастьяном Брандтом и др. Это немотствование входит в общий счет, по которому византийцы расплачивались за бремя империи.

Своеобразной реакцией собственно греческого этноса на присвоение его национального языка всем населением Византии и на низведение этого языка до уровня служебного явилось возникновение так называемых социолектов – по сути, двух разных греческих языков: языка простонародья (и инородцев) и языка рафинированной интеллигенции. Это разделение сопровождало постепенный переход от старогреческого к новогреческому языку и сохранилось до наших дней. Общеупотребительный, расхожий язык оказался отделенным от языка образованных слоев, нарушилось живое единство не только национального языка, но и народной души и судьбы греков. Литературное бесплодие – прямой результат этого уродливого явления. А оно, в свою очередь, – непосредственное следствие уродливого общественного устройства.

Не лучшим образом обстояло дело и с религиозной скрепой империи. «Великая христианская империя», какой нам ее представляют, никогда не жила устойчивой, благополучной, уверенной в своей истинности духовной жизнью. Напротив, она все время содрогалась в конвульсиях борений, порой кровавых. Лично я всегда с сокрушением сердечным думаю о том, из каких недостойных рук мы получили светоч христианства. Моря крови и слез пролились из-за арианства, несторианства, павликианства, монофизитства, богомильства, монофелитской унии, иконоборчества и разделение Церквей в 1054 году. И все эти уродства и отклонения основывались на почве национальных различий, находивших себе выход в различиях религиозных.

Измученное вероисповедными внутренними неурядицами византийское православие в конце концов сдалось на милость победителя и согласилось на унию с Римской церковью (Лионский собор 1274 года), просуществовав всего лишь двести двадцать лет после разделения Церквей. (Правда, уния была разорвана после смерти Михаила VIII Палеолога, но вскоре заключена следующая уния на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 году.)

В 380 году Феодосий Великий провозгласил христианство единственной религией всей Римской империи. С тех пор можно припомнить много проявлений болезней религиозного роста Византии: взять хотя бы драки ревнителей христианства с не вполне христианизированными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте! А Юстиниан II сжигал еретиков, особенно армянских монофизитов.

Но все это были цветочки по сравнению с тем, что началось в VIII–IX веках. Я имею в виду иконоборчество – наиболее яркую страницу «духовных исканий» Византии.

Истоки иконоборчества следует искать в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две – иудаизм и ислам – отвергают всякое идолопоклонство. Влияние этой идеи охватило не только византийские диоцезы, непосредственно населенные мусульманами и иудеями или расположенные в приграничье – рядом с арабами и персами, но и глубоко проникло во все слои византийского общества. И дело даже не только в том, что императоры стремились устранить провоцировавший, раздражавший момент в отношениях с иудейским и мусульманским миром, уничтожить все преграды, камни преткновения, мешавшие укрепить там свое влияние. Просто ревность о «правильном христианстве» расколола византийское общество сверху донизу. При этом немаловажную роль сыграл и

фактор многонациональности империи и ее кесарей – Льва III Исавра, Льва IV Хазара и Льва V Армянина. Прозвища-этнонимы главных акторов иконоборчества говорят о многом. (Что касается исавров, то так назывался воинственный народ Малой Азии, Лев Гумилев считал их потомками киликийских пиратов.) За императорами-иконоборцами стоял соответствующий этнический духовный опыт и предпочтения. А за ними – межэтнические противоречия, определяющие обычно все и вся.

Проявлялся этнический фактор и во внутренних распрях. Иногда возникает такое впечатление, что противоестественное постоянное проживание бок о бок разноплеменных масс заряжало все общество мощнейшим зарядом нетерпимости и агрессии, который только ждал повода, чтобы разразиться взрывом. То есть отсутствие национальной скрепы у Византийской империи не могло быть компенсировано наличием скреп-симулякров – языка и религии. Первичное, изначальное не подменяется вторичным, производным. У Второго Рима не было народа-хозяина, этот факт нельзя ни отменить, ни прикрыть каким-либо фиговым листком.

Дом без хозяина непрочен и преисполнен скверн.

Злато и булат

Металися смущенные народы...
Александр Пушкин

Можно задаться вопросом: как же при всех этих внутренних противоречиях, раздраях и нестроениях Византия умудрялась выживать в недружественном окружении и протянула все же целых тысячу сто двадцать три года (если считать от переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 году)? Почему ее никто так долго не мог уничтожить, разорвать, как разорвали Западную Римскую империю?

На это есть несколько ответов.

Во-первых, Византию все же неоднократно и не без успеха разрывали, отдирая каждый раз немалые куски. Своего максимального размера, как в VI веке, она в дальнейшей своей судьбе уже никогда не достигала. К середине XI века она сократилась практически до Балкан и части Малой Азии, а накануне окончательного падения и вовсе не имела ничего, кроме столицы.

Во-вторых, Византии долгое время попросту везло. Ее географическое положение позволяло ей, играя на противоречиях могущественных соседей (готов и гуннов, славян и аваров, персов и арабов, русских и болгар, турок и монголов и т.д.), нейтрализовывать за счет этого непосредственные угрозы своему существованию. Византийцы были искусными дипломатами. Но все угрозы возобновлялись, когда с одной из сторон исчезал противовес.

В-третьих... Но тут надо обратиться к военной истории Ромейской империи, которая заслуживает самого пристального внимания. Характерные особенности имперского бытия проявляются в ней очень выпукло.

В византийскую армию с самых первых веков существования Восточной Римской империи был открыт широкий доступ инородцам – как в составе целых отрядов, так и в индивидуальном порядке. Племена варваров-наемников – так называемые федераты – поставляли Константинополю воинов определенной национальности за жалованье. Командиры назначались из их же среды. Такие отряды, если затрагивались их этнические интересы или если появлялась возможность провозгласить василевсом своего человека, тут же поднимали мятежи. Всегда не прочь разбить и разграбить врага послабее, они не очень-то упирались, когда дело становилось слишком жарким. Как таких вести в смертный бой? Никогда Византия не могла навести порядок железной рукой, нагнать на все окрестные народы ужас, как это умел Рим. Никогда никого не могла победить окончательно, как римляне – Карфаген, Грецию, Митридата и т.д. Она не имела возможности позволить себе войну не на жизнь, а на смерть (потому что наемники так не воюют) и никогда не добивала, не додавливала отраженного врага.

Чуя провоцировавшую слабость Ромейской империи, ее гнилость, неготовность идти до конца, вечно враждебные соседи непрерывно испытывали и кусали ее со всех сторон. И – что делать! – Византия, неспособная к настоящей войне, предпочитала откупаться или подкупать офицеров противника. А значит, ей постоянно приходилось вытрясать деньги из своих же подданных. Контроль государства за деятельностью любого производителя или торговца был неслыханно жестким. Заслуженно жалкая участь «сограждан» – результат принципиально ложного (многонационального) устройства государства.

При этом получался порочный круг: откупаясь на время от одних врагов, ромеи порождали у других надежду на такую же легкую поживу. Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну, бесславно и бесплодно истощая внутренние производительные силы. Подобную стратегию однажды попытался оправдать василевс Константин Багрянородный, считавший, что государство ромеев противостоит всему остальному миру – миру

Тинторетто. Константинополь в осаде в 1204 году

варваров, в борьбе с которым хороши все средства: золото, обман или оружие. Традиционно предпочтение отдавалось первым двум.

Правда, Юстиниан II стал по образцу древних римлян формировать боевые пограничные соединения из местных крестьян (они просуществовали несколько столетий) и начал переходить к организации ополчения из местных граждан. Фемные войска из крестьян-стратиотов со временем стали основой византийской армии вместо наемных войск. Никифор I установил своего рода рекрутчину, связав землевладение с воинской службой и круговой порукой. Это также сильно укрепило армию. Никифор II освободил от налога тяжелых конников – катафрактов – и даже их слуг, а также вообще заботился о стратиотах. Некоторые важные победы византийцев – в частности, ликвидация независимости болгар – стали результатом такой верной политики.

В 1095 году был объявлен Первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке. Смерть империи оказалась отсроченной – до катастрофы 1204 года.

Впрочем, длился этот период не так уж и долго, да и система наемничества никогда не исчезала полностью. По мере разорения стратиотов иностранные наемники начинали снова играть все более и более заметную роль в армии. К самому концу XI века положение Византии оказалось настолько тяжелым, что император Алексей Комнин обратился с отчаянным письмом к западным государствам, умоляя их оказать помощь гибнувшей империи. Соблазняя христианских правителей рассказами о религиозных сокровищах и «о бесчисленных богатствах и драгоценностях», накопленных в Константинополе вообще и в храме Святой Софии в частности, он писал: «Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников. <...> Мы не

Феодор Ласкарис. Миниатюра из рукописи «Истории» Иоанна Зонары. XV век

После погрома 1204 года вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» – Федором Ласкарисом.

можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения».

Император знал, о чем говорил. Ведь это он сам руководил осадой Константинополя и брал его в 1081 году, возглавив мятеж, и был свидетелем того, как при первой возможности все мятежное войско бросилось грабить город: «Это была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отношению к соплеменникам они вели себя хуже врагов», – писал византийский хронист Иоанн Зонара. Хронист ошибся: они были не «соплеменниками», а всего лишь «согражданами». И вели себя именно по логике сограждан-ства, когда никто никому не брат. Точно так же после падения Константинополя в 1204 году окрестные крестьяне, скупая за бесценок все подряд у вырвавшихся из кромешного ада горожан, злорадствовали: «Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!»

Уже при Алексее Комнине ромейское войско было фактически небоеспособным – катафракты малочисленны, стратиотское ополчение почти ликвидировано, наемники ненадежны. Вопрос фактически сводился к тому, кто и когда первым нанесет смертельный удар Константинополю, кому достанется главный приз. Но в 1095 году был объявлен Первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке и за это присягали василевсам на верность, участвовали в совместных боевых действиях против «неверных». Смерть империи оказалась отсроченной – до катастрофы 1204 года.

На этом можно было бы и остановиться, но буквально сразу после погрома 1204 года вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» – Федором Ласкарисом. Наемников в никейской армии было очень мало, а ее основу составили греческие пониарды, получавшие в управление наделы на условиях обязательной службы.

И случилось чудо. Греки, несмотря на ничтожные силы, остановили продвижение латинян, подняли народную войну, а вскоре превратили свою страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Они обратили в бегство превосходившие их силы сельджуков, обеспечили мир с ними на несколько десятилетий. А вскоре и сказочно разбогатели, ведя мудрую экономическую политику. Латинская империя крестоносцев неуклонно сокращалась, а Никейская греков – росла. В 1261 году никейский император Михаил Палеолог взял Константинополь и восстановил Византийскую империю (хотя и в скромных масштабах).

Так было наглядно продемонстрировано превосходство национального государства над многонациональной империей. Однако реанимировав многонациональную империю, византийцы обрекли себя на повторную – на сей раз уже необратимую – погибель. Опять вместо соплеменничества (основы всякой здоровой жизнеспособной нации) возникло сограждан-ство – псевдонациональный симулякр. Первым симптомом неизбежного краха стала уния 1274 года, следующим – отдача Михаилом VIII своих дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая. Потом было отлучение всех (!) жителей Византии от Церкви за разврат патриархом Афанасием, далее – союз Иоанна Кантакузина с турками в гражданской войне с Иоанном Палеологом, признание последним сюзеренитета султана Мурада I в 1373 году и т.д. В 1439 году была подписана очередная уния, и василевс ромеев коленопреклоненно облобызал руку папы, но это уже не помогло. К моменту штурма Константинополя в 1453 году от империи оставалась (не считая нескольких островов и обезлюженной Мореи) одна только запустевшая столица, где проживали всего 35–50 тысяч человек.

Провозглашение императором. Миниатюра из Мадридской рукописи «Хроники» Иоанна Скилицы. XII–XIII века

В наследство от императорского Рима эпохи упадка Ромейской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде – система выборных императоров, противостоящая меритократии.

Кровавый калейдоскоп

И высились, и падали цари...
Александр Пушкин

Недаром говорят: «Каков поп, таков и приход». Или: «Рыба тухнет с головы». Историю византийских императоров, претендентов и узурпаторов, их борьбы за власть, восхождений на престол и падений нельзя читать без дрожи омерзения. На страницах этой истории справляют свой триумф невежество, алчность, коварство, похоть, предательство, жестокость, бесстыжая

будущее в прошлом

Никита Хониат. Миниатюра из рукописи «Истории» Никиты Хониата. Первая половина XIV века

Никита Хониат в XIII веке писал: «О, знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладевал тобою насильно? <…> Кого ты не заключала в свои объятия <…> и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?»

демагогия и прочие пороки всех сортов. Такой была жизнь двора и вообще высших кругов. А вся остальная страна просто воспроизводила подобную систему вплоть до последнего своего дня.

Почему?

Некогда республиканская идея вознесла Первый Рим на высоту господства над миром. Падение этой идеи, начавшееся еще в конце старой эры, достигло своего дна во Втором Риме, найдя самое совершенное воплощение в священном и богохранимом самодержавии. В наследство от императорского Рима эпохи упадка Ромейской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде – система выборных императоров. То есть строй, противостоявший принципам не столько аристократии или республики, сколько меритократии. Династический принцип передачи власти по наследству оформился лишь в последние часы Византии. Но до этого в ней господствовали позднеримские порядки, когда в результате действия «социальных лифтов» на троне мог оказаться любой. Никита Хониат в XIII веке писал по этому поводу: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуди <...> а теперь совершенно открыто изъявляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыжие глаза, и употребляли в качестве сватов, или лучше сводников, продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов. <...> О, знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?»

Очень часто в этом калейдоскопе проявлялась воля простонародья. Более того, перед нами своего рода «византийская мечта» (по аналогии с нынешней «американской мечтой»). Константин Багрянородный симптоматично высказался в оправдание возвышения своего родоначальника, Василия Македонянина: «Случилось такое по мольбам людей вельможных и простого народа, а также войска и военачальников и всех жителей всех земель и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришел к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обирают их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам». Подобных «вкусивших низкой судьбы» немало в истории византийских династий. Часто борьба за трон оказывалась закономерным результатом национальных отношений в империи. Исаврийская, Сирийская, Македонская, Армянская, Фракийская, Иллирийская династии сменяли друг друга. Временами они открывали дорогу к власти арабам, грекам, славянам. Соответственно соплеменная избраннику знать каждый раз перетягивала одеяло на себя. Вот такой благодатью была эта Византия.

Эпилог

Восстановить империю – значит окончательно похоронить русский народ.

Александр Солженицын

«Россия должна стать, как Византия», – говорят нам порой «доброжелатели».

«Не дай Бог!» – отвечаю я.

Отчего погибла Византия?

Это совершенно ясно и понятно. Византия погибла от собственной многонациональности и мультикультурности. Вот прямой и очевидный ответ на вопрос об уроках этой империи для нас, русских.

Рецепт долголетия этноса достаточно прост и в основном хорошо известен:

- эндогамные браки;
- жесткое семейно-брачно-сексуальное законодательство с запретом на все девиации;
- своя племенная (национальная) религия;
- своя племенная власть – даже под оккупацией, даже на чужбине, в гетто, в плену;
- вообще своя племенная элита всех видов – от административной и воинской до интеллектуальной и художественной...

Ничего этого не было у сограждан Ромейской империи. Византийцы никогда не были ни этносом, ни соответственно нацией. Они оставались всего лишь согражданством со всеми вытекавшими отсюда последствиями: внутренней нестабильностью и слабой защищенностью перед лицом внешних угроз.

Спору нет, Византия была во многом хороша, особенно с точки зрения малых и средних этносов. Но век ее был недолог – с 330-го до 1453-го. То есть всего-то 1123 года. Если мы и впрямь, как она, то нам уже пора собираться в гроб. Поскольку наша государственность, если считать с 862 года, от Рюрика, насчитывает 1150 лет.

Есть единственный способ избежать этого: преобразоваться в русское национальное государство. Только так мы сможем продлить свое существование. Ставка на империю – гибельна. Ибо тогда нужно смириться со смертью нации, а с нею – неизбежно – и государства. Но если умирать прежде времени неохота, то надо спасать русский народ, возрождать его к новой жизни. Нам нужно не российское согражданство, а полноценная русская нация. Только она сможет спасти страну от распада и гибели.

Иного не дано.

Византийский опыт приветствуют и проповедуют главным образом православные клерикалы. И то не все, а лишь те, которые ставят религиозное единство выше национального. Не понимая при этом, что только второе способно дать основу для первого. И забывая, чем в действительности была религиозная жизнь Византии.

История русского этноса и история России, к счастью, не имеют ничего общего с историей Византии. У нас есть главное, существеннейшее отличие – государствообразующий народ, русские. Поэтому любые попытки проводить параллель с Византией, брать с нее пример – несостоятельны и вредны для нас. А вот оценивать угрозы и вызовы, стоящие перед нами, с точки зрения плачевного византийского опыта можно и нужно.

Что такое двенадцать веков? Государство-«долгожитель» с таким возрастом – это пустяк. А вот этносы-долгожители (Индия, Китай, евреи) возрастом в разы больше – это предмет для размышлений, зависти, изучения и перенимания опыта. Какая нам радость, если русские исчезнут, утратят или сменят идентичность, а государство с именем «Россия» будет процветать? По мне уж лучше наоборот.

Пример евреев учит: этнос, если он сохраняет себя в веках, рано или поздно сможет восстановить, вернуть даже свою утраченную государственность. Но никогда и никакой Византии мы уже не увидим, поскольку некому ее возрождать – нет тех ромеев (нынешние греки – не ромеи, а уж тем более не эллины).

Поэтому скажем себе прямо: нам нужно не государство-«долгожитель», пожирающий русский этнос, а русский этнос-долгожитель, поддерживающий свое государство.

Противопоставлять русских и Россию, как это порой, увы, делается, – ложный, ошибочный путь.

Но приоритеты должны быть расставлены четко и бескомпромиссно: вначале русская нация, а русское государство потом.

Телега не должна ехать впереди лошади.

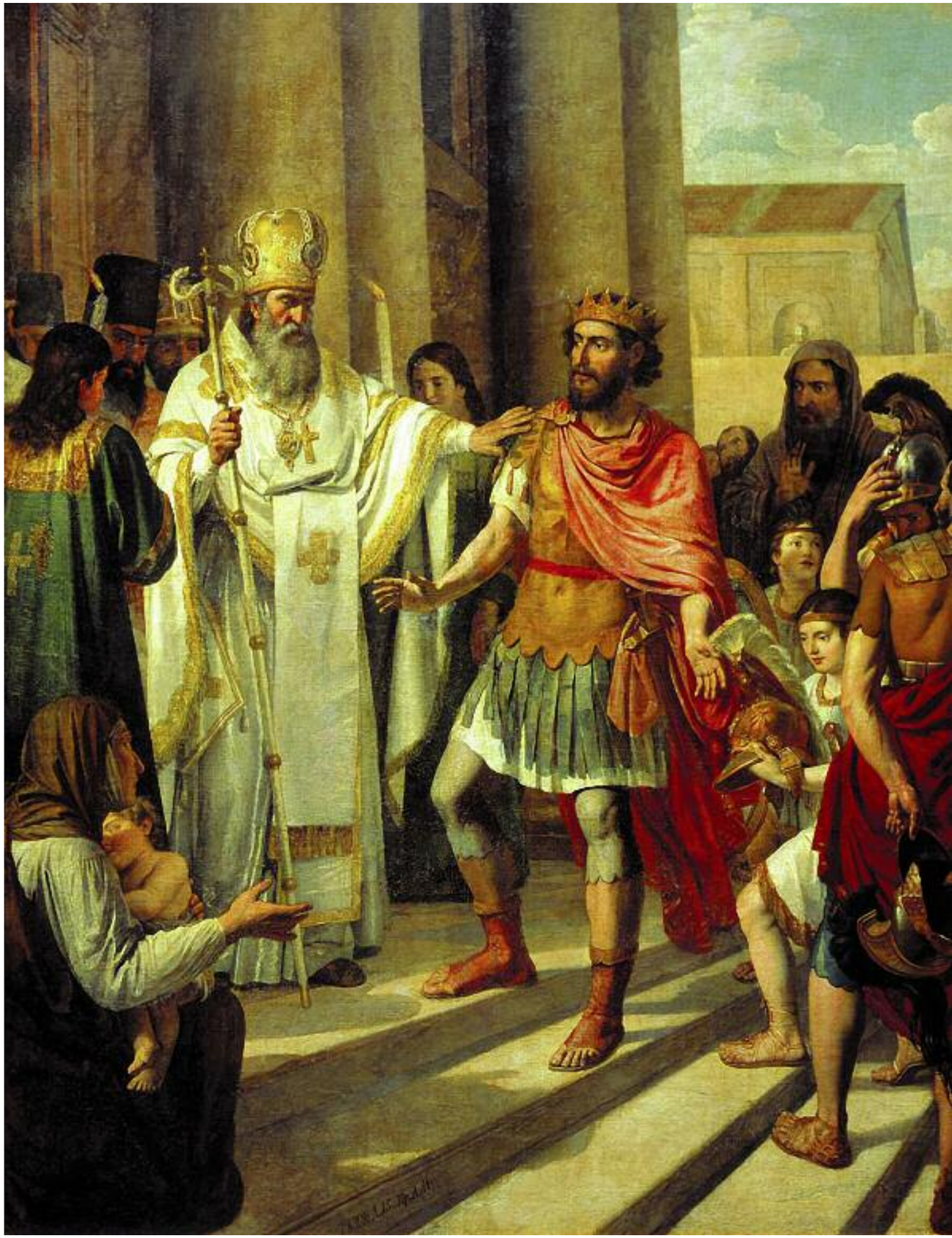
Александр Валентинович Ефремов – кандидат исторических наук, специалист по историософии

«Дух суровый византийства»

Одним из важнейших и интереснейших вопросов нашей истории остается вопрос о том, какие факторы позволили маленькому Московскому княжеству увеличить свою территорию в восемьсот (!) раз и стать величайшим государством Нового времени. И это притом что геополитические, ландшафтные и климатические обстоятельства были для Москвы крайне неблагоприятными. А ведь никакой другой славянский народ не сумел создать не только империи, но даже просто значительной государственности, возможно, за исключением Польши XVI века. Кроме того, русские оказались творцами художественной культуры мирового значения и первыми отправили человека в космос.

Думается, что одним из факторов, определивших блестящую историческую судьбу нашего Отечества, стал, пользуясь выражением Анны Ахматовой, «дух суровый византийства», чаще именуемый византизмом. Сразу отмечу, что как всякое явление, связанное с национальными архетипами, византизм не имеет исчерпывающего определения. Точнее, имеющиеся определения не полностью передают характер этого феномена. Собственно сам термин «византизм» ввел один из самых интересных русских мыслителей Константин Леонтьев. В своей знаменитой книге «Византизм и славянство» он дал такую характеристику византизма: «<...> византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире <...> византийский идеал не имеет <...> преувеличенного понятия о земной личности». К тому же, по мнению Леонтьева, византизм склонен «к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты». Он «отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов», и «он есть сильнейшая

Андрей Иванов. Крещение великого князя Владимира в Корсуни. 1829



Константин Леонтьев:
«Византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире <…> византийский идеал не имеет <…> преувеличенного понятия о земной личности».

вавший православному сознанию четкую определенность и формулировавший задачи провиденциальной миссии истинно христианской нации, далеко выходившие за рамки узкогосударственного бытия. Самодержавие в понятии византизма не тождественно европейскому абсолютизму, даже «просвещенному». Православный царь – набожный правитель, ведущий народ к спасению.

В условиях Московской Руси ореол божественного избранничества охватывал не только правящего автократора, но и его род (династию). В то же время византизм хотя и был производной православной религиозности, но не являлся гипертрофированно расши-

антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Таким образом, византизм – это прежде всего православное мироощущение (мировосприятие). Важнейшим обстоятельством тут является убежденность в том, что подлинное, неискаженное христианство оставлено нам святыми отцами первых семи веков. Поэтому православие есть полнота христианства, и основная цель каждого поколения – сохранить ее в первоначальной чистоте. Это – глубоко консервативный постулат, причем консервативный не в смысле застывшей конфуцианской статичности, а манифестировавший развитие, жизнь. Постулат, укорененный в трансцендентном, исключавший латинское «догматическое развитие», приданной церковностью. Он был еще и идеологией национального (затем имперского) государственного созидания, призванного обеспечить единство абсолютного и относительного, то есть державного строительства и стремления к Абсолюту (достижению полноты разрешения религиозных задач). Иначе говоря, византизм, подобно двуглавому орлу, был обращен и к Церкви, и к государству. Он оказался тождественен сущности христианского государства, оставаясь ядром национального бытия, поскольку его сакральной задачей было сохранение высших интересов православного царства, по степени своей глубины имевших религиозный характер. Симфония Церкви и государства четко фиксировалась в чине венчания на царство, включавшем таинство миропомазания, через которое верующему подаются дары Святого Духа.

Любая преемственность, в том числе цивилизационная, – вещь сложная и многовариантная. Византизм, в отличие от византинизма (то есть воспроизведения внешних культурных форм империи ромеев), не стал достоянием всей православной Ойкумены. Скажем, рыхлая, свободная и веселая Киевская Русь не поддалась его суровому духу. Впрочем, это государственное образование существовало исторически очень недолго. Более того, в конце ее политического бытия, в правление Владимира Мономаха и особенно Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, уже явно проступали суровые черты византизма. Но в полной мере византизм оказался востребован на далекой северо-восточной окраине бывшей Киевской Руси, в уделе потомков благоверного великого князя Александра Невского – Москве.

Александр сделал выбор, позднее повторенный и умиравшей Византией. Союзу с папизмом он предпочел подчинение восточным варварам, которые не претендовали на душу нации – православие. До сих пор наши соотечественники, страдающие болезнью европейниченья (термин Николая Данилевского), винят Александра в «исторической ошибке». Время, однако, показало и доказало его правоту.

Москва, став органичным соединением военного лагеря и монастыря, превратилась в город, который «слезам не верит». Железной рукой московские князья начали строить новую Русь. Рядом с князьями стояли святители и преподобные, чье участие в собирании земли не ограничивалось только духовным наставничеством, но органично сочетало Божие и кесарево. Так, в условиях подлинной симфонии духовной и светской властей,

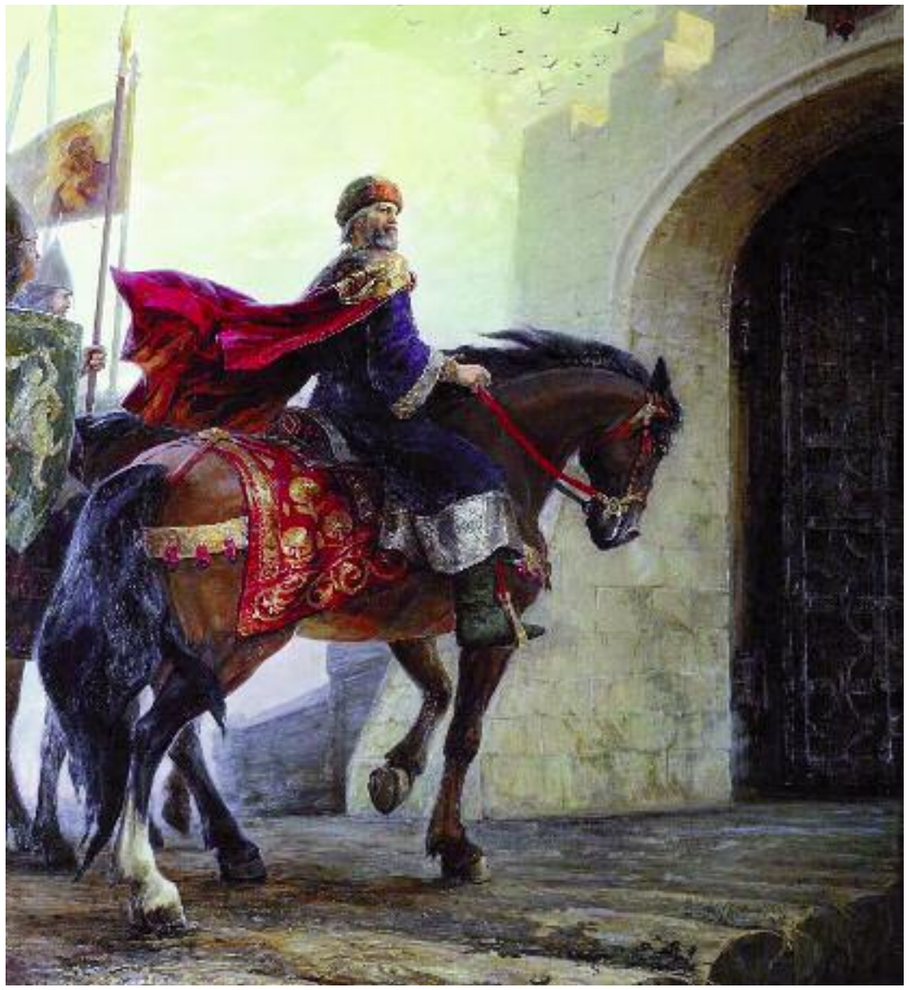
Николай Пимоненко. Пасхальная заутреня в Малороссии. 1891

в постоянном служении сформировался особый человеческий тип. Этот тип сделал возможным в XIV–XV века собирание земель, созидание православной державности последующих двух столетий, светский империализм в его петербургском и советском вариантах. Указанный человеческий тип вполне укладывается в леонтьевское определение византизма. Тут и преклонение перед мощью и величием государства, включавшее в себя пиетет к носителям власти, и суровая церковность (пусть даже ложная, как было в советскую эпоху, когда место Церкви заняла партия). Здесь, наконец, и презрение к мещанскому идеалу, столь характерному для городской культуры Европы (с позапрошлого столетия этот идеал стал доминантой западного бытия), и разумное, трезвое понимание слабости человеческого естества (предрасполо-

Православие есть полнота христианства, и основная цель каждого поколения – сохранить ее в первоначальной чистоте. Это – глубоко консервативный постулат, причем консервативный не в смысле застывшей конфуцианской статичности, а манифестировавший развитие, жизнь.

женности к греху). Кроме того, для московского человека конечный идеал правды и справедливости находился вне искаженного грехом мира сего, что делало его абсолютно чуждым латинскому легализму. Удивительно, но известные сатирические строки Бориса Алмазова: «Широки натуры русские. Нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал», – довольно точно передают это свойство великороссов. То есть тип индивидуального сознания, сформированный византизмом, был склонен выносить понятия окончательной правды и справедливости за пределы естественно-правовых категорий в сферу посмертного воздаяния. При этом сформированное византизмом сознание было почти чуждо приземленному этноцентризму. И, кстати, допускало куда большую, в сравнении с латинским Западом, долю терпимости по отношению к иноверию. Именно подобное обстоятельство позволило мусульманским народам Поволжья относительно безболезненно стать частью Московского государства.

Падение Византийской империи произвело сильнейшее потрясение во всем христианском мире. Но для Московской Руси важнейшим оказалось то, что, по яркому определению Данилевского, «дряхлая Византия показала миру



Константин Мирошник, Наталия Кургузова-Мирошник. Владимир Мономах. 1998

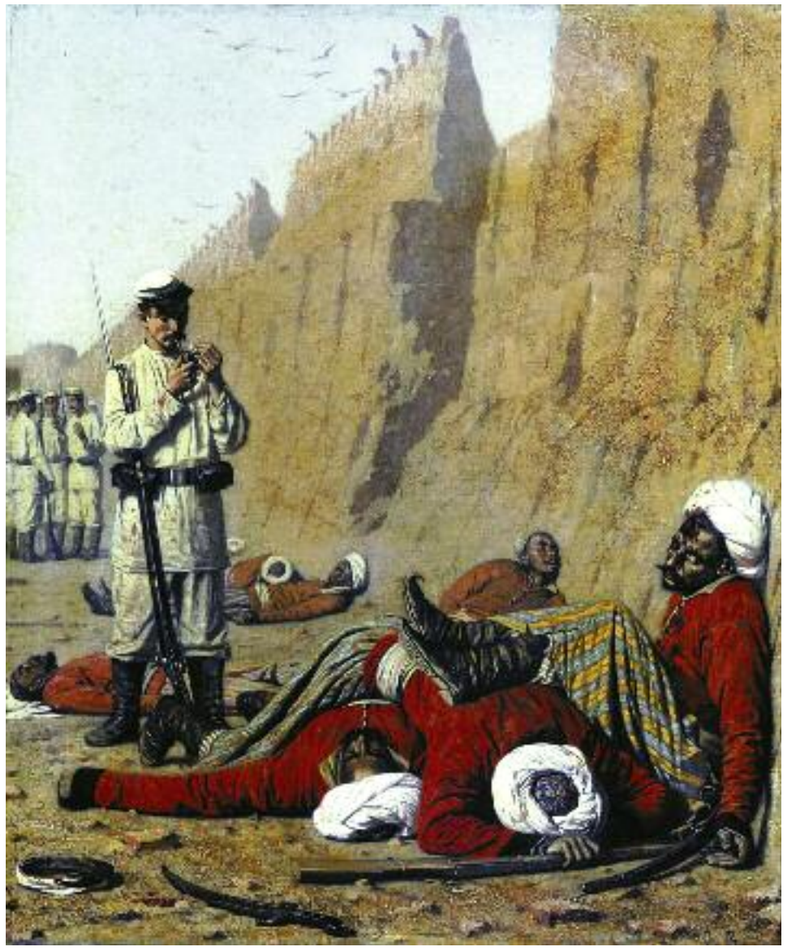
В конце политического бытия Киевской Руси, в правление Владимира Мономаха и особенно Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, уже явно проступали суровые черты византизма.

невиданный пример духовного героизма. Она предпочла политическую смерть и все ужасы варварского ига измене вере (подчинению папству. – *А.Е.*), ценою которой предлагалось спасение». Акт национально-государственного мученичества, продемонстрированный православной империей, Русь восприняла как идеальный поведенческий стереотип и затем многократно демонстрировала, что истина доказывается пролитием не чужой крови, а своей собственной. И хотя любой идеал находится в постоянном конфликте с реальностью, он остается идеалом только там, где за него готовы отдавать силы, здоровье и даже сами жизни. Без именно такого восприятия идеала русское православие могло погибнуть не только в чудовищных гонениях советского времени, но даже в рационалистических искушениях XVIII века. Любопытно, что как раз наследница Византии – православная Россия – выступила через три века в качестве исторического мстителя против сокрушившей царство ромеев Османской империи.

В начале XVI века старец Филофей сформулировал политико-эсхатологическую концепцию «Москва – Третий Рим». Как бы жестоко ни критиковали эту идею различные, в том числе отечественные, авторы, неоспоримым является факт создания русскими великой континентальной империи, единственного государственного образования на азиатско-европейском пограничье, сопоставимого с Римской империей. Даже временный захват Москвы Наполео-

Александр Невский сделал выбор: союзу с папизмом он предпочел подчинение восточным варварам, которые не претендовали на душу нации – православие.

Владимир Боровиковский. Святой благоверный великий князь Александр Невский. 1821



Василий Верещагин. После неудачи. 1868

Наследница Византии – православная Россия – выступила через три века в качестве исторического мстителя против сокрушившей царство ромеев Османской империи.

ном – эпизод, подобный захвату Древнего Рима предками французов – галлами. Более того, российское имперское устройство типологически повторяло римскую и особенно византийскую государственные модели. В идее «Москва – Третий Рим» византизм получил окончательную формулу своей духовно-политической миссии.

Как писал святитель Феофан Затворник, «Запад для нас и искушение, и наказание». В прорубленное Петром Великим окно в Европу задул ветер, чуть не сбивший все основания духовной жизни России. Секулярная революция, проведенная «большевиком на троне» (Николай Бердяев), одним из своих следствий имела появление типа русского европейца, чуждого старой московской традиции, чьей душой был византизм. Русский европеец, часто еще и инородец, хотя и малочисленный, но почти два века определял жизнь государства. Блестящие внешнеполитические успехи петербургской империи во многом основывались на эксплуатации византийских черт народного характера. Тем не менее ее светский империализм, почти лишенный религиозного основания, становился все непонятнее для большей части нации. Для народа куда более весомым казался мотив освобождения города святой Софии – Царьграда – и единоверцев из-под власти басурман, чем геополитические рассуждения о завоевании Проливов. Ну, а выросший на финских болотах, выстроенный в неведомом русскому человеку стиле, названный не по-русски Санкт-Петербургом новый столичный город стал просто вещественным доказательством разрыва имперской власти со старой традицией. Петр создавал новую столицу как анти-Москву. Расплата наступила не сразу, но зато была неслыханно ужасной. Катастрофа 1917 года и последовавшая за ней гражданская война, эпидемии и голод унесли жизни миллионов человек.

Захвативший страну большевизм первоначально, безусловно, можно определить как радикальное западничество. Однако после краха надежд на мировую революцию началась его поразительная метаморфоза. Грандиозный социальный эксперимент привел в политику и общественную жизнь миллионы людей из низших сословий, прежде всего крестьянства, практически уничтожив старые элиты, связанные с петербургским европеизмом. Эти люди несли в себе мощный заряд традиционного московского византизма. Ленин быстро понял опасность, говоря: «<...> надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». «Тончайший слой» не сумел справиться с разбуженными революцией силами. Ведь большевизм, как и идущий следом фашизм, обладал колоссальным утопическим зарядом, а это потенциально превращало марксизм в эрзац-религию, а партию – в квазицерковь, что, кстати, дало основание Бердяеву говорить о наступившем в Европе Новом Средневековье. В реалиях этого Нового Средневековья произошла реконкиста русского византизма («московского человека» по Георгию Федотову), и случилось стремительное по историческим меркам невиданное возвышение основанной Иосифом Сталиным модернизированной русской государственности. А вот глубоко чуждая духу византизма хрущевская оттепель, де-факто ставшая новой волной вестернизации, оказалась началом конца советского проекта.

Однако после распада СССР и кошмара 1990-х византизм – или, по крайней мере, его остатки – сыграл непоследнюю роль в деле стабилизации и даже некоторого возрождения нашей державности. Россия так и не стала частью западного мира, оставаясь самостоятельным центром силы. Нынешние политические элиты – в сущности, наследники среднего звена советской хозяйственной, спецслужбистской и военной бюрократии. Они, в отличие от высшей партийной номенклатуры, не несут – или почти не несут – ответственности за крах СССР. Более того, их приход к власти являлся альтернативой завиральному европобесию времен Бориса Ельцина. Очевидны и четко обозначенные этими элитами реставрационные тенденции, направленные не только на имперский, но и на советский периоды нашей истории. Важно и показательно, что именно этой части отечественного политического спектра удалось на относительно долгое время получить безусловную поддержку абсолютного большинства граждан России. У этих людей еще сохраняется великий дух российского мессианского империализма и политического гегемонизма, пусть и ограниченный относительно (в сравнении с Советским Союзом) скромными возможностями нынешнего государства. Все это значит, что идеологические и социально-политические практики сегодняшней РФ, повторяя неизбежные в современном мире мантры о демократии, будут, насколько возможно, обращаться к извечному великорусскому византизму как традиционной части национального самосознания, которая не мыслит себя вне великой государственности и способна противостоять разлагающему и растлевающему духу западного либертианства.

Неизвестный художник. Портрет Эрнста Иоганна Бирона. 1730

Русский европеец, часто еще и инородец, почти три века определял жизнь государства, блестящие внешнеполитические успехи которого во многом основывались на эксплуатации византийских черт народного характера. Тем не менее этот светский империализм, почти лишенный религиозного основания, становился все непонятнее для большей части народа.

Максим Александрович Емельянов-Лукьянчиков – историк, журналист, путешественник, кандидат исторических наук, специалист по русской истории и истории цивилизаций Тропической Африки, автор книги «Иерархия радуги. Русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Д. Тойнби», автор и ведущий исторической программы «Акценты» на Радио «Радонеж» (2007–2010), постоянный автор программ «Час истины» и «Киноистория» на Первом историческом канале «365 дней ТВ» (2009–2012), участник программ, посвященных путешествиям и русской истории на «Народном радио», телеканалах «Культура», РЕН ТВ, «7 ТВ», организатор и участник путешествий по России и Африке

Система координат русской цивилизации

В наш век информации и мнимой свободы выбора между различными религиозными, культурными и государственными идеалами обычный человек теряется и тонет в этом потоке либо хватается за ближайшую кочку, за которой не видит подлинного монолита традиции.

За семь тысяч лет существования человеческих обществ оформилось подлинное многообразие мира, состоящего из самобытных цивилизаций, у каждой из которых были своя вера, своя культура, своя государственность. Несмотря на разнообразие исторических типов, каждый конкретный человек был творцом и принадлежностью конкретной традиции и не терялся в поисках смысла жизни, ибо с детства научался тому, что есть хорошо, а что есть плохо.

Но начиная с XV века на Западе, а несколько позднее и по всему миру (в России – со второй половине XVII века) стал набирать силу процесс разложения традиционных ценностей. К началу XXI столетия этот процесс настолько рельефно оформился, что позволяет говорить о том, что мы имеем дело с изменой традиции, ее уничтожением, равно как и навязыванием всему миру ценностей сугубо негативного свойства, которые не только противны христианству (и любой традиционной религии), но и прямо обманывают своих адептов.

Под лозунгом «свободы» мы идем к новому рабству. Строя «национальные государства», мы выращиваем диктатуру меньшинства.

Николай Рерих. Русская Пасха. 1924

Взыскуя «хлеба», мы получаем новое неравенство со строгим распределение материальных благ. Красивые обертки либерализма, племенизма, социализма и глобального общества превращают мир в противоположность всему тому, что было свято, дорого и родно нашим пращурам на протяжении всей истории мира.

Вся надежда на последних приверженцев традиции – то есть традиционалистов.

Что же такое – этот традиционалист?

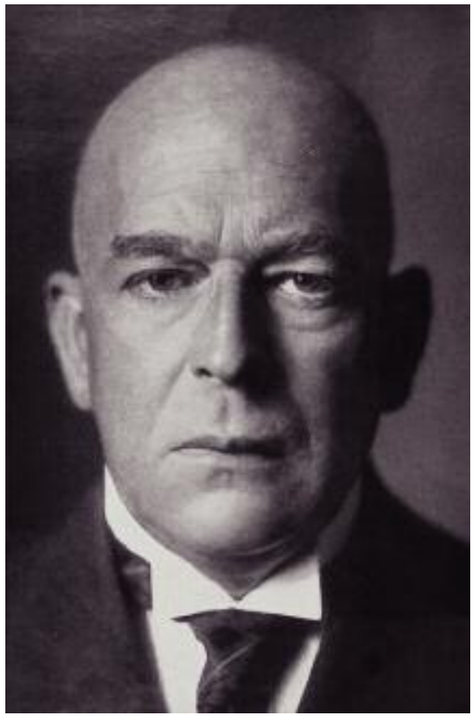
Современный традиционалист ратует за многообразие цивилизаций, их религий, культур и государств. Коль скоро он житель русской цивилизации, он – православный христианин, представитель традиционной русской культуры и апологет традиционной русской государственности.

Идеал и реальность – вещи далеко не идентичные, в наибольшей степени они совпали во второй половине XV – первой половине XVII веков, в эпоху, которая для всякого традиционно мыслящего человека является временем наибольшего расцвета России.

Традиционалист понимает, что Россия не является ни Европой, ни Азией, ни Евразией, ни продолжением Византии, ни мифической «славянской цивилизацией». Россия – это Россия, самодостаточная русская цивилизация.

Он рассматривает взаимоотношения России с Европой и всем миром с позиций русского национального идеала и с позиций исторической реальности. Идеал и реальность – вещи далеко не идентичные, в наибольшей степени они совпали во второй половине XV – первой половине XVII веков, в эпоху, которая для всякого традиционно мыслящего человека является временем наибольшего расцвета России. Тем не менее традиционалист знает и любит все периоды русской истории – много прекрасного было и в Киевской Руси, и в удельной Руси, и в имперский и советский периоды.

Традиционалист – ни либерал и ни консерватор, ни космополит и ни фундаменталист, ни реалист и ни идеалист, ни оптимист и ни пессимист. Все это – вторичные, однобокие, поздние деления. У истории всегда два колеса. Но это не значит, что он занимается синкретизмом, пытаясь сплавить в единый котел разные учения. Нет, он опирается на традицию, которая расположена по ту сторону всех подобных «измов».



Освальд Шпенглер

Кроме того, для традиционалиста важнее восхвалить хорошее, чем покритиковать плохое. Он больше апологет, чем критик, ищет поводы для воспевания России, а не для ее (или ее соседей) критики, равным образом он стремится обрести единомышленников, а не критиков, друзей, а не врагов. Традиционалист всегда уважает мнение, отличное от его собственного, и ценит умение аргументировать такой иной взгляд. Он не приемлет коверкание русского языка, нелогичность речи и уход от ответа («политкорректность» и «толерантность»).

Традиционалист всей своей жизнью призван показать ложную сущность таких явлений, как либеральная демократия, племенизм, расизм, колониализм, русофобия, нацизм, социализм, коммунизм, глобализм, экуменизм, дарвинизм и иже с ними. Современная мировая революция рядится в пестрые и, как ей кажется, разнообразные одежды, маскируя свою сущность многими терминами и идеологиями, последователи которых чаще всего не находят общего языка друг с другом. Не находят до тех пор, пока речь не заходит о традиции как общем враге всех этих направлений. Ибо в свете традиции любой трезвомыслящий человек сразу видит ничтожность, противоречивость и пагубность всех этих идеологий, они буквально истлевают на глазах, несмотря на тонны книжной макулатуры, терабайты виртуального потока, произведенные ими на останках миллионов людей, ими же загубленных.

Приводимые утверждения основываются как на религиозных текстах, так и на научных трудах – Священном Писании и наследии основателей цивилизационного подхода – Константина Леонтьева, Николая Данилевского, Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби.

Цивилизационный подход и христианская историософия говорят нам о том, что деление исторического процесса на «древний», «средний» и «новый» периоды совершенно нецелесообразно. Этот вывод проистекает из отсутствия какой-либо конкретно-исторической реалии, которая могла бы носить именование «человечество». Вне сугубо богословской мысли такое понятие является не более чем проекцией европоцентричного сознания на совокупность исторического бытия. Точно так же и понятие «Восток» не представляет собой чего-либо реального, но является всего лишь совокупностью всего того, что нельзя включить в понятие «Запад», являющееся синонимом европейской цивилизации. Россия же не принадлежит ни к реальным цивилизациям Византии и Европы, ни к умозрительным фантомам «Востока» и «славянства» и является самостоятельным историческим типом – русской цивилизацией.

Цивилизация есть высшая категория исторического процесса.

Любая цивилизация состоит из трех частей (религии, культуры и государства) и последовательно проходит через три стадии исторического развития (первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения).

Приведенные представления основателей цивилизационного подхода органичны для христианской традиции России и Европы. Согласно ей множественность цивилизаций – множественность, образовавшаяся после вавилонского столпотворения, – является удерживающим фактором: разность цивилизаций предохраняет мир от губительной для исторического развития унификации.

Леонтьев и Шпенглер называли четкий срок жизни цивилизации – до 1200 лет. Любая цивилизация ограничена во времени.

Коль скоро исследователь оперирует представлением не о мифической «всемирной цивилизации», а о множественности исторических миров, вполне закономерно обращение к составлению списка цивилизаций, когда-либо имевших место в истории. Первым его составил Данилевский, который насчитал в истории пятнадцать исторических типов. Это Египет, Китай, Ассирия, Вавилон и Финикия – как части одной цивилизации, Халдея (древнесемитский тип), Индия, Иран, Еврейский тип (объединяющий в себе Израиль и Иудею), Греция, Рим, Аравийский тип (новосемитский), Мексика, Перу и Европа (германо-романский тип). Кроме того, мыслитель писал о «славянской цивилизации».

Лукас Ван Валькенборх. Вавилонская башня. 1595

Согласно христианской традиции России и Европы множественность цивилизаций – множественность, образовавшаяся после вавилонского столпотворения, – является удерживающим фактором: разность цивилизаций предохраняет мир от губительной для исторического развития унификации.

Стоит упомянуть поразительную иллюстрацию указанного перечня в виде своеобразной карты, высаженной самим Данилевским и его семьей на территории имения Мшатка в Крыму. Мыслитель в аллегорической форме изобразил пространственно-временное поле истории. В России подобное начинание имеет давнюю традицию. Можно вспомнить замысел «Святая Святых» царя Бориса Годунова и Новый Иерусалим царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Они переносили на русскую землю сакральную историю. Данилевский то же самое сделал с историей цивилизаций. Но в его имении появились не только Пирамиды (египетский тип), Каменный сад (китайский), Оливковый сад (греческий), Мавританский бассейн (аравийский), но и Гефсиманский сад, с одной стороны, призванный символизировать собой израильскую цивилизацию, а с другой – продолжение традиции «перенесения» сакральной географии (Мф. 26: 36; Мк. 14: 32). И наконец, в числе других садов-типов (не все из которых однозначно атрибутируются – в силу известных событий начала XX века имение было разрушено) присутствует фонтан «Ключевой источник», который действительно является ключом к этой композиции. В свое время Данилевский, заканчивая в Мшатке книгу «Россия и Европа», поместил в конце своего труда стихотворение Алексея Хомякова «Ключ». Стихотворение было призвано символизировать ту «славянскую цивилизацию», зарождения которой чаял мыслитель. Неудивительно, что поток мировой истории посредством этого русского ключа пробился и на благодатной крымской земле – в имении основателя цивилизационного подхода Данилевского.

Леонтьев посвятил этому вопросу меньше времени: ознакомившись со списком Данилевского, он согласился с его содержанием, добавив лишь две цивилизации. При этом если выделение лидийского типа никак не было им обосновано, то византийской цивилизации он посвятил немало места в своих исследованиях. Однако его представления о «русском византизме» зачастую неверно интерпретируются исследователями, говорящими о России как части уже не европейской или «сла-

Питер Пауль Рубенс. Основание Константинополя

Русская историография и общественная мысль XIX века очень часто высмеивали, порочили, игнорировали идеи Третьего Рима и «византизма»: симфония Церкви и царства в Византии в их освещении превращалась в «деспотию», а византийское искусство – в «негуманистическое мракобесие».

вянской» цивилизации, но как части Византии. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В исследовательской литературе уже не раз отмечалась явная неадекватность образа Византии. Образа, характерного для европейских эпох «Возрождения» и «Просвещения». Тогда, по словам Юрия Андронова, Александра Мячина и Александра Ширинянца, за «Византией» и производными от нее терминами «прочно закрепился статус бранного слова, являвшегося синонимом <...> невежества, тупости, отсталости, лицемерия и коварства в политике, несвободы, рабства и покорности личности». «Благодаря» проевропейскому позиционированию русской науки XVIII – первой половины XIX веков такое представление об империи ромеев перекочевало не только в научную, но и в общественную мысль России, где сохранилось, несмотря на формирование и расцвет русского византиноведения, во многом до сего дня.

Поэтому русская историография и общественная мысль

Сергей Кириллов. Княгиня Ольга (Крещение). 1993

Та идея, которую Леонтьев обозначил как «византизм», является тем, благодаря чему Россия стала Третьим Римом. Суть этой идеи не только в преемственности по отношению к империи ромеев, но и в самобытности России.

Все значительное в истории выковывалось в ходе осуществления стратегии «иосифлянства» – за счет устроения человеком не только окружающего мира, но в первую очередь самого себя. Стратегии же прогрессизма и хилиазма, напротив, приводят к регрессу и деградации.

XIX века очень часто высмеивали, порочили, игнорировали идеи Третьего Рима и «византизма»: симфония Церкви и царства в Византии в их освещении превращалась в «деспотию», а византийское – сплошь церковное – искусство – в «негуманистическое мракобесие». Здесь с Александром Герценом («византинизм – это старость, усталость, безропотная покорность агонии»), Петром Чаадаевым («путь Византии – это путь забвения, одиночества и отсталости») и Владимиром Соловьевым («уродливое и гнилое здание Византийской империи разрушено», эта фраза глубоко возмутила Леонтьева), как это ни удивительно, солидарны Иван Аксаков, Петр Астафьев, Михаил Катков, Александр Киреев. И даже, несмотря на неизмеримо более значительную источниковую фундированность современной науки, Георгий Любарский («Византия, заимствовав силу Востока, сама не погибла, но осталась бесплодной»).

Леонтьев имел возможность, благодаря дипломатической службе, что называется, на месте ознакомиться с византийским наследием в Греции и на Балканах. Поэтому его очень сильно задело отсутствие в списке цивилизаций Данилевского Византии. Самостоятельный в других своих выводах, Данилевский поставил риторический для своего времени вопрос о Византии: «С лишком тысячу лет прожила она после отделения от своей римской, западной сестры; каким же прогрессом ознаменовалась ее жизнь после последнего великого дела эллинского народа – утверждения православной христианской догматики?» То есть мыслитель не предпринял попытки уйти от общественного штампа.

Похожим образом обстоит дело и с интерпретацией леонтьевского «византизма», который – без малейшей оглядки на современную Леонтьеву историографию (и на характер мышления самого Константина Николаевича) – доводится до абсурда в «новой версии учения о Третьем Риме». Леонтьев-де, в противоположность старцу Филофею, верил не в Москву – Третий

Николай Неврев. Опричники. Ранее 1904

Рим, а в необходимость обновления русскими и греками Второго Рима, то есть Византии. В подобных интерпретациях совершенно игнорируется тот факт, что ввести этот термин Леонтьева побудили современные ему реалии. Во-первых, огульное посрамление Византии в Европе и европеизированной мысли России, во-вторых, неуемное – чисто этническое – восхваление «славянской идеи». Вот что писал о термине «византизм» сам Леонтьев в письме к отцу Иосифу Фуделю: «Это слово “византизм” употреблено мною изо всех статей моих только в одной (“Византизм и Славянство”); опасаясь (тогда, в 72–73 гг.) каких-то туманных и обманчивых либерально-славянских новшеств на старой греко-российской церковной почве, я захотел пояснее указать на то, что даже и помимо сферы личной веры того или другого из нас, православие (греко-византийцами развитое) имеет для России и культурно-государственное значение (просветительное, обособляющее и утверждающее). И только! После этого я нигде ни разу не говорил “византизм” (поищите-ка!), а всегда уже говорил “Православие”, “Самодержавие” и т.д.»

За спадом, который начинается в момент надлома цивилизации (в России это опричнина, а затем и Смутное время), следует оживление, совпадающее с основанием империи. Акценты с внутренних процессов переносятся на внешние (включая культурное, военное и хозяйственное завоевания).

Поэтому было бы сущей насмешкой истории, совершенным непониманием духа леонтьевской историософии воспринимать его «византизм» как констатацию «несамостоятельности» России, ее «второсортности» или некой «неважности» по сравнению с самой Византией. Напротив, если бы вдруг кто-то из современников Леонтьева так проникся его идеями, что заговорил бы о русской области византийской цивилизации, Леонтьев (как и в случае со «славянской» и «туранской» цивилизациями) сразу бы обратил внимание на европейские связи Руси. Во всем необходима гармония, стратегия золотой середины, поэтому-то он иногда позволял себе делать акцент больше на византийскости России, чем на ее славянскости: «Уменьшатся только наши лжеславянские претензии; наше культурно-национальное сознание примет только с этой стороны более правильное и добросовестное направление».

Леонтьев достойно ответил на вопрос Данилевского о том, чем была богата жизнь Византии, не только выделив Ви-

Илья Репин. Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея. 1904

К концу империи знать вырождается. Власть начинает восприниматься как узурпированная и утратившая свою сакральность. Империя всегда величественна, могущественна, впечатляет своим размахом, но неизменно терпит крах.

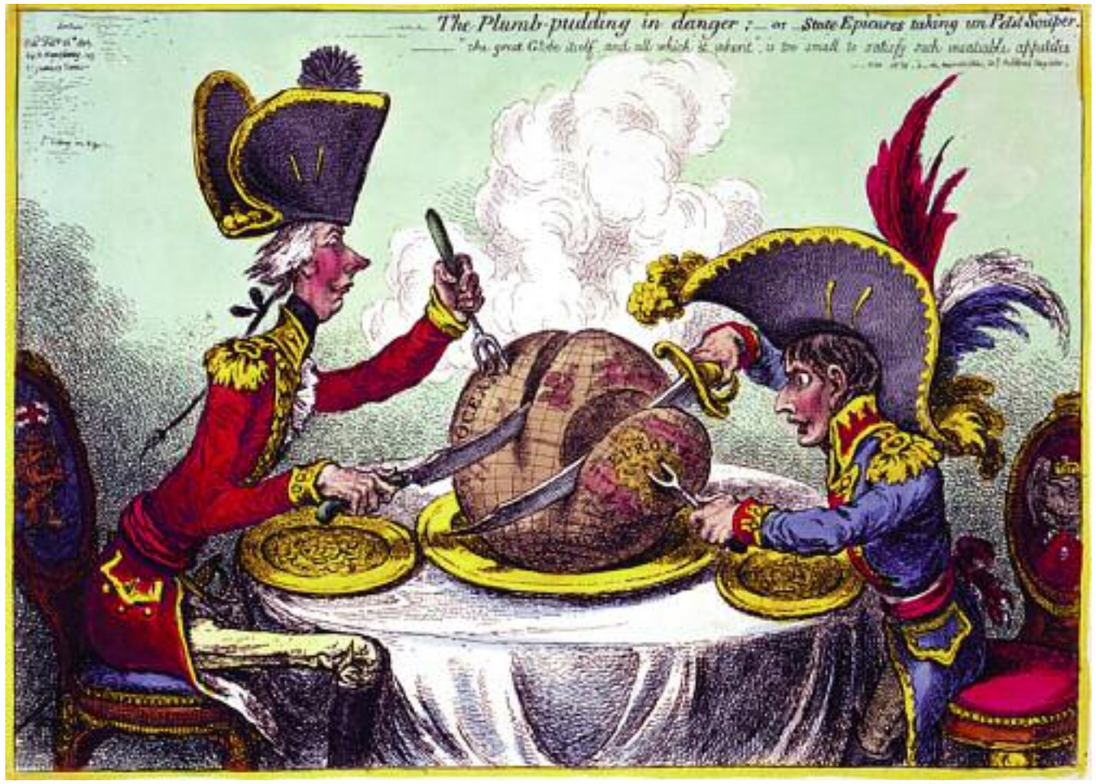
зантию в отдельную цивилизацию, но и описав высокий уровень разных ее составляющих. Имея греческие, римские и израильские корни своей национальной идеи, эта цивилизация сплотила их в едином порыве и на их базе создала сложную, величественную и одухотворенную композицию религиозной, культурной и государственной составляющих ее цивилизации. Мыслитель рассматривал «византизм» в первую очередь как идею, основанную на православии, то есть христианстве «с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов». Вследствие этого византийский идеал чужд «крайне преувеличенному понятию о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом». Чужд он и хилиазму – «всякой надежде на всеобщее благоденствие народов». А потому «он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства». «Византизм» в государстве, несомненно, означает иерархию, а в культуре – весьма ясные представления об эстетике, искусстве, науке, модах, обычаях, вкусах и одеждах. Леонтьев писал о богатой литературе (исторической, философской, догматической, богослужебной, нравственно-аскетической), неподражаемых и недосягаемых образцах искусства – святой Софии, иконописи Панселина, бесчисленных церковных песнопениях, «коими оглашаются и – как можно верить – до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы», характеризуя все это как «в высшей степени самородное, оригинальное, новое». А потому величайшее значение византийской цивилизации для Леонтьева было очевидным. По словам Вадима Кожинова, «как раз тогда, когда Леонтьев писал эти строки, достигли своей научной зрелости выдающиеся творцы русского византиноведения». Публицист имел в виду академиков Василия Васильевского, Федора Успенского, Никодима Кондакова, «труды которых подтверждали полную правоту Леонтьева».

Та идея, которую Леонтьев обозначил как «византизм», является тем, благодаря чему Россия стала Третьим Римом. Суть этой идеи не только в преемственности по отношению к империи ромеев, но и в самобытности России.

Весьма схожая с леонтьевской концепция «византийского наследия России» профессора византийского и современного греческого языка, истории и культуры Лондонского университета Тойнби была продиктована отличным знанием истории. И это его убеждение очень не понравилось всевозможным сторонникам «общечеловеческой цивилизации».

Таким образом, как «антиславянская» часть наследия Леонтьева призвана продемонстрировать самобытность России, точно так же, писал он, и всякая защита русского цивилизационного идеала, служение ему «есть в моих глазах служение моему же идеалу, моему греко-россиянству, моему “византизму”».

Возвращаясь к перечню цивилизаций, отметим, что через полвека после Леонтьева Шпенглер составил свой список, в который внес двенадцать цивилизаций – египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую, античную (она же «аполлоническая», или «греко-римская»), арабскую (позднее – «магическая», или «византийско-арабская»), западную («фаустовскую»), майянскую, персидскую, хеттскую, кечуанскую (инкскую) и русскую («сибирско-русскую»). Последняя, в отличие от остальных, мыслилась им скорее как цивилизация будущего. Наиболее плодотворно над составлением списка цивилизаций поработал Тойнби. В его первоначальный состав входили Византия («православно-христианская» цивилизация, расположенная в Юго-Восточной Европе и России), исламская цивилизация (сосредоточенная – по диагонали – через Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой китайской стены), Индия, дальневосточная цивилизация, а также две многосоставные цивилизации. В первую ученый включил монофизитов Армении, Месопотамии, Абиссинии и Египта, несторианских христиан Курдистана и Малабара, а также евреев и парсов. Во вторую – Тибет, Монголию, Цейлон,



Джеймс Гиллрей. Сливовый пудинг в опасности, или Государства-эпикурейцы решили подкрепиться. Ведь шар земной со всем, что есть на нем, слишком мал для того, чтобы утолить ненасытные аппетиты. 1805 (карикатура, изображающая британского премьер-министра Уильяма Питта и Наполеона)

Цезаризм наследует жесткое внешнее оформление империи и нетрадиционную сущность либерализма. Цивилизация заканчивается искажением всего того, что характеризовало ее зарождение и расцвет, – пародией на духовность, пародией на культуру, пародией на государственность.

Виктор Васнецов. Богоматерь на троне. 1901

Возможность говорить о византийском наследии возникла лишь тогда, когда Россия стала самобытной духовной, культурной и государственной единицей истории – таким историческим типом, который одновременно прочувствовал свою вселенскость и свою инаковость.

Бирму, Таиланд и джайнов Индии.

Некоторые из названных цивилизаций включают в себя целый ряд миров, на сомнительных основаниях внесенных в составные типы. Неудивительно, что впоследствии английский историк как минимум дважды видоизменял список. Вначале он вырос до девятнадцати, а затем – до двадцати одной цивилизации. Сюда вошли египетский, андский, китайский, минойский, шумерский, майянский, сирийский, индский, хеттский, эллинский, западный, православный в России, дальневосточный в Корее и Японии, православный основной в Византии, дальневосточный основной, иранский, арабский, индуистский, мексиканский, юкатанский и вавилонский исторические типы. При этом историк не исключал, что примитивных обществ значительно больше, приводя в качестве примера исследования западных антропологов Хобгауза, Уэлера и Гинзберга, которые в 1915 году, даже ограничив себя только теми обществами, сведения о которых достоверны, составили список порядка 650 таких обществ. Однако, писал Тойнби, «сравнивать цивилизацию с примитивным обществом – это все равно что сравнивать слона с кроликом. <...> Жизнь примитивных обществ, подобно жизни кроликов, часто завершается насильственной смертью, что особенно неизбежно при их встрече с цивилизациями». Поэтому при сравнении цивилизаций с примитивными обществами первых оказывается несопоставимо меньше. Ученый делал вывод, что «более детальный анализ вскроет значительно меньшее число полностью независимых цивилизаций – около десяти». И хотя впоследствии Тойнби вновь расширил свой список – до тридцати семи цивилизаций, – его исследования позволяют сделать вывод, что историю перед вечностью представляет ограниченное число исторических типов – от десяти до двадцати. Это согласуется с мнениями Данилевского, Леонтьева и Шпенглера. Таким образом, динамика, характеризующая составление перечня цивилизаций, показала, что хотя основатели цивилизационного подхода, жившие в XIX веке, и не имели еще многих знаний (скажем, о цивилизациях Мезоамерики), тем не менее они верно определили состав перечня цивилизаций, что было доказано исследованиями Тойнби, труды которого на порядок более фундированы в источниковедческом плане.

будущее в прошлом

Константин Маковский. Крестьянский обед в поле. 1896

Конкретно-историческое наполнение русского расцвета богато содержанием. Стоглав, ставший кульминацией симфонии Церкви и царства, соборное прославление русских святых зафиксировали духовную составляющую, а Домострой – семейно-культурную.

Что касается современного состояния списка, то он также несильно отличается от первоначального. Например, европейские ученые насчитывают либо шестнадцать доказанных и восемь вероятных исторических типов (Керолл Куигли), либо порядка двенадцати (Филипп Бэгби), девяти (Фернан Бродель) или семи (Золт Ростовани). Мэтью Мелко также подмечает двенадцать цивилизаций. Среди них семь ушедших – месопотамскую, египетскую, критскую, классическую (то есть греко-римскую), византийскую, центральноамериканскую и андскую. И пять живых – китайскую, японскую, индийскую, исламскую и западную.

На мой взгляд, в современном мире можно говорить о следующих живых цивилизациях – русской, западной (включая Северную и Южную Америку, ЮАР, Японию, Австралию), китайской, индийской. В Азии и Африке сохранились видоизмененные остатки нескольких некогда великих цивилизаций – на территории современных Ирана, Эфиопии, Мали, Нигерии, Уганды, Зимбабве и других стран.

Обратимся к основным закономерностям развития цивилизаций.

Сергей Присекин. Борис Годунов. 1993

В отношении событий русского расцвета существует целый ряд штампов. Это и якобы «европеизация» России с Ивана III, последующие «западничество» и «макиавеллизм» Ивана IV, «неадекватность» Федора I и представление о Борисе Годунове как об «убийце».

Самым значительным стимулом, оказывающим содействие их развитию, является «стимул страдания», формулирующийся как представление о том, что неблагоприятные обстоятельства («вызовы» Тойнби) способствуют росту. И наоборот: удобные географические и климатические обстоятельства оказываются не только не способствующими развитию, но в известной мере ему препятствующими. Подобная констатация не является призывом к искусственному созданию трудных условий существования, но говорит о том, что все значительное в истории выковывалось в ходе осуществления стратегии «иосифлянства» – за счет устроения человеком не только окружающего мира, но в первую очередь самого себя. Стратегии же прогрессизма и хилиазма, напротив, приводят к регрессу и деградации. При этом «стимул страдания» сопутствует не только процессу роста, но и разложению. В одном случае он инициирует развитие, тогда как в другом случае способствует регрессу. Все когда-либо существовавшие цивилизации проходили обычно через три периода развития. Хотя эта схема открыта в сторону увеличения количества периодов развития, которые, однако, носят уже подчиненный характер, а потому именуются тактами. Так, третий период – период смешения – имеет три такта – имперский, либеральный и цезарианский.

За спадом, который начинается в момент надлома цивилизации (в России это опричнина, а затем и Смутное время), следует оживление, совпадающее с основанием империи (первый такт третьего периода). Акценты с внутренних процессов переносятся на внешние (включая культурное, военное и хозяйственное завоевания). К концу империи знать вырождается. Власть начинает восприниматься как узурпированная и утратившая свою сакральность. Империя всегда величественна, могущественна, впечатляет своим размахом, но неизменно терпит крах.

На смену имперскости приходит либеральность (второй такт), которая представляет собой попытку возврата от внешнего расширения к внутреннему совершенствованию. Однако трагедия этой попытки заложена в изначальном ее основании – выделении из общего контекста понятия «свобода». Понятия, воспринятого как освобождение от традиции, дисциплины и иерархии. Там, где раньше была величественность, нарождается идеал усредненности, который, будучи доведенным до предельной точки, вызывает к жизни цезаризм (третий такт), наследующий жесткое внешнее оформление империи и нетрадиционную сущность либерализма. Это обратная перспектива традиции: цивилизация заканчивается искажением всего того, что характеризовало ее зарождение и расцвет, – пародией на духовность, пародией на культуру, пародией на государственность.

Сергей Иванов. Приезд иностранцев в Москву XVII векаю 1901

Заимствование экономических, технических и военных достижений Европы привело к беспримерному государственному возвышению России, однако обращение к чуждым ценностям способствовало расколу между традицией и новыми идеалами и в конечном итоге – постепенному разрушению как первой отечественной империи XVIII – начала XX веков, так и второй, советской, империи.

Воспользовавшись законами развития, выявленными основателями цивилизационного подхода, следует обратиться к периодизации русской истории. Русский расцвет начинается во второй половине XV века, в период закрепления церковной и государственной самостоятельности Руси, после Ферраро-Флорентийской унии и захвата Константинополя, которые дали право России окончательно принять на себя византийское наследие.

Окончание периода расцвета приходится на время церковного раскола, противостояния основных течений общественной мысли середины XVII века – грекофилов, староверов и латинян. И хотя остатки цветущей сложности еще наблюдаются при первых Романовых, тем не менее это уже рудименты традиционной Руси.

Для характеристики русской цветущей сложности принципиально важна идея Третьего Рима, которая естественна и органична в силу одновременности исторического бытия Византии и России. Эта естественность может быть продемонстрирована на примере того, как происходила русская рефлексия: сначала греки стали именовать Москву «царствующим градом», а русского великого князя «царем», а затем уже и Россия признала свой высокий статус.

При этом важно понимать, что самобытность русской цивилизации определяется не тем, что она наследовала Византии. Напротив, возможность говорить о византийском наследии возникла лишь тогда, когда Россия стала самобытной духовной, культурной и государственной единицей истории – таким историческим типом, который одновременно прочувствовал свою вселенскость и свою инаковость (полностью в духе историософии Леонтьева и Данилевского: лишь та цивилизация обретает мировое

Илья Репин. 17 октября 1905 года. 1907

Петровская политика XVIII–XIX веков и либеральная интеллигенция в значительной мере спровоцировали февральский переворот и большевистское восстание 1917 года. Революция была, с одной стороны, антизападнической, антипетровской, а с другой – антирусской и нетрадиционной.

значение, которая имеет значение собственно-национальное).

Конкретно-историческое наполнение русского расцвета богато содержанием. Столгав, ставший кульминацией симфонии Церкви и царства, соборное прославление русских святых зафиксировали духовную составляющую, а Домострой – семейно-культурную. Наибольшее число актов было посвящено устроению государства – это Степенная и Царственная книги, Лицевой свод, Сводная Кормчая и Судебник 1497 года. Идеи симфонии и иерархии были выражены также во многих других произведениях культуры того времени.

В отношении событий русского расцвета существует целый ряд историографических штампов, искажающих наше видение собственной истории. Это и якобы имевшая место быть начиная с царствования Ивана III «европеизация» России, последующие «западничество» и «макиавеллизм» Ивана IV (в правление которого произошел разрыв между идеалом Третьего Рима и реальностью методов его воплощения), «неадекватность» Федора I и представление о Борисе Годунове как об «убийце».

Идею Третьего Рима нужно признать абсолютно не имперской, ибо преемство от Византии не подразумевает обращения к земному ее наследству. Претензии на Царьград и ожидание в связи с этим будущего расцвета – позднейшее явление, нехарактерное для жителей эпохи цветущей сложности, но присущее первым же поколениям XVII века, в котором Россия становится империей.

Национальная идея обретается нацией в период расцвета и охраняется в последующий период развития. Во время цветущей сложности единство православной, культурной и монархической составляющих создало то, что и является русской национальной идеей. Она не только в вере, не только в государственности или культуре, тем более она не в «решении» социальных, экономических, научно-технических или военных проблем. Национальная идея России состоит в целокупности русского национального самосознания – целокупности, которая, будучи достигнута и осознана в период расцвета второй половины XV – первой половины XVII веков, не должна быть забыта, изменена, расторгнута или «возрождена». Она должна быть охраняема. И именно русская идея есть тот «дух жив», который делает наш исторический тип не только самобытной цивилизацией, но и одним из величайших миров, когда-либо записанных в координатах истории.

Русская национальная идея – то, без чего не может существовать русская цивилизация. Можно придумать сколько угодно новых идей, но они не только не станут той реальностью, которой был расцвет, но и отторгнут русскую нацию от собственной идентичности. Только такое образование уже нельзя будет назвать цивилизацией, а его носителей – нацией...

Подобное понимание исторического бытия разрушается лишь с кризисом традиционного мировоззрения. С XVII века начался процесс вестернизации России – процесс, представляющийся как многоэтапная русская реакция на давление извне, помноженная на кризис внутреннего самосознания. Заимствование экономических, технических и военных достижений Европы привело к беспримерному государственному возвышению России, однако обращение к чуждым ценностям способствовало расколу между традицией и новыми идеалами и в конечном итоге – постепенному разрушению как первой отечественной империи XVIII – начала XX веков, так и второй, советской, империи. Наступил второй такт третьего периода – либеральный.

Ключевые свойства этого такта – рационализация, либерализация и демократизация сознания.

Европейская демократия не универсальна. Поэтому важно разделять традиционную европейскую демократию и освобожденную от европейских ценностей либеральную демократию, которая основана на отрицании традиции.

Основные черты либеральной демократии – подмена христианских императивов, безыдейность, оторванность от национальной почвы, историософская незрячесть и деспотичность мнений. Основополагающие ценности либеральности позиционируются как общечеловеческие, что противоречит цивилизационному подходу: то, что вкладывается в это понятие, подразумевает заимствование чужих ценностей и как результат – потерю собственной само-

Кадр из фильма «Обитаемый остров»

Обещая земной рай, антрополатрия приносит диктаторскую, вовсе не либеральную власть. Это предуготовлено всем бытием либерально-демократических обществ: искусственное «развинчивание гаек» неминуемо влечет за собой пародию на самодержавие.

будущее в прошлом

Виктор Васнецов. Воины Апокалипсиса. 1887

В постцивилизации заложена гибель всех известных исторических образований, логический конец истории. Как бы ни были страшны классические войны, последний беспрецедентный конфликт цивилизаций, завершающее столкновение традиции и антрополатрии еще впереди.

идентификации. Это происходит за счет привнесения традиционности в жертву индивидуализму как преувеличенному уважению к человеческой личности, губящему действительную индивидуальность характеров. Подобное жертвоприношение характеризуется расторжением дисциплины и свободы, обязанностей и прав, при этом совершенно упускается из вида одна часть и абсолютизируется другая, а также не акцентируется внимание на том, что истинная свобода есть преимущественно свобода духовная. Будучи вырванными из контекста, понятия прав и свобод становятся сугубо разрушительными.

Неотъемлемой чертой либеральной демократии является капитализм, который подчеркивает ограниченность этой идеологии, ибо экономика не является самостоятельной составляющей цивилизации, но лишь частью государства. Мало того, с капитализмом насаждается мнение, будто экономика может формироваться только по тем законам, которые актуальны для европейской цивилизации, тогда как в действительности сколько существует цивилизаций – столько существует и экономик. Капитализм, кроме всего прочего, противоречит самой либеральной демократии, так как наряду с декларацией гражданского равенства он усиливает неравенство экономическое. В итоге пара либерализм/капитализм характеризует совсем не борьбу за человеческое достоинство, но беспрецедентное перераспределение имущества от традиционных сословий к тем, которые на политических призывах взрастили собственный капитал.

Крупнейшей реакцией на бытие либеральной демократии является идеология племенизма, представляющая собой вырванное из гармонии цивилизации и племени представление о нации как сочетании идей крови и почвы. В силу нетрадиционности этого отпора он стал лишь жесткой парой к «мягкой» либеральной демократии.

Социализм, так же как племенизм, является реакционной по отношению к либеральной демократии идеологией, использующей нетрадиционные идеалы материального благоденствия. Неудивительно поэтому, что западная политэкономия ставится им во главу угла, а традиционные сословия подменяются буржуазией и искусственно изобретенным «рабочим классом».

Петровская политика XVIII–XIX веков и русская либеральная интеллигенция в значительной мере спровоцировали как февральский переворот, так и большевистское восстание 1917 года, ставшие одновременно и следствием утраты Россией национальной идентичности, и результатом окончания ресурса петровского военно-технического ответа на вызов Запада. Парадоксальность этой революции состояла в ее двоякости. С одной стороны, она была антизападнической, антипетровской, но с другой стороны – антирусской и нетрадиционной.

Характер советского государства носил неоднозначный характер. Если ленинский период по праву может быть охарактеризован как антитрадиционный, то короткий отрезок времени с конца 1930-х до конца 1940-х продемонстрировал частичное обращение к традиции. Об этом говорят в первую очередь историософская значимость Великой Отечественной войны и происходившие в ходе нее возрождение религиозности, увековечивание ратной славы России. Оценить весь третий период истории России (начиная с XVII века) можно, лишь рассматривая и петровскую реакцию и сталинскую реакцию как стадии единого движения, начало которому было положено столкновением двух цивилизаций. Двоякость, янусообразность советской идеологии этого времени привела к тому, что хотя 1945 год и вознес Россию на небывалую геополитическую высоту, но когда возникла реальная возможность перерождения СССР на традиционных началах, эта возможность использована не была.

Либерализм, племенизм и социализм, абсолютизируя соответственно свободу личности, крови и социально-экономических отношений, производят раздробление цивилизационного единства на отдельные составляющие. Главная черта, присущая всем нетрадиционным идеологиям, – противопоставленность по отношению к традиции.

Другим общим свойством является прогрессизм – глубоко ложное учение о бесконечном развитии мира от первоначального примитивного состояния к все более и более совершенному. Естественно-научной параллелью прогрессизма является дарвинизм.

Следующее общее свойство нетрадиционных идеологий – это «вторичная религиозность», которая предполагает попытки «улучшения» религии за счет экуменизма и взыскание земного рая (хилиазм).

Итак, в истории наличествуют не только три составляющих традиционной цивилизации (религия, культура и государство), но и три нетрадиционных идеологии, последовательно их пародирующие, – это либеральная демократия, племенизм и социализм. Эти идеологии можно объединить под именем антрополатрии (человекопоклонничество, *греч.*) – имеющей беспрецедентный характер революции, создающей новую отрицательную духовность, которая ведет к обожествлению человека.

При этом антрополатрийная вера не только не достигает собственных идеалов, но, напротив, подводит к утрате личностью собственной человечности: в замкнутом кругу либеральная демократия – социализм – племенизм индивидуум становится духовно несвободным существом, которое воспринимает традицию как рудимент «устаревшего» общества. В случае же выхода из этого круга он априори становится изгоем, новым «варваром».

Обманчивость антрополатрийного идеала заключается в том, что на смену либеральной демократии грядет третий такт последнего периода развития – цезаризм: обещая земной рай, антрополатрия приносит диктаторскую, вовсе не либеральную власть. Это предуготовлено всем бытием либерально-демократических обществ: искусственное «развинчивание гаек» неминуемо влечет за собой пародию на самодержавие.

Это постцивилизация, третий – последний – вид обществ: как простые структуры допотопного мира характеризовали период простоты нашей истории, а цивилизации – его расцвет, так третий вид – единая антрополатрийная постцивилизация – призван стать олицетворением периода мирового распада.

В ней заложена гибель всех известных исторических образований, логический конец истории. Как бы ни были страшны классические войны, последний беспрецедентный конфликт цивилизаций, завершающее столкновение традиции и антрополатрии еще впереди.

Пропасть между традицией и антрополатрией непреодолима, как расстояние от праведного Лазаря до богача из евангельской притчи. Наследие основателей цивилизационного подхода, да и просто здравая мысль говорят о том, что если Россия желает – нет, не возврата, не мифического «возрождения», но сохранения и приумножения традиции, то ей нужно соблюсти одно, но весьма сложное правило: как можно ближе к идеалу расцвета второй половины XV – первой половины XVII веков и как можно дальше от антрополатрии. Нельзя забывать о многочисленных «измах», столетиями тревоживших и рвавших на части русскую цивилизацию, невозможно не учитывать опыт либерализма, племенизма, социализма, но изучая, надо понимать, что их выбор далек от традиции.

Традиция или антрополатрия – этот выбор решает все.

Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Северная **Ромея**

Несмотря на присутствие в настоящем тексте исторических, теологических и – в меньшей степени – философских аллюзий, его доминанта все же культурологическая и в некоторой степени – методологическая. Содержательная же часть сводится к размышлениям о некоторых аспектах византийского воздействия на русскую культуру – воздействия, повлиявшего на генезис российской идентичности. Отдельный рассматриваемый здесь вопрос – в каких формах культурное наследие Второго Рима может быть интересным современному миру, в частности, «негативная рациональность» и ее методологические производные.

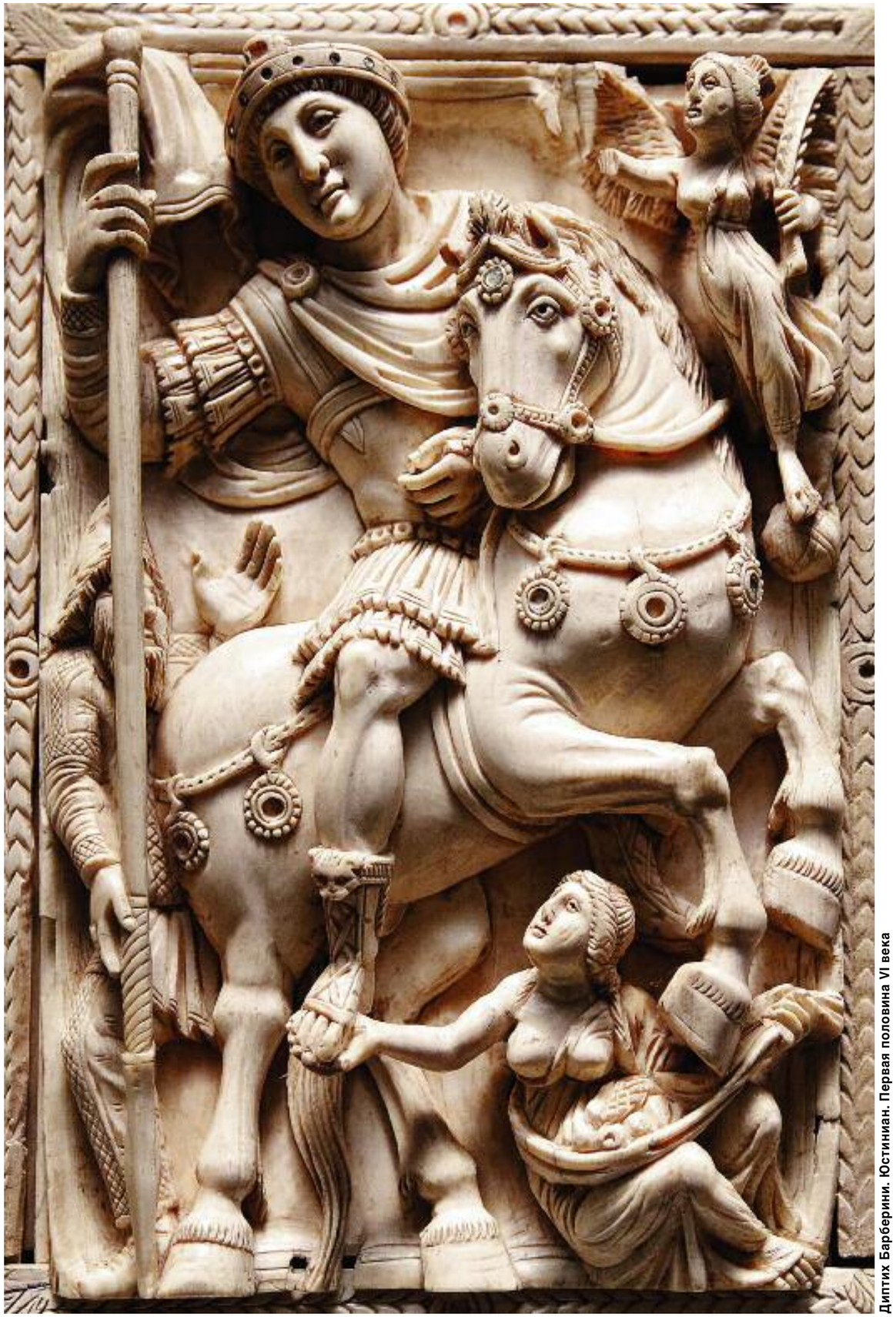
Странствующая империя

Символизм блуждающего по планете Вечного Города – отражение тяги людей и сообществ, придерживающихся различных взглядов, к цивилизованному обустройству земной жизни. Слабо различимый в сумраке европейской истории гамбит сюжета запечатлен, возможно, в «Илиаде» и «Одиссее», эндшпиль – в моделях Глобального Града.

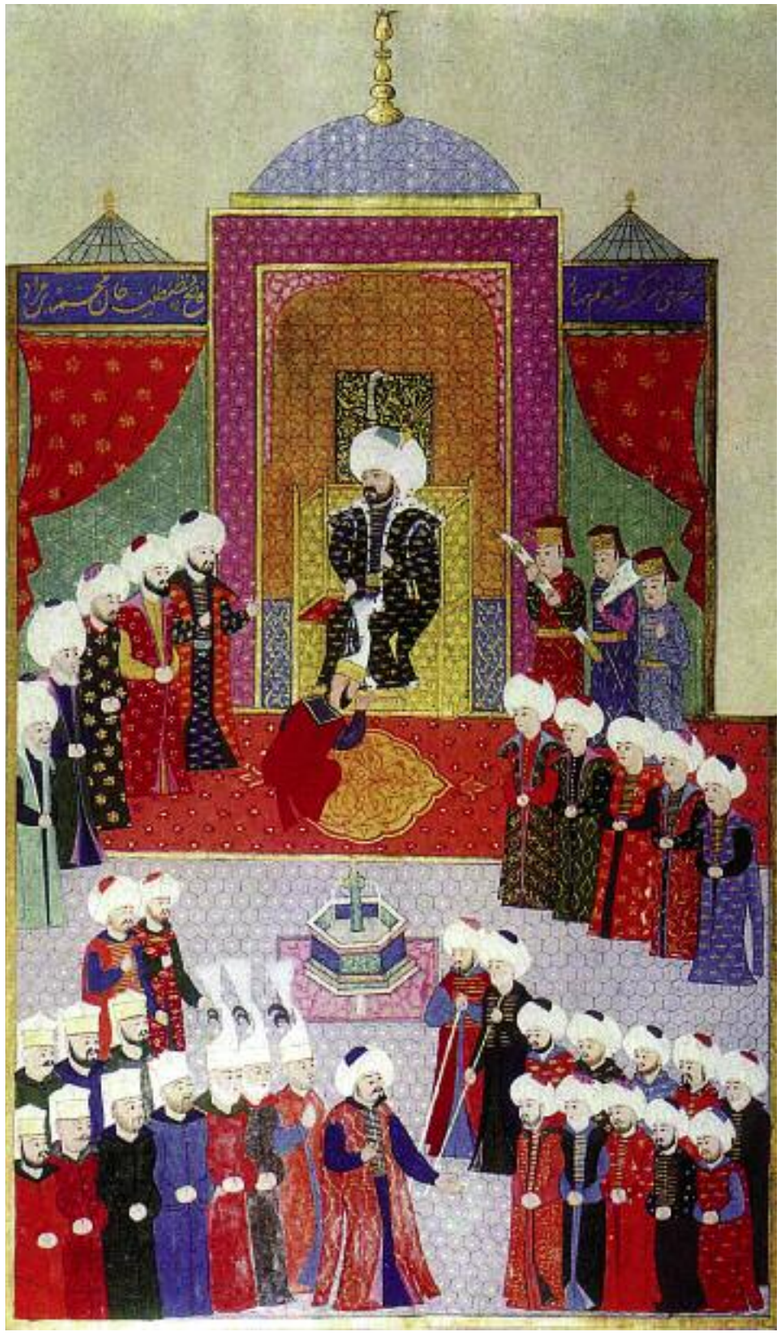
История Рима являет нам три лика – языческий, христианский, исламский. Она объединяет различные народы, общности, континенты – Европу, Азию, Африку. Охватив едва ли не три тысячелетия человеческой хронологии, эта история отмечает своими метаморфозами эпохи Античности, Средневековья, Нового времени.

Странствующая во времени и по планете полития – это также универсальный эскиз глобальной цивилизации: государственность, обосновавшая вектор всемирной летописи народов. Полиэтничность, людское многоголосие – ее родовой признак, явивший миру феномен политической интегрии – империи, прочитываемой каждый раз по-новому, – с изменением смыслов и смещением

При Юстиниане наметился контур трансконтинентального гиганта, опоясывавшего своей телесностью прибрежные земли Средиземноморья.



Диптих Барберини. Юстиниан. Первая половина VI века



Восшествие на престол Мехмеда II в Эдирне в 1451 году. Миниатюра из «Хюнернаме» («Книги совершенства»). 1523

Османские султаны – властители по-прежнему полиэтничной и трансконтинентальной (все так же расположенной на трех континентах) государственности, – считая себя законными преемниками римской государственности, приняли символическое бремя римской власти – титул римского кесаря – и носили его вплоть до окончания Первой мировой войны.

акцентов. Очерчивая пределы актуальной Ойкумены, Рим порождал массу реплик и подражаний. Самим форматом цивилизованности человечество обязано римской государственности, ее принципам и категориям (республика, сенат, империум, магистратура, юриспруденция и т.д.).

Свержение царя-тирана – Тарквиния Гордого – стало фундаментом просуществовавшей приблизительно полтысячелетия Римской республики со своими юридическими концептами и политическими механизмами, затруднявшими появление узурпаторов и проявлявшимися главным образом в принципе республиканского правления. Например, в наличии двух избираемых на определенный срок консулов – так постулировалась сменяемость и коллегиальность высшей магистратуры, власть которой уравновешивалась аристократическим сенатом, плебейским трибунатом (с правом вето на решения консулов), народными собраниями, а также коллегиальной магистратурой цензоров, надзиравших за государственным хозяйством, гражданским цензом (сословной принадлежностью) и всем корпусом должностных лиц. Были к тому же формализованы ситуации, когда та или иная серьезная угроза республике все-таки требовала единовластия и предоставления особых полномочий, то есть введения диктатуры – института, при котором разделение власти приостанавливалось. Либо возникала необходимость временного упрощения намеренно усложненной системы командования войсками или реализации режима чрезвычайного положения в провинции. Для подобных исключительных обстоятельств существовали юридические регламенты, позволявшие управлять бурными событиями законным образом, устанавливая при этом ряд привилегий/ограничений по срокам и пространству действия специальных форм правления (кризисных процедур). Кроме того предусматривались легальные процедуры привлечения к ответственности носителей высшей власти.

Последующая история Рима – история принципата, домината, разделения на Запад и Восток. И погружения западной полусферы в эклектику Темных веков с попытками восстановить, отстроить собственную версию Римского мира, начиная с франкской империи Карла Великого – 68-го (после низложения Константина VI) римского императора, отчасти признанного Западом, но не признанного на Востоке. Сюжет был продолжен Римской империей, основанной Оттоном I, менявшей имена и политическую значимость (Священная Римская империя, Священная Римская империя германской нации), просуществовавшей в подвижных и мерцающих обликах до 1806 года. Параллельно с формированием национальных государств в Европе продолжали существовать такие осколки и вариации темы, как, например, Австро-Венгерская монархия. Категория «империя» постепенно приобретала метафорический характер, обозначая обширные континентальные государства – Вторую Германскую империю (1871–1918) и недоброй памяти несостоявшийся неофициальный Третий рейх. Можно припомнить Первую и Вторую французские империи – соответственно Наполеона I (1804–1814, 1815) и Наполеона III (1852–1870), – использовавшие политические и лексические аллюзии из арсенала римской истории. А также заморские конгломераты колониальных империй

Беноццо Гоццоли. Процессия волхвов. Император Иоанн VIII Палеолог в образе Бальтазара. 1459–1461

Римское наследие, сохраненное и преображенное в христианской Византии, влияло на облик совокупной европейской цивилизации, изменяло ее.

во главе с Британской. Наконец, уже в наши дни – интегрируемую и интегрирующую внешнее окружение мозаичную конструкцию Европейского союза.

Примечательна судьба «Востока» – Второго Рима. Сколь различны между собой история этой римской метаморфозы с ее взлетами, перипетиями, катастрофами и стереотипные представления о ней как о неподвижной, инертной монолитной конструкции.

Территориальный образ этого христианского Рима подвижен, однако он не просто менял размерность.

При Юстиниане наметился контур трансконтинентального гиганта, опоясывавшего своей телесностью прибрежные земли Средиземноморья: от Нового Рима – Константинополя – через Анатолию к рубежам Закавказья. Здесь, оттолкнувшись от приграничья, следовал разворот к

Иван III. Фрагмент памятника Тысячелетию России Михаила Микешина. 1862

Именно в миссии содержания в чистоте религиозных заветов Русия заявлялась ортодоксальным (православным) Третьим Римом, где русские – не этнос, а ромеи, а Русское царство – царство Ромейское.

Антиохии и Святой земле. Оттуда через Египет, по кромке североафриканского побережья ромейская государственность устремлялась к югу Иберийского полуострова. Далее, пометив Корсику, Сардинию, Сицилию, охватив Италийский сапожок и захватив Иллирийские просторы, распространялась на Север: от Греции к Болгарии, а достигнув крымского побережья Понта Эвксинского, прикасалась к землям далекой Тамани – баснословной Тмутаракани.

Но в какой-то момент даже центральные области Второго Рима напоминали разбитое зеркало, разлетевшись на множество продолжавших крошиться осколков, – Латинская империя и ее вассалы с вкраплениями венецианских и генуэзских анклавов, православные державы, сельджукские, а затем османские территории. Некоторое время этот властный калейдоскоп точно находился на историческом распутье и походил на западноевропейскую чресполосицу, разве что с более выраженным конфессиональным разнообразием: Королевство Фессалоника, Ахейское княжество, герцогства Афинское и Наксос, Морея, Кандия, королевство Кипр, царства Болгария и Сербия, Эпирский деспотат, Великая Валахия, Никейская и Трапезундская империи, Киликийское царство, Иконийский султанат. Затем вновь, хотя далеко не в прежнем объеме, восстанавливалась относительная целостность Византии. Да и само последующее крушение империи, сжавшейся фактически до размеров территории Константинополя, манифестировало лабиринтообразный символизм, замкнув исторической метафорой орбиту перемещавшегося по планете Вечного Града.

Между тем жизненный цикл Ромеи – государства-феникса – на этом не закончился. Он продолжился в иной – исламской – ипостаси, удерживавшей, а в чем-то даже расширившей территориальные пропорции Восточного Рима. Османские султаны – властители по-прежнему полиэтничной и трансконтинентальной (все так же расположенной на трех континентах) государственности, – считая себя законными преемниками римской государственности, приняли, начиная с завоевателя Константинополя Мехмеда II, символическое бремя римской власти – титул римского кесаря – и носили его вплоть до окончания Первой мировой войны.

В XX веке возникали новые политические конструкты – сообщества наций, великой державы, суперсилы, биполярного мира, – навевая воспоминания и о вселенских амбициях отошедших в прошлое персонажей, и даже о былом противостоянии Рима и Карфагена... Ну, а ближе к нашим дням – в разговорах о глобализации, однополярном мире, *Pax Americana* – опять-таки слышны отзвуки темы римского могущества, виден отблеск его регалий и стигматов у страны, реализующей с вершины собственного Капитолийского холма свою версию универсального присутствия в нынешней географии Ойкумены. Речь между тем вновь заходит о переселении народов, кризисе однополюсной конструкции, приближении Нового Средневековья, о ветре эпохальных перемен, шелестящем страницами истории, знаменуя конец очередной ее главы и пришествие Нового мира.

Однако суть проблемы все-таки не в политической истории.

Особое место

Удивительна интенсивность духовной жизни Второго Рима: базары и арены, превращенные в места бурных дискуссий, где обсуждались не только новости повседневной практики, но с не меньшей страстностью – догматика и теологумены прописываемой в земной летописи христианской цивилизации.

Само догматическое и церковное здание христианства обустраивалось на созываемых императорами Вселенских и поместных соборах в ходе борьбы с ересями за православное единомыслие. Причем с ересями, порою преследуемыми как государственное преступление, а порою – представлявшими государственную политику. Многообразие духовного творчества дополнялось необычной для своего времени и обстоятельств социальной мобильностью, когда пелена родовитых кланов, поставлявших кандидатов на императорский престол, прорывалась выходцами из социальных низов: кесарями становились солдат-наемник, бывший крестьянин, торговец-меняла...

Политическая жизнь Византии, несмотря на декларацию симфонии имперских и церковных властей, подчас прямо определяется как «абсолютная власть, ограниченная легальным правом на революцию» (Жильбер Дагрон), то есть она отчасти унаследовала черты той специфической организации, которая сложилось еще во времена принципата и была охарактеризована Теодором Моммзеном как «перманентная революция». Однако на излете империи реформируется прочтение хри-

Колокол свободы. Филадельфия

В разговорах о глобализации, однополярном мире, *Pax Americana* слышны отзвуки темы римского могущества, виден отблеск его регалий и стигматов.

В архетипическом подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность. Дело, пожалуй, вот в чем. В ходе рассуждений на тему Русской идеи самыми яркими являются идеологемы или мемы: Третий Рим, самодержавие–православие–народность, Третий Интернационал…

стианского политического текста – как общежития, сообщества, соборного тела. Мировоззрение это с привкусом хилиазма и обертонами «апокалипсиса Исайи» уводит от подвижности «перманентной революции» к покою «отмирания государства», преображаемого в «семью народа/народов» (пасификация по образцу «на земли мир, в человецех благоволение»).

Тут возникает вероятность (а по сути, смертельная опасность) для христианской культуры смешения категорий «вечность» и «безвременье». Иначе говоря, искус простодушного или лукавого сближения с «азиатским» (деспотическим) идеалом неподвижности, обусловленным главным образом боязнью перемен, то есть социальным эскапизмом. А это уже радикально отличает данное синхронистичное мировоззрение от христианского взгляда на превосходство вечности над временем как исполнение его полноты («времени больше не будет»). В том числе в результате человеческих усилий, определяемых как история (преодоление и разделение).

Но ощутимо также расхождение с западноевропейским политическим мировоззрением, формировавшимся в ходе городских революций и воплотившимся затем в формулу национального государства как пространства «непрерывного плебисцита». А еще с воспоследовавшей сменой восприятия/стратегии частной духовной жизни как личной мистерии (лествицы) на интенсивные усилия по верификации статуса спасения (предопределения) в категориях успеха, причем чаще понимаемого как успех житейский.

Социокультурная динамика Второго Рима, кажется, прервалась накануне возможного системного преображения: в предрассветной дымке чудились невидимые миру, но улавливаемые внутренним оком контуры иного сообщества. «Возрождение Палеологов» сопровождалось расцветом концептуального творчества, чреватым богословским осмыслением не только синергии, но и ее культурных следствий, предвкушением трансформации, если не трансмутации, религиозных и политических институций. Процесс, надо сказать, в чем-то синхронный западноевропейскому транзиту, но отличный по внутренним основаниям.

Трагедия восточнохристианской цивилизации, возможно, была предопределена изначальной сложностью, нелинейностью избранной культурной траектории, парадоксом, заложенным в ее политическое тело и связанным с императивом осмысления в православном социальном тексте института императорской власти. Другими словами, икономической, по сути, идеей плотного сосуществования земного царства и горней общности, пребывающей в искаженных грехом земных пределах.

Вячеслав Шварц. Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на осляти. 1865

Трагедия восточнохристианской цивилизации была предопределена парадоксом, заложенным в ее политическое тело, – идеей сосуществования земного царства и горней общности, пребывающей в искаженных грехом земных пределах.

Идеал симфонии властей предполагает жертвенное (подвижническое) напряжение властителей, практику каждодневного преодоления конфликта страстей. Иначе говоря, ситуацию перманентно отодвигаемого кризиса, трансгрессии, чреватой в момент той или иной слабости молниеносным развитием катастрофы... Из этого источника, кстати, проистекает чин венчания на царство как укрепляющего сакрального действия с элементами особого таинства – увенчанного мона(р)шества, фиксирующего жертвенный подвиг отказа от обычной земной жизни, деятельного «бытия для других»: своего рода незримого белого мученичества в миру и «в самом своем естестве». В отличие, скажем, от интронизации или тем более республиканской инаугурации – ритуала принесения присяги сеньору (народу), то есть версии оммажа.

В общем же и целом, римское наследие, сохраненное и преображенное в христианской Византии, влияло на облик совокупной европейской цивилизации, изменяло ее. Пробуждая, к примеру, вибрации Ренессанса, одним из источников коего был поток идей и людей, манускриптов и произведений искусства, исходивший из Нового Рима, особенно после захвата его крестоносцами в начале XIII века. А специфическое наследие римской цивилизации – республиканское законодательство, свод римского права, транслированный в сумятицу европейской городской революции (в виде дигест Юстиниана), – судя по всему, отчасти воздействовал на взгляды и действия, приведшие к генезису республиканской государственности Нового времени начиная с революции Соединенных провинций.

Но лишь один наследник Второго Рима совершил исторический зигзаг, отвергнув прямое наследование исторического имущества, однако же приняв его крестное содержание.

Россия на своем пути сталкивалась со многими искушениями. Далеко не все ей удавалось преодолевать с честью. И не во всем. Сильнейшими соблазнами оказались социальное и политическое имущества двух величайших земных империй – Римской и Ордынской.

Россия утверждалась в истории одновременно как христианское государство и как восточное царство. Однако в своем глубинном естестве она не Азия и не Европа, равно как не Евразия и не Азиопа. Московское царство мыслилось своими смиренными и горделивыми идеологами, строителями и метафизиками как особое место, средоточие «остатка» – остров верных, сберегающих истину в мире,

заливаемом водами нового потопа. Спасительной и спасаемой общностью, избранным народом...

Речь шла о принятии на себя Московией роли хранительницы христианской Ойкумены – вселенского православного царства, где «несть ни эллина, ни иудея» и где «Господь в римскую власть написася». Так что разговор, в сущности, шел не о политическом преемстве и тем более не о бренных национальных претензиях или государственнических оболочках. Именно в миссии содержания в чистоте религиозных заветов Русия заявлялась ортодоксальным (православным) Третьим Римом, где русские – не этнос, а ромеи, а Русское царство – царство Ромейское. Так, кстати, подчас в документах и писалось.

Культурно-исторические инстинкты и интерпретации российской энтелехии (своеобразный «русский габитус») проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических, культуртрегерских амбициях, в освоении и присвоении мозаичных восточных и южных пространств как «ареалов окормления». Параллельно происходило усвоение опыта, умений сопредельных народов, включая с какого-то момента обширное ордынское наследие: процесс отчасти напоминал взаимную культурную проницаемость Запада и Востока в эпоху Крестовых походов.

В архетипическом подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность. Дело, пожалуй, вот в чем. В ходе обсуждений и рассуждений на тему Русской идеи то и дело сталкиваешься с реестром концепций идеологического извода. Самыми яркими являются идеологемы или, как сейчас сказали бы, «мемы»: Третий Рим, самодержавие–православие–народность, Третий Интернационал... Список легко и расширить, и продолжить.

Тут, наверное, уместно еще одно предварительное замечание. Любопытна вероятность присутствия в сюжете некой конспирологической интриги – внедрения социокультурного гена – идеи Третьего Рима – и европейскими персонажами, и северо-западными обитателями Руси как средства удержания восточной, порою уж слишком восточной в географии и политике того времени, Московии от искушения принятия в культурно-политической полноте наследства распавшейся приблизительно в тот же период другой вселенской империи – Ордынской. На каком же фундаменте возводилось здание государства Российского, впитавшего не только ордынские токи, но воспринявшего также мощный культурно-государственнический импульс от Второго Рима?

Наследие это, вопреки расхожим схемам, воспринято было парадоксальным образом. Не в качестве собственно византийских цивилизационно-государственнических активов, а, скорее, как попытка очищения от исторической коррозии своеобразного «символического капитала» того времени – идеи подвижного политически сформулированного сообщества с особым мировоззрением и мироустроительным замыслом, ощущением уникальности миссии сохранения если не плода, то цветка ромейской духовности. Того цветка, который, несмотря на окружавшие нестроения, произрастал и благоухал именно в последние века Второй Римской империи.

Не успевшие укорениться ростки и непростые семена культурного, социального пробуждения были рассеяны по миру и отчасти перенесены на другую почву. Они попали в ареал промысленного, но еще не реализованного, пребывавшего в становлении, лишь начинавшего постигать опыт суверенно-государственного домостроительства православного царства, состояние обретаемых земель которого было осложнено долговременным властным присутствием иной «имперской» традиции – ордынской.

Подобное синкопирование исторической последовательности вело к парадоксальному результату – сродни кесареву сечению или преждевременным родам...

Указанное обстоятельство – контрапункт, отягощенный к тому же географической фронтирностью России и ее пространственной экспансией (земной перенасыщенностью), – отнимало энергии от последовательного институционального, социального, культурного обустройства охваченных тонким покровом территорий. Раз за разом оно обозначалось, воспроизводилось в коллизиях между незавершенной (несовершенной) административной оболочкой (государством) и разноязычным культурным сообществом (населением), пребывавшим в различных цивилизационных состояниях и склонным к той или иной версии иноверия, двоеверия, что само по себе разделяло потенциально единый народ на разнившиеся, порой открыто конфликтовавшие сегменты.

Огрехи вынужденно проступали и в скорописи социального текста. К примеру, сословное неравенство не сглаживалось в историческом потоке, в отличие от институционализации, обустройства и расширения состава гражданского общества в ходе европейских городских революций. Напротив, время от времени оно прорывало цивилизационную пелену уродливой кристаллизацией тех или иных как бы «временных обстоятельств», усугублялось и обострялось, доводя в какой-то момент положение значительной части населения буквально до рабского состояния – легальной торговли соплеменниками и единоверцами.

Станислав Хлебовский. Ассамблея при Петре I. 1858

Не только политическая и экономическая реальность, но горизонты и содержание культурной политики привычно формируются в России не обществом, а государством. Гражданский прогресс и гуманизация среды оставались и остаются социокультурной задачей России и политическим императивом.

В этих условиях «устроителям места сего» во многом приходилось полагаться на российскую версию своеобразной «золотой легенды».

С наследием византийским, надо сказать, сложилась непростая ситуация. В обществе до сих пор господствует стереотип именно о социально-политическом преемстве Руси от Византии – преемстве, выраженном, к примеру, в представлениях о «шапке Мономаха», «двуглавом гербе» или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме. Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только вот в каком смысле?

Если обратиться к документам и событиям эпохи XV–XVI веков, то выясняется: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям образом. И формула Третьего Рима изначально осознавалась, скорее, как опровержение падшей Византии, отрясание ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования... Однако обретение православного апофатического богословия, развивавшегося в Византии, познание мира удивительных энергий, постигавшихся и пестовавшихся в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома – было все же унаследовано Россией. И унаследовано во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» – сложились.

В целом же обозначившееся вскоре после падения Второго Рима Русское царство, обретя со временем собственный формат имперской государственности, аккумулировав при этом претензии на реконструкцию вселенского миропорядка и нащупав стержень оригинального замысла, напоминало в тот период сжатую пружину. В течение весьма короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но также на самосознании

Византия и мы

народа. Эта повышающаяся энергетика ввела в мировой контекст деятельного персонажа, который с тех пор при многочисленных исторических пертурбациях вплоть до последнего времени не покидал историческую сцену.

Обаяние неведомого

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (то есть преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от источника и от западноевропейских версий христианской культуры производных. Созвучных, однако, психологическому складу русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю лишь частично познанной земли-Ойкумены.

Кризис взаимоотношений с возрастающей сложностью технических, биологических, социальных, антропологических систем предполагает либо отсроченный коллапс управления/контроля, либо прорыв к радикально иным принципам познания и действия.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и самостояния: запредельность, экстремальность, безымянность, неформальность (небрежение формой), неряшливость, неприхотливость, инаковость, мечтательность, утопизм, юродство, буйность, разгильдяйство, подвижничество, продвижение, освоение, мобилизация, эсхатологичность... И даже «перестройка» в каком-то неявном виде присутствует в приведенном ряду, в том числе в залоге катастрофичности. И все вместе взятое входит в некую русскую социологию развития. Каким образом? Одним словом, конечно, не ответить. Но можно пытаться. Подобная запредельность и экстремальность психеи имеет не только многочисленные внешние проявления. Она намекает именно на тип национальной идентичности – имманентное ощущение соприсутствия трансцендентального замысла, на подсознательную внутреннюю картографию и нелинейную умственную геометрию, связанные в свою очередь с особенностями миропонимания, с самоощущением личностью и народом судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием.

Искаженное, неверное, подчас прямо извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории страны и народа тяжкими, катастрофическими потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной ему миссии, так и для отказа от исторического промысла, от собственной идентичности требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

Апофатическое богопознание предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную привычным бытием границу.

Апофатическое мировосприятие активирует неочевидные, «темные», глубинные свойства любви как высшей ценности и реальности, предполагающей в качестве земного проявления – в условиях перманентно проявляющихся несовершенств мира – жертву. И муку, связанную с протяженным во времени ее принесением, – то есть кровоточивость во плоти и непрерывное терпение. Без любви апофатическое миропознание как опознание истины вообще невозможно, опасно и даже предосудительно: подобное действие ведет в лабиринт, из которого нет выхода. Или же во ад пустыни тесного одиночества.

Апофатический подход к миростроительству – практике земного бытия – есть самотворение и само-отворение (а подчас – искусительное/искупительное самосожигание). К тому же это, скорее, испытание мира с целью познания истины, нежели его перестройка.

Схожим по целеполаганию, но не стратегии образом катафатическое мировоззрение по-своему акцентирует, проблематизирует онтологичность любви, творчества и свободы. Плоды же богопознания принадлежат всем.

Чувство становящейся едва ли не обыденной за-предельности (в том числе, в страдании), насыщаемой сгущающимися, но зачастую остающимися незримыми токами жизни, отражается в социальной и политической практиках. В их внутренней экстатичности, экстремальности. Порою – свирепости. Экстремальности, которая имеет как интроспективную, так и мобилизационную составляющую, требуя в том и другом случаях крайнего напряжения духа, формируя привычку к непрестанному усилию, сверхусилию. И в то же время обладает странной при взгляде извне прозаичностью, будничностью, обращаемой подчас властью в прямую эксплуатацию способности народа к предельной мобилизации.

Апофатика – дорога, где очарованного странника подстерегает множество искажений. Это путь ошибок и катастроф. Действительно, с утратой оснований, неудержанием главного терпение, к примеру, может переродиться в тривиальную, а то и просто тупую покорность, причем чрезмерную. Героизм же как воля и способность жертвенно (что практически неизбежно, ибо попытки преодоления дурного естества, внутреннего и внешнего, отзываются и сопровождаются яростным сопротивлением) противостоять неблагоприятному развитию событий трансформируется в специфический характер, своеобразный «национальную ресурс» – способность к длительному напряжению сил, запредельную терпеливость, слишком часто хищнически используемую властителями.

То есть особенности жертвенно-героического мировосприятия/поведения не столь уж редко проявляются как внешняя пассивность по отношению к земному устройству. И без способности к самостоянию, перманентному укреплению личности, постоянному горению, неуступчивости «до самыя до смерти» попыткам коррупции (искушениям), лукавству прагматичной конвертации наличных даров открывают возможности для деспотизма и беспредельной тирании.

Между тем есть у русской психеи даже более глубокий пласт (но данное свойство отметим лишь на полях, не углубляясь в его жгучее содержание) – безудержная устремленность к идеалу. Тяга совершенно особого рода: перфекционизм, заставляющий разрушать и отчасти презирать земное устроение как несовершенные копии недостижимого идеала. Отсюда и особое прочтение творчества как искусства сокрушения несовершенств.

На краю Ойкумены

Корни мобилизационности как феномена могут быть различными, так же различаются и облики развития, но мы способны отличать цивилизации по родовым меткам их динамических, социальных производных. Идея глобального Рима – претензия на всемирное обустройство, унаследованная от Рима Первого и Второго, – оказалась необычайно близкой народу-первопроходцу, обитателю «темных земель». И не покидала с тех пор его мятущуюся душу.

В сущности, на протяжении некоторого периода на планете состязались две ветви цивилизации, несущей в своем естестве динамическую производную.

Это европейская цивилизация, которая, помимо англосаксонской империи, «где не заходило солнце», произвела на свет собственную версию вселенского мира – эпоху Нового времени, породив попутно энергичное сообщество «объединенных государств» («штатов»), выстроивших под сенью «града на холме» фундамент и само здание глобализации.

И не столь внятные, синкопированные, однако не менее дерзновенные, футуристичные эскизы Руси-России, которая воплощала географическую/идеологическую разведку боем, грезя всемирными и надмирными миражами. Не слишком отдаляясь при этом от материнских (континентальных) пространств, хотя и продуцируя фрагменты трансграничной, планетарной, универсальной экспансии. Перемещались народы, соединялись окраины, *у-краины*, пределы: православные казачьи запорожские и кубанские земли, донские и терские станицы. Это также дух и быт переселенцев и поселенцев Урала и Поморья, энтузиастов Беловодья и соратников Ермака, яицких, амурских, дальневосточных первопроходцев, шаг за шагом раздвигавших пространство познанной Ойкумены, заселявших и обустраивавших речные, степные, горные рубежи. И еще ушедшие от мира, скрывшиеся в неизведанных до поры «кромешных» землях монахи и старообрядцы... Каждый раз по-своему они укрупняли, творили очертания страны под стать пропорциям и смещаемым границам мятущегося духа.

Россия, таким образом, – архипелаг разнообразных форм заселения безбрежного сухопутного океана Северной Евразии. Это «потоковая социальность», разъединенная обширнейшими пространствами, симбиоз разбойной вольницы и мало в чем ограниченного произволения местных администраций. Саморазвитие общества в таких условиях в значительной мере сдерживалось лоскутным, экстенсивным характером социальных коммуникаций, отдавая приоритет административной скорлупе централизованного аппарата, что сказывалось на конфессиональной, языковой, историко-мифологической связности, одновременно порождая и закрепляя мистифицированные, декоративные, уязвимые стереотипы в общекультурных клише, стимулируя унификацию, но одновременно провоцируя периодическую неоархаизацию населения.

Ситуация осложнилась дополнительным расщеплением народа. Инициатива просвещенного общества, лишенного прочных оснований в этой специфической материальной культуре (где отсутствует, в частности, полноценная городская среда, столь необходимая для развития личности, и затруднено функционирование институтов деятельной самоорганизации), с какого-то момента основательно расходится как с народной культурой, так и с идеологическими/политическими скрепами государственного обустройства («лишние люди»). А затем становится конфликтогенной, критичной, оппозиционной

Византия и мы

Ветхозаветная Троица. Икона XV века

Человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если при этом он непрерывно беседует с Богом.

по отношению и к безликой стихии масс, и к формам бытия тучного Левиафана.

Но тотальность российской власти («до всего ей есть дело») – не только пресловутые обручи, сдерживавшие центробежные энергии территориального гиганта. В своей патерналистской ипостаси это еще парадоксальный субститут гражданского общества в его домостроительном аспекте. Не только политическая/экономическая реальность, но горизонты и содержание культурной политики привычно формируются здесь не обществом, а государством. Из-за подобного своеобразия гражданский прогресс и гуманизация среды обитания оставались и остаются социокультурной задачей России, а также ее политическим императивом. Альтернатива подобному маршруту – истощение пассионарности, девальвация этоса и дальнейшая архаизация ментальности.

Неклассический оператор

Мы живем в мире, степень неопределенности которого быстро повышается. В конце XX века глобальный театр операций, резкое возрастание рисков предопределили необходимость серьезного обновления методологии познания и действия, пересмотра процедур принятия/реализации решений.

По мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. Человек – органичная часть управленческой системы, но исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность» способствовала обезличиванию: долгое время люди подвергались своего рода индустриализации. Однако человек, будучи по природе не объектом, а субъектом, причем весьма сложным, способен к операциям нестандартного свойства. Подчас неожиданным и эффективным. Он, в частности, обладает способностью принимать решения на основе несовершенных, заведомо неполных данных. Мысля и действуя длительное время в соответствии с постулатами линейной логики, в рамках механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы привычно недооцениваем потенциальные возможности собственного естества. Нынешние критические обстоятельства требуют наличия или же выявляют отсутствие у субъекта уникальных личных ресурсов. Либо в качестве социальной альтернативы – эффективной методологии, пригодной для использования в условиях неопределенности. Возрастает роль креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать смысловую скоропись нестандартных ситуаций, поддерживать устойчивый, активный творческий статус.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся комплексных коллизий, мы не только обретаем особый, недоступный ранее опыт, но делаем выводы, меняющие всю систему принятия решений. Со времени мировых войн развитие методологии эффективного управления объектами, субъектами, событиями пережило несколько мутаций – исследование операций, системный анализ, системная динамика, поведение высокоадаптивных самоорганизующихся систем... Однако в настоящий момент мы, по-видимому, находимся на пороге еще более значительного транзита.

В XX веке произошло не просто резкое усложнение характера операций. Постепенно доминантным объектом внимания становится не столько состояние настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам по себе процесс как практика перемен. В свою очередь необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными процессами, протекающими порой на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск регламентов и соответствующего инструментария «новой рациональности», приспособленных к анализу поведения сверхсложных организованностей и, главное, к эффективному воздействию на него. А также неизбежно повлекла кардинальную переоценку роли антропологического фактора.

Человек перестает быть инструментальным элементом системы, ее объектом, функцией, агентом. Его сознание, мировосприятие, способы взаимодействия с природой, окружением переживают серьезную перестройку. И по мере умножения проблем, расширения круга объектов взаимодействия открываются все новые обстоятельства. Выясняется, к примеру, что, как и в естественных науках, само присутствие оператора в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Субстанция бытия, ее состояния связаны с субъектом теснее, нежели представлялось. Действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения психологии или морали, но также с позиции, которую можно определить как «метафизическая», оказывается, помимо прочего, серьезной практической проблемой. Взаимодействуя с более высокими регистрами сложности, различным образом постигая и формулируя статус постсекулярности, мы все чаще ощущаем соприсутствие сил, законов, которые до конца не понимаем, однако же пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем. Подобный подход предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы (знания) от субъекта и даже метафизических обстоятельств.

Какое отношение обозначенная проблематика имеет к обсуждаемой теме? Думается, что прямое.

Кризис взаимоотношений с возрастающей сложностью технических, биологических, социальных, антропологических систем предполагает либо отсроченный коллапс управления/контроля, либо прорыв к радикально иным принципам познания и действия. Уникальность возникающих ситуаций, их каскадная новизна, высокий уровень критичности, нелинейность, подвижный, изменчивый характер, диссипация требуют не просто пересмотра эпистемологического тезауруса, ревизии привычных алгоритмов и методов действия, но радикального изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Дело в том, что существующий категориальный аппарат и привычные методы конвергенции обретаемого знания подчас оказывают дурную услугу в опознании расширяющегося контура реальности. Кроме того, они все чаще используются, если можно так выразиться, «метафорически». Особенно заметны подобные изъяны в сфере социальных и гуманитарных дисциплин.

Происходящая девальвация категориального аппарата повышает значение и возможности негативной диалектики. Плодотворным направлением методологической революции представляется синергийный подход к миропознанию, миростроительству и пространству операций. Речь, похоже, идет о фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И далеко не в последнюю очередь – об углубленном, диверсифицированном осмыслении самого апофатического мировосприятия, рецептов и техник, которые развивались преимущественно в Византии, особенно в среде исихастов. Культура невербального постижения предполагает усилия и комплексные процедуры по удержанию неопределенности в целостности и полноте, то есть способность к внекатегориальному мышлению, ориентацию в беспорядочных структурах, практику взаимоотношений с иным и т.д. То есть в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический опыт взаимодействия с формально неопознанными, телеологическими и теологическими измерениями бытия... Другими словами, выясняется, что человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если при этом он непрерывно беседует с Богом.

Византия и мы

Илья Леонидович Бражников – доктор филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, публицист, автор книг «Мифопоэтика поступка: Ситуация ответа в художественном тексте» и «Русская литература XIX–XX веков: Историософский текст»

Византизм:
стилизация или фактор идентичности?

Византизм как политическая категория

Понятие «византизм» сегодня все чаще используется в качестве политического аргумента. При этом за последние несколько лет оно заметно мутировало. О византизме в политике говорят то в связи с коррупцией, то в связи с хитроумной, недоступной для постижения простыми смертными «этикой» высшего чиновничества. Византизм часто выступает в современном публицистическом контексте синонимом двоедушия, азиатчины.

В церковной жизни синонимами и воплощениями византизма в последние годы становятся то двусмысленные («дипломатичные») высказывания и шаги иерархов, а то и просто их дорогие облачения, особо торжественные, богато украшенные службы. В связи с этим доводится слышать о том, что «патриархи испокон веков в представительских случаях были в золоте и при всем параде» и что «это абсолютно нормально для византийского христианства» (Сергей Корнев). Складывается впечатление, что мы уже (или всегда) живем при византизме и «это абсолютно нормально».

Византизм становится своего рода неофициальной идеологией, неким внутренним, метафизическим измерением церковно-государственной жизни России. Это может вызывать раздражение у либерально настроенной публики или, напротив, вдохновлять консерваторов. Однако как первые, так и вторые верят в существование «византийского подтекста», порождающего самые разные ассоциации – от «тоталитаризма» до «симфонии властей».

Но даже для Константина Леонтьева, русского философа и государственного деятеля, автора концепции византизма, последний был отнюдь не нормой, а скорее идеалом, к которому следовало стремиться Российской империи – стране, несомненно, гораздо более близкой традициям Византии, нежели Российская Федерация, где любое проявление византизма всегда будет находиться в вопиющем противоречии с Конституцией. Ведь византизм предполагает государственный религиозный культ и православное вероисповедание как решающий фактор идентичности. Ни того ни другого не может быть в светском демократическом государстве, в качестве которого РФ позиционируется в своей официальной политике. Византизм тем самым становится своего рода неофициальной идеологией, неким внутренним, метафизическим измерением церковно-государственной жизни России. Это может вызывать раздражение у либерально настроенной публики или, напротив, вдохновлять консерваторов. Однако как первые, так и вторые безусловно верят в существование «византийского подтекста», который, как любая мифологема, имеет весьма расплывчатые очертания и порождает самые разные ассоциации – от «тоталитаризма» до «симфонии властей». Византизм перестает быть метафорой и аналогией и становится реальностью. В этой ситуации возникает необходимость четко определить, что же такое византизм, дабы не оказаться внутри этой метафоры и не кормить ее живой исторической плотью.

Леонтьев дал наиболее строгое и законченное определение византизма: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов». Из этих двух прин-

Византия и мы

Апостол Павел. Начало XIV века

Византийское обоснование автократии восходит к христианской концепции удерживающего, сформулированной во Втором послании апостола Павла к общине города Салоники. Это апостольское послание, как известно, является одним из ключей ко всей христианской эсхатологии, поскольку вводит ее фундаментальные категории и определения – отступление, антихрист, тайна беззакония и собственно удерживающий.

ципов (самодержавие – «крепкая, сосредоточенная монархическая государственность» – и «реально-мистическое, строго-церковное и монашеское христианство византийского типа») вытекал и третий принцип русского византизма – национальное своеобразие («красота жизни в самобытных национальных формах»). Только при сочетании этих трех факторов можно говорить о византизме.

Ключевой вопрос при таком – «строгом» – понимании византизма: в какой мере эта традиция может быть актуальна сегодня? К примеру, возможен ли византизм без самодержавия, в условиях демократии и «свободного» рынка? В то же время насколько сильно и влиятельно в настоящее время монашеское христианство? Какую роль в российской политике и культуре играет сейчас православная мистика? Наконец, насколько реально удержание «красоты жизни в самобытных национальных формах» в условиях глобализирующегося мира?

В первом приближении на все эти вопросы неизбежен отрицательный ответ. Власть в России несамодержавна, влияние мистически настроенного монашества – не то что на большую политику, а даже на церковную жизнь – ничтожно, демографическая ситуация такова, что под вопросом само существование нации: сначала сохранить бы само коренное население, а потом уже задумываться о красоте его жизни и самобытности!

Тем не менее византизм как проект по-прежнему возможен в сегодняшней России, в современных условиях. Но для того чтобы очертить контуры этого проекта, необходимо осветить некоторые теоретические проблемы.

Самодержавие как удержание: историческая морфология понятия «катехон»

Самодержавие – это, если перевести на современный политологический жаргон, реальный суверенитет. Это власть, не нуждающаяся в дополнительной легитимации в виде плебисцита, выборов, международного признания и т.д. Самодержавие – перевод греческого слова «автократия». Византийское обоснование автократии восходит к христианской концепции удерживающего, сформулированной во Втором послании апостола Павла к общине города Салоники. Это апостольское послание, как известно, является одним из ключей ко всей христианской эсхатологии, поскольку вводит ее фундаментальные категории и определения – отступление (апостасия), антихрист («человек греха, сын погибели»), тайна беззакония и собственно удерживающий: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели. <...> И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 3, 6–7). Византийская традиция практически с самого начала связывала понятие об удерживающем с Римской империей и лично с фигурой императора. Как известно, Иоанн Златоуст в своем толковании на Послание пишет буквально: «Когда прекратится существование Римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо. Потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится; но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он (антихрист) будет стремиться похитить всю – и человеческую, и Божескую – власть». Это и есть византийское обоснование самодержавия: самодержец тот, который удерживает весь мир от анархии и прихода антихриста. В IV веке, помимо Иоанна Златоуста, об удерживающем царстве писали такие авторитетные отцы и учителя, как Евсевий Кесарийский, преподобный Ефрем Сирин и др. У Козьмы Индикоплова (VI век) Византийская империя (новый Рим) понимается как «слуга Христова строения», поскольку в ее пределах произошло воплощение Слова и протекала земная жизнь Спасителя. Так считали не только восточные богословы, которых можно заподозрить в ангажированности, но и западные – как, например, Седулий Скот Младший (VIII век).

Однако после Великой схизмы 1054 года единство понимания христианами удерживающего царства утрачивается. Приблизительно с XII века схоластики начинают толковать Римскую империю в духовном смысле, то есть относить пророчество апостола Павла об удерживающем к Римско-католической церкви. Впервые такую трактовку можно встретить у Гуго Сен-Викторского, в окончательных формулировках находим ее у Фомы Аквината, который утверждает, что «удерживающее есть Римское царство, но не само по себе, а как продолжающее существовать в Римской церкви, переменившееся из временного в духовное».

Царство как утроба Богородицы и русский Царь-Христос

Византизм не терпит подобных иносказаний. Царство может быть только царством, оно не только духовно, но и вполне конкретно, видимо, буквально. Поэтому после падения Константинополя возникает идея Третьего Рима – Москвы как прямого продолжения Римской империи. Опровергая предсказание католического мистика Николая Латинянина, предсказывавшего новый всемирный потоп и конец света в 1524 году, инок псковского Спасо-Елеазаровского монастыря Филофей и создал концепцию Третьего Рима, дезавуировав прозелитский католический апокалиптизм православной эсхатологической перспективой, в которой «царство нашего государя» отождествляется с «Ромейским царством», то есть последним христианским царством – неразрушимым, поскольку сам «Господь в римскую власть написася».

Эта мысль, восходящая к Козьме Индикоплову («яко се прьвое написание бысть при Августе кесари, внегда Христос родися и в Римьскую землю и царьство съизволи написатися»), очень тонка и непривычна для современного «просвещенного» сознания. Для средневекового же человека очевидно, что, если Господь Бог воплотился в пределах Римской державы и был внесен в списки населения во время переписи, о чем сообщает Евангелие от Луки (Лк. 2: 1–3), то эта держава (власть, понимаемая во всех смыслах, – как территория, владение и как правление, господство, мощь) вечна и неразрушима. Ведь Бога нельзя «выписать» из книги, в которую Он уже раз сам «написался», будучи вписан во власть римского кесаря. Бог пребудет теперь в этой власти во веки веков. Возносясь к престолу Отца, он обещает послать Утешителя, Духа истины, который Церковью традиционно трактуется как Дух Святой, что и позволит самой власти стать удерживающей, ведь именно в этой власти отныне будет пребывать Дух Божий. И сама власть, вместившая в себя Бога, становится подобна материнской утробе, выносившей Христа.

Можно предположить, что этот пункт стал одним из первых в дальнейшем расхождении Греческой и Римской церквей, поскольку последней имперские смыслы христианства оставались чуждыми. Здесь же и узел полемики

Христос коронует Рожера II. Около середины XII века

Византийская традиция практически с самого начала связывала понятие об удерживающем с Римской империей и лично с фигурой императора. Однако приблизительно с XII века схоластики начинают толковать Римскую империю в духовном смысле, то есть относить пророчество апостола Павла об удерживающем к Римско-католической церкви.

Филофея с католицизмом. Католики учат, что Христос не принял человеческой плоти, «но з готовую небесною плотию, яко трубою, девичьскою утробою прошед, ниже душа человечьскиа приат, но вместо душа Духъ святый в нем пребывает», – отмечал инок Филофей. А из этого богословского тезиса с необходимостью следовало, что «падшаго Адама и всех от него рожденных человекъ плоть не обожися». Итак, если Христос воистину воплотился, то есть принял человеческую плоть от материнской утробы, то плоть приобрела божественность, она преображена. И, вечно пребывая в пределах империи, как в материнской утробе, Христос преображает и плоть государственную. Христос как бы «задержался» во плоти, а не прошел сквозь нее. Католическое же представление о прохождении Христа как бы сквозь плоть, «яко трубою», по меткому сравнению Филофея, без «задержки» порождает далее «ангеличность», «духовность», «небесность», «уранизм» – как в общественных институтах, так и в отдельных индивидах. Плоть понимается как временная, стремится стать духовной, индивидуализируется. Не может быть у католиков «недвижимого царства», поскольку Христос в нем не «задержался». Он вышел в небо, «яко трубою», и, как бы ни тянулись к Нему шпили готических храмов, достать Его они не могут: «Где буду Я, туда вы не можете прийти» (Ин. 7: 34). Отсюда эта неизбывная тоска по недовоплощенному небесному, эта скорбь католичества, эта любовь к страстям Христовым, потому что именно в страстях Христос в последний раз предстает для католиков в воплощенном, человеческом образе. «Се, Человек!» (Ин. 19: 5) Такое понимание в конечном итоге приводит к предельно индивидуализированному, психологизированному образу человека в Новое время.

Интересно и крайне важно для современного российского политического контекста, что Филофей давал обоснование государственного единства православных и мусульман, которые, покорив Второй Рим, не разрушили Ромейского царства, поскольку в нем «веры не повредиша». Правильная вера, таким образом, по Филофею, и есть «римская власть». Царство простирается повсюду, где вера православна.

Это и есть суть византизма, где вера и власть связаны неразрывно. В таком понимании византизм резко отличается от других религиозно-идеологических систем – прежде всего от католичества и иудейства.

Эбсторфская карта мира. XIII век

Если Христос воистину воплотился, то есть принял человеческую плоть от материнской утробы, то плоть приобрела божественность, она преображена. И, вечно пребывая в пределах империи, как в материнской утробе, Христос преображает и плоть государственную. Христос как бы «задержался» во плоти, а не прошел сквозь нее.

Катехон и концепция правового государства

К сожалению, такое православное понимание царства было утрачено – это стало достаточно очевидно к концу XIX века. Византизм к этому времени превратился в недостижимый идеал. Русская церковь и государственность осмысливались в научных и духовных школах под сильным влиянием протестантской теологии.

Приведем один достаточно типичный пример. Талантливый историк и богослов рубежа веков, священник Дмитрий Глаголев в своей магистерской диссертации «Второе Великое путешествие святого апостола Павла с проповедью Евангелия» касался пророчества об антихристе в послании Солу-

Папа Римский Бенедикт XVI благословляет паломников, собравшихся на площади Святого Петра в Ватикане. 1 мая 2011

Борьба за нравственность, за духовно-нравственные ценности, в которой заметную роль играет церковное руководство, – это другой – католический – вариант понимания удержания и удерживающего. Этот тренд призван фиксироваться на первом лице церковной иерархии как представителе канувшей в Лету, ставшей чисто «духовной» Римской империи.

нянам. Он стоял на позициях своего времени, опираясь на мнения немецких ученых Гофмана, Оберлена и Лютарда. Последний говорил о «нравственном правовом порядке» как наиболее твердом в христианском общественном устроении. «Замечательно, – комментировал благонамеренный священник, – что те эпохи, когда существенно нарушался общественный порядок, определяемый идеей справедливости, Священное Писание рассматривает как прообраз самых последних времен». В трактовке антихриста автор ссылался опять-таки на протестантского богослова Германа Ольсгаузена: хотя любой из носителей римской власти мог быть рассматриваем как антихрист (Нерон, Калигула), он все равно будет удерживающим «по своему должностному положению». Таким образом, выходило, что под катехоном мог пониматься и «порядок общественной жизни, обусловленный силою законов, обеспечивающих права каждой личности», и высший носитель и выразитель общественного порядка – император или несколько лиц – правительство («лицо, так сказать, собирательное»). Ранее это был римский император, потом будет еще кто-нибудь, поэтому к понятию удерживающего добавлено местоимение, переводимое с греческого как «ныне». Такая сугубо протестантская точка зрения и вела к прямому и полному отождествлению существующего порядка, со всеми его несправедливостями и недостатками, с христианством, и, следовательно, революционеры, протестовавшие против этого порядка, могли рассматриваться исключительно как сила «антихристианская». Но в то же время в сознании интеллигенции они же могли выглядеть и как святые, поскольку героически и жертвенно боролись за возвращение социальному строю христианского измерения.

Нечто подобное происходит и в наши дни. Нынешние консерваторы оправдывают существующий режим власти только за то, что это режим, то есть некий порядок, которому противостоит «антихрист» анархии и беззакония («болото», «белоленточники»). Соответственно олицетворение этого порядка – первое лицо государства и его «команда» – это и есть «катехон». В такой трактовке между политическим режимом РФ и самодержавием нет различий. Для оппозиции же нарушение властью установленных законом процедур и прав личности является признаком ее нелегитимности. Однако если законность будет соблюдена и права личности не станут нарушаться, оппозиция удовлетворится. Ясно, что в основе обоих представлений находится протестантская концепция удерживающего правового государства.

В то же время борьба за нравственность, за духовно-нравственные ценности, в которой заметную роль играет церковное руководство, – это другой – католический – вариант понимания удержания и удерживающего. Этот тренд призван фиксироваться на первом лице церковной иерархии как представителе канувшей в Лету, ставшей чисто «духовной» Римской империи. Заметим, что и в первом, и во втором вариантах Римской империи больше нет, ее реальность не признается, ее заменили полностью концепты «правового государства» и абстрактной «духовности». Поэтому все это строго противоположно настоящему византизму.

Егор Зайцев. Молитва на Бородинском поле. 2000–2002

Катехон – богоодержимое царство, которое не может исчезнуть в истории. Это царство, в котором все преображаются и воскресают, поскольку все одержимы Богом. Поэтому понятие катехона может быть распространено как на богоодержимого императора, так и на богоодержимый народ (народ-богоносец, по Достоевскому). Таким образом, самодержавие есть богоодержимость.

Ибо византизм исходит из того, что Римская империя не может исчезнуть, она есть, поскольку в ее подданных числится Сам Господь Иисус Христос. Удержание – не духовно-нравственная прерогатива и тем более не дело правительства и чиновников, это вообще не человеческая работа. Удерживающее есть то, что в данный момент является Христом. Это Царство, непосредственно удерживаемое Богом-Христом, вписанным в него при рождении. Следует при этом иметь в виду, что задолго до Рождества Христова у эллинов слово «катехон» однозначно ассоциировалось с мистериями в честь бога Диониса. «Катехестай ек теон» – вид экстаза в оргиях Диониса, всеобщая одержимость богом. Служители Диониса назывались одержимыми. Богоодержимость – «катохэ», отсюда происходит и слово «катехон» – удерживающий, или богоодержимый. Чтобы удерживать, необходимо быть богоодержимым.

Таким образом, катехон – богоодержимое царство, которое не может исчезнуть в истории. Это царство, в котором все преображаются и воскресают, поскольку все одержимы Богом. Поэтому понятие катехона может быть распространено как на богоодержимого императора, так и на богоодержимый народ (народ-богоносец, по Достоев-

Михаил Нестеров. Святая Русь. 1901–1905

В отсутствие императора функция катехона полностью ложится на плечи богоодержимого народа. И если переходить к предпочтительной для византизма форме правления, то эта форма менее всего должна быть имитационной, это должна быть реальная прямая демократия, конгломерат самоуправляющихся общин. Россия вновь станет удерживающей либо при восстановлении реального самодержавия византийского типа, либо если широкие слои общества станут богоодержимыми.

скому). Таким образом, самодержавие есть богоодержимость.

Современное понимание катехона

Каким может быть модернизационный проект русской государственности, чтобы она вновь стала удерживающей сегодня?

В отсутствие императора функция катехона полностью ложится на плечи богоодержимого народа. И если переходить к предпочтительной для византизма форме правления, то эта форма менее всего должна быть имитационной, это должна быть реальная прямая демократия, конгломерат самоуправляющихся общин. Россия вновь станет удерживающей либо при восстановлении реального самодержавия византийского типа, либо если широкие слои общества станут богоодержимыми и на исторической арене появится «самодержавный народ Христа», по выражению генерала Михаила Дитерихса. Эта мысль была близка многим в начале XX века, в том числе и русскому поэту-футуристу Велимиру Хлебникову, писавшему:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца –
Самодержавном народе.

Что это значит – быть богоодержимым? Может сложиться впечатление, что имеется в виду что-то неопределенно-ужасающее. Отнюдь нет. Бога не следует воображать как бесплотную абстракцию, поскольку Он давно воплотился, то есть вошел в плоть и кровь человека русской земли, слился с природным ландшафтом русской равнины. Он отправляет русского человека покорять космос, раскрывает ему тайны Вселенной. Но главным признаком богоодержимости является любовь. Любовь к ближним и дальним, ко всему живому на земле, к человеческой истории, которая должна быть продолжена. Верным признаком богоодержимости правителя служит его любовь к собственному народу, которая

Верным признаком богоодержимости общества станет преодоление той людоедской системы отношений, которая сложилась на сегодняшний день между человеком и человеком, а также между людьми и корпорациями, людьми и чиновниками. Эти отношения порождены попыткой реализации на русско-византийской почве протестантской идеи правового государства.

отнюдь не предполагает либерализма: любовь может быть и строгой, воспитывающей, и наказывающей.

Верным признаком богоодержимости общества станет преодоление той людоедской системы отношений, которая сложилась на сегодняшний день между человеком и человеком, а также между людьми и корпорациями, людьми и чиновниками. Эти отношения порождены попыткой реализации на русско-византийской почве протестантской идеи правового государства. Пора бы уже признать, что правовые механизмы (вероятно, эффективные в западных странах) отнюдь не сдерживают русских людей и ведут к нигилизму и беспределу, равно как и пропаганда «духовно-нравственных ценностей» вовсе не содействует облагораживанию нравов и укреплению авторитета Церкви. Леонтьев писал: «Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; Церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее – одно уравновесить другое». Таким образом, крепкое государство, строго аскетичное, независимое духовенство и сплоченное четкими историческими задачами и личной добротой общество – таково русско-византийское понимание человека, тела, мира, земли, космоса, истории в противоположность невизантийскому христианству и другим общественно-политическим моделям.

Современный псевдовизантизм, воспроизводящий лишь некое подобие имперского стиля, не опирающийся на антилатинство и отличное от протестантской идеи правового государства понимание царства и народа в катехонической перспективе, на альтерглобализм, симулятивен и противопоказан российской государственности и русскому обществу. Византизм не может сводиться к соблюдению строгости церковного и государственного ритуала. Если византийский миф не наследуется в своей полноте, то воспроизведение византийского стиля в государственной и церковной жизни будет вызывать у русского народа естественное отторжение.

Архимандрит Тихон (Шевкунов) – наместник московского Сретенского ставропигиального мужского монастыря, ректор Сретенской духовной семинарии, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре

Византийский урок

Фрагменты дикторского текста литературного сценария фильма **«Гибель империи. Византийский урок»**

Правовое государство, которое так привычно для нас сегодня, сформированное на основе римского права, было создано именно здесь, в Византии, 1500 лет назад.

■

Система школьного и высшего образования впервые в мире возникла в Византии, именно здесь в V веке появился первый университет.

■

В Византии была создана самая стабильная в истории человечества финансовая система, просуществовавшая практически в неизменном виде более 1000 лет. Современная дипломатия с ее базовыми принципами, правилами, этикетом создавалась и оттачивалась здесь, в Византии. Инженерное искусство и архитектура Византии не имели себе равных, да и сегодня шедевры византийских мастеров, такие как купол Святой Софии, поражают совершенством технического исполнения.

■

Ни одна другая империя в истории человечества не прожила столь долго, как Византия. Она просуществовала 1123 года.

■

Для сравнения: великий Рим рухнул через 800 лет, Османский султанат распался через 500 лет, китайская империя Цин – через 300, Российская империя просуществовала 200 лет, Британская – 150, Австро-Венгерская – около 100 лет.

■

На территории Византии в период расцвета проживала шестая часть населения земли. Империя простиралась от Гибралтара до Евфрата и Аравии. В нее входили территории современных Греции и Турции, Израиля и Египта, Болгарии, Сербии и Албании, Туниса, Алжира и Марокко, часть Италии, Испания и Португалия. В Византии было около 1000 городов – почти столько же, сколько в современной России.

■

Баснословные богатства, красота и изысканность столицы империи – Константинополя – буквально потрясали европейские народы, находившиеся в период расцвета Византии в состоянии глубокого варварства.

■

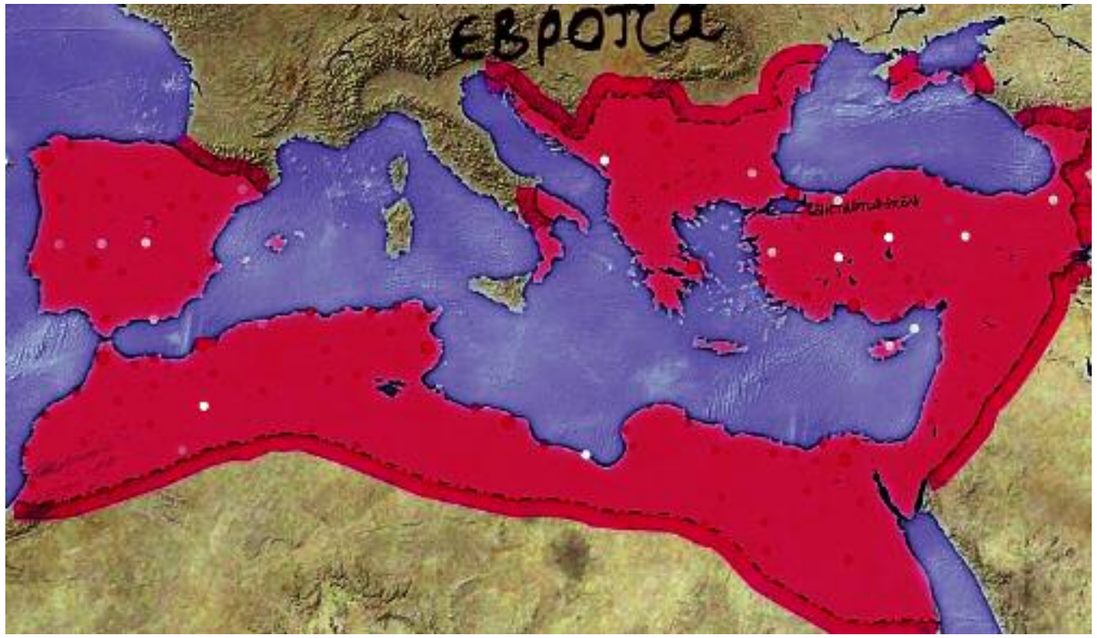
Можно себе представить, да и история говорит нам о том же, что грубые и невежественные скандинавы, германцы, франки, англосаксы, для которых основным способом существования был в те времена примитивный разбой, попадая из какого-нибудь Парижа или Лондона с населением в десятки тысяч человек в миллионный мегаполис, в город просвещенных горожан, ученых, блистательно одетой молодежи, толпящейся у императорского университета, только и мечтали об одном: захватить и ограбить, ограбить и захватить.

■

Кстати, когда это им впервые удалось и войска европейцев, которые называли себя крестоносцами, в 1204 году вместо того, чтобы освобождать Святую Землю, вероломно ворвались в Константинополь и захватили этот самый прекрасный в мире город, они нескончаемым потоком 50 лет вывозили сокровища Византии. Только драгоценной монеты были вывезены сотни тонн, и это притом что годовой бюджет самых богатых стран Европы составлял тогда не более 2 тонн золота.

Правовое государство, которое так привычно для нас сегодня, сформированное на основе римского права, было создано именно здесь, в Византии, 1500 лет назад.

Византия и мы



На территории Византии в период расцвета проживала шестая часть населения земли. Империя простиралась от Гибралтара до Евфрата и Аравии. В нее входили территории современных Греции и Турции, Израиля и Египта, Болгарии, Сербии и Албании, Туниса, Алжира и Марокко, часть Италии, Испания и Португалия.

■

Венеция. Собор святого Марка. Все колонны, мрамор, драгоценное внутреннее убранство были похищены именно тогда. Кстати, вот те самые кони имперской квадриги, украденные крестоносцами из Константинополя.

Были вывезены бесценные святыни и произведения искусства, но еще больше варвары из Брюсселя, Лондона, Нюрнберга, Парижа попросту уничтожили – переплавили на монету или выбросили как хлам. И по сей день музеи Европы ломятся от награбленных византийских сокровищ. Но будем учитывать, что уцелевшее – это лишь самая небольшая часть.

■

Именно несметными богатствами Константинополя был выкормлен монстр ростовщической банковской системы современного мира. Этот небольшой теперь город в Италии – Венеция – был Нью-Йорком XIII века. Здесь тогда вершились финансовые судьбы народов. Поначалу большая часть награбленного спешно свозилась морским путем в Венецию и Ломбардию (тогда отсюда и пошло слово «ломбард»). Как грибы после дождя стали появляться первые европейские банки. Менее пронырливые, чем тогдашние венецианцы, немцы, голландцы и англичане подключились чуть позже; ими на хлынувшие в Европу византийские деньги и сокровища начал создаваться тот самый знаменитый капитализм с его неуемной жаждой наживы, которая, по сути, является генетическим продолжением азарта военного грабежа. В результате спекуляции константинопольскими реликвиями образовались первые крупные еврейские капиталы.

■

Невиданный поток свободных денег вызвал бурный рост западноевропейских городов, стал решающим толчком развития ремесел, наук, искусств. Запад варварский стал Западом цивилизованным лишь после того, как захватил, разграбил, разрушил и поглотил в себя Византийскую империю.

■

Наши предки, тоже, признаться, не отличавшиеся в то время изысканным воспитанием, неоднократно поддавались варварскому соблазну поживиться за счет несметных богатств Царьграда. Но к чести их, да и к нашему счастью, жажда воинской наживы не затмила для них главное: русские поняли, в чем заключается самое великое сокровище Византии. Это было не золото, не драгоценные камни, даже не искусство и науки. Главным сокровищем Византии был Бог. И объехав все известные в то время страны мира, послы князя Владимира именно здесь поняли, что существует реальное общение Бога и человека, что для нас возможна живая связь с иным миром. «Не знаем, где находились мы, на небе или на земле», – говорили наши потрясенные предки о своем присутствии на Божественной литургии в главном храме империи, соборе Святой Софии. Они поняли, какое богатство можно получить в Византии. И на это сокровище наши великие предки создали не банки, не капитал и даже не музеи и ломбарды. Они создали Русь, Россию, духовную преемницу Византии.

Венеция. Собор святого Марка. Все колонны, мрамор, драгоценное внутреннее убранство были похищены именно тогда. Кстати, вот те самые кони имперской квадриги, украденные крестоносцами из Константинополя.

■

Мы будем говорить именно о том внутреннем враге, который появился в духовных недрах византийского общества и сокрушил дух великого народа, сделав его беззащитной жертвой тех вызовов истории, на которые Византия уже не смогла ответить.

Сегодня мы привыкли считать основой благосостояния общества его экономику. Хотя слово «экономика» – да и сама экономическая наука – византийского происхождения, сами византийцы никогда не уделяли ей первостепенного внимания. За свою историю византийская финансово-экономическая система пережила несколько тяжелых кризисов, но эффективное производство и сельское хозяйство в целом позволяли выправлять ситуацию. Достаточно сказать, что в течение тысячи лет вся международная торговля была основана на золотой византийской монете.

Невиданный поток свободных денег вызвал бурный рост западноевропейских городов, стал решающим толчком развития ремесел, наук, искусств. Запад варварский стал Западом цивилизованным лишь после того, как захватил, разграбил, разрушил и поглотил в себя Византийскую империю.

Проблемой, которую Византия не смогла решить и которая, в конце концов, погубила ее экономику, стала утрата государственного контроля над финансами, грандиозный неконтролируемый процесс оттока капитала на Запад в развивающуюся Европу. Государство выпустило из своих рук рычаги контроля над торговлей и промышленностью и, в конце концов, отдало свои основные торговые и экономические ресурсы иностранным предпринимателям.

■

Произошло это так. Одним из главных финансовых ресурсов страны была не нефть, как сейчас, и не газ, а таможенные поступления от грандиозной международной торговли на Босфоре и Дарданеллах. Византийцы, которые ранее всегда принципиально полагались только на свои силы в управлении страной и в хозяйственных вопросах, вдруг стали бурно обсуждать, а потом и решили, что международную торговлю разумнее предоставить зарубежным «друзьям», более предприимчивым и готовым взять на себя все расходы по созданию сложных транспортных потоков, вооруженной охране торговых путей, строительству новых портов, интенсификации и развитию коммерческой деятельности. Были призваны западные специалисты из Венеции и Генуи, за несколько столетий выросшие на византийской торговле, и им была разрешена беспошлинная торговля и поручена охрана морских коммуникаций на территории империи.

Запад всеми правдами и неправдами стал вовлекать Византию в зарождающийся тогда прообраз всеевропейской торговой организации и, воспользовавшись одним из сложных периодов в жизни империи, добился своего: император Алексий Комнин на самых невыгодных для страны условиях подписал международный торговый договор, названный «Золотая булла». На поверку этот договор оказался кабальным и выгодным только Западу.

До поры до времени все были довольны: оживилась торговля, в городских лавках и магазинах появилось невиданное прежде изобилие европейских и азиатских товаров... Но все это не далось даром: за считанные десятилетия отечественное производство и сельское хозяйство деградировали стремительными темпами.

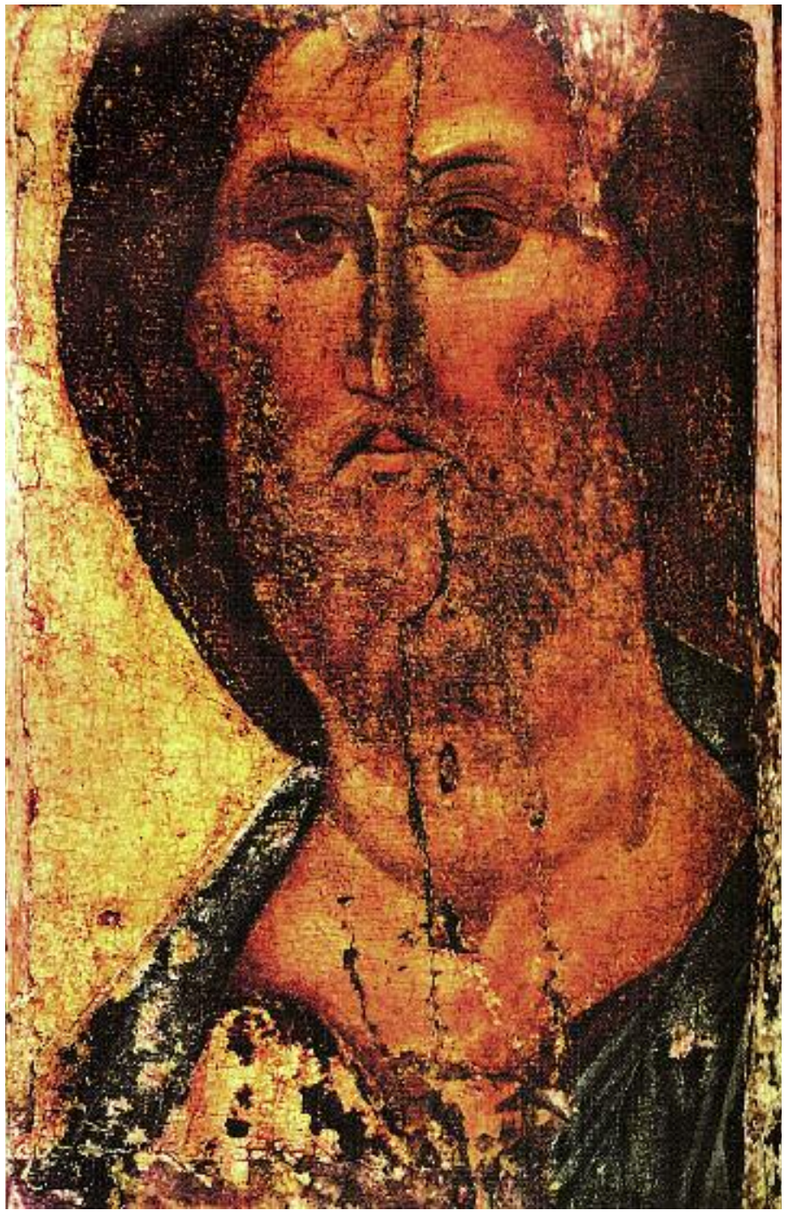
Разорились или попали в зависимость от иностранцев все византийские предприниматели. Когда всерьез спохватились, оказалось уже поздно. Был аннулирован договор «Золотая булла», и император Андроник попытался вернуть стране текущие потоками за границу доходы. Он конфисковал все до одного иностранные коммерческие предприятия, высасывающие последние ресурсы из экономики государства. Это не прошло даром ни ему, ни империи. Его зверски убили, а Венецианская республика, ставшая к тому времени крупнейшей финансовой олигархией, наняла целый крестовый поход и вместо Святой Земли направила его на грабеж Константинополя. Византийцы, которые до этого воспринимали крестоносцев в общем-то как братьев по вере и военных союзников, были настолько не подготовлены к такому коварнейшему удару, что не организовали должного сопротивления. В 1204 году французский, германский и итальянский контингенты западных союзников осадили Константинополь и захватили его. Город был безжалостно разграблен и сожжен.

При этом венецианцы – оплот тогдашнего свободного предпринимательства – объявили на весь западный мир, что восстанавливают попранную законность, права свободного международного рынка, а главное – борются с режимом, отрицающим общеевропейские ценности. Именно с этого момента на Западе стал создаваться образ Византии как еретической «империи зла».

В дальнейшем этот образ всегда, когда требовалось, извлекался из идеологических арсеналов. Хотя через 50 лет Константинополь был освобожден от крестоносцев, Византия больше никогда не смогла оправиться от этого удара. А иностранные торговцы навсегда остались полными хозяевами и в экономике, и на византийском рынке.

■

Другой неразрешенной проблемой Византии стала коррупция и олигархия. Борьба с ними велась постоянно и долгое время была эффективна. Зарвавшихся чиновников и финансовых махинаторов подвергали наказаниям и ссылкам, их имущество полностью конфисковывалось в казну. Но, в конце концов, у власти не хватило решимости и сил последовательно пресекать это зло. Олигархи обзавелись це-



Объехав все известные в то время страны мира, послы князя Владимира именно в Царьграде поняли, что существует реальное общение Бога и человека, что для нас возможна живая связь с иным миром.

Византия выпустила из своих рук рычаги контроля над торговлей и промышленностью и, в конце концов, отдала свои основные торговые и экономические ресурсы иностранным предпринимателям.

лыми армиями под видом слуг и подразделений охраны и ввергли государство в пучину гражданских войн.

Откуда в Византии вообще взялась олигархия и почему она стала неуправляема?

Византия всегда была жестко централизованным бюрократическим государством, и это было отнюдь не ее слабостью, а напротив, ее исторической силой. Любые попытки срастания власти и частных интересов всегда пресекались здесь жестко и решительно. Но в один из моментов, в период политических и административных реформ, возник соблазн заменить старую и кажущуюся неповоротливой бюрократическую машину на более эффективную и гибкую, в которой роль государства была бы ограничена и сведена к надзору над формальной законностью. Короче говоря, государство ради благих целей фактически добровольно отказалось от части своих стратегических монопольных функций и передало их в руки некого узкого круга семейств.

Эта вскормленная государством новая аристократия недолго находилась под контролем бюрократического аппарата, как это задумывалось. Противостояние шло с переменным успехом и кончилось тяжелейшим политическим кризисом, выбираться из которого пришлось ценой необратимых уступок иностранцам. Что за этим последовало, мы уже знаем. Олигархическое же разложение государства продолжалось до самого завоевания турками Константинополя.

Кстати, во время этой последней турецкой осады олигархи не только не дали ни монеты на оборону города, но и расхитили те скудные средства, которые еще оставались в казне. Захватив Константинополь, молодой султан Мехмед, потрясенный богатствами некоторых горожан и в то же время полным отсутствием средств у защитников города, призвал к себе самых богатых граждан и задал им простой вопрос: почему они не дали деньги на защиту города от неприятеля? «Мы берегли эти средства для твоего султанского величества», – льстиво ответили те. Мехмед тут же приказал предать их всех самой жестокой казни: им отрубили головы, а тела бросили собакам. Те же из олигархов, которые бежали на Запад, надеясь там укрыть свои капиталы, были нещадно обобраны западными друзьями и закончили жизнь в нищете.

Огромной проблемой Византийского государства в период упадка стала частая смена направлений политики, то, что называется отсутствием стабильности и преемственности государственной власти. Со сменой императора нередко кардинально менялось направление жизни империи. Это крайне ослабляло всю страну и жестоко выматывало народ.

Политическая стабильность – одно из главных условий сильного государства. Это был завет великих императоров Византии. Но этим заветом пренебрегли. Был период, когда императоры менялись в среднем каждые четыре года. Можно ли было говорить в таких условиях о каком-то подъеме страны, реализации по-настоящему масштабных государственных проектов, требовавших многолетней последовательной работы?

■

Вопрос о преемстве власти оказался для империи вопросом жизни и смерти: будет сохранено преемство и стабильность развития – у страны будет будущее. Нет – ее ждет крах. Но народ зачастую этого не понимал и время от времени требовал новых и новых перемен. На подобных настроениях играли разного рода авантюристы и беглые олигархи. Обычно они укрывались за границей и оттуда поддерживали интриги с целью свержения неугодного им императора, обеспечения власти своего ставленника и новых переделов собственности.

■

Тяжелейшей и неизлечимой болезнью страны стала проблема, которая ранее никогда не стояла в Византии: в империи появился национальный вопрос.

■

Достаточно было любому язычнику или иноверному принять православную веру и подтвердить свою веру делами, и он становился абсолютно полноправным членом общества. На византийском престоле, например, императоров-армян было почти столько же, сколько и греков, были люди с сирийскими, арабскими, славянскими, германскими корнями. Высшими государственными чиновниками становились без ограничения представители всех народов империи – основной упор делался на их деловые качества и приверженность православной вере. Все это обеспечивало ни с чем не сравнимое культурное богатство византийской цивилизации.

■

Демографическая проблема была одной из самых острых в Византии. Империю постепенно заселяли чуждые народы, уверенно вытесняя коренное православное население. На глазах происходила смена этнического состава страны. В чем-то это был неизбежный процесс: рождаемость в Византии становилось все более низкой. Но и это было не самое страшное. Такое временами случалось и раньше. Катастрофа была в том, что народы, которые теперь вливались в империю, больше не становились ромеями, а навсегда оставались чужими, агрессивными, враждебными. Теперь пришельцы относились к Византии не как к своей новой родине, а лишь как к потенциальной добыче, которая рано или поздно должна перейти в их руки.

Происходило это еще и потому, что империя отказалась заниматься воспитанием народа в угоду появившимся в начале эпохи Возрождения демагогическим веяниям о государственной идеологии как о насилии над личностью. Но свято место пусто не бывает. Добровольно отказавшись от своей тысячелетней идеологической функции воспитания народа, византийцы допустили влияние на души и умы своих граждан не столько независимой и вольной мысли, сколько целенаправленной

Разного рода авантюристы и беглые олигархи укрывались за границей и оттуда поддерживали интриги с целью свержения неугодного им императора, обеспечения власти своего ставленника и новых переделов собственности.

В Византии с конца XIII века образовались две партии. Одна призывала опираться в первую очередь на свои внутренние силы, безусловно верить в них, развивать колоссальный потенциал своей страны. Другая партия – прозападная, представители которой, указывая на несомненный факт того, что Европа развивается все более успешно, стали громче и громче заявлять, что Византия исторически исчерпала себя как политическое, культурное и религиозное явление.

агрессии, нацеленной на разрушение основных устоев государства и общества.

■

В Византии с конца XIII века образовались две партии. Одна призывала опираться в первую очередь на свои внутренние силы, безусловно верить в них, развивать колоссальный потенциал своей страны. Западноевропейский опыт они были готовы воспринимать избирательно, после серьезной проверки временем и лишь в тех случаях, когда перемены не будут касаться фундаментальных основ веры и государственной политики. Другая партия – прозападная, представители которой, указывая на несомненный факт того, что Европа развивается все более успешно, стали громче и громче заявлять, что Византия исторически исчерпала себя как политическое, культурное и религиозное явление, и требовали коренной перестройки всех институтов государства по образцу западноевропейских стран.

Представители прозападной партии, тайно – а чаще и открыто – поддерживаемые европейскими правительствами, одержали безусловную победу над имперскими традиционалистами. Под их руководством в стране был осуществлен ряд важнейших реформ, включая экономическую, военную, политическую и, наконец, идеологическую и религиозную. Все эти реформы завершились полным крахом и привели к таким духовным и материальным разрушениям в империи, что она осталась совершено беззащитной перед напором войск своего восточного соседа – Османского султаната.

В первую очередь западная партия начала пересмотр отечественной истории, культуры и веры своей страны. Но вместо здоровой критики они предложили обществу пагубное самоуничижение. Все западное превозносилось, свое презиралось. Византийская история искажалась, вера и традиции осмеивались, армия подвергалась унижению. Из Византии стали создавать некоего всемирного монстра.

Богатая византийская молодежь теперь уже не училась в своей стране, а уезжала учиться за границу. Лучшие умы византийской науки эмигрировали на Запад: государство перестало уделять им должное внимание.

■

Выгоды, полученные византийцами от этой сдачи идеологических позиций, оказались мизерными. Расчеты западнической партии не только не оправдались – они рухнули.

■

Византийцы должны были зарубить на носу, что Западу нужно только полное и безусловное религиозное и политическое подчинение. Непогрешимым для византийцев должен был стать не только папа, но сам Запад. Другой страшнейшей потерей от предательства веры стала утрата доверия народа к власти. Византийцы были потрясены предательством их высшей ценности – православия. Они увидели, что и с главным в жизни – истинами веры, – оказывается, можно играть. Смысл существования византийцев был потерян. Это было последнее и главное, что разрушило страну. И хотя далеко не все приняли унию, но дух народа был сломлен. На место прежней жажды жизни и энергичной решимости к действию пришла ужасающая общенародная апатия и усталость. Народ перестал хотеть жить.

Появился болезненный интерес к давно забытым мистериям древних греков. Увлеченная неоязычеством интеллигенция сознательно и цинично разрушала в народе основы христианской веры.

■

Кризис государственной идеологии привел к тотальному пессимизму. В обществе царили духовно-нравственный упадок, неверие, увлечение астрологией и самые дикие суеверия. Алкоголизм стал настоящим бичом для мужского населения. Появился болезненный интерес к давно забытым мистериям древних греков. Увлеченная неоязычеством интеллигенция сознательно и цинично разрушала в народе основы христианской веры.

■

Мстительная ненависть Запада к Византии и к ее преемникам, совершенно необъяснимая даже для них самих, на каком-то глубочайшем генетическом уровне, как это ни парадоксально, продолжается до сих пор. Без понимания этого поразительного, но несомненного факта мы рискуем многого не понять не только в давно минувшей истории, но и в истории XX и даже XXI века.

Сергей Михайлович Сергеев –
кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма»

Византизм
как последнее прибежище российской олигархии

Фантом «византизма» нависает над русским самосознанием много веков. Причем тем сильнее, чем дальше от нас в прошлое отодвигается историческая основа этого фантома – реальная империя ромеев. Резкий взлет византофилии в России начался в 30-е годы XIX столетия и достиг своего апогея во время Первой мировой войны, когда мечта Тютчева, Достоевского, Леонтьева, казалось, вот-вот сбудется и Третий Рим, наконец-то, вступит во владение своим законным наследием – землями и столицей некогда павшего Второго Рима.

Сегодня в «охранительских» интеллектуальных и политических кругах этот фантом обрел новую жизнь. Более того, он достаточно активно навязывается широкой публике, в том числе и посредством телевидения. Достаточно вспомнить нашумевший несколько лет назад документальный фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Византийский урок». Восточная Римская империя снова объявляется нашей духовной родиной и государственным эталоном.

Но действительно ли византийское влияние было столь могущественным в русском прошлом?

Мифы идеологов и факты истории

Обращаясь к истокам византийского мифа, мы видим, что он основывается, прежде всего, не на академических исследованиях, а на идеологически ангажированной публицистике позапрошлого века – главным образом на знаменитом сочинении Константина Леонтьева «Византизм и славянство». Это важно

Последний византийский император Константин XI Палеолог

Константин Леонтьев

отметить, ибо русская византинистика достигла значительных результатов несколько позднее – в конце XIX – начале XX веков. То есть Леонтьев в своих декларациях не опирался на какой-либо серьезный научный фундамент, а просто и беззастенчиво пропагандировал то, что ему нравилось.

Нынешние византинофилы тоже не слишком утруждают себя историческими изысканиями, а лишь с теми или иными вариациями повторяют художественно яркие леонтьевские пассажи. О том, что «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм». О том, что Россия, по сути, есть второе издание империи ромеев, ее сколок, ибо «соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил еще бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственнее».

Между тем здесь всё вызывает вполне законные вопросы у любого человека, более или менее владеющего современным инструментарием гуманитарных наук. Через какие конкретные культурные, политические, экономические механизмы происходил трансфер византизма в Россию? Действительно ли она была такой уж *tabula rasa*? Почему отсутствуют сравнительные характеристики главных государственных и общественных институтов России и Византии, из которых стало бы очевидно их тождество?

Вопросы эти, разумеется, не к Леонтьеву, а к тем, которые бездумно повторяют его тезисы, забывая об их критической проверке.

Причем для сомнений в данном случае не нужно быть уж очень подкованным специалистом. Достаточно школьного курса истории и здравого смысла. Василий Розанов не был академическим ученым, но еще в 1892 году в работе «Эстетическое понимание истории», будучи, между прочим, в ту пору горячим поклонником Леонтьева, легко заметил нестыковки в исторической концепции «Византизма и славянства»: «Когда, в какую эпоху мы более всего были проникнуты византийскими началами? Не все ли скажут, что в период государственного созидания Москвою? Но если так, почему не в пору своей детской восприимчивости, не при живой Византии и близости от нее мы прониклись этими началами, но в пору недоверчивой замкнутости и уже павшей Византии, разделенные к тому же от нее громадными пространствами и враждебными племенами? Не есть ли византийское происхождение московского склада жизни явление гораздо более кажущееся, чем действительное?

Нам не кажется, чтобы Владимир Святой и его дети – Мстиславы Храбрый и Удалой, Роман и Даниил Галицкие, Олег "Гориславич" – носили особенно византийский облик. В эту пору горячей связи, только что восприняв христианство, впечатлительные до переимчивости многого у половцев, мы сохранили, однако, общеславянские черты характера. <...>

И вот когда Византия из могущественной и привлекательной империи стала рабыней мусульманства, выпрашивавшей у нас денег при гордых Иоаннах, при Годунове, при первых царях из дома Романовых, мы хотим видеть Россию проникнутой византийскими началами. Не обман ли это, не приписываем ли мы черт глубоко оригинальных и самобытных – заимствованию. <...> Нельзя приписать <...> влиянию византийской Церкви и государства весь склад нашего государства, быта, нравственных и других понятий. В некоторые эпохи здесь было сходство, но не было заимствования, подчинения – или не было его в очень значительной степени».

Розановские аргументы и сегодня звучат свежо. Действительно, Киевская Русь, находившаяся в теснейшей связи с империей ромеев, нимало на нее не походила. Великие князья Московские менее всего напоминают романтиков или декадентов, трудно их заподозрить в горячей приверженности к недавно остывшему политическому трупу, похороненному тем более за тридевять земель. Одно дело – претендовать на его наследие, другое – перенимать его не оправдавшие себя практики. Даже на уровне символов византийские заимствования московских князей были довольно скромными: некоторые современные историки (Владимир Артамонов, Наталия Соболева, Алла Хорошкевич) считают, что пресловутый двуглавый орел импортирован вовсе не из Восточной Римской империи, а из Священной Римской империи германской нации.

Что же касается главного политического византийского трансфера – самодержавия, то и оно возникает на Руси из иных источников. Прежде всего оно есть следствие определенных исторических обстоятельств и реакции на них московских князей, а вовсе не результат каких-либо влияний. Конечно же, последние имелись и играли немалую роль. Но подражают всегда сильным и успешным, а не слабым и побежденным. Поэтому куда естественнее искать истоки российского самодержавия в ордынском образце (Андрей Фурсов), а в реформах главных зодчих Московского государства – Ивана III и Ивана IV – видеть османский след (Сергей Нефедов). Не все так просто и с самой очевидной частью византийского наследия – православием. С одной стороны, бесспорно, что догматически и канонически русское православие – точная копия византийского. С другой стороны, не раз было отмечено (например, Сергеем Аверинцевым) существенное отличие русской и ромейской духовности, скажем, в определении критериев святости (канонизация князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в Константинополе была бы невозможна). Общее место в искусствоведении – не только эстетическая, но и духовная оригинальность древнерусской иконописи периода расцвета в сравнении с иконописью византийской. Крупнейший специалист в данной области Виктор Бычков пишет о «Спасе» Рублева: «Такого Христа не знало византийское искусство».

И уж тем более смешно говорить о том, что византизм мог пронизывать быт низов русского общества, особенно крестьянства, далекого от культуры элиты и официального православия.

А хорош ли образец?

Этот вопрос нынешние византофилы тоже не слишком любят обсуждать, предпочитая пафосные речи о «величайшей тысячелетней империи». Но если внимательно присмотреться к причинам гибели последней, то мы увидим, что главные из них имеют разительное и глубокое сходство с теми недугами, которыми страдает Российская Федерация. Чтобы не быть заподозренным в предвзятости, предоставлю слово выдающемуся русскому «охранителю» Льву Тихомирову, который в своей «Монархической государственности» высказался о Византии более чем критично. Тихомиров был убежден, что причины падения империи ромеев прежде всего внутренние, а не внешние: «Сила турок могла развиться только потому, что на это им дало возможность растущее захирение самой Византии. Политическая смерть Византии <...> всецело обусловилась недостатками ее государственной системы».

Что же это за недостатки?

Главный и основополагающий – отсутствие в Византии нации и в этническом, и в гражданском смыслах. С одной стороны, греки, являвшиеся культурно-политическим ядром империи, не были ее этническим большинством. С другой – имперская власть отказалась от взаимодействия с обществом и всячески мешала развиваться институтам самоуправления. Христианство же, будучи духовной скрепой государства, не могло заменить собой развитых горизонтальных социальных связей. Таким образом, «государство тут строилось не из нации, а образовывало особую правящую корпорацию чиновников-политиканов, которые действовали от имени императора, но в то же время сами создавали императоров». В результате «византийская государственность развила самый крайний бюрократизм».

Василий Розанов

Описание Тихомировым византийской бюрократии, право же, звучит весьма злободневно: «Вместо того чтобы государство пользовалось в управлении содействием местных социальных сил, государство, напротив, своих чиновников сделало исправляющими должность социальных сил. Но разница при этой замене получается та, что, имея свои интересы в службе, чиновничество перестало быть на местах своего землевладения гражданами, не имело надобности заботиться об интересах этих местностей, об их оживлении, социальном здоровье и крепости, а смотрело на них только с точки зрения временного дохода и временной ступени карьеры. Его влияние не сохраняло крепость провинции, а разлагало. <...> Чиновники Византии

Лев Тихомиров

служили усердно государству, но грабить народ не противоречило их патриотизму. Их хищения, дезорганизация всей страны, производимая ими и бывшая причиной того, что провинции рады были иноземному завоеванию, – все это общеизвестно, было это известно и самим императорам. Императоры, в которых жило чувство "служителя Божия", были полны недоверия к своим чиновникам. Но значение высшей управительной власти неудержимо погружало императора в мир бюрократии, делало его не главой народа, а главой бюрократии». Такая власть не могла не вести к деградации и самого общества: «Каждому начинало казаться, что дело справедливости – какое-то чужое дело, не касающееся его. Постоянное зрелище злоупотреблений и неправды подрывало веру народа в государство, разъединяло его с государством и нравственно. <...> Оставался жив еще только идеал царя, потому что он связывался с религиозными представлениями. Также и в самом автократоре религиозное чувство, сознание миссии "Божия служителя" поддерживало готовность охранять справедливость. Но возможности на это он имел очень мало. В каждую же минуту испытания, которых у Византии было так много, общая дезорганизация нации и ее разобщенность с государством сказывались самым тяжким образом».

Империя стала терять лояльность многочисленных этносов, входивших в ее состав, и привлекательность для этносов, живших по соседству: «Византийская государственность не привлекала к себе эти народы, напротив, являлась для них антипатичной, как сила только эксплуатирующая, но не дававшая почти ничего и сверх того сулящая народностям империи только порабощение чиновничеством. Социальные силы всякой провинции, всякой народности при включении в состав империи обречены были на захирение и уничтожение. Но при таком условии самостоятельного стремления быть с Византией, войти в ее состав не возникло и не могло возникать нигде. И вот в результате общая схема жизни империи состояла в том, что империя постепенно уменьшалась, теряла область за областью, на минуту кое-что расширяла, но потом опять шла на убыль. Количественная сила империи постоянно уменьшалась. И чем слабее количественно она становилась, тем тяжелее делалось для населения содержать грузную бюрократическую административную машину Византии».

В результате империя оказалась неспособной защититься от внешних опасностей – сначала от крестоносцев, потом от турок: «Бюрократический слой показал себя тем, чем он был: насквозь прогнившим. Он всегда смешивал государство с самим собой и служил государству, служа себе. Когда государство рушилось, чиновничество показало себя вполне изменническим в отношении нации. Нация же оказалась, во-первых, лишенной самомалейших центров организации, а потому неспособной поддержать государство, а, во-вторых, в ней проявился полный индифферентизм даже к поддержанию такого государства». Что-то не слишком все это вдохновляет...

Суть дела

Так зачем же тогда нам сегодня настоятельно рекомендуют византизм в качестве путеводной звезды, зачем его так идеализируют, раз он вызывает такие неприятные параллели?

Ну, собственно, именно поэтому и идеализируют, что параллели очевидны. Дело ведь, в конечном счете, не в исторической империи ромеев как таковой. Дело в типе ее политической системы – восточнодеспотической, – которая гораздо древнее Византии и ею не закончилась. Иные «охранители» предпочитают восхвалять в качестве образца для РФ Золотую Орду. Но это пока что неприемлемо для большинства русских, все-таки смутно помнящих из школьной программы что-то о Куликовской битве. А Византия, несомненно, гораздо благороднее, культурнее – опять же православие, да и Тютчев с Леонтьевым посолиднее Льва Гумилева выглядят.

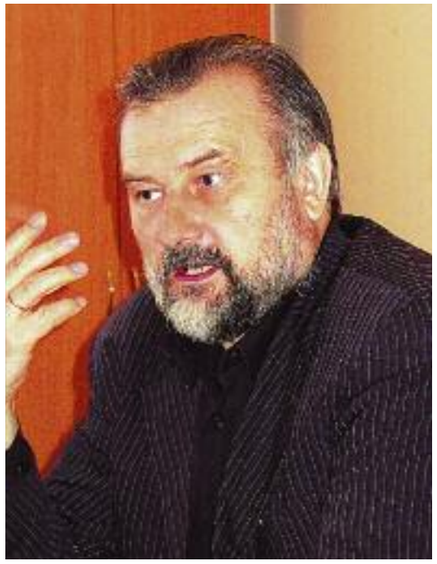
Кстати, о Леонтьеве. Для него Византия тоже не была самоценной, по его творчеству видно, что подробностями византийской истории он особенно не интересовался, византизм был важен для него в качестве некоего символической альтернативы ненавистному «демократическому прогрессу». Политически – это неподконтрольная обществу автократия, религиозно – духовность, которая «отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов», будучи «сильнейшей антитезой идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

В других случаях Константин Николаевич с симпатией упоминал «несокрушимую китайскую государственность», «могучее, мистическое настроение Индии», а также социализм, в коем он видел «феодализм будущего». В общем, все что угодно, только не демократия. Похоже, что аналогичная идея владеет и сознанием нынешней правящей «элиты» РФ.

Когда нынешняя правящая «элита» РФ шла к власти и ломала мешавшее ей советское наследие, на ее знамени было написано: «Свобода и демократия!» Но теперь, когда она получила все, что хотела, когда она чувствует себя полным хозяином страны, ей оказались потребны иные лозунги. Поэтому «византизм» здесь как нельзя кстати. Точнее, для «избранных» останется либерализм, а «византизм» – это для «быдла».

Когда-то, когда она шла к власти и ломала мешавшее ей советское наследие, на ее знамени было написано: «Свобода и демократия!» Но теперь, когда она получила все (или почти все), что хотела, когда она чувствует себя полным хозяином страны, ей оказались потребны иные лозунги, говоря словами того же Леонтьева, «все существенные стороны охранительных учений»: «страх», «дисциплина», «предания покорности», «привычка к повиновению». Всего этого в либерализме не найдешь. Поэтому «византизм» здесь как нельзя кстати. Точнее, для «избранных», конечно же, останется либерализм, а «византизм» – это для «быдла». Вряд ли, однако, этот номер пройдет успешно.

Византия и мы



Анатолий Дмитриевич Степанов –
историк, главный редактор портала
«Русская народная линия»

Еще один византийский урок

В последнее время главным образом в связи с выходом прекрасного фильма архимандрита Тихона (Шевкунова) «Византийский урок», казалось бы, давно забытая тема византийского наследия снова оказалась в центре общественного внимания. Хотя на самом деле тема эта на задворках национального сознания была, пожалуй, только в советское время, а в эпоху Московского царства и императорской России русская мысль к этой теме постоянно обращалась.

Самые острые переживания в связи с падением Второго Рима русские испытывали, конечно, в конце XV века, поскольку крах Византийской империи совпал по времени с общими ожиданиями конца света – в 1492 году по расчетам исполнилось 7 тысяч лет от сотворения мира и согласно многим пророчествам в этом году должен был случиться Апокалипсис. Падение Константинополя в 1453 году, безусловно, только усилило эсхатологические настроения. В XVI веке победа над ересью жидовствующих, полное объединение русских земель вокруг Москвы, победа над осколками Золотой Орды – Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, венчание на царство великого князя московского Ивана IV Грозного и учреждение патриаршества на Руси – все это привело к утверждению в национальном сознании представления о Третьем Риме, о преемстве Москвы от Константинополя.

Как только были преодолены последствия Смутного времени, тема константинопольского наследства вновь стала доминировать в политике Москвы – и при Алексее Михайловиче, и при Федоре Алексеевиче, и в годы регентства Софьи Алексеевны, и в первое время правления Петра Алексеевича. Затем Петр I развернул политику Руси в северном направлении, но суть ее осталась той же. В 1721 году при поднесении ему Сенатом и Синодом титула императора и звания Великий Петр Алексеевич счел необходимым подчеркнуть, что его реформы были направлены на то, чтобы «с нами не стало как с империей Греческой». Эти слова можно понять не только как объяснение сути тех реформ и действий, которые проводил великий русский государь-преобразователь (а отношение к петровским реформам было и остается противоречивым), но и как нарочитое свидетельство геополитического преемства от Константинополя.

Иван IV. Начало XVII века

В XVI веке победа над ересью жидовствующих, объединение русских земель вокруг Москвы, победа над осколками Золотой Орды, венчание на царство Ивана IV Грозного и учреждение патриаршества на Руси – все это привело к утверждению в национальном сознании представления о Третьем Риме, о преемстве Москвы от Константинополя.

Русско-турецкие войны и «Греческий проект» Екатерины Великой, поддержка борьбы греков за независимость Александром I, русско-турецкая война Александра II, едва не закончившаяся взятием Константинополя, и, наконец, проект русских условий мирного договора после Первой мировой войны, включавший передачу Константинополя

Византия и мы

России, – свидетельства того, что с конца XVII до начала XX века тема византийского наследия была в центре российской политики. Более того, в XIX веке эта тема стала предметом активной рефлексии в русской историософии: Алексей Хомяков, Николай Данилевский, Владимир Соловьев, Константин Леонтьев и другие русские мыслители много писали об этом. Одновременно в конце XIX – начале XX века были изданы фундаментальные труды и по истории Византийской империи. Однако в сегодняшней дискуссии на тему византийского наследия акценты расставлены иначе. На первый план вышла тема роли Запада в гибели Византийской империи, разграбления крестоносцами богатств империи, что и стало основой «чуда западного капитализма», обострило конфликт Восточной православной и Западной цивилизаций. Понятно, что такая постановка проблемы сегодня предельно актуальна. В этом смысле фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) назван очень точно – «Византийский урок». Именно так! Мы должны извлечь для себя уроки из падения Константинополя, чтобы, по слову Петра Великого, «с нами не стало как с империей Греческой».

Петр I развернул политику Руси в северном направлении, но суть ее осталась той же. В 1721 году при поднесении ему Сенатом и Синодом титула императора Петр Алексеевич счел необходимым подчеркнуть, что его реформы были направлены на то, чтобы «с нами не стало как с империей Греческой».

Однако сегодня национальное сознание сталкивается с двумя серьезными искушениями, которые необходимо понять и верно оценить. С одной стороны, некоторые интеллектуалы, писатели и публицисты, в том числе и православные, говорят о том, что нам нужен союз с христианским Западом для совместного противостояния мусульманской угрозе. А для этого необходимо активизировать контакты с теми, которые реально сталкиваются с угрозой исламизации, – с консервативными протестантскими кругами Европы, с Израилем и прежде всего с Ватиканом. С другой стороны, все громче звучат голоса политологов и политиков, выступающих за интенсификацию контактов с Европейским союзом, чтобы обрести союзника в борьбе против экспансии США и Китая, стремящихся с разных сторон получить контроль над российскими ресурсами. А для этого опять же надо активизировать связи с Ватиканом, без которого союз России с Европой не состоится.

Обе эти идеи являются настоящими искушениями, поскольку предлагают внешне логичное, но по сути неверное и опасное решение реально существующих проблем – угрозы со стороны воинствующего исламизма и противостояния с главными центрами силы в мире. Неверное и опасное, потому что, как учит нас история, союз с Ватиканом Россию никогда до добра не доводил. И сегодня предложение наступить на те же грабли вряд ли приведет к иному результату.

В этом смысле нам стоит особенно внимательно присмотреться к событиям кануна падения Константинополя и извлечь еще один полезный и необходимый «византийский урок».

Светская и церковная власти Второго Рима в конце XIV – начале XV века, предвидя падение Константинополя под натиском турок, тоже пытались получить поддержку христианских государств Западной Европы для отражения мусульманской угрозы. Особую активность в этом направлении проявлял предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог. В свою очередь Ватикан, понимая критическое положение Византии, хотел, воспользовавшись сложным положением братьев по вере, подчинить православных римскому папе и навязать им в качестве нормы все католические искажения христианского вероучения. На перекрестке этих интересов в 1438 году в итальянском городе Ферраре открылся грандиозный церковный собор, который, по замыслу организаторов, должен был привести к воссоединению Церквей.

Господь сразу же явил Свое отношение к идее унии православных с католиками, на что, впрочем, соборяне, увлеченные поиском политических выгод, внимания не обратили. В Ферраре вспыхнула эпидемия чумы, но собор не прекратил заседаний, а переехал во Флоренцию, где продолжался в 1439–1442 годах. В начале работы собора во Флоренции умер константинопольский патриарх Иосиф II, но и этот Божий знак не остановил участников собора. Напротив, смерть одного из главных действующих лиц собора только ускорила подписание унии.

Пизанелло. Иоанн VIII Палеолог. Памятная медаль. 1438

В итоговом документе Флорентийской унии 1439 года православные участники собора признали все догматические нововведения латинян. И только один участник собора – епископ Марк Эфесский, – несмотря на колоссальное давление, отказался подписывать документ (да еще представители Грузии и Абхазии, увидев, к чему идет дело, просто сбежали с собора). Первым подписал унию византийский император Иоанн VIII Палеолог.

Среди активных участников собора был и русский митрополит – грек Исидор, личность весьма примечательная. Историки характеризуют его как одного из самых образованных и самых политизированных людей того времени, активного участника политической борьбы в Константинополе. И этот человек, незадолго до того возведенный на московскую кафедру – как полагают, специально, чтобы он мог принять участие в соборе, – стал одним из самых активных пропагандистов унии с католиками. Приехав в Москву, он сумел убедить великого князя Василия II Васильевича в необходимости собора, как сейчас принято выражаться, «для свидетельства католикам о православии», для возвращения латинян в православие. Великий князь снабдил митрополита Исидора деньгами, и тот во главе делегации отправился в Италию. Однако на соборе митрополит Исидор проводил совсем иную линию, и за усердие после подписания унии был возведен папой Евгением IV в кардиналы.

Светская и церковная власти Второго Рима – особенно предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог – в конце XIV – начале XV века пытались получить поддержку христианских государств Западной Европы для отражения мусульманской угрозы.

Для нас важно посмотреть, как действовал после этого глава Русского государства и как развивались события далее. В марте 1441 года митрополит Исидор прибыл в Москву и вручил Василию Васильевичу послание папы Евгения IV, который уже начал хозяйничать в православном мире, прося московского великого князя помогать своему кардиналу в соединении Русской церкви с Ватиканом. Во время архиерейского богослужения в Успенском соборе кардинал-митрополит помянул сначала римского папу Евгения, а потом уже константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов. Затем он прочитал с амвона определение Ферраро-Флорентийского собора. Уже через три дня по приказу великого князя митрополит Исидор был взят под стражу и заключен в Чудов монастырь. Затем на соборе Русской церкви Исидор, отказавшийся покаяться и отречься от унии, был осужден. Полгода провел он в заключении, а потом (возможно, с ведома Василия II) бежал в Тверь. В конце 1445 года митрополит-кардинал прибыл в Рим.

А на русский митрополичий престол собором русских архиереев при поддержке главы Русского государства был возведен святитель Иона. Так попытка отступничества приве-

Беноццо Гоццоли. Шествие волхвов. Деталь: патриарх Иосиф. 1459–1461

В начале работы собора во Флоренции умер константинопольский патриарх Иосиф II, но и этот Божий знак не остановил участников собора. Напротив, смерть одного из главных действующих лиц собора только ускорила подписание унии.

ла к торжеству православия на Руси, Русская церковь фактически стала автокефальной, а власть светская и церковная направили свои усилия к делу объединения Святой Руси, которой предстояло стать Третьим Римом.

Перед нами две модели поведения государственной власти. Император Византии действовал политическими методами, уступал в принципиальных вопросах вероучения ради политических выгод. И уже при своей жизни он был обречен увидеть тщету своих усилий. Хотя римский папа Евгений и призвал рыцарей к крестовому походу, но войско крестоносцев собралось небольшое, в результате оно было разгромлено турками. А венецианцы и генуэзцы и вовсе откровенно предали братьев по вере ради будущих торговых выгод. Сам император Иоанн VIII был женат трижды, но детей не имел, и после его смерти престол унаследовал его брат Константин, которому было суждено погибнуть на бастионах Второго Рима.

Глава восходящего Третьего Рима, напротив, ради защиты чистоты вероучения был готов идти на обострение отношений с сильными мира сего – и с императором, и с константинопольским патриархом. И в своем стоянии за веру великий князь Василий Васильевич был оправдан. Несмотря на тяжелейшие условия своего княжения (большая часть которого выпала на ожесточенную борьбу за власть, в ходе которой он был пленен своими противниками и ослеплен, из-за чего и получил прозвание Темный), Василий Васильевич сохранил власть и передал ее своему сыну Ивану III. А уже новый государь поставил точку в зависимости Руси от Орды и практически завершил объединение вокруг Москвы русских земель.

Впрочем, Василий II лишь продолжил заложенную его предшественниками линию отношения русской власти к латинянам. Согласно летописному свидетельству, святой равноапостольный Владимир Креститель не захотел принять крещение от римских прелатов, предпочтя греков. А святой благоверный Александр Невский отверг предложение папских посланников принять корону от римского папы и поддержку в борьбе с татарами в обмен на принятие католицизма. Столь же твердым в охранении православной веры впоследствии был и первый русский царь Иван IV Грозный, чуть не побивший и выгнавший из страны папского посланца – иезуита Антонио Поссевина.

В императорскую эпоху отношение к католикам со стороны русской государственной власти стало более мягким, что было связано с привлечением на государственную службу иностранцев, в основном инославных. Предпринимались даже попытки заключить конкордат с Ватиканом – в эту авантюру стремились завлечь и Петра Великого, но не получилось. А вот «рыцарь на троне», император Николай I, не устоял перед искушением установления «особых отношений с Римом». После того как в 1839 году униаты были присоединены к Православной церкви, Ватикан организовал мощное давление на Россию: папа Григорий XVI постоянно выступал с филиппиками в адрес России, епископские кафедры оставались вакантными, поскольку папа не утверждал кандидатов. В итоге император Николай Павлович не выдержал давления и в декабре 1845 года нанес визит в Ватикан, а на следующий год послал делегацию под руководством графа Дмитрия Блудова, результатом деятельности которой и стал конкордат 1847 года. По его условиям учреждалась новая римско-католическая епархия в Херсоне. За понтификом признавалось право особой буллой определять пределы епархий – ранее это считалось неотъемлемым правом русских государей. Император отныне не мог до утверждения папы назначать католических епископов – прежде избрание всецело зависело от русского правительства, которое предоставляло папе лишь право посвящения указанного лица. Конкордат содержал и другие уступки, существенно расширявшие права Ватикана на территории России. По некоторым пунктам Россия пошла

Пинтуриккио. Двор папы Евгения IV. 1502–1503

Среди активных участников собора был и русский митрополит – грек Исидор. На соборе митрополит Исидор вопреки воле великого князя Московского выступал одним из самых активных сторонников унии с католиками и за свое усердие был возведен папой Евгением IV в кардиналы.

После низложения Исидора на русский митрополичий престол был возведен святитель Иона. Так попытка отступничества привела к торжеству православия на Руси, а Русская церковь фактически стала автокефальной.

даже дальше австрийского, французского и прусского конкордатов.

Чем все это завершилось – хорошо известно. Против спасшего Европу от революции в 1848 году русского царя была развязана сначала информационная, а затем и вполне реальная война. Понятно, что без благословения римского престола это произойти не могло.

В конце концов, в 1866 году конкордат был отменен. Однако в 1882 году были подписаны некоторые соглашения, восстанавливавшие отдельные его положения. А в 1894 году, за 3 месяца до смерти императора Александра III, стараниями министра-резидента в Ватикане Александра Извольского при папском дворе была открыта русская миссия.

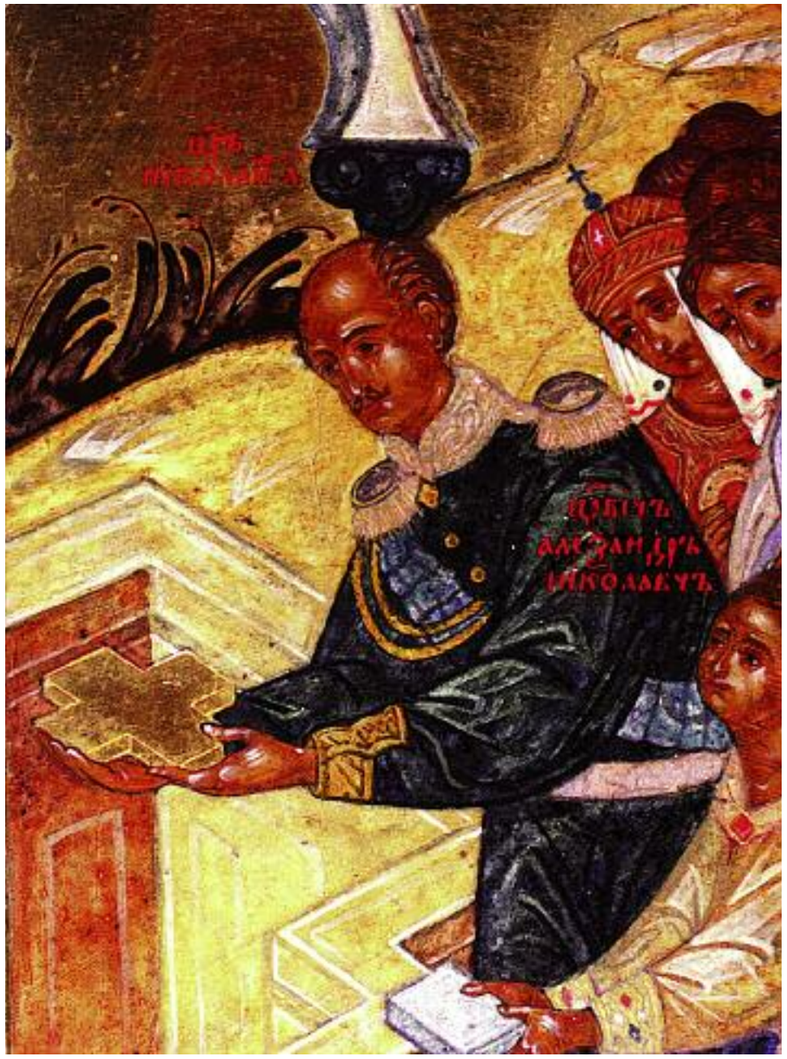
Характерно, кстати, что советские лидеры, которые пытались улучшить отношения с Ватиканом – Никита Хрущев и Михаил Горбачев, – вскоре лишались власти, оттеснялись от власти своими конкурентами. Словом, дружба с Ватиканом во все времена для власти заканчивалась весьма плачевно.

В современных условиях, к сожалению, и в среде духовенства Русской православной церкви появились люди, активно ратующие за союз с католиками. Эти исидоры нашего времени могут создать для власти серьезные проблемы.

Поэтому крайне важно сегодня нашей власти усвоить урок великого князя Василия II Темного: в интересах самосохранения власть не должна останавливаться перед тем, чтобы силой останавливать попытки заключения унии.

Нынешние исидоры этот урок уже усвоили. Они понимают, что единственной силой, которая может помешать им реализовать униатскую программу, является государство. Поэтому одновременно с филокатолической пропагандой они пытаются дискредитировать идею союза Церкви и государства, проповедуя, что светская власть во все времена представляла и представляет сейчас угрозу для Церкви. Особенно активно эти идеи пропагандируются в петербургском церковном журнале «Вода живая». Так, например, фактический руководитель журнала – председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии протоиерей Александр Сорокин – в своем выступлении на круглом столе «Уроки Октября» (посвященном 90-летию революции 1917 года) заявил буквально следующее: «Уместно тут вспомнить меткое замечание Николая Бердяева о том, как мечта о Третьем Риме обернулась реальностью Третьего Интернационала. Хотя уже сама по себе православная мечта о Третьем Риме была порочна и губительна, ибо то была мечта о несбыточной симфонии Церкви и государства. Именно она сгубила оба первых Рима, из которых, правда, первый быстро возродился и существует доныне, отказавшись от этой порочной идеи и доказав, что он есть Рим первый и последний ("вечный город"). Уже сама эта мечта о Третьем Риме говорила о пороке, вкравшемся в православное сознание еще во времена средневековой Руси». Вот так – ни больше ни меньше! Оказывается, не впадение в ересь («два Рима в ересях падоша», писал старец Филофей, обосновывая идею Третьего Рима), но стремление построить симфонические отношения между Церковью и государством сгубили два первых Рима! А идея симфонии вообще несбыточна и порочна! Странно, что отец протоиерей не предложил деканонизировать святого императора Юстиниана, автора знаменитой шестой новеллы, провозглашавшей принцип симфонии властей. Ну и неудивительно, что идеалом церковно-государственных отношений петербургский священник провозглашает «вечный город», Ватикан, но никак не Третий Рим. Конечно, протоиерей Александр Сорокин выражает свою личную позицию, а не церковную и даже не позицию епархии. Церковный взгляд на проблему церковно-государственных отношений продемонстрировал Святейший патриарх Кирилл, который во время недавнего политического кризиса однозначно поддержал усилия власти по сохранению порядка. Однако у отца Александра есть единомышленники в Церкви, занимающие, как и он, заметные должности в церковной бюрократии.

Впрочем, Господь дает нам и ободряющие знаки – многие православные увидели действие Промысла Божия в том, что Святейший патриарх Кирилл был возведен на патриарший престол именно в день памяти святителя Марка Эфесского. Сам Святейший патриарх в своей интронизационной речи особо подчеркнул сей факт, заявив: «Патриарх – хранитель внутреннего единства Церкви и вместе с собратьями по епископату блюститель чистоты веры. Воспринимаю как особый знак Божий то, что патриаршая интронизация совершается сегодня, в день памяти святителя Марка Ефесского – дерзновенного защитника и поборника православной веры. Задача патриарха – не допускать перерастания разномыслий, которым по слову апостола "надлежит быть" (1 Кор. 11: 19), в расколы, нестроения и лжеучения».



Сергей Куракин. Новорусская Богоматерь. Деталь клейма «Закладка Храма Христа Спасителя, 1839 год»

«Рыцарь на троне», император Николай I, не устоял перед искушением установления «особых отношений с Римом» и заключил конкордат 1847 года.

Станислав Витальевич Хатунцев – кандидат исторических наук, автор работ по истории, философии и геополитике, в том числе монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)»

Византизм или евразийство?

Культурно-историческая суть Византии

Можно сказать, что в качестве особой страны Византия оформилась в 395 году наше эры благодаря окончательному разделу единой Римской империи на западную и восточную части после смерти последнего из великих императоров-«могикан» на ее престоле – Феодосия Великого. Благодаря преобладанию в Византии греческого культурного элемента – греческого языка, эллинизированного населения и т.д. – в Киевской Руси ее, как правило, называли Греческим царством, а европейцы именовали державу кесарей Империей греков. Сами же византийцы называли себя римлянами – ромеями, а свою страну – Римской (Ромейской) империей, или просто – Романией, откуда пошло и имя Византии у восточных, прежде всего мусульманских, народов – Рум. С 330 года столица Римской империи располагалась в Константинополе, с начала IV века являвшемся взамен дряхлевшего Рима крупнейшим и наиболее влиятельным центром мировой державы, сложившейся в бассейне Средиземного моря. Сам же Рим в этот период можно в какой-то степени уподобить Петрограду после возвращения большевиками столицы государства в Москву. В 476 году, по упразднении Западной Римской империи варварским вождем Одоакром, Византия – Восточная Рим-

Падение Первого Рима выглядело как восстановление единства средиземноморской империи и окончательное перенесение ее политического и духовного центра на Восток. Это долго подпитывало «реваншистские» настроения константинопольских цезарей, стремившихся восстановить утраченную целостность имперского пространства.

Нидерландская школа. Император Ираклий убивает персидского шаха Хосрова. 1460–1480

ская империя – на многие века осталась единственной великой державой от Евфрата до западного побережья Европы – Бретани, Лузитании и Ирландии. При этом падение Первого – «латинского» – Рима выглядело как восстановление единства средиземноморской империи и окончательное перенесение ее политического и духовного центра на Восток, к так называемым Черноморским проливам – Босфору и Дарданеллам, разделяющим географические Европу и Азию, что долго подпитывало «реваншистские» настроения константинопольских цезарей, стремившихся восстановить утраченную целостность имперского пространства.

Наибольших успехов на этом пути – ценою колоссального напряжения державно-государственных сил – достиг император Юстиниан I в VI веке. Ему удалось расширить пределы Византии и на Востоке, в основном за счет Армении, северо-западной части Месопотамии и некоторых областей Аравии, и на Западе. Там владения византийской короны некоторое время более или менее соответствовали рубежам могущества Римской республики после падения Карфагена в середине II века до нашей эры, включая Италию, Далмацию, Иллирию, Северную Африку, Юго-Восточную Испанию, острова и архипелаги Западного Средиземноморья.

Линия Босфор–Дарданеллы, замыкавшая берега Мраморного моря, являлась геополитической осью Византии, стержнем, на который нанизывались ее владения. Эта ось сохранила свою основополагающую роль и для преемницы Ромейской империи – Оттоманской державы, и для наследницы Блистательной Порты – современной Турции, хотя международное значение последней несравнимо меньше значения ее предшественниц в эпоху от Константина Великого до Сулеймана Великолепного (то есть от IV до XVI веков). Но и общемировая роль Османской империи в целом тоже существенно скромнее в сопоставлении с Византией. По сравнению с эпохой ее расцвета упала и международная значимость Проливов. Почему это произошло – будет понятно далее.

Геополитическая линия Босфор–Дарданеллы стала формироваться намного раньше развала общеримской державы – еще с начала греческой колонизации бассейна Средиземного моря в VIII–VII веках до нашей эры. Тогда выходцы из полисов прекрасной Эллады основали свои поселения, помимо прочих локаций, по Босфору и Дарданеллам, установив контроль над ними, а также над побережьем Мраморного моря – над пространствами, важными и в геостратегическом, и в геоэкономическом отношениях.

Чуть позже, в VI–V веках до нашей эры, сложилась линия борьбы и интенсивного взаимовлияния между владениями иранцев и политическими единицами под управлением сначала «классических» греков, затем – их наследников и наследников их наследников – македонцев, эллинистических династий Восточного Средиземноморья, римлян, все тех же византийцев. С I века до нашей эры до второй половины VII века нашей эры – больше семи столетий – этот конфликт протекал в форме соперничества двух великих держав – Запада и Востока, Азии и Европы. После подчинения персидской империи Сасанидов арабами в 651 году указанный конфликт трансформировался в борьбу между Византией и мусульманскими народами – главным образом в Малой Азии и в бассейне Эгейского моря. А с возникновением Османской империи он превратился в противостояние между этой новой державой, политический центр тяжести которой, как и у Византии, лежал на оси Черноморских проливов, и правителями больших государств, базировавшихся на Иранском нагорье. Этот конфликт значительно ослабел только к началу XIX столетия, однако и в ослабленной форме существует он до сих пор, выступая в виде соперничества Турции и Исламской Республики Иран.

Несмотря на культурное преобладание греков, этнический состав населения Византийской империи на всем протяжении ее существования был весьма пестрым. В Византии проживали различные индоевропейские по своему языку народы. Среди них – собственно эллины, славяне, готы, представители романских и романизированных общин (средневековые итальянцы, далматинцы, даки). Там же обитали армяне, фракийцы, иллирийцы, малоазийские племена – особенно ираноязычные предки нынешних курдов. Кроме того, немало в византийских владениях было семитов – сирийцев, евреев, хамитов (египтян), выходцев из тюркоязычной среды и более мелких национальных групп, особенно на Кавказе.

В религиозном отношении Византия была сравнительно более однородной. Хотя главенствующее положение в ней занимало православие, имелись и те, которые придерживались иных христианских деноминаций, прежде всего монофизиты – адепты Армянской апостольской церкви, копты, а также «схизматики» – католики. Здесь же возникло несторианство, проживали – в эпоху Великого переселения народов – еретики-ариане, существовало конфессиональное наследие античной эпохи – язычество. Из других религий масштабнее всего на землях, контролируемых Византией, были представлены разнообразные иранские верования, иудаизм и отчасти ислам, имелись приверженцы всяческих мистических направлений, сект – наследников и продолжателей позднеантичного гностицизма. Под их воздействием в державе восточных кесарей возникали такие выходившие за рамки мировых религий течения, как павликианство.

Иван Айвазовский. Вид Константинополя и Босфора. 1856

Линия Босфор–Дарданеллы, замыкавшая берега Мраморного моря, являлась геополитической осью Византии, стержнем, на который нанизывались ее владения. Эта ось сохранила свою основополагающую роль и для преемницы Ромейской империи – Оттоманской державы, и для наследницы Блистательной Порты – современной Турции.

Геополитически Византийская империя находилась почти в постоянном движении. Границы ее были исторически нестабильными, быстро и часто менялись – вследствие удачной или, напротив, неудачной внешней политики, проводимой константинопольскими правителями, усиления или ослабления множества теснивших Византию врагов. Порой она едва не теряла и даже прямо утрачивала свою геополитическую ось – Черноморские проливы. А наиболее устойчиво в состав этой восточносредиземноморской империи входили земли, лежащие по обе стороны Босфора и Дарданелл, – различные регионы обоих полуостровов, Малоазиатского (Анатолия, прежде всего – Западная) и Балканского (в первую очередь – Греция с Румелией, то есть Фракией).

Можно выделить три больших периода подъема и упадка могущества – территориальных «оптимума» и «минимума» – Византийской державы. Максимальные размеры она имела в VI – начале VII веках, затем значительную часть своих владений утратила. Со второй половины IX века Византия опять стала набирать пространственный вес, но новый пик ее мощи в целом пришелся на XII столетие. В 1164 году император Мануил I Комнин даже принудил признать сюзеренитет Византии могущественное и довольно отдаленное Венгерское королевство и в последний раз утвердил власть кесарей над Сербией. Но уже в 1176 году после разгрома ее армии турками-сельджуками при Мириокефалоне империя была вынуждена перейти к обороне, а еще менее чем через 30 лет, в 1204 году, в результате Четвертого Крестового похода, она временно прекратила существование. На месте державы кесарей возникла непрочная Латинская империя, павшая в 1261 году. Короткий всплеск усиления Византии пришелся на период ее реставрации – последнюю треть XIII века. Но тогда это была уже не мировая держава – как таковую ее уничтожили крестоносцы.

Перманентная нестабильность Византии объясняется не только характером эпохи, в которую она существовала. В гораздо большей степени причина подобной исторической специфики Византии заключалась в другом. В культурно-историческом плане территории, в тот или иной

Современный интерьер храма Святой Софии

Геополитически Византийская империя находилась почти в постоянном движении. Границы ее были исторически нестабильными, быстро и часто менялись – вследствие удачной или, напротив, неудачной внешней политики, проводимой константинопольскими правителями, усиления или ослабления множества теснивших Византию врагов.

период включавшиеся в византийский политикум, являлись (и являются) или пространствами лимитрофными, разделяющими и соединяющими три великие цивилизации – европейскую, афразийскую (арабо-персидскую) и российско-евразийскую, или лимбовыми, окраинными областями этих цивилизаций.

Причем основная часть лимитрофов, принадлежавших Византийской империи, – это не просто лимитрофные земли, а часть так называемого Великого лимитрофа – сферы соприкосновения и взаимодействия метацивилизаций, культурно-исторических миров более высокого ранга, нежели сами цивилизации. В каждую метацивилизацию входит пара связанных друг с другом цивилизаций. Византия возникла на стыке, условно говоря, метацивилизации Севера, включающей европейский и российско-евразийский миры, и метацивилизации Юга, в которую, помимо афразийской цивилизации, входит и цивилизация Черной Африки.

Территориальное же ядро Византийской империи – нанизанные на ось Проливов Балканы и Малая Азия вместе с прилегающими к ним бассейнами Черного и Средиземного морей и расположенными в них островами – является частью одного из двух существующих на нашей планете своеобразных «узлов скучивания» – районов, в которых сталкиваются три и более цивилизационных миров. Отметим, что другой «узел скучивания» находится в центре Азии – это Афганистан с прилегающими к нему обширными областями. Здесь сочленяются уже четыре цивилизации – российско-евразийская, афразийская, индийская (южноазиатская) и китайская (восточноазиатская, она же дальневосточная), – входящие в состав всех трех выделяемых автором этих строк метацивилизаций Старого Света – не только Севера и Юга, но и Востока.

Ядро Византийской империи и многие другие земли, принадлежавшие ей, входят в состав станового хребта Великого лимитрофа. Этот становой хребет образуют оба названные «узла скучивания» и соединяющая их опорная ось. Становой хребет Великого лимитрофа с древнейших эпох и до настоящего времени играл и продолжает играть чрезвычайно важную роль в мировой истории и геополитике. Он является дверью, ведущей к контролю над всей Евразией и к мировому господству. Дверью, имеющей два замка – серебряный (Балкано-Анатолийский «узел скучивания», опорный ареал Византии) и золотой (Центральноазиатский «узел скучивания»).

Такова культурно-историческая суть Византии, определяющая место и роль этой империи на геополитической карте мира.

Геополитическая разгадка византийской уникальности

Известно, что Византия вела очень оживленную торговлю с Ираном, Индией, Китаем, другими странами Востока, а в средиземноморской торговле с Западной Европой до Крестовых походов она была гегемоном. Через нее пролегали важнейшие торговые пути. сформировавшиеся еще в античную эпоху и процветавшие в период великих империй, разрезавших или, скорее, соединивших Евразию «поясом Ойкумены» от атлантического ее фасада до Желтого моря и от Альбиона до Аксума и Йемена. Это и Великий шелковый путь из Китая, и Путь благовоний – через Аравию к портам Красного моря, Персидскому заливу и Индийскому океану, то есть мировые артерии, значение которых сохранялось до эпохи Великих географических открытий. Нельзя не упомянуть и легендарный путь «из варяг в греки», стартовавший у причалов Константинополя.

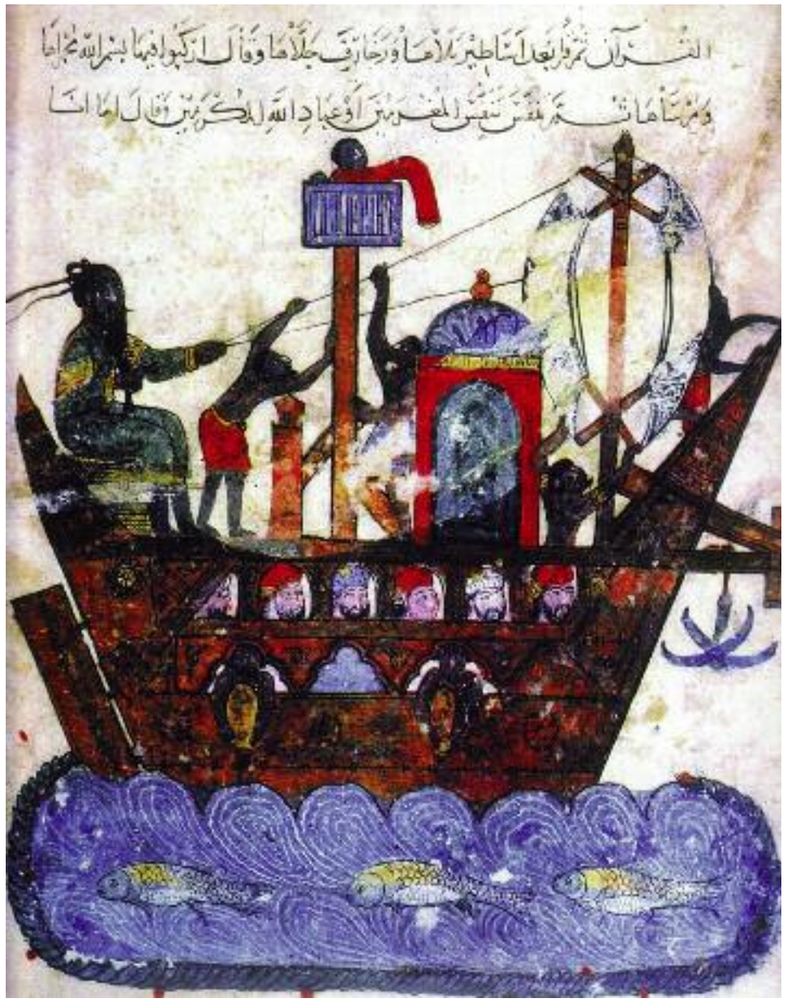
Османская держава, которая воспроизвела геополитический паттерн Византийской империи, на протяжении своего существования являлась более устойчивым и предсказуемым образованием, нежели ее предшественница. Она поглотила большее, чем Византия, количество территорий. Однако Блистательная Порта так и не смогла сравниться с державой кесарей по мировому значению. Чтобы ответить на вопрос, почему это произошло, следует обратиться к истории так называемой Ойкумены.

Ойкумена – единое, сплошное пространство цивилизованных обществ, которое стало складываться на рубеже III–II тысячелетий до нашей эры, в эпоху великих держав архаичного периода мировой истории и первого известного ей Великого переселения народов. До этого целостной Ойкумены фактически не существовало. Но цивилизованные общества – Египет, Эгейский мир, Месопотамия, Хараппская цивилизация, высокоразвитая земледельческая культура близ границы нынешних Туркмении и Ирана (Намазга), – имевшие локальный, очаговый характер, установили друг с другом несколько морских и сухопутных путей, ставших предтечами международных артерий античного периода.

К VIII–VII векам до нашей эры – примерно через тысячелетие после начала миграции арийских народов в Индию и предков древних греков в Элладу, – с наступлением «осевого времени», о котором писал

Мастер Мадонны Страусса. Император Ираклий возвращает в Иерусалим Животворящий крест, захваченный персами. Конец XIV – начало XV века

В культурно-историческом плане территории, в тот или иной период включавшиеся в византийский политикум, являлись или пространствами лимитрофными, разделяющими и соединяющими три великие цивилизации – европейскую, афразийскую и российско-евразийскую, или лимбовыми, окраинными областями этих цивилизаций.



Корабль персидских купцов. 1237

Византия вела очень оживленную торговлю с Ираном, Индией, Китаем, другими странами Востока, а в средиземноморской торговле с Западной Европой до Крестовых походов она была гегемоном. Через нее пролегали важнейшие торговые пути, значение которых сохранялось до эпохи Великих географических открытий.

Карл Ясперс, цивилизованные общества Евразии образовали сквозной и единый широтный пояс. Пояс, все еще непрочный и неустойчивый, рвущийся в результате очередной геополитической катастрофы, но неуклонно восстанавливающий однажды обретенную связность. В эту же эпоху начали формироваться мировые империи, каждая из которых к началу новой эры поглотила «свой» цивилизационный сегмент Ойкумены, а также связывавшие эти сегменты-империи международные транспортные коридоры наподобие Великого шелкового пути. Контакты по сложившимся тогда мировым артериям осуществлялись прежде всего в направлении Запад–Восток и обратно, в частности, по линии Северо-Запад–Юго-Восток.

В сферу мирового цивилизованного сообщества античной эпохи были вовлечены Европа (за исключением Скандинавии), пространство евразийских степей от Дуная до Хингана, Западная и Центральная Азия, Иранское нагорье, Индия, Китай, Корея, Северная и Северо-Восточная Африка. Международные коридоры шли по землям Евразийского континента и по прилегающим к ним морям – Средиземному, Черному, Красному и Аравийскому с уже тогда «горячим» Персидским заливом. Важнейшие мировые артерии – главным образом широтные – дополнялись более короткими, так сказать, дистрибьютивными, меридиональными в целом путями, уходившими от этих главных магистралей по линии Север–Юг. Эти пути возникали по мере втягивания различных территорий Евразии в Ойкумену. К ним относились дороги из Центральной Азии в Индию, превратившиеся к первым векам нашей эры в своего рода ответвления Великого шелкового пути, коммуникации между странами Средиземноморья, Центральной и Западной Европы, а также появившиеся с течением времени все тот же путь «из варяг в греки» и Волжский торговый путь. Византия оседлала важнейший узел, стратегическое перекрестье этих мировых путей (широтных) и дистрибьютивных линий (меридиональных) в западной части Ойкумены. Под ее контролем оказались коммуникации, шедшие из Европы на Восток, в том числе в Северо-Восточную Африку, и из Восточного Средиземноморья в географическую Европу – от Дона до нынешней Франции. Константинополь владел таким узлом, пользуясь всеми возможными выгодами, которые

Жан-Батист Коро. Римский виадук. Мост Августа. 1826

из этого вытекали. Что, кстати говоря, тоже являлось одной из важнейших причин геополитической нестабильности империи: такой лакомый кусок хотел иметь каждый, и Византия в данном вопросе сталкивалась с серьезнейшей конкуренцией.

Конкуренция эта развивалась на фоне продолжавшегося расширения Ойкумены. Данный процесс усилился на рубеже нашей эры. Заметное, хотя и противоречивое, на первый взгляд, ускорение он получил в очередную эру Великого переселения народов (IV–VII века), а к XV–XVI векам, то есть к эпохе Возрождения, расширявшееся мировое цивилизованное сообщество раскинулось столь широко, что его коммуникационные нужды уже не могли удовлетворить сохранившиеся, хотя

Международные коридоры шли по землям Евразийского континента и по прилегающим к ним морям. Важнейшие мировые артерии – главным образом широтные – дополнялись более короткими, так сказать, дистрибьютивными, меридиональными в целом путями, уходившими от этих главных магистралей по линии Север–Юг.

и существенно видоизменившиеся с античной эпохи, международные магистрали, проходившие по Евразийскому континенту и его прибрежным морям. И тогда пробил час Мирового океана. Важнейшие транспортные пути были проложены по его просторам, прежние же артерии начали испытывать относительный упадок, правда, окончательно не заглохли. Причем большую роль в деле перенесения международных путей на океанические пространства парадоксально-логичным образом сыграл... успех геополитических наследников (равно как и могильщиков) Византии – османских турок, захвативших важнейший узел старых международных артерий, принадлежавший восточным кесарям. В сущности, именно благодаря бурно развивавшейся коммуникационно-транспортной роли океанических вод и стала ослабевать международная значимость Черноморских проливов, а Оттоманской державе в XV–XX веках так и не удалось стать столь же масштабной мировой силой, какой была ее предшественница Византия в IV–XII столетиях. Дальнейшее усиление океанских ком-

Гравюра «Константинополь» из издания «Города мира» Георга Брауна и Франса Хогенберга. 1572

Византия оседлала важнейший узел, стратегическое перекрестье мировых путей (широтных) и дистрибьютивных линий (меридиональных) в западной части Ойкумены. Под ее контролем оказались коммуникации, шедшие из Европы на Восток, в том числе в Северо-Восточную Африку, и из Восточного Средиземноморья в географическую Европу.

муникаций, подогреваемое быстрым техническим прогрессом, с начала XX века привело к еще большему падению значения Проливов в планетарном масштабе. Это отчасти способствовало кризису и крушению Османской империи и является одной из главных причин того, что преемница последней, республиканская Турция, вторая производная Византии и новая репродукция ее геополитической матрицы, играет еще меньшую мировую роль, нежели султанский Стамбул.

Таким образом, Византия была не отдельной и особой цивилизацией, а оригинальнейшим лимитрофом, державно организованным фокусом международной торговли и в целом мирового транзита по линии Восток–Запад, а реставрация ее в блеске величия, сколько-нибудь сопоставимом с тем, которым она обладала, практически невозможна, хотя идея восстановить державу константинопольских кесарей всплывала неоднократно. Однако дальше геополитических фантазий и грез дело не шло. В этом контексте можно сказать о «Мегали Идэа» и в некоторой степени о «Греческом проекте» Екатерины II. «Неоосманизм» же нынешней Анкары, который пытается развивать его идеолог Ахмет Давутоглу вместе с турецкой Партией справедливости и развития, нет смысла рассматривать здесь, ибо речь не об Оттоманской империи, а о византийском ее прообразе.

«Мегали Идэа» – зародившийся в греческой среде геополитический план, предусматривавший воссоздание Византии со столицей в Константинополе в качестве государства, основное население которого составят этнические греки. Именно они должны были занять в нем ключевые посты. На практике этот проект после поражения Османской империи в Первой мировой войне попытался реализовать греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос, что обернулось тотальным столкновением с Турцией в 1919–1922 годах. Греция оккупировала большую часть Восточной Фракии (без Константинополя, занятого войсками Антанты) и Северо-Западную Анатолию, но в конечном итоге проиграла армии турецкого генерала Мустафы Кемаля (будущего Ататюрка), а греческое население Анатолии вслед за армянами подверглось геноциду и депортации. С тех пор греков в турецких владениях почти не осталось (кроме Стамбула-Константинополя, но после погрома 1955 года произошел масштабнейший исход греков и оттуда), а «Мегали Идэа» была сдана в архив.

«Греческий проект» обсуждался Екатериной Великой и австрийским императором Иосифом II. Он предусматривал создание буферного королевства Дакии во главе с государем «греческой» (православной) веры, которое должно было образоваться из княжеств Валахия и Молдова, и Греческой империи со столицей в Константинополе. Главой последней должен был стать внук Екатерины, великий князь Константин Павлович, которого к этой участи готовили едва не с рождения. Однако «Греческий проект» не сработал – прежде всего потому, что во второй половине XVIII столетия Османская империя только начала превращаться в «больного человека Европы». На протяжении «галантного» века она была чересчур сильна, чтобы позволить оторвать от себя огромный европейско-малоазиатский кусок и лишиться фундамента султанских владений – Царьграда с обрамляющими его Проливами. Надо сказать, что лишь последняя треть XVIII века принесла России, равно как и австрийским Габсбургам, устойчивый – неуклонный и необратимый – успех в войнах с турками.

Историческая и геополитическая уникальность Византии заключается в том, что это была единственная империя античного мира (точнее – переформатировавшаяся в новую самостоятельную державу часть таковой), которая выстояла под натиском варваров и просуществовала еще целое тысячелетие. Почему случилось именно так, ведь, скажем, Центральноазиатский «узел скучивания» («золотой замок» на двери к контролю над всей Евразией и к мировому господству) в эпоху становления Византии находился в руках могущественной империи Гуптов? Почему ни там, ни на Иранском нагорье не появилось собственной «Византии»?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать все в той же геополитике. В эпоху Великого переселения народов, положившую начало Средневековью, решающей силой на континентальном театре военных действий оказались варвары, но в то время никто из них не обладал сколько-нибудь значительной морской мощью. Варвары могли побеждать на суше. Здесь они в конечном итоге уничтожили и Западную Римскую империю (германцы), и наследовавшую Парфии державу Сасанидов (аравийские племена под знаменем Магомета), и династию Гуптов (гунны-эфталиты и другие центральноазиатские кочевники, также сотрясавшие и Китай). Но на море в силу своей технической отсталости эти «младые, незнакомые» были намного слабее античных народов с имперским прошлым. Фактор морского могущества не играл большой роли ни в Западной Римской империи, ни тем более в раннесредневековых Индии, Иране, Китае. В то же время уничтожить Восточную Римскую империю могло только сочетание морской и континентальной силы, которого в руках у варваров не было. Византия сумела выжить, опираясь на прибрежные крепости по линии Босфор–Дарданеллы и прежде всего на вековые стены Константинополя, а также на крупный военно-морской флот, отсутствовавший у теснивших ее врагов и позволявший кесарям удерживать эти крепости.

Именно благодаря уникальным для тогдашней Ойкумены условиям и стратегическим обстоятельствам, вытекавшим из геополитической специфики Византии, она была и осталась единственной в своем роде.

Элефтериос Венизелос

«Мегали Идэа» – зародившийся в греческой среде геополитический план, предусматривавший воссоздание Византии со столицей в Константинополе. Этот проект после поражения Османской империи в Первой мировой войне попытался реализовать греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос.

Византия, византизм и Россия

Рассмотрев, что представляла собой Византия в культурно-историческом (цивилизационном) и в геополитическом

«Греческий проект» Екатериной Великой предусматривал создание буферного королевства Дакии во главе с православным государем, которое должно было образоваться из княжеств Валахия и Молдова, и Греческой империи со столицей в Константинополе. Главой последней должен был стать внук Екатерины, великий князь Константин Павлович.

смыслах, можно попытаться ответить на вопрос о значении ее для России и о том, в какой степени вторая является преемницей первой.

Начнем с последнего. Если, как отмечено выше, Византия была имперской цементацией лимитрофов и периферий трех различных цивилизаций, а базисом ее была ключевая область Балкано-Анатолийского «узла скучивания», располагающегося в зоне Великого лимитрофа, то современная Россия есть объединение земель одного-единственного – российско-евразийского – историко-культурного мира. Территории, находящиеся в ее составе, принадлежат к ядру и лимбовым зонам этой цивилизации, и только окраины нашей страны относятся к лимитрофам. Базис же ее находится в центре важнейшего макрорегиона (метакультуры) России – Восточно-Европейской равнины – и имеет четкую российско-евразийскую цивилизационную идентичность. Геополитически Российское государство росло и развивалось именно путем включения, интеграции или же освоения пространств, входящих в состав российско-евразийского культурно-исторического мира (цивилизации).

Таким образом, Россия по самой своей природе – проект цивилизационный, это – государство-цивилизация, причем более цельная, полноформатная его версия, нежели, к примеру, Китай. Византия же по определению – проект лимитрофный: классический пример удачной (а учитывая ее долголетие – максимально удачной во всей мировой истории) «лимитрофной империи», гораздо более успешной, чем, скажем, такая «лимитрофная империя», как Речь Посполитая, которая к тому же располагалась на рубеже двух цивилизаций, относившихся к одной метацивилизации, а не трех, принадлежавших к двум метацивилизациям. Поэтому прямым преемником Византии Россия не является и не может являться в принципе, как бы этого кому-либо ни хотелось. Следует говорить лишь о косвенной, частичной и ограниченной преемственности России по отношению к Византии. Если речь идет о геополитике, то здесь данная преемственность заметна в тех областях, которые сопредельны для обеих держав и выступали или все еще выступают как их периферия, близкая и далекая. Это прежде всего Кавказ и Причерноморье, но в целом следует иметь в виду всю Переднюю Азию от Синайского полуострова до побережья Каспия. В то же время подлинными

Василий Верещагин. Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой. 1878–1879

историческими, геополитическими и просто функциональными преемниками Византии, последовательно сменявшими друг друга, являются Османская империя и современная Турция. Анкара в последние годы развернула знамена неоосманизма, но теряет свои военные самолеты из-за профессиональных действий системы ПВО Сирии – страны, лежащей в сфере как византийского, так и османского наследства и выступающей объектом завуалированной экспансии современной Турции. Тем не менее значение Византии и византизма для России чрезвычайно велико. Византизм как политическая и религиозно-культурная практика, образец для подражания и державно-государственная идея утвердился в Московской Руси в середине XV столетия и сошел на нет в этом качестве лишь ко временам Петра I. Как таковой он был своего рода предшественником и праформой «европейской идеи», которой руководствовалась верховная власть страны с конца XVII века и до октября 1917 года. Но мощное влияние византизма сказывалось на всем протяжении «европейского», или же «петербургского» периода русской истории и продолжает, хотя и в существенно ослабленном виде, сказываться сейчас. Византизм в той или иной степени вдохновлял консервативную мысль императорской России, сильнейшим образом воздействовал на ее внешнеполитические ориентиры, выразившись, в частности, в стремлении русского престола получить твердые позиции на Балканах и прибрать к рукам Константинополь с Проливами. Сплав византизма с либеральными идеями, в частности, славянофильского толка породил такое явление, как панславизм.

Однако сейчас время этого византизма прошло – вместе с, увы, распавшейся и уничтоженной кровавыми бурями Российской империей. Ни Проливы с Константинополем, ни балканские страны не могут и не должны стать главной, приоритетной сферой нашей международной активности. Это доказала уже Первая мировая война, которая собственно и свела в могилу историческую Россию и привела к тому, что XX век явился, пожалуй, самым тяжелым и жестоким веком нашей национальной истории. На своем исходе он породил болезненные пертурбации двух последних десятилетий, продолжающиеся и в настоящее время. Можно сказать, что в некотором смысле мы до сих пор расхлебываем последствия не вполне вменяемого и адекватного – в скрещивании с либеральной идеологией – дореволюционного византизма во внешней политике. Место этого исчерпавшего себя, ушедшего в пески времен геополитического заряда должна занять трезвая и прагматичная цивилизационная идея, лежащая в интеллектуальном поле современного евразийства.

Время византизма прошло – вместе с распавшейся и уничтоженной кровавыми бурями Российской империей. Ни Проливы с Константинополем, ни балканские страны не могут и не должны стать главной, приоритетной сферой нашей международной активности. Это доказала уже Первая мировая война, которая собственно и свела в могилу историческую Россию.

Андрей Николаевич Окара –
кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований, автор политико-идеологических проектов и исследований по футурологии, социальной философии и элитологии

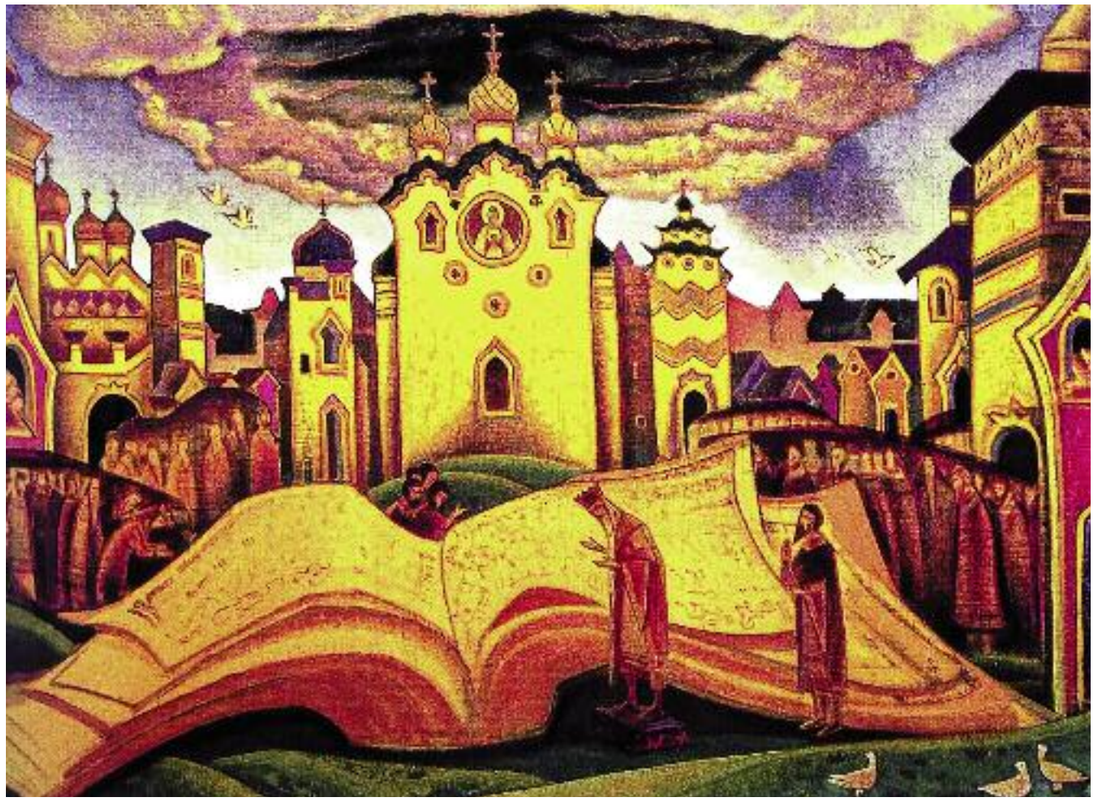
Новая Восточная Европа в XXI веке

Способно ли византийское цивилизационное наследие изменить Россию и весь мир?

Нередко византизм, под которым понимается преемственность духовной и политической культуры от Византийской империи, рассматривается как главная отличительная особенность российской политики и исторического пути России. Однако так ли универсален подобный византизм? Является ли он для России мотором, обеспечивающим движение вперед, или тормозом исторического развития? Источником новых возможностей или опасной интеллектуальной ловушкой? Философским концептом или властным политтехнологическим приемом власти?

Попробуем осмыслить византизм и «восточнохристианскость» в русской общественно-политической мысли в категориях цивилизационной теории и соотнести их с цивилизационной идентичностью современной России. Очертим также географический ареал распространения подобных понятий и определим их концептуальные, мобилизационные, интеграционные, мифотворческие и миростроительные возможности в настоящем и будущем.

Даже самоназвание «русские» является не столько этнической или конфессиональной характеристикой народа, сколько подобием римско-византийского слова «ромеи», то есть римляне, византийцы (а не греки и не латиняне), люди общей судьбы, неотделимой от судьбы империи.



Николай Рерих. Голубиная книга. 1922

Российский византизм против евразийства, панславизма и неокоммунизма

В российской историософской и общественно-политической мысли – с момента ее возникновения в Древней Руси и до настоящего времени – византийская тема, византийское наследие, византизм и сам образ Византии являются основополагающими конструкциями для выстраивания идентичности. Вплоть до того, что даже самоназвание «русские» является не столько этнической или конфессиональной характеристикой народа, сколько подобием римско-византийского слова «ромеи», то есть римляне, византийцы (а не греки и не латиняне), люди общей судьбы, неотделимой от судьбы империи.

Древняя Русь может воевать с Византией и одновременно принимать от нее крещение. Московское царство способно провозглашать себя продолжателем Византии – Третьим Римом – взамен падшего Второго, а у Российской империи получалось создавать свою черноморско-азовскую Византию от Одессы до Мариуполя, а потом бороться за освобождение Царьграда и Балкан от турок. В современной России возникают теории нового «Византийского содружества наций» и «Русского мира». Историческая и воображаемая Византии остаются на протяжении более чем тысячи лет «значимым Иным», абсолютной точкой отсчета – противником, конкурентом, образцом для подражания, источником истинной веры, мерилом царской власти, эталоном «симфонии» Церкви и государства, ресурсом исторической легитимности, идеализированной моделью для древнерусского и российского развития. А ментальные, воображаемые карты, как известно, определяют направление политической экспансии, формируют историю и корректируют карты политические.

В современной постсоветской и посткоммунистической России уже более двух десятилетий идет поиск нового исторического курса развития страны и его обоснования. В фокусе общественного внимания находится несколько историософских концептов и вариантов возможной российской идентичности. Среди наиболее известных – разработанных и популярных в общественном мнении – следует выделить следующие.

Во-первых, евроцентризм. Сторонники этого сценария ставят превыше всего интеграцию России в западноевро-

Неовизантийство основано на православной конфессиональной или восточнохристианской цивилизационной идентичности, для которых важными являются представления об особой эсхатологической миссии православной империи.

пейский мир, заимствование западных социальных стандартов, европеизацию страны и модернизацию – пусть даже по «догоняющей» модели. Адепты альтернативных концептов подобные установки нередко презрительно называют «либерализмом», а их сторонников «либералами». Между тем большинство таких «либералов» начиная с Петра Чаадаева и западников – такие же сторонники «особого пути» России, как и славянофилы. Просто российскую особость они нередко рассматривают как недостаток, а не как достоинство или ресурс развития.

Во-вторых, евразийство и неоевразийство, апеллирующие к стратегическому союзу славян и тюрок, православных и мусульман и интерпретирующие развитие России как самобытной евро-азиатской страны-цивилизации, в которой гармонично соединены преимущества Запада (Европы) и Востока (Азии).

В-третьих, неосоветские проекты, основанные на надежде возродить империю на идеях неокоммунизма, коллективизма, общинности, русского социализма, «красного проекта», «советского Модерна» и иных вариантов левого утопизма и ностальгии по Советскому Союзу.

В-четвертых, панславизм и национализм. Они стремятся интегрировать восточных славян на основе этнокультурного либо этнобиологического критерия. Такая интегрия мыслится в двух вариантах. Либо в имперском максималистском формате объединения России, Украины и Беларуси. Либо в антиимперском минималистском виде так называемой Республики Русь – государства, состоящего лишь из славянских регионов Российской Федерации (без Поволжья, Северного Кавказа, Бурятии и др.). Сюда же примыкают и откровенно расистские проекты, основанные на идее интеграции белой (индоевропейской) расы в масштабах всей Европы.

В-пятых, неовизантийство, основанное на православной конфессиональной или восточнохристианской цивилизационной идентичности, для которых важными являются представления об особой эсхатологической миссии православной империи («катехон», «самодержавие», «тысячелетнее царство», «симфония властей» и т.д.).

Приведенная историософская концептология упаковывается в форматы традиционных идеологий – консерватизма, социал-демократии, либерализма, либертарианства, даже популизма (примечательно, что лишь идеология солидаризма остается невостребованной). А также в те или иные идейные рамки – патриотизм и национализм, имперская экспансия и великодержавность, интернационализм и мультикультурализм, изоляционизм и автаркия, антизападничество и ксенофобия, рынок и демократия, монархизм и теократия и т.д.

За последнее десятилетие появилось также немало гибридных и комбинированных программ и политико-идеологических концептов, эксплуатирующих различные элементы указанных выше историософских проектов – «суверенная демократия», «Русская доктрина», «Проект Россия», «историческая Россия», «государство Русь», «Русский мир», Евразийский союз, Пятая империя, просвещенный консерватизм, просвещенная конституционная монархия и т.д. Однако чаще всего они изложены не в виде реалистических стратегий, продуманных и научно обоснованных политических программ и понятных для общества идей, но в форме историософских «прозрений» или идеократических утопий (нередко тоталитарных). Согласно подобным взглядам «всеобщее счастье» достижимо лишь в случае, если Россия (российская власть) «прозреет» – восприметкакую-то из особенностей народа или элемент его идентичности как «путеводную звезду» и поплывет к берегу очередной «земли обетованной», причем желательно под руководством какого-либо «вождя-суверена» или правящей партии, являющейся политическим монополистом. Несложно заметить, что все эти проекты, а также их многочисленные гибриды и разновидности (за исключением большинства вариантов европоцентризма) исходят из представления об особом историческом пути России и абсолютизируют какую-либо одну из сторон российской идентичности: русскость, славянство, православие, славяно-тюркский симбиоз. Со стороны власти посыл об особом пути обычно формулируется приблизительно следующим образом: «Мы (Россия, русский народ) – страна с особым (уникальным) путем развития, поэтому нам завидуют соседи, поэтому нас ненавидят враги (прежде всего Запад), поэтому у нас нет друзей. Кроме, разумеется, собственных армии и флота». И дальше – вполне политтехнологический мобилизационный вывод: «Поскольку нас все хотят уничтожить, мы должны теснее сплотиться вокруг правящей верхушки (великого князя, царя, императора, Сталина и компартии, Путина и “Единой России”), не ставить под вопрос легитимность такой власти и согласиться с ее полным монополизмом (самодержавством) и неподконтрольностью».

Постмодернистским апофеозом темы особого пути стала концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова (2006 год), в которой «просвещенный авторитаризм» российской власти объяснялся необходимостью противостоять «цветным» революциям.

Подобное понимание особости развития России является стандартной управленческой технологией, общим местом в российском властном политическом дискурсе. Постмодернистским апофеозом темы особого пути стала концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова (2006 год),

Алексей Хомяков. Автопортрет. 1842

Идеологи особого пути снизу говорят обычно об исключительной ответственности России перед мировой историей и высшими силами (Провидением, Богом, Судьбой), о вселенскости и универсальности отечественного исторического опыта, о специфической природе сердечного созерцания как уникальной формы познания мира, о проникновенном понимании человека в православных культурах и т.п.

в которой «просвещенный авторитаризм» российской власти объяснялся необходимостью противостоять «цветным» революциям. Революциям, инспирированным «врагами из-за бугра» и поддержанным «внутренними предателями» (оппозицией, «агентами влияния»). Схожие мотивы «особого пути» и «России как осажденной крепости» присутствуют и в риторике Владимира Путина – например, в его президентской избирательной кампании 2012 года. Но у общества имеются совсем иные представления об «особом пути», либо никак не связанные с политическим принуждением, либо вменяющие государству логику поведения, основанную на определенных религиозно-культурных ценностях, не служащих интересам политической элиты. Фактически налицо два различных типа идеологий особого пути, различающихся по своему происхождению, целям, задачам и методам описания.

Первый – это особый путь как идеология снизу, или философские, исторические, историософские, общественно-политические рефлексии российского образованного класса на тему развития России. Инициатива появления таких идеологий исходит снизу, от общества, и сами идеологи, как правило, не преследуют каких-либо утилитарных целей угодить власти. Например, славянофилы – одни из наиболее последовательных пропагандистов особого пути России – периодически притеснялись властью. Так, в 1832 году был закрыт журнал Ивана Киреевского «Европеец», а в 1848 году Юрия Самарина краткосрочно заключили в Петропавловскую крепость за его «Письма из Риги». Иван Аксаков в 1868 году стал жертвой цензуры – суд остановил издание его газеты «Москва», а самому мыслителю запретили заниматься журналистикой в течение 12 лет, а позже даже выслали из Москвы – за излишнюю инициативу как раз в славянском вопросе. Алексей Хомяков, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев, проповедавшие особый путь России, получали скорее неприятности от властей, чем какие бы то ни было бонусы. Да и общество относилось к их взглядам в этом вопросе по большей части с недоумением.

Второй тип – особый путь как идеология сверху. Это идеологические и пропагандистские стратегии государства, направленные на сугубо утилитарные задачи – усиление легитимности власти, сохранение и упрочение политического режима, повышение роли государства и степени государственного патернализма, подчинение Церкви государству, ослабление гражданского общества, борьбу с вольнодумством и оппозицией, имперскую экспансию вовне.

Идеологи особого пути снизу говорят обычно об исключительной ответственности России перед мировой историей и высшими силами (Провидением, Богом, Судьбой), о вселенскости и универсальности отечественного исторического опыта, о специфической природе сердечного созерцания как уникальной формы познания мира, о проникновенном понимании человека в православных культурах и т.п. Идеологи провластной версии особого пути выстраивают аргументацию иначе. Они указывают на априорные права власти и государства и оправдывают особым путем мобилизационный тип развития страны, неэффективность существующего политического режима, отсутствие верховенства права, слабое развитие современных социально-политических институтов. Ссылками на непохожий на других способ существования объясняют подчас и монопольное положение и произвол бюрократии, ликвидацию гражданских и политических свобод, установление авторитарного или тоталитарного режима, узурпацию власти, а также имперскую экспансию и захват чужих территорий. Российская провластная политическая мысль еще во времена Николая I сформулировала теорию «официальной народности» – знаменитую триаду графа Сергея Уварова «православие–самодержавие–народность» (1833 год), ставшую матрицей для последующих охранительно-консервативных идеологем. В России византизм и концепты восточнохристианской цивилизационной идентичности на протяжении нескольких последних веков также задействованы в генерировании представлений об «особом пути». Причем представлений как снизу, так и сверху.

Идеологи провластной версии особого пути оправдывают особым путем мобилизационный тип развития страны, неэффективность существующего политического режима, отсутствие верховенства права, слабое развитие современных социально-политических институтов.

Византизм снизу – это прежде всего идеи восточнохристианского цивилизационного пространства, проекты «Византийского содружества на-

ций» (Димитрий Оболенский), православного мира, образы Святой Руси, «тысячелетнего царства» и т.д. Обыкновенно в этих и подобных взглядах речь идет о справедливости, соборности, социальной солидарности и о горизонтальных формах добровольной геополитической интеграции, а не о чьем-либо политическом доминировании.

Византизм сверху – это в первую очередь имперостроительные идеологии, направленные на вертикальную интеграцию вокруг Москвы и России различных народов и государств. Их российский политический режим использует в своих внутриполитических и внешнеполитических интересах. После распада Советского Союза византизм сверху, византийский регистр в официальной идеологии долгое время был востребован лишь в маргинальных интеллигентских «патриотических» кругах. Однако в начале 2000-х на него обратили внимание и во властных коридорах, оценив мобилизационный потенциал подобной идеологемы, – зашла речь о концепциях православной цивилизации, поствизантийского пространства, «Русского мира», Третьего Рима и т.п.

Восточная Европа как поствизантийская цивилизационная общность

Каждая из историософских интерпретаций специфическим образом трактует цивилизационную сущность России. Указывается на принадлежность нашей страны и культуры к самым разным цивилизациям. Например, к европейской, евразийской, славянской, восточнославянской, православной. Приводятся и другие определения – российская, русская, индоевропейская, советская, восточнохристианская цивилизации. И каждая такая идентификация специфическим образом соотносит Россию и Восточную Европу.

Само понятие Восточной Европы было изобретено западноевропейскими интеллектуалами в эпоху Просвещения для обозначения территорий и народов, занимающих промежуточное место между «цивилизацией» (Западной Европой) и «варварами» (Азией). В XVIII веке таковыми являлись еще не разделенная Речь Посполитая с православными белорусскими и украинскими землями и Российская империя.

В послевоенном мире сложилась устойчивая практика понимать под Восточной Европой страны, занятые к окончанию Второй мировой войны Советским Союзом и вынужденные до конца 1980-х годов развиваться по социалистической модели, быть союзниками СССР по Варшавскому договору и Совету экономической взаимопомощи. В число таковых входили ГДР, Польша, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Болгария, Румыния. Распад социалистического блока, а затем и СССР размыл понятие Восточной Европы и ее географический образ – ныне под ней понимаются и бывшие советские республики, географически принадлежащие к Европе, и бывшие страны социалистического лагеря, и новые члены Евросоюза. Для отмежевания прочей Восточной Европы от России было даже предложено понятие – Центрально-Восточная Европа.

Однако если раньше Восточная Европа определялась как политическое пространство, то в настоящее время ее уместно идентифицировать как пространство преимущественно культурно-географическое и цивилизационное. Как ареал распространения восточнохристианской (восточноевропейской) цивилизационной идентичности. Как регион, который в византинистике ретроспективно называется «Визайнтийское содружество наций». Как совокупность стран, в которых православие (шире – восточное христианство) исповедуется большинством населения и является основой культурной идентичности. Можно выделить 13 государств, соответствующих названному критерию. Это бывшие союзные республики – Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия, Россия, Украина. Страны (или их части), входившие в соцлагерь, – Болгария, Македония, Румыния, Сербия, Черногория. А также Греция и Кипр. Окраинами восточнохристианской цивилизации следует считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах. А также ареалы влияния древних восточнохристианских Церквей в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

При этом пространство восточнохристианской цивилизации не выглядит гомогенным: на него накладываются разнообразные геополитические и геокультурные границы. Например, граница распространения Магдебургского права, которого не существовало в России (за исключением Смоленска и небольших городов – Дорогобужа, Рославля и Невеля). Однако это право сыграло ключевую роль в формировании украинской и белорусской политических культур, развив в них городское самоуправление, представления о свободе и нефеодальные социальные и политические практики.

Требуют коррекции и представления о восточнохристианской цивилизации как возможном большом субъекте развития и международной политики. Страны, в которых

Византизм сверху – это имперостроительные идеологии, направленные на вертикальную интеграцию вокруг Москвы и России различных народов и государств. В начале 2000-х на него обратили внимание во властных коридорах, оценив мобилизационный потенциал подобной идеологемы.

религией большинства является западное христианство (католицизм или протестантизм), имеют множество эффективных и влиятельных международных институтов, позволяющих им чувствовать себя единой цивилизацией, консолидированным историческим субъектом (Ватикан, Евросоюз, НАТО и др.). А вот страны восточнохристианского ареала практически не имеют подобных структур. Единственной такой международной организацией является Европейская межпарламентская ассамблея православия со штаб-квартирой в Афинах, но о ее каком-либо влиянии на международные дела говорить не приходится. У стран восточнохристианского цивилизационного ареала есть немало внутренних противоречий и взаимных претензий. Более того, отсутствуют даже проявления какой-либо политической солидарности и потребности оказывать взаимопомощь друг другу. (Едва ли не единственный пример из недавнего прошлого – сочувствие со стороны цивилизационно близких народов и дипломатическая помощь от России во время военной операции НАТО против Сербии в 1999 году.) А многочисленные усилия российского руководства и дипломатии по созданию интеграционных структур и объединений на постсоветском пространстве (ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный союз, Евразийский союз) предусматривают объединение по принципу не цивилизационной близости, а евразийского взаимопонимания и лояльности элит бывших республик СССР Кремлю. Создать влиятельный союз православных стран – идея эстетически привлекательная, но в нынешних условиях бесперспективная и мало кому из политиков приходящая в голову. Поэтому следует подчеркнуть нетождественность цивилизационной и геополитической идентичностей: геополитические границы могут самым причудливым образом накладываться на границы цивилизационные.

«Осевыми» (по Арнольду Тойнби), или «стержневыми» (по Сэмюэлю Хантингтону) государствами, ядрами восточнохристианской цивилизации в современном мире следует считать Грецию, Россию и Украину. Грецию – как непосредственную наследницу Византийской империи, как продолжательницу эллин-

Патриарх Коптской православной церкви Шенуда III (ум. 17 марта 2012)

Окраинами восточнохристианской цивилизации следует считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах. А также ареалы влияния древних восточнохристианских Церквей в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

ской культурной традиции, как очаг и своеобразный эталон православия. Россию – как символическую преемницу Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, как единственную страну восточнохристианской традиции, претендующую (пусть пока и без особого успеха) на статус сверхдержавы.. Украину – как центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, как прямую наследницу Древней Руси, как генератора церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII–XVIII веках, как самую большую в современном мире страну по числу православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

До середины XV века единственным «осевым» государством, метрополией православного мира являлась Византия. Ее падение в 1453 году завершило эпоху, когда православный мир был мощнейшим генератором культурных инноваций и цивилизационных импульсов для всей Европы в целом.

Россия (Великое княжество Московское, Московское царство, Российская империя) не стала правовым государством (государством правового порядка) в том понимании, в котором таковым была Византия. Не оказалась она в полной мере и наследницей византийского духовно-идеологического и религиозно-мистического опыта, сохранившегося в российских условиях лишь в усеченном виде – в монашеской аскетической традиции. Среди представителей этой традиции – нестяжатели, преподобные Нил Сорский и Паисий Величковский, иноки Оптиной пустыни и Афона. Сюда же можно отнести философские искания ранних славянофилов. Симптоматично, кстати, что даже тема исихастских споров, актуальная в Византии в середине XIV века, в России стала предметом заинтересованности лишь на рубеже XX и XXI веков.

Как бы это ни казалось парадоксальным, но в некотором отношении те же Соединенные Штаты, считающиеся квинтэссенцией Запада, с их приверженностью римскости и римскому наследию имеют больше оснований считаться ретрансляторами византийской культуры, чем Россия, Греция и иные цивилизационно близкие им страны.

С точки зрения цивилизационного деления, Западной Европой следует именовать романо-германские и англосаксонские страны, для которых историческими религиями являются католичество и протестантизм. (К этой же общности уместно также причислить Финляндию, но неуместно – членов Евросоюза Грецию и Кипр.) Центральную Европу в таком случае следует рассматривать как цивилизационную окраину Западной Европы. В нее входят страны западнохристианского ареала, которые не принадлежат к семьям романо-германских и англосаксонских народов. Среди них Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, а также Эстония, Латвия и Литва (открытым остается вопрос о принадлежности к центральноевропейскому ареалу преимущественно исламских Албании и Боснии и Герцеговины). Таким образом, Восточная Европа в современном актуальном понимании – это не социалистическая Европа Варшавского договора, а Европа восточнохристианской традиции – культурная наследница Византии и «Византийского содружества наций».

Василий Верещагин. Побеждённые. Панихида. 1878–1879

Союз православных стран – идея эстетически привлекательная, но в нынешних условиях бесперспективная. Цивилизационная и геополитическая идентичности в данном случае нетождественны: геополитические границы могут накладываться на границы цивилизационные.

Россия: страна-цивилизация или часть восточнохристианской цивилизации?

Вопрос о цивилизационной природе и принадлежности России может считаться еще одним вечным русским вопросом – наряду с традиционными «кто виноват?», «что делать?» и многовековым спором славянофилов и западников.

Поиск ответа на него ведется, как правило, путем уточнения координат России – и на географической карте мира, и в мировой истории. Россия – часть Запада (Западной Европы)? Часть Азии? Механическое соединение Европы с Азией? Творческий синтез Европы и Азии? Нечто третье, не имеющее прямого отношения ни к Европе, ни к Азии?

Цивилизация – это прежде всего общность на основе универсальной картины бытия, идентичных или похожих представлений о человеке, Боге, мире, вечности. И лишь потом – культурный или хозяйственный феномен, способ консолидации и самосохранения больших социальных групп.

Если отталкиваться от понимания природы цивилизационной общности в духе традиции Данилевского–Шпенглера–Тойнби–Хантингтона, то цивилизации следует понимать как культурно-истори-

Альфонс Муха. Святая гора Афон. 1926

Ядра восточнохристианской цивилизации в современном мире – Греция, Россия и Украина. Греция – как непосредственная наследница Византийской империи, как продолжательница эллинской культурной традиции, как очаг и своеобразный эталон православия.

ческие типы, как универсальные матрицы социального существования и развития, основанные на определенной сакральной вертикали и трансцендентных ценностях. С этой точки зрения, Россию надлежит считать страной, принадлежащей к восточнохристианской цивилизации с иноцивилизационными вкраплениями (прежде всего исламским и буддистским). Однако подобная идентичность, будучи концептуально, научно и гносеологически корректной, вызывает разные политические толкования. В российском идеологическом пространстве большее распространение получили представления о России как стране-цивилизации, чьи государственные и цивилизационные границы практически совпадают (в некоторых концептах цивилизационные границы совпадают не с государственными границами Российской Федерации, а с границами воображаемой «исторической России»). Говорить о российской цивилизации (или о России как стране-цивилизации) уместно лишь в метафорическом значении. При подобной интерпретации за основу цивилизационной идентичности принимается не духовная культура, не «сакральная вертикаль», не конфессиональная принадлежность (или конфессиональное тяготение) населения, не историческая традиция, а культура материальная, способ социальной организации, тип политической системы, политическая целесообразность и т.д. В этом смысле Россия не попадает под определение страны-цивилизации – в отличие от Китая, Индии и Японии (сюда же нередко относят и Израиль), поскольку невозможно выделить универсальный надэтнический и наднациональный признак, объединяющий всех жителей России в одну цивилизационную общность. Разумеется, признаки и факторы, объединяющие всех россиян, существуют. Но они имеют не универсальный и не наднациональный характер, а характер, обусловленный единством (реально существующим либо искомым) политической нации (например, общностью исторической судьбы), а также советским наследием и советским образом жизни (которые, надо заметить, не относятся к устойчивым признакам и не являются общими для всего бывшего Советского Союза). С точки зрения цивилизационной идентичности, Россию следует интерпретировать как часть восточнохристианской (восточноевропейской) цивилизации, причем часть «осевую» (наряду с Грецией и Украиной), цивилизационнообразующую, генератора универсальной идентичности. Хотя и имеющую также иноцивилизационные вкрапления.

Подобное представление России как части восточнохристианской цивилизации, а не как самодостаточной российской цивилизации, с точки зрения властной политической и идеологической позиции, небезопасно – оно может нарушить баланс во внутрироссийской идентичности и усилить напряженность между православными славянами и неправославным населением – представителями традиционных конфессий (ислама и буддизма). Кроме того, это лишает власть монополии на идеологический дискурс: Россия делается открытой – по отношению если и не ко всему миру, то хотя бы к цивилизационно близким странам.

Историософская мысль и официальная пропаганда на различных геополитических и геокультурных азимутах используют различные идеологические концепты, различные регистры всего многообразия российской идентичности. Так, для диалога с преимущественно мусульманскими регионами Поволжья и Северного Кавказа, а также с Казахстаном и странами Центральной Азии в ход идут евразийские аргументы – об общем прошлом и желаемом общем будущем славян и тюрок (или народов Кавказа), православных и мусульман. Для диалога с Беларусью – панславизм и советская идентичность. Для культурного и политического продвижения на «украинском» направлении в последние годы используется концепция «Русского мира», согласно которой Украина одновременно является и «младшим братом» России, и истоком Руси – прародиной и древнерусской, и современной российской государственности. Но в качестве политкорректного и усредненного используется именно представление о России как стране-цивилизации – в нем фактически уравновешиваются четыре идеологических вектора – европеизм, евразийство, панславизм и православие.

Кроме того, представление о России как стране-цивилизации, чьи государственные границы совпадают с цивилизационными, хорошо укладывается в тему особого исторического пути страны как «осажденной крепости», у которой нет друзей и добровольных союзников, но есть только враги, стремящиеся ее захватить, расчленить и уничтожить, а также их пособники – внутренние предатели.

Россия – символическая преемница Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, единственная страна восточнохристианской традиции, претендующая (пусть пока и без особого успеха) на статус сверхдержавы.

Киево-Печерская лавра

Украина – центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, прямая наследница Древней Руси, генератор церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII–XVIII веках, самая большая в современном мире страна по числу православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

Позиционирование России как страны-цивилизации имеет свою логику и своих выгодоприобретателей – властную элиту, решающую подобным образом некоторые государственные вопросы (сохранение единства политической нации) и обеспечивающую собственные корпоративные интересы (упрочение легитимности в глазах общества). Да и усиление в российской идентичности восточнохристианской составляющей не приносит каких бы то ни было ощутимых сиюминутных геополитических бонусов. Так, отношения с Украиной, Беларусью и Молдавией строятся не на цивилизационной основе, а на фундаменте ностальгии по СССР и поиске реальных или мнимых экономических интересов. Отношения с Грузией испорчены вооруженным конфликтом 2008 года и последующим признанием Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. А отношения с Грецией, Сербией, Румынией или Болгарией не относятся к приоритетам российской внешней политики.

Более значительное место цивилизационная идентичность занимает в самосознании Русской православной церкви. На этой основе некоторые церковные иерархи и околоцерковные публицисты в последние годы пытаются развивать концепцию «Русского мира», или «исторической России» – в ней православие и «русскость» рассматриваются как геополитическая сила. Однако особой влиятельности и привлекательности за пределами России эти концепты пока не получили.

Возможен ли восточнохристианский миростроительный проект?

Кризис современного Запада в последнее десятилетие проявляется в виде не только демографического и политического наступления исламской цивилизации на Западную Европу и США и экономического и политического усиления Китая. Он проявляется главным образом в ощущении исчерпанности миростроительного проекта Модерна, в концептуальной опустошенности постмодернистских теорий и практик, которые так и не стали конкурентоспособным планом создания нового мира. Сам по себе переход к парадигме «столкновения цивилизаций» Хантингтона является симптомом гибели модернистских представлений о мире и бытии.

В режиме реального времени мы можем наблюдать попытки формирования новых миростроительных проектов – интеллектуальных концептов, авангардных по отношению как к Модерну, так и к Постмодерну (Сверхмодерн, Альтермодерн, Неомодерн, Археомодерн, консервативно-революционные доктрины и т.д.).

Восточнохристианская цивилизация имеет в своем арсенале определенное количество представлений, явлений и феноменов, которые могут быть востребованы в качестве социальных и антропологических инноваций при моделировании новых проектов бытия современного человечества. Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов является антропология – представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, социальной функции. Различия между восточнохристианской и западнохристианской цивилизациями начинаются именно с антропологических установок – с представлений о смысле жизни и смерти, о грехе, спасении, преображении, должном и недолжном, о труде и посмертном воздаянии. Из них, в свою очередь, вытекают представления о государстве, обществе, Церкви и конце света.

Центральным в православной антропологии и сотериологии (учении о спасении и искуплении) является представление о теозисе, обожении человека.

Статуя Свободы на куполе Капитолия (Вашингтон)

Как бы это ни казалось парадоксальным, но в некотором отношении те же Соединенные Штаты, считающиеся квинтэссенцией Запада, с их приверженностью римскости и римскому наследию имеют больше оснований считаться ретрансляторами византийской культуры, чем Россия, Греция и иные цивилизационно близкие им страны.

Для диалога с Беларусью годятся панславизм и советская идентичность. Для культурного и политического продвижения на «украинском» направлении – концепция «Русского мира». Согласно этой концепции, Украина – и «младший брат» России, и исток Руси.

Отцы Восточной церкви говорили об изначальной расположенности человеческой природы к обожению, стяжанию божественных энергий, единению с Творцом на энергийном уровне. Святой Афанасий Александрийский так сформулировал эту максиму: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

«Идеальный» человек в православии – это человек, взятый в некоем трансцендентном масштабе, человек, стремящийся к обожению и преображению, человек, выходящий за онтологические и антропологические пределы, человек-абсолют. Характерно, что в православной этике подобный антропологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

С XVIII века секуляризация постепенно уменьшала значимость религиозных антропологических представлений для стран восточнохристианского мира. Однако типологически близкие модели прорастали и в светской культуре. Скажем, классическую русскую литературу XIX и даже отчасти XX веков можно рассматривать как специфическую форму духовной практики. Некоторые исследователи обнаруживают в ее основаниях, смыслах, образной системе и изобразительных средствах архетипы соборности и пасхальности (Иван Есаулов). Примечательно, что ее типический положительный герой – не деятель, а созерцатель, человек преображенный, человек, вставший на путь духовного обновления. Подобная же проблематика «прорастает» даже в советском кинематографе, хотя кино – наиболее зависимый от государства и официальной идеологии вид искусства. Здесь можно назвать фильмы Александра Довженко, Андрея Тарковского, Сергея Параджанова, украинское «поэтическое» кино, грузинское кино 1960–1970-х, отдельные анимационные фильмы Юрия Норштейна и Эдуарда Назарова.

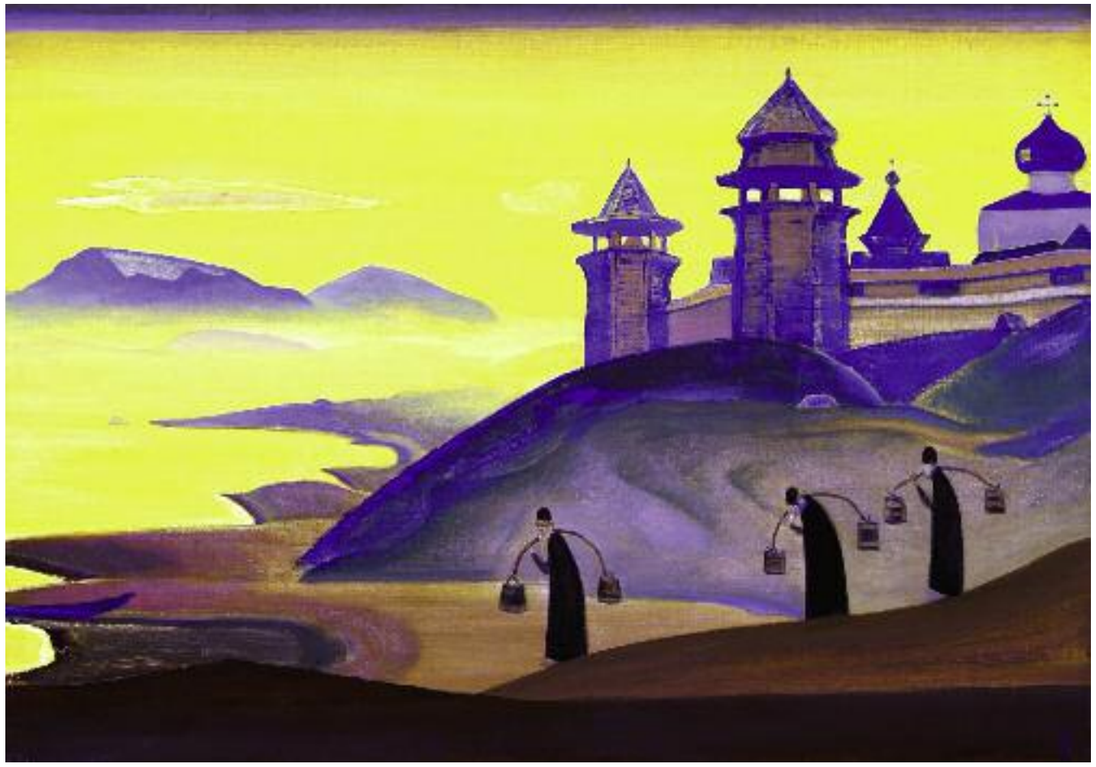
Совершенно иные антропологические представления просматриваются в фундаменте западноевропейской культуры: в контексте католической (а позже и протестантской) доктрины «идеальный» (точнее, «нормальный») человек лишен, по большому счету, подобных максималистских интенций. Трансцендентный опыт расценивается как удел немногих избранных, сосредоточенных на проблеме спасения и искупления. «Нормальный» человек озабочен проблемой земного существования, а не жизни вечной – проблемы обожения для него не существует.

Некоторые церковные иерархи и околоцерковные публицисты в последние годы пытаются развивать концепцию «Русского мира», или «исторической России» – в ней православие и «русскость» рассматриваются как геополитическая сила.

Разумеется, в западноевропейской культуре еще во времена Ренессанса появляется образ «максимального человека», который позже развивается в алхимических и мистических учениях, у итальянских гуманистов, в масонстве, у романтиков, у Гете, Гегеля, Макса Штирнера, Ницше, Хайдеггера, Генона, де Шардена, в современном трансгуманизме и пр. Но с точки зрения влияния на общественное развитие, это были немассовые течения. Мейнстрим западноевропейской социальности задали иные мыслители – Августин, Фома Аквинский, Декарт, Гоббс, Локк, Адам Смит, Кант, Поппер, фон Хайек. Доминантным в западной культуре стало представление о «минимальном человеке» – «человеке юридическом», «человеке экономическом», «человеке физиологическом».

В современном мире прежняя модель человека, созданная в недрах западной религиозности и культуры, терпит глубокий экзистенциальный и когнитивный кризис – кризис духа, кризис души. Западная цивилизация способна быть генератором новых промышленных технологий и научных открытий, но уже, по всей видимости, исчерпала свои возможности по генерированию новых смыслов существования человека, новых антропологических представлений.

Неслучайно сейчас многие духовно углубленные европейцы и американцы, разочаровавшись в католичестве или протестантизме, а то и вовсе утратив веру, ищут себя в иных религиозных традициях, в которых присутствуют (или декларируются) представления о трансцендентном опыте, – буддизме, индуизме, мистических течениях ислама, зороастризме, православии, неосинтетических и эзотерических культах, «Нью эйдж», Каббале. В подобной ситуации православная максима-



Николай Рерих. И мы трудимся. 1922

Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов является антропология – представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, социальной функции.

листская антропология получает шанс быть востребованной как концептуальная, мировоззренческая, ценностная основа для универсального проекта нового гуманизма, для творческого созидания обновленной и одухотворенной Вселенной, для модернизационных миростроительных проектов.

Модель «закрытого» будущего, в котором предопределенность развития событий жестко детерминирована, осталась в эпохе Модерна. В последнее время в связи с усложнением глобальных связей и систем управления, появлением новых политических субъектов, развитием неформальных и сетевых сообществ, а также в связи с применением когнитивного оружия, гуманитарных технологий, технологий управляемого хаоса и ассиметричных стратегий актуально говорить уже об «открытом» будущем. Горизонт прогнозирования в условиях глобализации и повышенной социальной турбулентности приближается, вероятность развития событий детерминирована не так сильно, как раньше, а их вариативность значительно возрастает.

Будущее человечества все менее предопределено глобальными проектами, но все больше зависит от скоординированных и точечных усилий разнообразных амбициозных креативных сообществ.

В эпоху Модерна особенности восточнохристианской цивилизации являлись факторами, объективно уменьшающими ее конкурентоспособность и возможность влияния на общемировые процессы развития. Но в новой реальности создается ситуация, при которой прежние недостатки способны стать достоинствами и факторами конкурентоспособности, инновационности и креативного развития. «Максималистская» антропология, синергийное мироощущение, развивающее механизмы социальной солидарности, апофатическое богословие, открывающее дорогу постнеклассической гносеологии и новой рациональности, представления о высшей правде и всечеловечности, симфонизм, исихастские учения, неэмпирическое восприятие мира, присутствующие в культурном пространстве православных стран, – все это позволяет работать с новым – сложным – человеком и с новой – значительно усложненной – реальностью.

Генезис восточнохристианской идентичности таков, что идея универсализма заложена в нем на матричном уровне – она наследуется из Античности и средневековой Византии. Однако на современном этапе развития такой универсализм не актуализирован – это только возможность, а не сформированное конкурентное преимущество. Жизнеспособность восточнохристианской цивилизации, как и любой другой, зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы и не быть лишь реципиентом чужих влияний.

Приходится констатировать, что в российских условиях византийская тема и тема восточнохристианской (восточноевропейской) цивилизационной идентичности используются прежде всего как технологии легитимации власти, придания ей сакрального ореола, расширения имперской экспансии, решения иных сугубо политических задач. Византизм является не главной отличительной чертой российской политической культуры, но напротив – широко используемым инструментом идеологического воздействия и средством оправдания властного произвола.

В то же время идентичность и когнитивные ресурсы восточнохристианской цивилизации могут стать уникальной основой для развития универсальных миростроительных проектов, оригинальных онтологических, гносеологических и антропологических представлений, новых картин мира. Именно в таких креативных усилиях, в подобной «мягкой силе» может быть явлена жизнеспособность России, Украины, Греции и иных стран восточнохристианского ареала и всей цивилизации в целом.

Однако политическая реальность в большинстве этих стран такова, что футурология и долгосрочное планирование не являются для них актуальными, а усилия гражданского общества и научных институций слишком слабы и разрозненны. Зато государство и властные группировки по мере необходимости используют византийскую и восточнохристианскую цивилизационные темы в своих утилитарных политических интересах, что с неизбежностью ведет к их вульгаризации и профанации.

Центральным в православной антропологии и сотериологии является представление о теозисе, обожении человека. Святой Афанасий Александрийский так сформулировал эту максиму: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Византизм, византийское наследие, когнитивный арсенал восточнохристианской цивилизации, с точки зрения футурологических возможностей, являются ценным, но невостребованным ресурсом.

Постскриптум: SWOT-анализ восточнохристианской цивилизации

Эффективной методологией выявления конкурентных преимуществ той или иной цивилизационной общности является качественный стратегический анализ (SWOT-анализ), в котором рассматрива-

Святой Афанасий Великий

Византия и постсоветский мир

Михаил Нестеров. На Руси (Душа народа). 1914–1916

Характерно, что в православной этике антропологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

ется соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз. С помощью такой методологии можно построить стратегию развития, в которой концентрация усилий и ресурсов субъекта тратится не на решение проблем, а на использование собственных возможностей. Таким образом, возникают предпосылки для того, чтобы взаимодействие субъекта (цивилизации в целом, а также составляющих ее стран) с иными субъектами происходило по модели смыслопорождения, генерирования инноваций и активных действий, а не по модели изначально проигрышного реактивного ответа на внешние вызовы.

Итак...

Сила (Strength) – преимущества субъекта

Наличие в мировой истории успешных и конкурентоспособных для своего времени государств, существовавших в контексте восточнорхристианской цивилизации, – Византийской империи, Древнерусского государства, Болгарского царства, Анийского царства (Армянского царства Багратидов), Грузинского царства эпохи Давида Строителя и царицы Тамары, Великого княжества Литовского, Российской империи, отчасти Советского Союза.

Культурное, духовное, религиозное, политическое, государствостроительное, правовое наследие Византийской (Восточной Римской) империи, сохраняющее в себе парадигму греко-римского цивилизационного универсализма.

Миростроительная субъектность Византии и Древней Руси как генераторов мощных культурных импульсов в масштабе всей средневековой Европы.

Наличие в истории примеров цивилизационной солидарности между государствами восточнохристианской цивилизации и их бескорыстной помощи друг другу (в том числе помощи по освобождению от ига и обретению независимости).

Наличие сакральных центров и ценностных ориентиров (представления о Москве и Тырново как о Третьем Риме, о Киеве – как Втором Иерусалиме, о Святой Руси, о «катехоне», о всемирной миссии православного царства в последние времена, учение о Святой Софии как Премудрости Божией и т.д.).

Наличие богатого культурного наследия, признанного Западом и изучаемого иными цивилизациями в контексте достижений мировой культуры.

Развитое в русской, украинской, греческой, грузинской и других культурах экстатическое отношение к миру, возможность познания путем озарения, а не логических актов.

Социально-политическое и технологическое наследие СССР, опыт советской альтернативной модернизации и создания оригинального миростроительного проекта, а также высокий уровень развития фундаментальной науки и образования, сравнительно высокий уровень развития человеческого капитала.

Возможность быстрой и эффективной социально-политической модернизации (пример современной Грузии).

Этнокультурная и расовая гомогенность восточных христиан, относящихся к индоевропейской языковой семье (за исключением грузин, представителей большинства православных неславянских народов России – чувашей, татар-кряшенов, вепсов, карелов, удмуртов, а также молдавских и украинских гагаузов, православных арабов, финнов и албанцев).

Слабость (Weakness) – недостатки субъекта

Недосформированность единой восточнохристианской цивилизационной идентичности.

Низкий уровень цивилизационной солидарности и кооперации, отсутствие внутрицивилизационной геополитической, геоэкономической, идеологической и ценностной консолидации.

Отсутствие презентации в качестве самодостаточной цивилизации в глазах иных цивилизаций.

Тяжелый посттоталитарный синдром в ключевых странах цивилизационной общности (России, Украине, Беларуси).

Конфессиональная и цивилизационная разделенность славянского мира. Наличие в историческом прошлом опыта религиозных или конфессионально окрашенных войн между различными славянскими народами и странами.

Наличие исторического и актуального опыта вооруженных конфликтов между православными странами и народами (только после распада СССР: военный конфликт в Приднестровье, грузино-осетинский конфликт, российско-грузинская война 2008 года).

Конфликтность этнокультурных идентичностей между родственными православными народами (одни могут не признавать существование либо самостоятельность и культурную самодостаточность других: великорусско-украинско-белорусский, болгаро-македонский, сербо-черногорский, румыно-молдавский конфликты по поводу идентичности).

Отсутствие привлекательной и эффективной этики международных отношений (использование двойных стандартов, практика неисполнения международных договоренностей, распространенный образ православной страны как ненадежного союзника в международных отношениях).

Кризис рационалистического христианского дискурса в культуре православных народов после гибели Византии (попытки его преодоления в середине XVII – начале XX веков не оказались однозначно удачными).

Отсутствие на сегодняшний день большого постиндустриального миростроительного проекта, выросшего в недрах восточнохристианской цивилизации.

Недоразвитость учений и социальных практик, гарантирующих свободу личности.

Отсутствие успешной и конкурентоспособной в современных условиях социальной и трудовой этики, которая могла бы стать предпосылкой экономического чуда.

Сырьевая ориентация и высокая зависимость от внешних факторов российской и украинской экономик, низкий уровень интеграции в экономику знаний, экономический и финансовый кризис в Греции.

Прозападная ориентация политических элит большинства православных стран, неверие в среде этих элит в политическую конкурентоспособность восточнохристианского проекта.

Отсутствие консолидированного субъекта – интеграционного геокультурного образа (подобного образу Запада в западнохристианской цивилизации).

Ордынское наследие в российской политической культуре.

Низкая комплементарность российской моносубъектной и украинской полиархичной политических культур. Противоречия между российской и украинской политическими элитами. Противодействие со стороны таких противоречий появлению консолидированного геоэкономического мегасубъекта в Восточной Европе.

Неразвитость представлений о самодостаточности, уникальности, неповторимости, эксклюзивности восточнохристианской цивилизационной идентичности, распространение представлений о цивилизационной ущербности и недоевропейскости православных стран, устойчивые представления о нахождении генераторов общемирового развития исключительно в среде западной цивилизации.

Различные геополитические и геокультурные приоритеты у разных стран восточнохристианской традиции (Греция, Болгария и Румыния являются членами НАТО и Евросоюза, Украина, Грузия, Черногория и даже Сербия стремятся к интеграции в эти структуры).

Распространенные традиции коррумпированности государственного аппарата. Присущий и России, и Украине феномен приватизации государства корпорацией чиновников.

Слабость миссионерской деятельности православных Церквей в настоящее время, недостаточное использование языка современной культуры и арсенала современных информационных технологий (по сравнению с Католической церковью и протестантскими Церквями и сектами).

Отсутствие православных монархических династий с легитимными претендентами на престол (за исключением потомков сербской династии Карагеоргиевичей).

Непризнанность восточнохристианской цивилизации Западом в качестве равного субъекта на всем протяжении ее существования. Использование Западом этики двойных стандартов по отношению к странам восточнохристианского ареала.

Ни одна из стран восточнохристианской цивилизации

Неопалимая купина

«Максималистская» антропология, синергийное мироощущение, апофатическое богословие, представления о высшей правде и всечеловечности, симфонизм, исихастские учения – все это позволяет работать с новой – значительно усложненной – реальностью.

не входит в «золотой миллиард», элиты ни одной из этих стран полноценно не интегрированы в мировую элиту.

Отсутствие опыта успешной жизни и успешного развития у стран восточнохристианской цивилизации в настоящее время – особенно в сравнении с западнохристианскими соседями.

Возможности (Opportunities) – благоприятные факторы внешней среды

Географическое положение и геоэкономические показатели, позволяющие выстраивать эффективные проекты с участием различных стран восточнохристианского ареала.

Относительная географическая компактность восточнохристианского мира – все входящие в него страны составляют единый массив с общими границами.

На восточнохристианской культурной основе возможно формирование принципиально новой максималистской антропологии, которая, в свою очередь, способна стать предпосылкой для создания нового мирового универсального миростроительного проекта.

Наличие разработанного в богословии отцов Восточной церкви учения об обожении как синергии (со-творчестве) Бога и человека и соответствующих духовных практик (исихазм), апофатической гносеологии (постижение Бога через то, чем Он не является) и синергийной методологии по отношению к вопросам свободы и благодати.

Развитие в восточнохристианских культурах представлений о социальной справедливости, а также представлений о высшей правде.

Общемировая известность бренда русской классической литературы и русской культуры. Избирательная известность некоторых произведений и феноменов украинской, сербской, болгарской, румынской, армянской, современной греческой культур. Наличие узнаваемых и признанных во всем мире деятелей культуры.

Возможность и необходимость формирования адекватного позитивного инструментального отношения к ценностям Модерна (путем как их переосмысления в восточнохристианском цивилизационном контексте, так и отыскания их аналогов и прототипов в византийской и древнерусской исторической ретроспективе).

Возросший интерес к православию, православному богословию и религиозной культуре в среде западной интеллектуальной элиты.

Наличие разработанных и актуализированных в культурной памяти православных народов эсхатологических представлений, позволяющих выстраивать стратегическое видение собственного развития и определять его сверхзадачи.

Наличие внутри цивилизационной общности оригинальных национальных политических культур и политических систем разного типа (российской, украинской, белорусской, сербской, греческой и др.) с широким диапазоном ценностных установок, представлений, традиций, стереотипов поведения, механизмов управления.

Использование в культурах православных народов нелатинских алфавитов – кириллического, греческого, армянского и грузинского (за исключением румынского языка, в котором после длительной борьбы утвердился латинский алфавит).

Сохранение некоторыми православными поместными Церквями старого стиля (юлианского календаря), сохранение празднования Пасхи по старому стилю новостильниками.

Относительно высокий уровень религиозности в православных странах в настоящее время.

Угрозы (Threats) – противодействие внешней среды

Несоизмеримость ресурсов и потенциалов России и остальных стран восточнохристианской общности, затрудняющая партнерство с Россией (Грузия, Украина и отчасти Беларусь рассматривают Россию как извечную угрозу собственному политическому и культурному суверенитету).

Различный политический темперамент и уровень амбиций России и остальных стран восточнохристианской общности. Основанные на жестком моноцентризме власти традиции российской политической культуры.

Политическая напряженность между православными странами в современных условиях (российско-грузинская война 2008 года, ухудшение российско-украинских и даже российско-белорусских отношений и т.д.).

Планомерная интеграция стран восточнохристианского ареала в политические структуры Запада и его сферу влияния.

Отягощенность российской политической культуры имперским вирусом при явном отсутствии в неоимперской идеологии универсальности, привлекательности, конкурентоспособности. Подмена имперского дискурса этнонационалистическим.

Искаженное представление о православном христианстве и культуре стран восточнохристианского ареала на Западе (в частности, представления о православном цезарепапизме, об обрядоверии, об отсутствии логоса в богословии и философии).

Распространенное в российском общественном и культурном сознании восприятие России как государства-цивилизации, что умаляет цивилизационную солидарность с иными православными странами.

Появление на постсоветском пространстве феномена государства-корпорации. Логика существования государства-корпорации размывает цивилизационные ценности и снижает цивилизационную солидарность в международных отношениях.

Иван IV Грозный

В российских условиях византийская тема используется прежде всего как технология легитимации власти. Византизм является не главной отличительной чертой политической культуры, но напротив – инструментом идеологического воздействия и средством оправдания властного произвола.

Усиление восточнохристианской цивилизационной идентичности в России рассматривается как гипотетическая угроза государству, поскольку она может привести к снижению политической лояльности неправославных народов.

Сравнительно низкий уровень жизни в странах восточнохристианской общности, непривлекательность постсоветского образа жизни в сравнении с западноевропейскими и даже центральноевропейскими странами.

■

Таким образом, очевидно, что восточнохристианская цивилизация, а также составляющие ее страны имеют в своем арсенале немало возможностей для выживания в условиях современной общемировой турбулентности развития, немало ресурсов для создания парадигм и траекторий субъектного инновационного движения в их дальнейшей истории.

Однако при этом по состоянию на текущий момент ее международно-политическая субъектность невелика, что затрудняет реализацию сценариев прорывного или скачкообразного развития и делает маловероятным получение лидерских позиций в современном мире в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

Едва ли не главная слабость восточнохристианской цивилизации в целом и входящих в нее стран заключается в очевидности их недостатков и слабых мест и в неочевидности или малой известности их достоинств и конкурентных преимуществ.

Дмитрий Игнатьевич Выдрин –
писатель, политолог (Киев)

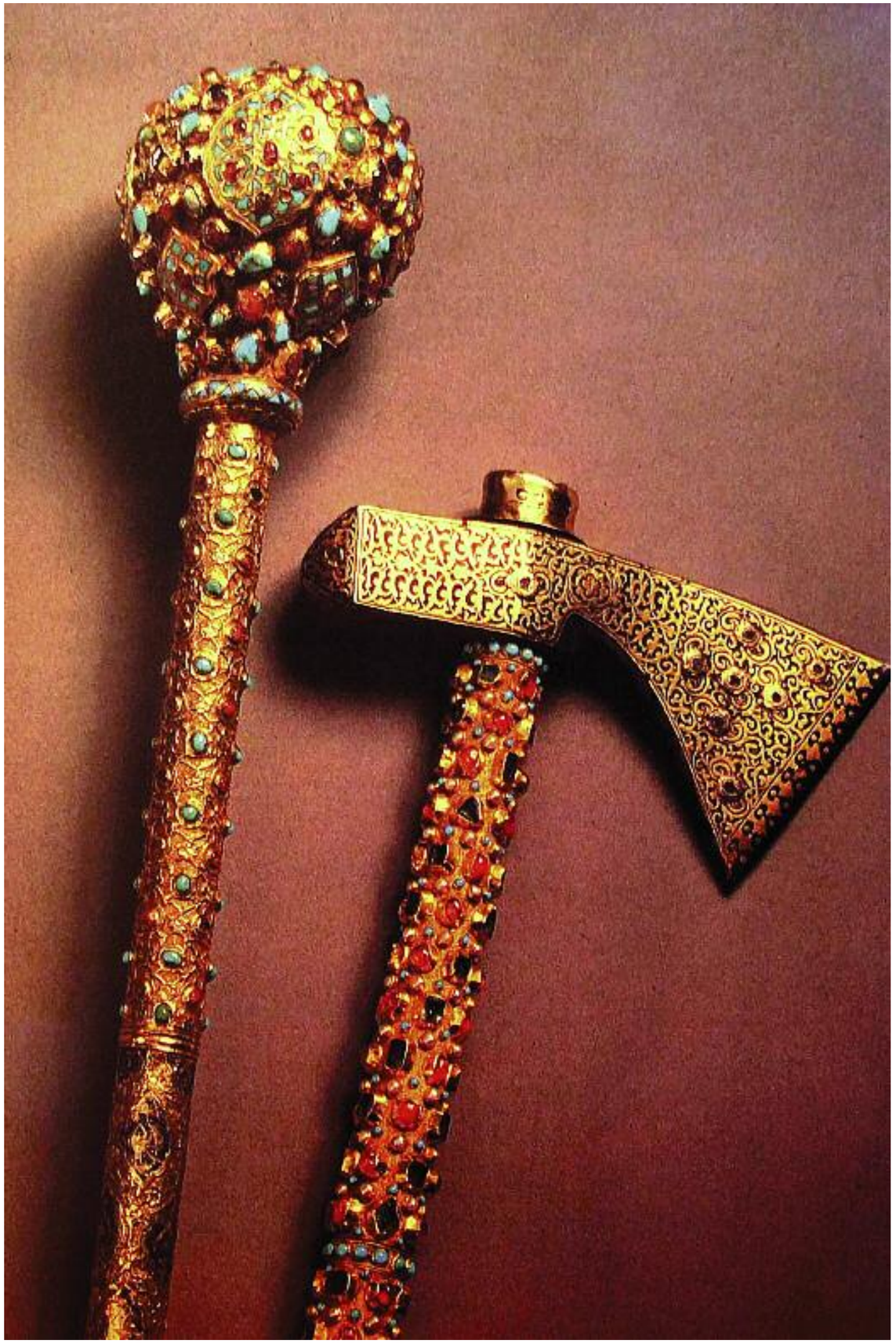
Византийский геном украинской элиты

Биологи утверждают, что клопы – самые человеколюбивые существа. Говоря по-научному, они исповедуют концепцию антропоцентризма. Правда, эта концепция ими поддерживается только до тех пор, пока человек жив. Украинская элита – по аналогии – самая евроцентричная в мире. И пока Европа «шевелится», она будет объектом абсолютного стремления, безудержного преклонения, центром мира и вселенной.

Стоит сразу оговориться, что украинская элита, как и все другие, немонолитна. Она формировалась в разных регионах и субрегионах страны, при разных обстоятельствах, на разных – по качеству и количеству – финансовых потоках, на различных культурных пластах и ментальном андеграунде.

Чтобы не входить в детали, я обычно выделяю три типа украинских элит – банковско-финансовую, производственную и посредническую. Так вот, самая «евроцентричная», пожалуй, последняя. Связано это, возможно, не только с безумной любовью этой элиты к наследию классической греческой философии или классической немецкой, к итальянскому кинематографу 60-х и французской литературе 70-х. Но и с тем, что в основе этой интенции лежат, наверное, европейские офшорные счета, где обычно оседает посреднический профит.

Такое ощущение, что византийская жажда ритуальных политических украшений – президентских ожерелий, диадем, буквально скопированных с украшений византийских императоров, – переселилась в эстетически неокрепшие души украинских лидеров.



Особенно византийская жажда ритуальных политических украшений проявлялась тогда, когда в политике доминировала известная премьер-министр. Немыслимый гламур одежды – воланы, рюши, украшения, аксессуары.

Но в данном случае нас интересует другое. Представители этой элиты постоянно и истово клянутся в любви и преданности европейской либерально-демократической модели, проклиная иные или альтернативные модели – особенно достается так называемой византийской.

«Византийщина» является чуть ли не главным ругательным словом этих людей, под которым они подразумевают и азиатскую хитрость, и православную помпезность, и мощнейшую древнюю школу тонких и хитрых интриг, коварства и предательства.

Но ирония судьбы заключается в том, что как раз эта часть украинской элиты, которая «византийство» обозначила основным пороком постсоветской политики, сама насквозь проникнута абсолютно всем комплексом византийских особенностей, византийского духа, да и буквы тоже.

Иногда у меня возникает мысль, что теория реинкарнации, при всей своей мистичности и оккультности, имеет под собой основания. Только проявляется реинкарнация четче и отчетливее в больших социальных общностях, а не в отдельных персонах.

Я, например, абсолютно убежден, что душа позднего Советского Союза переселилась в еще молодой, но на глазах дряхлеющий Евросоюз. По крайней мере, евросоюзного среднестатистического чиновника по повадкам и ухваткам очень сложно отличить от советской номенклатуры – они как единокровные братцы. (Кстати, говорят, что если перелить кровь старика юноше, то он мгновенно теряет потенцию, стареет и даже дряхлеет на глазах.)

Исходя из этого предположения, можно допустить, что коварный дух «византийства» реинкарнировал как раз в ту часть украинской элиты, которая более всего его чурается. Чтобы не быть голословным, попытаюсь хотя бы вкратце сравнить взгляды, вкусы, предпочтения поздневизантийской элиты и раннеукраинской элиты в таких сферах, как эстетика, этика, политика, религия и базовый договор между личностью и государством.

Эстетика: от пафоса к китчу

Тут не надо много витийствовать, анализировать и сопоставлять. Достаточно сравнить фотографии многих высших политиков Украины с изображениями византийских владык, лидеров, знаковых персон. Поражает конгениальность, по крайней мере, визуального стиля.

Такое ощущение, что византийская жажда ритуальных политических украшений – президентских ожерелий, диадем, буквально скопированных с украшений византийских императоров, – переселилась в эстетически неокрепшие души наших лидеров. Особенно это проявлялось, когда в политике доминировала известная премьер-министр. Немыслимый гламур одежды – воланы, рюши, украшения, аксессуары. Все это буквально источало византийскую стилистику. Разве что подоплека была разная.

В Византии чрезмерная дороговизна и помпезность одежд символизировали неземное происхождение царственной особы, ее связь с высшими сферами. У нас же подобные изыски подчеркивают скорее реальные земные возможности лидера и его связь с финансово-промышленными сферами и группировками.

Поэтому и стилистика, которую в Византии можно было бы назвать запредельно пафосной, у нас превратилась в предельно китчевую. Многие украинские депутаты заказывают себе дубликат депутатского значка из золота высшей пробы. Здесь нет абсолютно никакого рационального смысла – и медный, и золотой значки символизируют одинаковую депутатскую неприкосновенность. Но в этом есть высокая символика эстетического единства двух совершенно разных эпох. Разница только в том, что если первая выражала себя символически, визуально, эстетически через помпезность и пафос, то вторая произвела возгонку этой стилистики до высокого китча.

Легитимация властных полномочий византийских василевсов восходила корнями к иранской этической доктрине, по которой все действия правителя моральны, если направлены на борьбу с неким вселенским злом. Украинские политики очень лихо и быстро овладели этой доктриной.

Этика: от лукавства к «кидалову»

Византия была, пожалуй, первым государством, где посредничество оказалось возведенным едва ли не в ранг главной этической доктрины. Византийская империя, по сути, являлась страной посредников – начиная от нижних этажей социальной лестницы, фундамент которой составляли разного рода менялы и торговцы, кончая вершиной социальной пирамиды. На самом верху находился император, который фактически был посредником между Творцом и простыми людьми (да и непростыми тоже).

Посредник всегда эффективен только в том случае, если стороны, между которыми он посредничает, имеют между собой напряженные, плохие, а еще лучше враждебные отношения. Поэтому поссорить своих соседей, скажем, слева и справа для византийского правителя было отнюдь не нарушением заповедей христианства, а всего лишь тонкой психологической игрой.

Суть провинции заключается отнюдь не в отдаленном и даже окраинном географическом положении, а в отсутствии первостепенных смыслов. Провинция – это территория, населенная второстепенными смыслами.

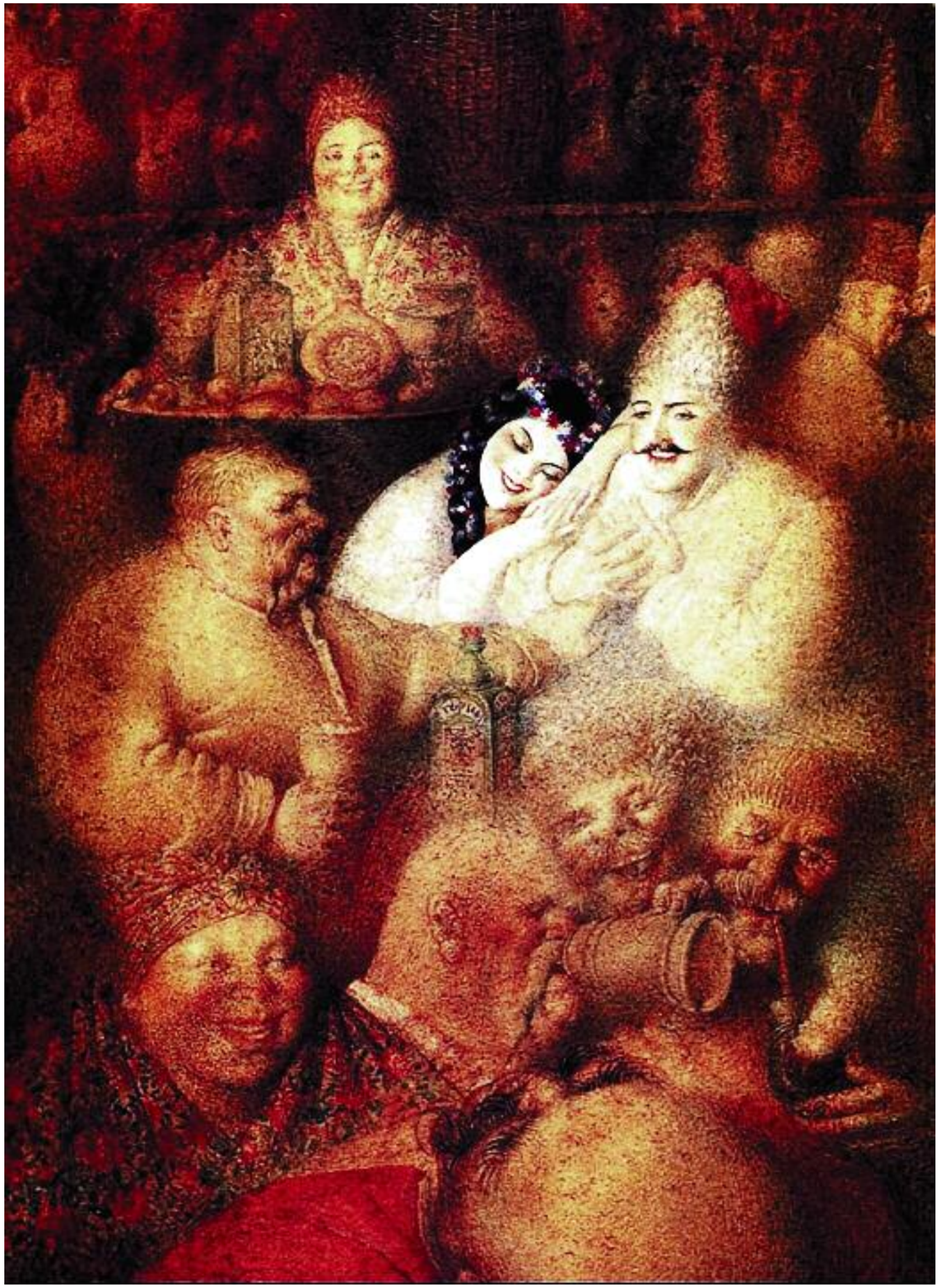
В 2008 году мне пришлось быть свидетелем разговоров высших украинских чиновников по поводу газовой стратегии нашей страны. Один из них утверждал, что если наше правительство будет тянуть с подписанием договора об оплате российского газа, то главным результатом и побочным эффектом такой «волынки» станет то, что Россия (газовый поставщик) столкнется с Европой (газовым потребителем). И столкновение будет такой взрывной силы, что при этом забудут об Украине (газовом транзитере).

Этика в такой концепт закладывалась чисто византийская. Мол, это в декларациях о дружбе Россия нам – брат, партнер и сосед. Это в бесконечных просьбах о безвизовом режиме Европа нам – стратегический партнер, цель и мечта. А в реальности – это просто два «лоха», которых нужно столкнуть лбами, чтобы минимизировать собственные траты и издержки. Короче говоря, просто «кинуть» обоих партнеров, выражаясь современным сленгом.

Бывшая премьер-министр Украины, которая выросла, возмужала на подобных посреднических схемах с хозяйственными субъектами, была уверена, что «это работает» даже с могущественными геополитическими и геоэкономическими субъектами. При этом ни малейшего намека на нравственные колебания она не проявляла. Поскольку в рамках этической парадигмы посредничества выгода, полученная от обмана партнеров, как бы не считается нарушением общих религиозно-этических установок. Это действие просто «выносится за скобки» канонизированных норм – точно так же правоверный и честный мусульманин не чувствует никаких нравственных угрызений, брутально обманывая гяуров, ведь они находятся за пределами действий его базовых правил. Интересно вспомнить, что божественная инвеститура византийских императоров, то есть легитимация их властных полномочий, восходила корнями к иранской этической доктрине, по которой все действия правителя моральны, если направлены на борьбу с неким вселенским злом.

Украинские политики очень лихо и быстро овладели этой доктриной. Когда нужно любые собственные сомнительные действия оправдать, те, против которых они направлены, просто объявляются злом. (Таким злом побывали уже и «российские империалисты и шовинисты», и «брюссельские бюрократы», и «красно-коричневые», и т.д., и т.п.)

Но и здесь украинская элита пошла значительно дальше своих отрицаемых кармических учителей. Любое византийское посредническое лукавство, уловка, как правило, скрашивались целой отработанной системой ритуальных оправданий и самооправданий, включая раскаяние, покаяние и отпущение грехов. В нашем случае все работает значительно проще. Элитой –



Считая идею многопартийности абсолютной гражданской ценностью, украинские политики перепутали «многопартийность» с «множественнопартийностью». Страна имеет почти двести партий, но практически ни одна из них не соответствует своему предназначению.

Украинская элита (особенно «оранжевая») очень легко трансформировала византийский принцип происхождения в некую привилегированность «титульной нации». Этнический принцип становится главным критерием и оправданием любых притязаний на высшую власть.

особенно, повторяю, посреднической, да и банковской тоже – создана некая негласная, неафишируемая, но подразумеваемая шкала претензий ко всем соседям. Все как бы нам должны: Россия – за то, что столетиями «гнобила» Украину в своей империи; Европа – за то, что не включила Украину в свои неоимперские планы; Штаты – за то, что своим «смотрящим» в Европе назначили Польшу, а не Украину. Соответственно злом может быть объявлен любой потенциальный пока еще партнер.

Поэтому любые махинации по отношению к этим партнерам, с точки зрения данных элит, выглядят не обманами, а лишь некоторыми компенсаторами былых потерь, упущенной выгоды и недополученной прибыли.

Политика: от второстепенности к провинциальности

Провинциальность

Пожалуй, главной сутью византийской политики в самом широком контексте является ее принципиальная второстепенность. Византийцы сами иногда называли свои земли «второстепенными территориями Римской империи». Придумав лозунг «Византия – Второй Рим», правители этой империи определили главным политическим трендом не создание чего-либо нового, а копирование, повторение, воссоздание древнеримской модели. И Византия фактически была ремейком, репликацией Рима, где менялось религиозное основание, но вроде бы сохранялись основания политическое и геополитическое.

Украинская элита пошла (правда, еще дальше) абсолютно по тому же самому пути. Стержнем ее политики является попытка превратиться из окраины «Русского мира» в окраину «Европейского мира».

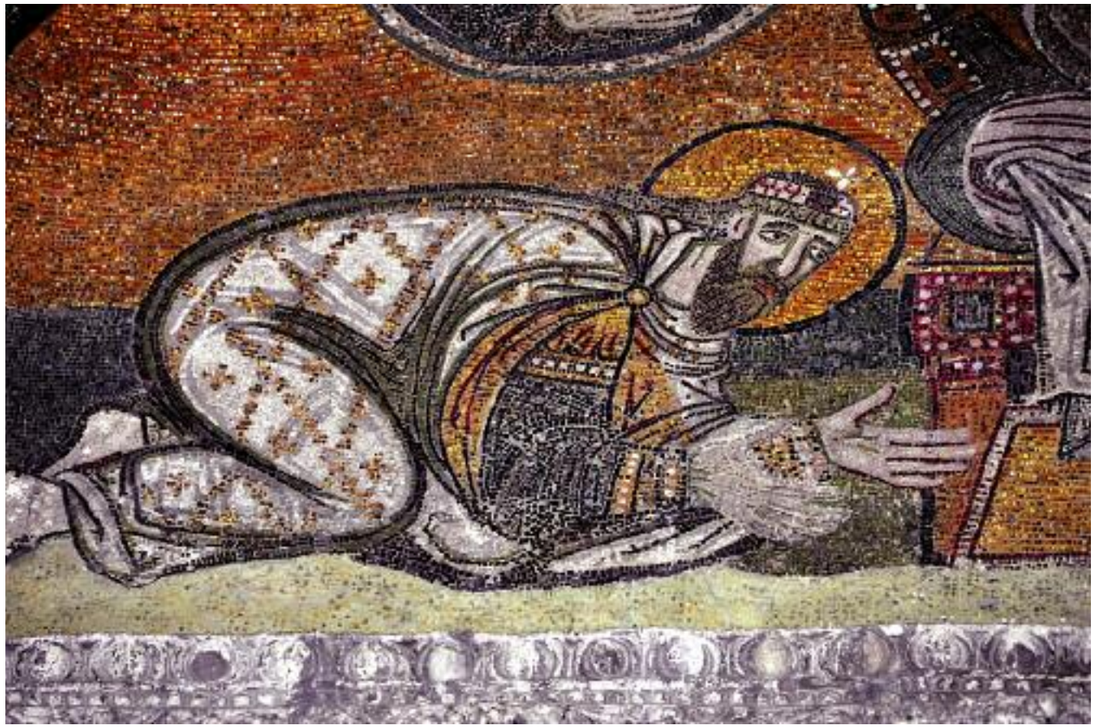
В принципе такая политика заслуживает понимания и уважения, но при определенном условии. А именно: если окраинность не понимается как провинциальность.

Суть провинции заключается отнюдь не в отдаленном и даже окраинном географическом положении, а в отсутствии первостепенных смыслов. Провинция – это территория, населенная второстепенными смыслами. Если же в ней поселяется хотя бы один высокий первостепенный смысл, она мгновенно перестает быть провинцией. Когда в глухом провинциальном Кёнигсберге раскрылся великий философский талант Канта, эта отдаленная земля стала философской столицей Европы.

Украинская же элита в принципе отвергает поиски неких социальных инноваций, новых смыслов бытия, предполагая, что в Европе все давно изобретено и – в целях экономии средств и времени – достаточно воспользоваться данными рецептами. В этом плане она похожа на человека, который заменяет отечественные деревянные оконные переплеты китайскими пластиковыми и с гордостью объявляет, что он сделал «евроремонт».

Интересно было наблюдать, как претендовавший на президентский пост Виктор Ющенко, со скромным и запутанным советско-сельским происхождением, рассказывал приближенным о своем несомненном родстве с древними казацкими ветвями старшин и гетманов.

В связи с этим неплохо было бы вспомнить о причинах упадка, казалось бы, могущественной Византийской империи. Ее правители были несметно богаты (до сих пор потрясают воображение описи тех времен, в которых перечислялись богатства храмов). Ей принадлежали лучшие земли Восточного Средиземноморья с благодатным климатом и прекрасными условиями для земледелия. Но имелась глобальная проблема – византийская элита пыталась найти общественные смыслы, создать государственную



Император Лев VI установил тарифы за каждую должность и говаривал, что торгует должностями, как фруктами на рынке. В принципе тарифы были щадящие – обычно сразу нужно было внести свою 10–15-летнюю зарплату, – но обязательные.

смысловую систему, всецело ориентируясь на прошлое, а не на будущее.

Византийская политика собственной вторичностью и соответственно попыткой консервации политического времени приводила к тому, что любые инновации – политические, социальные, даже военные – в принципе отвергались в угоду неким канонизированным представлениям прошлого.

Это проявилось, в частности, в тактике боя, когда византийскую конницу, приученную к обильному фуражу, водообеспечению, легко громила легкая кавалерия кочевников. Поскольку последние постоянно экспериментировали с типом фуража, вооружения и тактического построения.

Сегодня украинскую элиту также подводит слепое копирование многих европейских образцов общественного и гражданского устройства. Ведь аспекты и объекты копирования, представленные в провинциальном и вторичном исполнении, оказываются симулякрами, имитацией.

Так получилось, например, с политическими партиями. Считая – небезосновательно – идею многопартийности абсолютной гражданской ценностью, украинские политики перепутали «многопартийность» с «множественнопартийностью». То есть акцент сделали не на качестве партий и способе их создания, а на их количестве и легкости регистрации. Вот и получилось, что страна имеет почти двести партий, но практически ни одна из них не соответствует своему подлинному предназначению.

Лжелегитимность

Византийские правители, полностью погрузившись в концепцию вторичности и провинциальности, в то же время интуитивно чувствовали, что если правитель, его окружение, правящая элита не создают новых смыслов, под вопрос ставится их легитимность. Поэтому вся византийская история – это поиск критериев, которые бы подтверждали легитимность привилегированного положения власти.

Практически то же самое демонстрирует сегодня украинская политическая элита.

Помнится, что для византийского типа мышления одним из важных критериев оценки элиты являлось ее происхождение. Элита, в понимании византийцев, не назначалась кем-то, а была определена и отмечена неким вселенским провидением, божественной печатью.

Украинская элита (особенно та ее часть, которую называют «оранжевой») очень легко трансформировала этот византийский принцип в некую привилегированность «титульной нации». Привилегированность, не всегда вербализируемую, но многозначительно подчеркиваемую на уровне намеков, знаков, реже – законов. То есть этнический принцип становится главным критерием и оправданием любых притязаний на высшую власть.

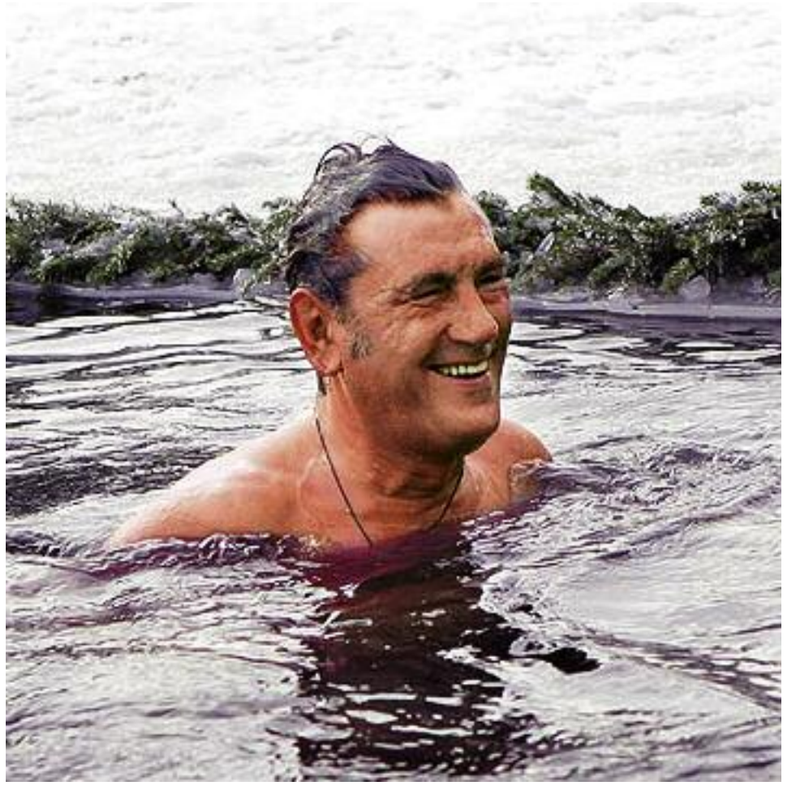
Интересно было наблюдать, как претендовавший тогда на президентский пост Виктор Ющенко, со скромным и запутанным советско-сельским происхождением, рассказывал приближенным о своем несомненном родстве с древними казацкими ветвями старшин и гетманов.

Сегодня нынешний лидер оппозиции Юлия Тимошенко трогательно и пафосно рассказывает в интервью о том, что она «древнего казацкого рода». И только два вопроса вызывают нервную дрожь у этой непоколебимой и изумительно мужественной женщины. Вопрос: «Правда ли, что ваш папа был еврей?» – вводит ее в шок. А вопрос: «Правда ли, что ваша мама – чистокровная русская?» – вводит ее в трепет.

Этот же принцип проецируется и на ее почитателей. Допустим, сказать им, что Юлия Владимировна по отцовской крови иудейка, это все равно что сказать антисемитам из религиозного черносотенного движения, что Христос был евреем.

Соответственно одна из главных задач оппозиционера – даже не демонстрировать отличие собственных идей от подходов власти, а позиционировать себя и свое окруже-

Президент Ющенко ощущал себя внутри Церкви. Даже выступления его строились по модели и дизайну проповеди, а взаимоотношения с константинопольским владыкой походили не на встречи светского лидера с духовным, а чуть ли не на попытку создать единый церковный дуумвират.



Главными ритуалами отправления власти при Ющенко стали не бюрократические посиделки, а теократические акты. Например, совместные публичные купания главы государства со своей администрацией на крещенские праздники.

ние как соответствующих «вип-критерию» по чистоте этнической крови. То есть все, как в Византии. И даже, как в Византии, есть возможность некого лукавства со стороны тех, у которых не совсем сложилось с «чистотой». В этом случае надо просто правильно отвечать «на зов голубой этнической крови».

Замечательный пример недавно продемонстрировал один из несменяемых оппозиционеров – бизнесмен и замглавы Европейского еврейского конгресса Евгений Червоненко. В частности, он заявил, что научит всех евреев Украины говорить по-украински. Забавно было это слышать, поскольку практически все евреи в нашей стране говорят по-украински, причем лучше самого Червоненко. Кроме того, он не имеет никакого отношения к филологии. Он имеет отношение исключительно лишь к бизнесу и автогонкам.

Но все правильно поняли его подспудный месседж. Если бы, например, он имел целью помочь реальному развитию украинского языка, он бы сказал: «Я научу всех евреев Украины в полном объеме и вовремя платить налоги. Причем научу на своем примере. А деньги мы направим на развитие украинской литературы, кинематографа, образования». На самом же деле тайный и всем понятный его месседж заключался совсем в другом. Типа: «Евреи, учите быстрее украинский язык, и если власть сменится и победит оппозиция, к вам будет меньше налоговых претензий, поскольку вы к этому времени уже станете как бы частью привилегированной “титульной нации”».

Что касается власти, то ее представители пока не оперируют внятными критериями в этом плане. Но у них есть четкий критерий к конкретным людям, по которому определяются их статус и привилегированность. Это исключительно деньги. В том мире, который строит власть, все покупается и все продается. Должности, академические и преподавательские звания и регалии, государственные награды и почести. Наша власть помнит, что когда-то разбойник и пират Гарвард стал респектабельным и уважаемым основоположником Гарвардского университета. То есть она знает, что даже на грязных деньгах можно сделать безупречно чистую карьеру и репутацию. Поэтому, если во власть у нас попадают, скажем, этнические русские, первое что они делают – пытаются забыть родной язык. А если попадает еврей, то он, кроме того, демонстративно дает пожертвования на Украинскую православную церковь. А если во власть попадает этнический болгарин или молдаванин, он тут же пытается заработать деньги.

Поэтому представители властной элиты абсолютно, как говорит молодежь, «не парятся», чтобы скрыть свое даже татарское, русское или белорусское происхождение. Они знают, что у них есть наработанные механизмы приобщения к привилегированной «чистой крови». И главный из них тот, который вкладывает огромные средства для того, чтобы создать подобающий имидж и соответствующую репутацию своим бизнес-империям, футбольным клубам, телеканалам и банкам. Они давно для себя решили, что рентабельнее покупать будущие доходные должности, а не прошлую безупречную родословную.

Дальше всех в литургизации государственных механизмов пошла премьер-министр Юлия Тимошенко. Если Кравчук был внешним партнером Церкви, Ющенко попытался стать внутренним партнером, то Тимошенко саму Церковь попыталась сделать собственной служанкой.

Поствизантийская коррупция

Итак, Византийскую империю разрушили не столько дикие кочевники, сколько отсутствие новых смыслов, безудержная игра элиты в привилегированность, а также третья и, пожалуй, главная причина – тотальная и всепроникающая коррупция.

В поздней Византийской империи количество чиновников просто поражает – сегодняшняя Украина обладает практически таким же их количеством. Но еще более впечатляет полная коррумпированность византийских бюрократов – коррумпированность, конечно, не превосходящая аналогичный украинский показатель, но практически тотальная.

Однако дело даже не в масштабе византийской коррупции, а в ее изысканном дизайне, который нам удалось повторить полностью и даже усовершенствовать.

Напомню типичную византийскую коррупционную двухходовку. Сначала будущий чиновник должен был дать клятву всесильному и грозному властелину-автократору (то есть, попросту говоря, императору) о том, что он никогда никому ни при каких обстоятельствах не будет давать деньги за свою должность и назначение. Причем поклясться он должен был и всемогущим Господом, и сыном его Иисусом, и Богоматерью, и всеми святыми в следующем: «Я клянусь, что ничего никому не давал и не дам за то, чтобы получить должность, которую мне доверили, или для того, чтобы добиться покровительства. <...> Я клянусь, что получил свою должность, если можно так выразиться, без какой-либо платы, и могу таким образом казаться незапятнанным в глазах подданных наших <...> оставаясь довольным тем содержанием, которое назначило мне государство».

А после этой клятвы надо было... тут же заплатить – либо лично императору (если должность высокая), либо главе администрации (если должность пониже).

Жан-Франсуа Милле. Пастух и стадо. 1866

В поздней Византии теория, которая описывала взаимоотношения лидеров государства и его подданных как взаимоотношения пастухов и стада понималась буквально. В наших политиках проснулся геном этих поздневизантийских воззрений. Они также пытаются думать за общество, называя его «биомассой».

Император Лев VI даже установил тарифы за каждую должность и говаривал, что торгует должностями, как фруктами на рынке. В принципе тарифы были щадящие – обычно сразу нужно было внести свою 10–15-летнюю зарплату, – но обязательные.

Вся эта двухходовка полностью перенесена в нашу действительность: сначала клятва чиновника о честности, неподкупности, а потом сразу взнос...

Если внимательно проанализировать все фазы расцвета и упадка Византии, то становится совершенно ясно, что угасание этой империи совпало с периодом, когда несколько могущественных семей и корпораций крупнейших собственников скупили все высшие должности в империи. Тогда собственно все и кончилось...

Литургизация государства

Интересной особенностью Византии как теократического государства было почти полное смешение политических и религиозных смыслов, дискурсов и ритуалов. В частности, заседания высших правительственных органов – канцелярии императора, многочисленных ведомств – проходили не в форме светского совещания, а скорее в виде церковной литургии: с соответствующим церемониалом, духовной музыкой, ритуальными одеждами и пр.

Украинские элиты – особенно на этапе господства банковского и посреднического сегмента в «оранжевый» период – пошли практически по такому же пути.

Если в свое время президент Кравчук просто помогал создать автокефальную Церковь и сделать ее своим союзником, то президент Ющенко ощущал себя, пожалуй, уже не рядом с Церковью, а внутри нее. Даже выступления последнего строились по модели и дизайну проповеди, а взаимоотношения с константинопольским владыкой походили не на встречи светского лидера с духовным, а чуть ли не на попытку создать единый церковный дуумвират, под который даже эмитировалась специальная монета с двумя ликами.

Главными ритуалами отправления власти в это время стали не бюрократические посиделки, а теократические акты. Например, совместные публичные купания главы государства со своей администрацией на крещенские праздники.

Но дальше всех в литургизации государственных механизмов пошла в то время премьер-министр Юлия Тимошенко. Если Кравчук был, скажем, внешним партнером Церкви, Ющенко попытался стать внутренним партнером, то Тимошенко саму Церковь попыталась сделать собственной служанкой.

Например, многие искренне верующие журналисты были шокированы смс-ками, с помощью которых пресс-служба премьер-министра предлагала аккредитоваться на публичную молитву. И такие молитвы проходили! Главы разных конфессий собирались под руководством Тимошенко, чтобы благословить ее, духовно поддержать и наставить на государственные подвиги и победы. Последняя такая коллективная молитва была непосредственно перед президентскими выборами и должна была обеспечить ей победу. Но, видимо, где-то произошел сбой – скорее всего, из-за греха гордыни.

В этом плане очень характерен анекдот, который ходил в то время.

Господу надоели бесконечные свары и дрязги между Ющенко, Януковичем и Тимошенко. И Он спустился прямо в резиденцию президента, сел в его кресло и потребовал отчета от каждого из них. «Что ты сделал, сын мой Виктор Ющенко, благого?» «Я, Господи, обеспечил в стране свободу слова, собраний и манифестаций». «Неплохо, если это правда. А что сделал благого ты, сын мой Виктор Янукович?» «Я повысил зарплаты, пенсии и стипендии». «Зачет. А что ты сделала, дочь моя Юлия Тимошенко?» Юлия Владимировна возмущенно поворачивается к Господу и с едкой характерной иронией говорит: «Во-первых, я не Ваша дочь. А во-вторых, Вы, “папаша”, сидите на моем месте!»

Иначе говоря, определенные украинские элиты фактически начали строить византийскую модель теократического государства, бесконечно клянясь при этом светской Европе. И в этом направлении были сделаны реальные шаги с непредсказуемыми последствиями. Например, уголовная ответственность для тех, которые не верят в некоторые государственные постулаты. И сложно даже представить себе, чем бы закончилась эта игра в ненависть-любовь к византийскому наследию, если бы она не прервалась сначала внутренним раздраем, а потом и сменой правящих элит. Впрочем, чем могла закончиться – ясно: смотрите в летописи последний год существования Византийской империи.

Вместо послесловия

Если уж говорить о гибели Византийской империи, то существует много версий, почему это мощное, величественное геополитическое образование рухнуло и рассыпалось на мелкие осколки. Я не буду спорить с историками, выскажу только две собственные политологические версии.

Еще в Древней Греции существовала теория, которая описывала взаимоотношения лидеров государства и его подданных как взаимоотношения пастухов и стада. Но при этом понятие «стадо» не носило нынешнего обидного оттенка. Под этим словом подразумевалось некое гражданское сообщество, склонное к самоорганизации, само знающее правильную дорогу к будущему и уверенно строящее внутреннюю жизнь. «Пастухам» же отводилась роль скорее не ведущих и направляющих, а бережных охранников, которые защищают своих подопечных от стрессов и неожиданных обстоятельств, но доверяют их интуиции и знаниям в вопросах развития экономики, культуры, гражданского общества.

В ранней Византии эта концепция еще давала о себе знать. Но вот в поздней роли «пастухов» и «стада» правители стали понимать буквально. Здесь стадо уже рассматривалось как безмозглое образование, которым нужно скрупулезно управлять и которому нужно дотошно объяснять – куда, как и зачем идти.

С тревогой я слежу за эволюцией взглядов наших политиков, в которых как бы проснулся геном этих поздневизантийских воззрений. Они также пытаются думать за общество. Они даже устами бывшего премьер-министра назвали это общество «биомассой». А биомасса сама же не может управлять – ни бизнесом, ни ЖЭКом.

Другой крупнейшей, на мой взгляд, проблемой поздней Византии стало следующее. Любое общество не может жить постоянно и полностью в атмосфере гонки, истерии, бескомпромиссного соперничества, то есть того, что мы сегодня называем политикой. Поэтому в любом нормальном обществе есть тихие заводи и гавани, которые называются «Церковь», «литература», «искусство».

Беда поздней Византии заключалась в том, что она уничтожила эти умиротворявшие пристанища, впустив в них безудержный, рокотавший и бушевавший вал политики. И граждане просто надорвались. Да, есть безумцы, которые жаждут бури. Но жить внутри бури постоянно невозможно. Когда я смотрю на партийные списки кандидатов в депутаты в украинский парламент, я с ужасом понимаю, что последние «заводи и гавани» уничтожаются и у нас. Водоворот бушующей политики уже втянул последних смотрителей этих безмятежных уголков – писателей, драматургов, режиссеров... Неужели Византия так ничему и не научила?

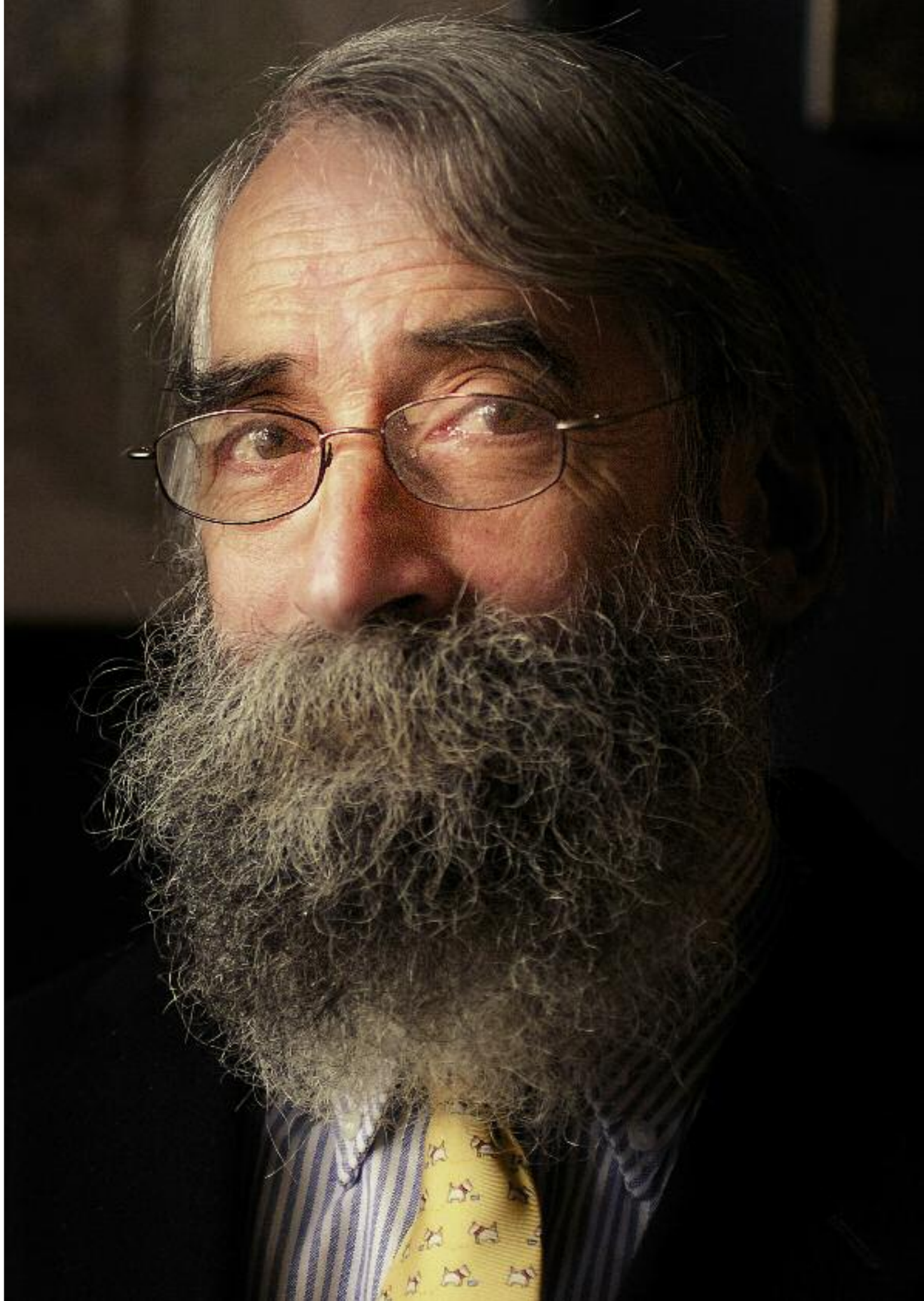
В.М. Живов:

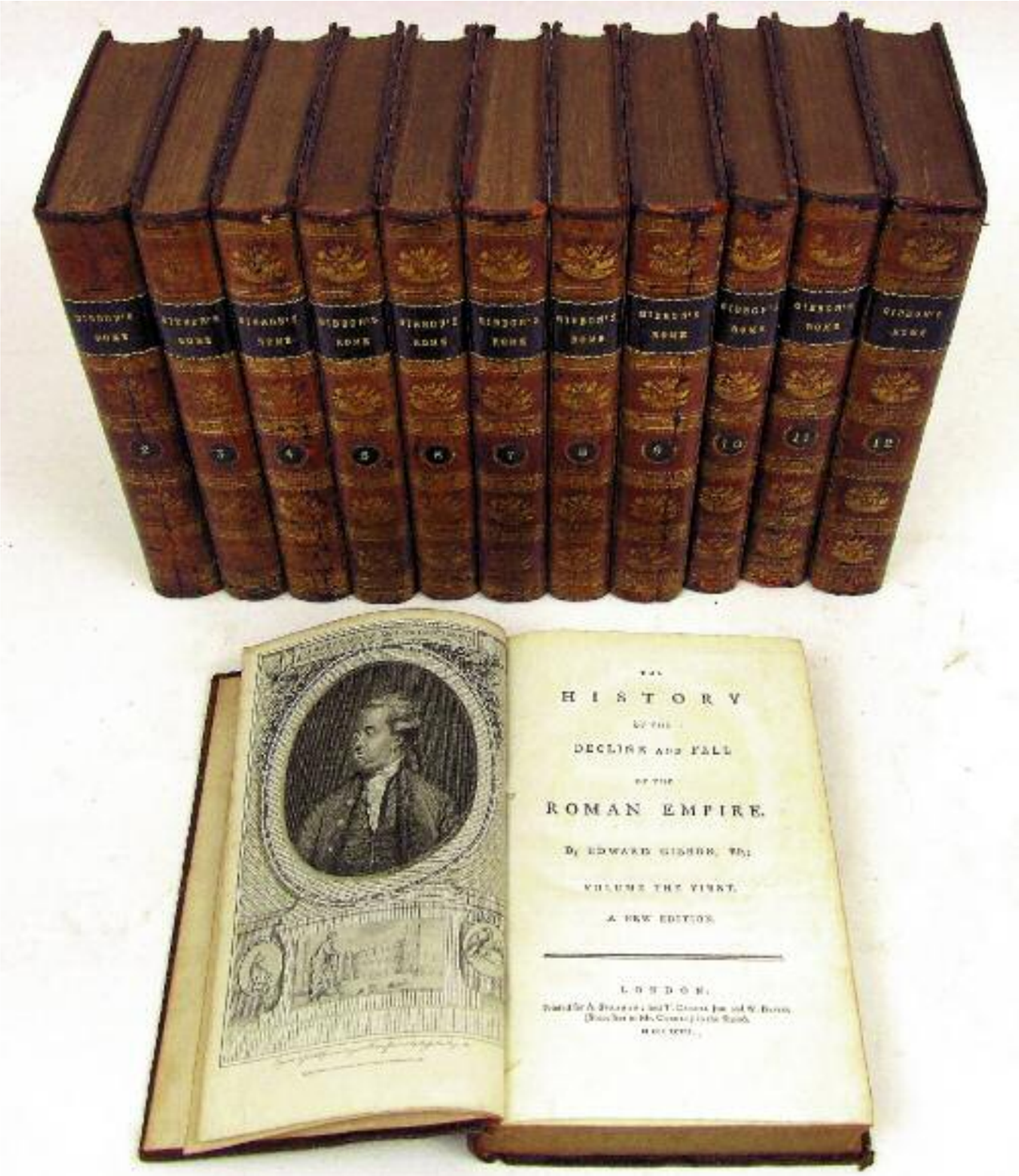
«Исследование того, как Россия связана с Византией, должно быть тонким и нюансированным»

Интервью доктора филологических наук, заместителя директора Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, профессора Калифорнийского университета в Беркли Виктора Марковича Живова заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Вадиму Прозорову

– Виктор Маркович, часто так называемое наследие и образы Византии используются в России для того, чтобы как-то объяснить российскую действительность, или они оказываются спрессованными с нашей историей самым причудливым образом, чтобы сконструировать некий важный для России долгоиграющий концепт. Остается ли плодотворным (если он был когда-либо таковым) этот подход? Можно ли что-то объяснить или понять в России, пользуясь подобным инструментарием?

– Я думаю, честно говоря, и мы с Вами будем к этому возвращаться, что Византия – это ушедшая цивилизация. Нельзя сказать, что она ничего не оставила России – оставила довольно много. Однако то, что Россия взяла у Византии, было не раз и существенно переосмыслено. Никакой такой «византийщины», которую Россия прямо взяла и унаследовала от ушедшей Византии, на мой взгляд, нет. Распространение представления о том, что Русь – прямая наследница Византии, связано с тем, что большое число мыслителей и ученых, которые писали на эти темы, очень плохо представляли себе Византию. По-моему, вся эта история начинается с Чаадаева. Он пишет о русском византинизме, противопоставляя его нормальному, западному, католическому развитию. А что Чаадаев знал о Византии? Он читал «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона. Это просвещенческая книга, автор которой выражает весь свой ужас перед клерикализмом и авторитаризмом, приписываемыми неведомой ему стране под названием Византия. Чаадаев именно это все и повторяет, видя в России развитие тех же самых начал. Не думаю,





В «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон выражает весь свой ужас перед клерикализмом и авторитаризмом, приписываемыми неведомой ему стране под названием Византия. Чаадаев именно это все и повторяет, видя в России развитие тех же самых начал.

что Россия развивала те же самые начала. Конечно, российское самодержавие было авторитарным режимом – так же как и имперская власть в Византии, так же как и королевская власть во Франции или в Испании. Исследование того, как Россия связана с Византией, должно быть тонким и нюансированным. Нельзя представлять себе этот процесс так, как если бы Византию нарезали кусками и кое-что перенесли на Русь.

– Все же Россия как-то восприняла византийскую историю и культуру в широком смысле этого слова?

– Конечно, восприняла, что-то восприняла, а что-то отбросила. Это было очень выборочное восприятие. Прежде всего византийцы не называли себя византийцами, а свое государство не называли Византией. Для них это была Римская империя, себя же они называли римлянами, ромеями. И действительно, Византия – это в значительной степени продолжение Римской империи с ее институциями и культурой. Разумеется, какие-то изменения произошли, и главная перемена – это принятие христианства. Тем не менее бюрократия при Константине работала точно так же, как и при Диоклетиане, и при Феодосии в конце IV века управление катилось по тем же колеям. Это была монархия особого типа, полунаследственная, с особыми сакральными функциями императора, но сакрализация русского монарха была иной. Сакрализация византийского императора в ряде аспектов продолжала римскую языческую традицию. Это было другое общество, очень непохожее на все варварские общества Европы. Это был осколок старого, ушедшего мира, который вызывал у новых людей – варваров – настороженность, чувство опасности и недоброжелательство. Не то чтобы не было других чувств. В конце X века, например, при Оттоне III политика возобновления империи на Западе была ориентирована на Византию. И в русской истории, конечно, были периоды, если угодно, подражания Византии. Что такое подражание – вопрос сложный. Кое-какие византийские элементы заметны в политике Ивана III, после того как он женился на Софье Палеолог, а кое-что можно найти у Александра III, которому нравились некоторые византийские черты. Но ни в том, ни в другом случае Византии уже не было: то, с чем они имели дело, это был их конструкт Византии. При этом, конечно, отдельные камушки этого сооружения брались из реального здания под названием Византия. Вообще же говоря, отношение к Византии было нервным, отчужденным и – скорее – враждебным.

Иван III. Гравюра из «Космографии» Андре Теве. 1575

И в русской истории, конечно, были периоды подражания Византии. Что такое подражание – вопрос сложный. Кое-какие византийские элементы заметны в политике Ивана III, после того как он женился на Софье Палеолог.

– А можно ли сейчас использовать элементы этого византийского конструкта, этой парадигмы? Имеются ли в ней плодотворные начала для современной жизни?

– Мне кажется, что у нашей страны совершенно другие за-

Валентин Серов. Коронация императора Николая II в Успенском соборе. 1896

Византия была сложным синтезом имперской бюрократии и конфессионального государства. Мы не хотим конфессионального государства. Что же мы впишем в конституцию, что президент у нас должен быть непременно православным, и будем его короновать в Успенском соборе, помазывать на президентство?

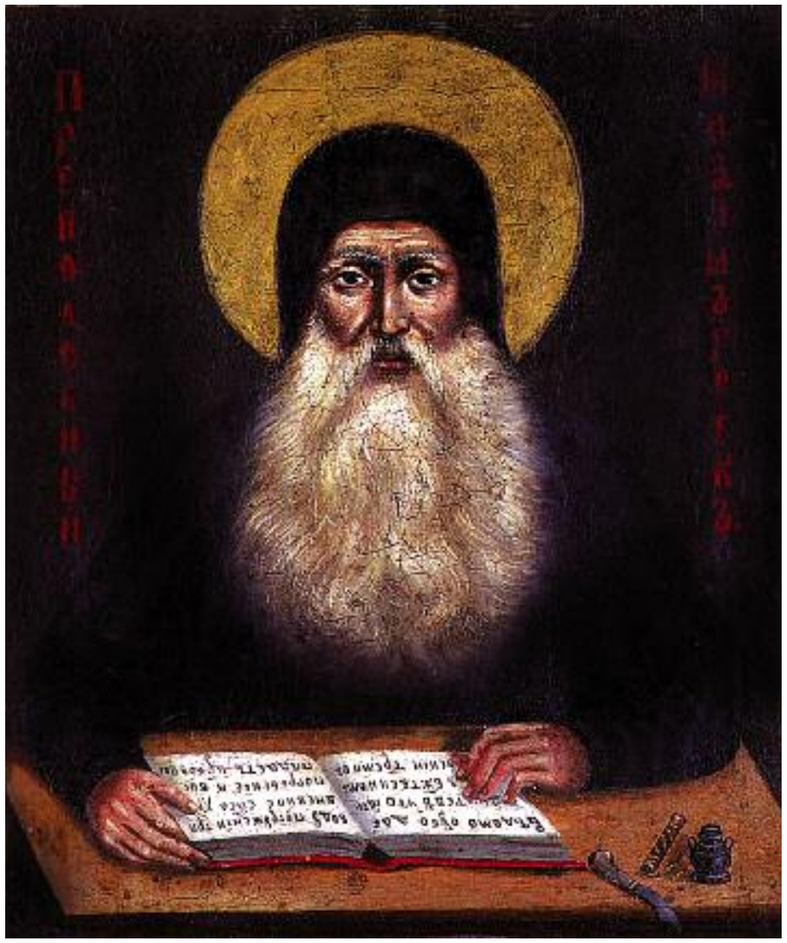
дачи. Это почти такой же безумный проект, как восстановление сейчас Римской империи с консулами, сенатом и римским императором. Нам не нужен ни Нерон, ни даже Марк Аврелий. Точно так же нам не нужна и Византия. Некоторое время тому назад по телевидению показывали фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) про Византию. Я занимаюсь наукой и уважаю тех людей, которые наукой не занимаются, но делают другие очень полезные вещи, в том числе берут на себя просветительство и миссионерство. Однако я считаю, что люди, невежественные в истории, должны воздерживаться от высказываний по этому поводу, осознавая свое невежество. Эти слова в полной мере относятся к упомянутому мной фильму о Византии. Той парадигмы, которую конструируют его создатели, на самом деле не существует. Что же касается того, что нужно сегодня России, то об этом можно думать по-разному, но к Византии это не имеет никакого отношения. Византия была сложным синтезом имперской бюрократии и конфессионального государства. Мы не хотим конфессионального государства. Что же мы впишем в конституцию, что президент у нас должен быть непременно православным, и будем его короновать в Успенском соборе, помазывать на президентство? Я не вижу в этом ничего плодотворного. Если бы Россия стала хоть немного более православной, чем сейчас, было бы очень хорошо, но это делается другими способами. Не византийская традиция должна быть источником для этих перемен.

– Вы полагаете, что Россия ныне недостаточно православна, несмотря на то, что Православная церковь занимает видное положение в обществе, проявляет инициативу в устроении мирской жизни, открывает новые храмы?

– Ведь Бог-то в душе живет, а не в храмах, хотя, конечно, как оценить наличие Бога в душе? На мой взгляд, 70 лет нечестивой большевистской власти дали нам сейчас страну с неофитским православием. У нас большинство прихожан – неофиты. С одной стороны, замечательно, что такое количество новых людей пришло в Церковь. Не будем преувеличивать, тех, которые регулярно ходят в храм (на Западе их называют практикующими христианами), все равно меньшинство. У нас таких 4 или 5 процентов. Еще есть люди, которые ходят в храм раз в месяц. Впрочем, мы не знаем, как вера связана с регулярным посещением храма. Это все в основном неофитская паства, люди, которые заблудились на старых путях и нашли для себя новые. Это замечательно, но это ставит перед Церковью очень трудные проблемы, потому что неофит – часто фанатик. У него нет органического чувства церковной жизни. Тоже нестрашно: пройдет одно поколение, следующее будет другим, а пока очень трудный период, который требует тяжелой работы от духовных наставников. Я не могу сказать, что у нас она идет хорошо, потому что много фанатизма, много суеверия. Вспомните, например, как люди думали, что в индивидуальном коде налогоплательщика таится число зверя. Нормальный православный, по крайней мере, со времени посещения приходской школы знает, что число зверя нигде сидеть не может, что не нужно «гадать о временах и сроках» и вообще к этому прикасаться. Повторяю, что со всем этим неофитством нужно обстоятельно работать, и кое-кто этим занимается, есть замечательные священники, но нам предстоит трудный путь, ибо страна наша находится на перепутье.

– Так как Вы заговорили о православии и Церкви, позвольте задать важный вопрос о роли Церкви, являвшейся в Византии непременным и необходимым партнером императорской власти. В России это партнерство, гораздо более тесное, превратилось в подчинение, да так и зацементировалось вплоть до нынешних дней (разумеется, с разными, очень драматическими, моментами большевистского периода). Должна ли быть у Русской церкви политическая и социальная миссии? Как РПЦ следует выстраивать свои отношения с государством и к чему его принуждать?

– Церковь должна вести активную социальную политику. Это мне кажется очевидным. Она должна просвещать население. Она должна заботиться о бедных, и это, слава Богу, делается во многих приходах. Сестричества и братства ухаживают за больными. Но, к сожалению, всего этого мало по размерам нашей страны. Мне кажется совершенно очевидным, что Церковь должна быть аполитичной, а потому мне не очень нравится то, что сейчас происходит некоторая ее политизация. Церковь для верующих, для тех, которые любят Христа, а они могут быть патриотами, а могут и не быть, но все они принадлежат к одной Церкви. Священнослужитель должен воздерживаться от политических суждений. И вообще говоря, наше священство находится вне по-



Преподобный Максим Грек

Византия ни в какой Третий Рим не верила. Греки никак не принимали ничего похожего, даже Максиму Греку, который приехал в Москву в начале XVI века и был современником создателя этой концепции – старца Филофея, хотя друг друга они, видимо, не знали, все подобного рода идеи казались абсурдом.

Иван Грозный. Парсуна. Первая половина XVII века

Идея «Москва – Третий Рим» приобретает политическую окраску во второй половине XVI века. Определенные сдвиги, конечно, происходили при Иване Грозном, хотя нигде в своих сочинениях он «Третьего Рима» не упомянул.

литики, и это, несомненно, правильно. Однако, на мой взгляд, это правило должно идти глубже и дальше: Церковь не должна вмешиваться в политику, ей нужно прежде всего серьезно сосредоточиться на социальной жизни. Церковь неофитская, священство разное, но все росли при советской власти, и у них была трудная жизнь, которая порождала неприятие советской власти, революции, левых идей и взглядов. У нас есть явление, об опасности которого говорили покойные патриарх Алексий и митрополит Антоний Блюм. Это так называемое младостарчество – кстати, совершенно невизантийское явление. В Византии были харизматические подвижники-отшельники, но чтобы приходской священник руководил духовной жизнью своей паствы так, как это делают они, это было невозможно. А сейчас в России много странного неконтролируемого старчества, с которым Церковь – особенно при патриархе Кирилле – стала бороться. Но время делает свое дело. С конца советской власти прошло уже почти четверть века, то есть целое поколение. Это кое-что.

– Что есть для нас этот мифический/немифический Третий Рим, о котором так любят рассуждать публицисты, и беспрерывная традиция российской имперскости (в том числе и советского периода), восходящая к Византии?

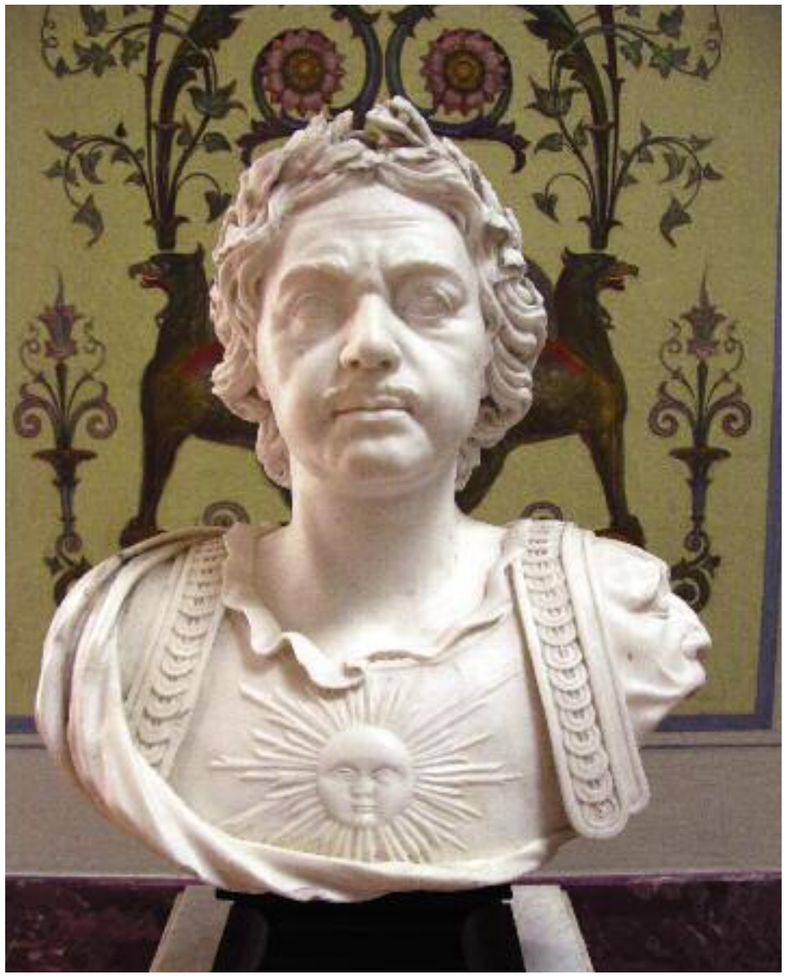
– Византия ни в какой Третий Рим не верила, и тем, которые пережили падение Константинополя, притязания Руси были смешны, ибо концепция «Москва – Третий Рим» возникла после и в результате гибели Византии. Греки никак не принимали ничего похожего, даже Максиму Греку, который приехал в Москву в начале XVI века и был современником создателя этой концепции – старца Филофея, хотя друг друга они, видимо, не знали, все подобного рода идеи казались абсурдом. Конечно, эта имперская идея сделала Россию продолжательницей дела Византии: царство переходит из павшего Константинополя в Москву. Поначалу, быть может, она была уж и не такой имперской. Она трансформировалась. Она эсхатологическая, так как предполагает, что Москва – это последний Рим, а четвертого уже не будет. Это накладывает на Москву особую ответственность. Московский царь – единственный во всей вселенной православный царь, который должен донести православную веру во всей ее целостности до последних дней, а они уже близко. Старец Филофей пишет об этом в своем послании великому князю Василию Ивановичу в связи с тремя русскими бедами, которыми Василий Иванович должен немедленно заняться. Это, во-первых, очень частное дело – пустующая новгородская кафедра. Во-вторых, это то, что русские небрежно накладывают на себя крестное знамение. И, в-третьих, распространение у русских, особенно среди монахов, содомии. Вот с этим великий князь должен сей же час справиться, а не то можно не донести православие до последних дней.

– А когда эта идея превращается в политическую?

– Более или менее во второй половине XVI века. Сначала она приобретает политическую окраску во время учреждения патриаршества в России, потому что учреждение патриаршества обосновывается тем, что Россия – это империя, в империи же наряду с царем должен быть патриарх. Определенные сдвиги, конечно, происходят при Иване Грозном. Это непростой исторический вопрос. Иван Грозный довольно много сам написал, но нигде «Третьего Рима» не упомянул. В основном, конечно, эти тексты и эта традиция создавались духовенством (а вне голов его представителей интеллектуальная деятельность вообще была очень ограничена). Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, митрополиты Даниил и Макарий имели свое представление о том, что такое православное царство и как оно должно жить.

– Каким образом было связано представление Петра об империи, которую он создавал, с идеей о «Москве – Третьем Риме»?

– Есть такая работа у Лотмана и Успенского о «Москве – Третьем Риме» у Петра I. Красивая работа. Видите ли, у Петра «Третий Рим» был в некотором смысле секулярным. Нет, политику Петра вряд ли можно однозначно определить как секуляризацию, хотя многие исследователи так и делают, но Петр явно ориентировался на языческий Рим. Он ссылался на Цезаря, на Августа. Это большая тема. Петр не отказывался от того, что он – богоизбранный царь. Глупо от такого отказываться. Но он отказывал Церкви в том, чтобы она играла существенную роль в концептуальном устройстве его империи. Он был, конечно, антицерковным деятелем...



У Петра «Третий Рим» был в некотором смысле секулярным. Он явно ориентировался на языческий Рим и ссылался на Цезаря, на Августа.

– И устраивая свою империю, Петр брал имперский опыт на Западе?

– Да, он брал опыт на Западе. Вот, например, он был в Англии в 1697 году, и ему очень понравилось, что английский монарх – в то же время глава местной Церкви. Об этом есть обширная литература. Его протестантский образец – глава государства как глава Церкви, во всяком случае, распорядитель в Церкви – очень устраивал. И современники вполне четко воспринимали отмену патриаршества и учреждение Синода как объявление Петром самого себя главой Церкви. Вообще говоря, это есть в российском законодательстве. В указе о престолонаследии 1797 года, который издал Павел, говорится о том, что

Орест Кипренский. Портрет Сергея Семеновича Уварова. 1815

Уваров конструирует русский национальный характер, исходя из преданности русского народа православию и любви к царю, что и составляет народность. Это совсем новая идея.

царь должен быть православным, потому что он – глава Церкви. Это простое пояснение, но тем не менее весьма красноречивое.

– А знаменитая триада XIX века «православие–самодержавие–народность» была продолжением этой политики или каким-то новшеством?

– Разумеется, новшеством. Об этом много написано – про уваровскую триаду, про самого Уварова. Например, в работе Андрея Леонидовича Зорина. Это исследованный вопрос. Я тоже им немного занимался. Проблема связана с появлением русского национализма. Национализм – явление общеевропейское. Я не говорю о национализме каких-нибудь организаторов «Русского марша» и т.п. Русский национализм начинается с Карамзина и Ростопчина, с Пушкина отчасти, с Шишкова. Все – презентабельные фигуры. Эти люди тогда находились вполне в контексте европейского интеллектуального развития. Принято считать, что европейский национализм рождается приблизительно в эпоху Французской революции из очень простой перемены. Перемена заключалась в том, что оправдание власти – оправдание, которое в эпоху Просвещения основывалось на просвещенности монарха, а до этого – на понятии об общественном договоре, по которому подданные уступают свои права монарху для собственной же безопасности (то, что было сформулировано Гоббсом в «Левиафане»), заменяется другой парадигмой. В этой новой парадигме монарх оправдывает свое существование уже тем, что он воплощает собой дух нации. И Уваров, который был последователем Карамзина, развивает именно эту идею, связанную с тем, как он конструирует русский национальный характер. А он его конструирует, исходя из преданности русского народа православию и любви к царю, что и составляет народность. Это совсем новая идея.

– Можно ли ее рассматривать как шажок на пути к «народовластию»?

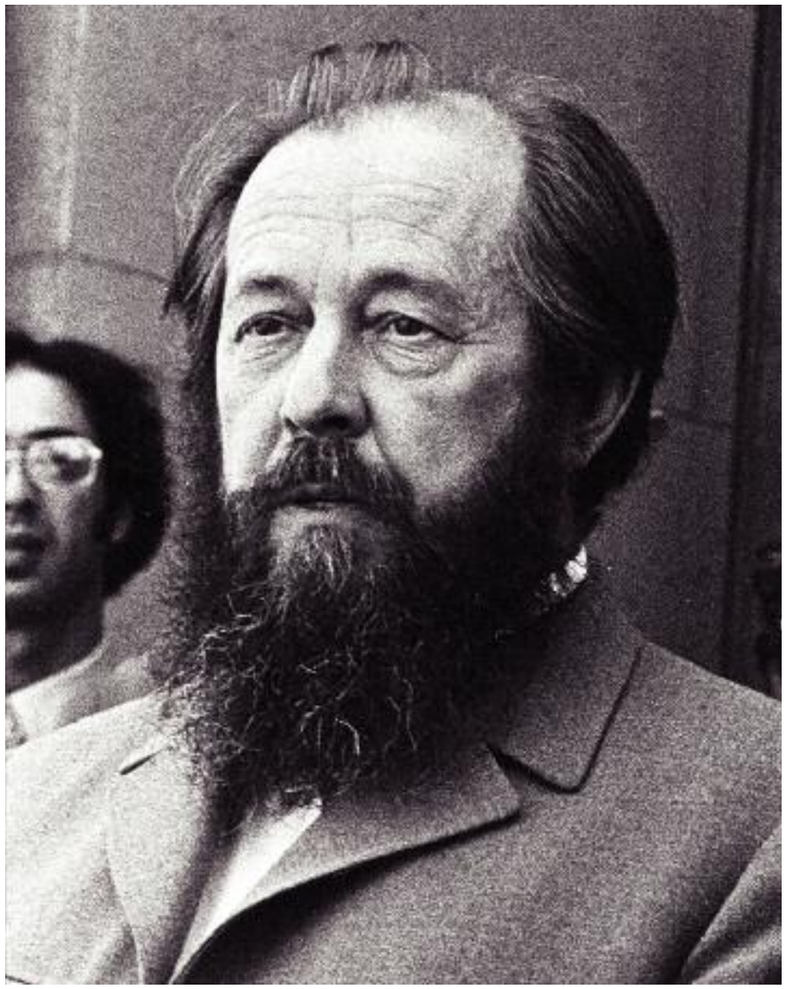
– Ну, это уж, вероятно, слишком... А быть может, и можно, хотя на втором месте в этой формуле стоит самодержавие. Это вам не народовластие. Но оправдание самодержавия приобретает национальный, народный характер. Это вообще сложное место в русской истории. Был такой замечательный американский историк русского происхождения – Михаил Чернявский. Он очень рано умер, но успел написать книгу «Царь и народ» («Tzar and People: Studies in Russian Myths», 1961. – *Ред.*). Там есть глава про Святую Русь, где он говорит о том, что святорусская земля и Святая Русь впервые появляются у Курбского. Это интересно. Я этим тоже немного занимался. Я знаю, что Святая Русь есть в одной поздней редакции послания Филофея. Это все вторая половина XVI века. Никакой Святой Руси раньше нет. Появление Святой Руси у Курбского связано с ее противопоставлением поганому Ивану Грозному, который не имеет никакого отношения к этой святости. И дальнейшая традиция употребления понятия Святой Руси в XVII веке тоже похожа. Например, были такие казаки, которые захватили Азов у турок и просили принять их под власть московского государя. Московский государь отказал им, потому что это означало войну с Турцией, а Москва к ней явно была не готова. Казаки тогда говорили об этой Святой Руси, имея в виду ту Русь, сакральность которой не обусловлена сакральностью царя.

– Можно ли сейчас рассуждать о Святой Руси?

– Можно, конечно, если хотим. Нам надо постараться сильно усовершенствовать себя, чтобы хоть как-то говорить о себе таким образом. Нам надо из этого мифического тела кое-что истребить совсем, например, те кусочки, которые были внедрены туда большевиками и Сталиным. И задача, которую так ясно ставил Александр Исаевич Солженицын, – покаяние – все еще стоит. Надо каяться за то, что мы, наши предки, отцы и деды сделали за эти страшные годы. Пока мы не раскаемся и пока это для нас не будет покаянным прошлым, мы до конца не выздоровеем.

– Чем был вызван и в чем проявился «византинизм» царствования последних императоров – Александра III и Николая II?

– У них разный византийский стиль. Они вообще разные. Александр гораздо прагматичнее своего сына. Он хотел закручивать гайки, что неудивительно, поскольку его отца так страшно убили. Для него это еще и непростой вопрос – дистанцирование от наследия Петра I. Александр все-таки этого хотел. Он хотел осуществить переход к более органической модели, которую он вслед за Победоносцевым приписывал XVII веку. Это и был александровский византинизм: Россия XVII века, Московское царство, которое Александр и Победоносцев считали апогеем развития византийской модели на Руси, что вряд ли справедливо, потому что, конечно, в планы Алексея Михайловича входило быть в некотором смысле византийским императором, но он был так же мало похож на него, как Петр – на английского короля. Николай II мечтал о православной империи, у него были некоторые смутные идеи о православном царстве, о симфонии светской и церковной властей, но ведь он так и не созвал собор и так и не позволил избрать патри-



Задача, которую так ясно ставил Александр Исаевич Солженицын, – покаяние – все еще стоит.

Илья Репин. Эскиз портрета К.П. Победоносцева. 1903

Победоносцев считал, что в России идеальная модель православия – имперского православия во главе с управляемым самодержцем Синодом.

арха. Он как-то боялся этой самостоятельности Церкви. К тому же против созыва собора был настроен Победоносцев, который считал, что в России идеальная модель православия – имперского православия во главе с управляемым самодержцем Синодом. Для него самостоятельность Церкви казалась опасной, и он судил об этом по делам: например, по тому, как, только что получив свободу в 1905 году, 32 московских священника подписали письмо, в котором они призывали к ограничению всевластия епископата, ставили задачи просвещения на приходском уровне и, если угодно, «либерализации» церковной жизни. Такого «опыта» было много. У Церкви, конечно, могли быть другие интересы, чем у государства, что хорошо видно по тому, как вел себя митрополит Филарет (Дроздов). Это не была политика следования за государством, наблюдалось некоторое дистанцирование. Имперская бюрократия во главе с императором опасались такой неконтролируемой независимой силы. Есть воспоминания князя Жевахова, где он пишет, как государь император Николай в качестве одного из вариантов рассматривал возможность отречения от престола и принятия на себя патриаршего служения. Во главе же царства предполагалось оставить его сына и наследника Алексея. А то как же так: он – православный царь, а православие будет в чьих-то других руках. Он верил в народ, в некую душу народную, но он не верил в политическую разумность народа, в то, что народ, скажем, выбирая, может выбрать что-нибудь хорошее. Вот народ выбрал первую Государственную думу. Ничего ужаснее, с точки зрения Николая, выбрать было нельзя. Скопище либеральных болтунов, не знающих, что такое Россия. А вдруг и патриарха такого же выберут?! Что ужасно в авторитаризме – это потеря обратной связи. Он хотел обратной связи. Не знаю, насколько наши нынешние властители хотят этой связи. Большевики точно ничего подобного не хотели. Николай в качестве народного голоса внимал голосу Распутина не из-за какого-то, как писали тогдашние либералы, мракобесия, а от народолюбия. Он был очень православным человеком. Нам хорошо известна его политика, прежде всего канонизация новых святых, преподобного Серафима Саровского. При Александре не было ничего подобного, никаких новшеств. Ему это было не нужно. Говоря примитивно, Александр считал, что народ надо держать в ежовых рукавицах и что его монаршая обязанность состоит в том, чтобы направлять народ по правильному политическому пути. Николай считал, что у него одна с народом душа. В этот образ вписывался и Распутин. Николай искал народного пророка, с которым он мог бы соединиться, а Бог послал ему ослепление.

– У многих людей остается ощущение, что у России есть некая имперская миссия, которую она должна исполнить. Есть ли, с Вашей точки зрения, у России такая миссия?

– Я не берусь судить об этом. Я вообще не знаю, какая у кого миссия. Я бы рекомендовал государствам жить без миссий. А то смотрите – у Америки миссия вводить по всему свету демократию. Как мы знаем, иногда это получается довольно некрасиво. А у нас какая будет миссия? Мы уже пробовали при Николае I осуществлять европейскую миссию. Жандарм Европы – это тоже имперская миссия. Ничего хорошего из этого не вышло. Получилась, в конце концов, Крымская война. Мне неясно, есть в этом новом мире с его глобализацией и сложными экономическими процессами, которые явно перехлестывают через любые государственные границы, какое-то место для чего-либо похожего на империи. Становится ли активно развивающийся Китай империей? Мне кажется, что нет.

– Наши политики мыслят в этой парадигме, потому что у нас такое наследие?

– Ну, да. Наследие у нас такое. Я слушал одного очень неплохого американского экономического историка, который сказал, что Россия – безусловно, особенная страна, потому что это великая нефтяная держава и вместе с тем держава с великой литературой. Такой больше нет ни одной. В остальных случаях либо нефть, либо литература, а у нас это совместимо. Это создает очень специфическое сочетание. Но я не думаю, что наше будущее лежит на имперских путях.

– Наше будущее – это демократия?

– Я не очень представляю, что такое демократия. И у демократии бывают разные модели. Я не верю в суверенную демократию, которую некоторое время назад пропове-

Николай Сверчков. Портрет императора Александра III в мундире лейб-гвардии Гусарского полка. 1881

Александр считал, что народ надо держать в ежовых рукавицах и что его монаршая обязанность состоит в том, чтобы направлять народ по правильному политическому пути.

Николай считал, что у него одна с народом душа. В этот образ вписывался и Распутин. Николай искал народного пророка, с которым он мог бы соединиться, а Бог послал ему ослепление.

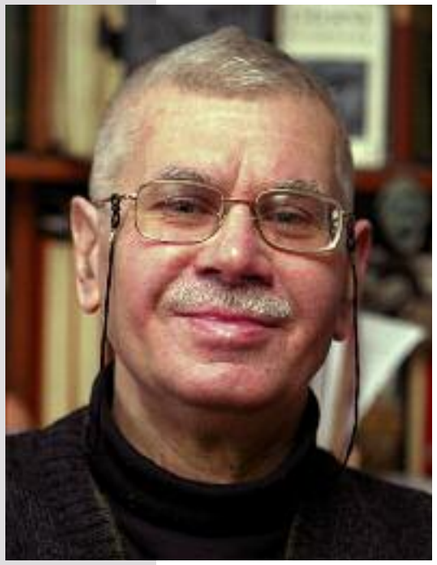
довал Сурков, а потом, слава Богу, перестал. Есть французская модель демократии, есть итальянская. Они разные.

– Ну, и у нас по видимости тоже есть демократия, демократические институты имеются…

– У нас очень слабые демократические институты. Ну, какие у нас могут быть демократические институты... В Америке конституцию приняли два с половиной века тому назад, и она в общем-то какая была, такой и осталась с некоторыми поправками. А у нас что? Наша конституция 1993 года. Как наша Церковь – неофитская, так и государство у нас – это государство людей, которые стали привыкать к новой политической реальности 20 лет назад. Мне кажется, что ныне государственное устройство тесно связано с экономикой, потому что современное хозяйство требует такого участия населения, которое нельзя осуществить без вовлечения этих людей в политическую жизнь в разных формах. Я думаю, что это движение должно идти снизу, с местного уровня, и верховной власти не надо, по крайней мере, этому мешать. Если мы будем силиться выстроить вертикаль, которая у нас плохо реализуется, это будет мешать локальному развитию, тому, чтобы на местах возникали свои местные элиты, чтобы они брали на себе ответственность за управление, за местную экономику, за благосостояние. Это очень важно. Какие-то элементы здесь время от времени, как мне кажется, появляются. Но в общем с этим у нас не очень хорошо обстоит дело, пытаются все контролировать из Москвы, что, на мой взгляд, безумие в такой громадной стране. Никакая власть ни с какими компьютерами, ни с какими селекторными совещаниями не может справиться с подобным разнообразием. У США территория раза в два меньше, и то там штаты занимаются подавляющей массой местных административных проблем. Германия – по сравнению с нами небольшая страна – федеральная. И мне видится в подобном устройстве наше будущее. Пророчествовать не умею, да и не хочу. И когда кто-то заводит разговор на известную тему о распаде России, я не понимаю, как она будет распадаться.

Мы уже пробовали при Николае I осуществлять европейскую миссию. Жандарм Европы – это тоже имперская миссия. Ничего хорошего из этого не вышло.

Владимир Сверчков. Портрет императора Николай I в мундире лейб-гвардии Конного полка. 1856



Сергей Сергеевич Хоружий –
основатель и директор АНО «Институт Синергийной Антропологии»

История Византии представляет две стороны, две совершенно противоположные стихии: одну – эллинско-христианскую <...> другую – римско-государственную. <...> Обе участвовали в жизни византийской, созидая ее или губя, обе отозвались на Востоке после падения Византии и отзываются до наших дней.

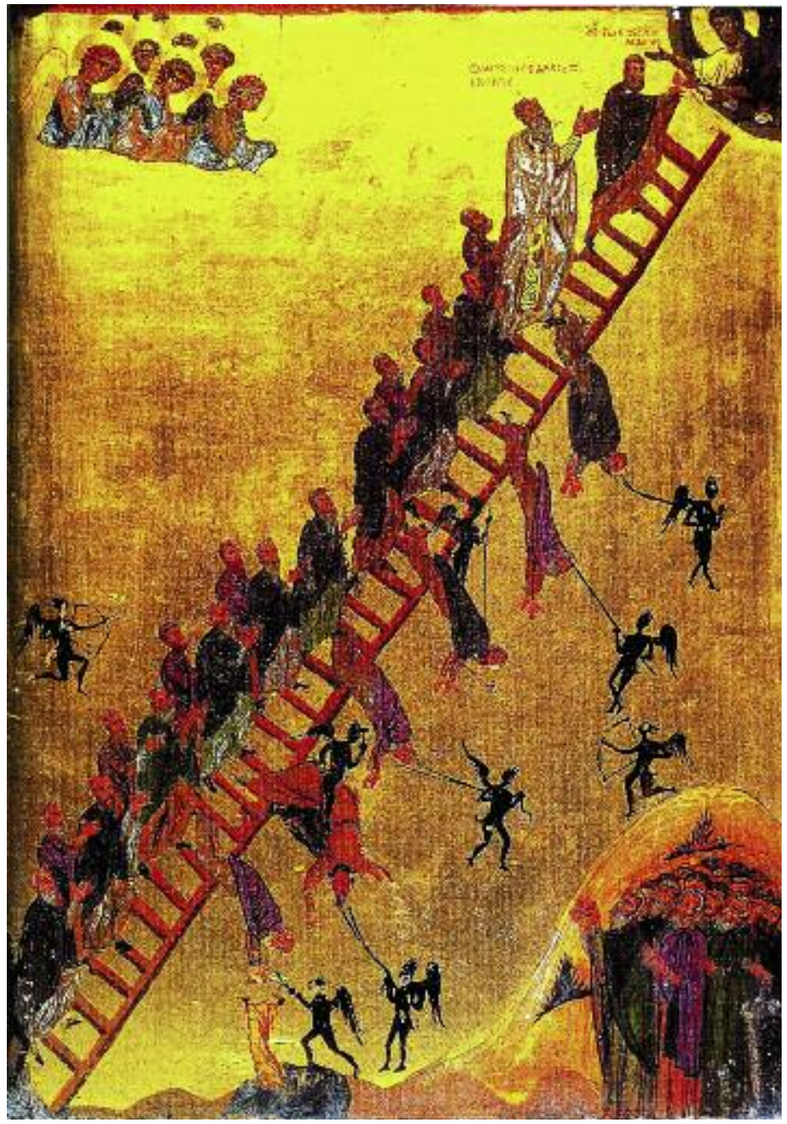
Алексей Хомяков

Колючий клад: **византийское наследие** в его обоюдоострой актуальности

Этот краткий текст – не более чем отрывочные заметки, без всякого притязания на «охват» неохватной темы. Вдобавок автор – не византолог, и права его высказываться на византийские темы вообще сомнительны. Однако уже и те отдельные стороны феномена Византии, с которыми сталкивали меня мои занятия в философии и антропологии, рождали любопытное специфическое впечатление, которое я попытаюсь передать. Впечатление, что этот феномен сегодня крайне актуален для нас, но в то же время – амбивалентен, так что его актуальность неоднозначна, она одновременно питает разные, едва ли не противоположные тенденции современной отечественной реальности. Начну с предмета, наиболее мне знакомого в византийском мире. В моих исследованиях формаций личности, религиозных и антропологических практик я весьма систематически занимался изучением византийской мистико-аскетической традиции – исихазма. Как ныне признано и в научном, и в церковном сознании, исихазм – критически важное слагаемое феномена Византии, ядро и стержень византийской духовности, глубинная основа духовного и нравственного склада византийского человека. Крайне существенно, что эта роль, или миссия исихазма не ограничилась собственно Византией, она перешагнула ее границы как в пространстве, так и во времени. Она была воспринята во всех частях Византийского Сообщества, ибо полноценные ветви исихастской традиции образовались повсюду в ареале восточного христианства, в том числе и в России. Специалисты иногда даже говорят, что исихазм обрел вторую родину на Руси. В историческом же измерении исихазм пережил крушение Византии. В православных странах, которые на века оказались лишенными независимости и государственности, исихазм стал одной из главных опор народного сознания, незаменимою частью тех внутренних ресурсов, защитных сил, которые помогали сохранить духовную и культурную идентичность. В дальнейшем – и по сей день – исихазм пребывал и пребывает живой традицией, что играет большую роль и в фонде исторической памяти православного сознания, и в кругу начал, формирующих и движущих это сознание.

Таким образом, исихазм – это, несомненно, актуальная часть византийского наследия, причем не только для России и православия. Чтобы дать представление о многомерности явления и его значения, я укажу три различных аспекта, в которых современная актуальность исихазма проявляется во все более широком диапазоне.

Поставим первым научный – достаточно узкий – аспект. Уже немалый период исихазм выступает как обширное поле, на котором активно развертываются междисциплинарные исследования – исторические и патрологические, богословские и философские, психологические и культурологические. По существу, тут сложилась целая область науки с динамическим развитием, где получаемые результаты меняют состояние научного знания во многих сферах. Сформировалось и многонациональное профессиональное сообщество, куда входили и входят выдающиеся ученые, гуманитарии и богословы не только из православных стран, но также из стран Запада. Со стороны православия ряд открывают – еще в XIX веке – преподобный Феофан Затворник и епископ Порфирий (Успенский). За ними могут быть названы епископ Василий (Кривошеин), протоиерей Иоанн Мейендорф, из Греции – митрополит Иерофей Влахос, иеромонах Феоклит Дионисиат, из Сербии – митрополит Амфилохий Радович, епископ



Икона «Лествица Иоанна Лествичника». XII век

В восхождении к обожению по знаменитой «райской лествице» исихастского опыта происходит личностное строительство, человек обретает личность и идентичность – конституируется.

Афанасий Евтич, из Румынии – отец Думитру Станилоаэ, архимандрит Иоаникие Балан. Можно было бы привести еще много имен. Что же до Запада, то стало уже традицией, что в круг ведущих авторитетов в изучении исихазма входят представители католической науки: сначала то был отец Мартин Жюжи, затем ему наследовали отец Ириней Осэр, кардинал Фома Шпидлик, а ныне такую роль играют отец Герхард Подскальски и профессор Антонио Риго. Наряду с отдельными исследованиями осуществляются и большие проекты, объединяющие все научное сообщество: к примеру, уже около двадцати лет проводятся ежегодные конференции по православной духовности и аскетике в католическом монастыре Спаса Преображения в Бозе, на севере Италии. И в целом деятельность этого сообщества – несомненный пример синергии, плодотворного сотрудничества на ниве византийского наследия.

Но в известном смысле такой научный аспект является только внешним: исихазм и византийское наследие выступают здесь лишь как объект изучения. Есть, однако, и многие стороны исихазма, делающие его ценным и актуальным в самом его существе, внутреннем содержании. Все в большей мере современный христианский мир открывает и признает, что существенные элементы молитвенной жизни христианина, церковного устроения, христианской этики имеют корни в православно-аскетической традиции, и сегодня эта традиция продолжает быть важным фактором в сохранении устоев христианского существования, христианской нравственной дисциплины и строя личности, движимого устремлением ко Христу. Здесь ценность и значение исихазма выходят за рамки православия. Еще в постановлениях Второго Ватиканского собора говорилось, что «на Востоке процветала иноческая духовность <...> которая стала своего рода источником латинских религиозных учреждений», то есть, если продолжить, и источником действующего устроения латинской Церкви. Папа Иоанн Павел II в энциклике «Свет с Востока» указывал на общехристианскую ценность самого принципа священнобезмолвия, на котором стоит исихазм. В энциклике утверждалось: «Все мы нуждаемся в таком молчании, преисполненном ощущения благоговейного присутствия. <...> Все, верующие и неверующие, нуждаются в том, чтобы научиться такому молчанию, которое позволяло бы Другому говорить <...> а нам понимать Его слово». Благодаря подобным свидетельствам, в современном мире исихазм действенно и успешно служит преодолению антивизантийского мифа. Он признается важною частью фонда непреходящих общехристианских ценностей, которые равно необходимы и в нашей сегодняшней христианской жизни. И это – новый, более широкий, аспект актуальности исихазма.

Этот аспект ведет нас и еще дальше. В суждениях энциклики рядом ставятся верующие и неверующие, за исихазмом тут утверждается не только общехристианская, но и общечеловеческая, универсальная ценность. И современные исследования исихазма обнаруживают в нем все более значительное и разнообразное содержание, обладающее такой ценностью. В числе главных направлений этих исследований – исихастская антропология, раскрывающая, какой образ человека формируется в исихастской практике христоцентрического Богообщения, возводящего к обожению. В восхождении к обожению по знаменитой «райской лествице» исихастского опыта происходит личностное строительство, человек обретает личность и идентичность – конституируется. То есть исихазм реализует определенную парадигму конституции человека – а именно, конституции на пути синергии и обожения, встречи и соединения с Божественными энергиями – и становится, таким образом, школой формирования личности. Важно заметить, что в исихастской практике личность формируется полномерно, не только в индивидуальных, но и в социальных измерениях. На раннем своем этапе, в эпоху египетских отцов-пустынников, исихазм должен был создать основу искусства «умного делания», выработать тонкие методики концентрации внимания и непрестанной молитвы. Эти задачи требуют от аскета полной сосредоточенности на переустройстве «внутреннего человека» и для этого – абсолютного исхода из мира, отказа от всякого участия в социальной жизни. Но далее, с обретением зрелости в духовном опыте, происходит возврат аскета к общению и обществу, в одних случаях ограничивающийся сообществом монахов, но в других – включающий и выход в мирскую жизнь для помощи, научения, совета ближним. Здесь происходит своеобразная «исихастская социализация», при которой исихастские начала вносятся в межчеловеческие отношения, в социальные роли.

Исихастские модели личностного строительства и в особенности исихастские стратегии социализации весьма актуальны и ценны в наши дни. Современная антропологическая ситуация имеет признаки кризиса, ибо человек неуправляемо меняется и многие из происходящих перемен имеют негативную направленность. Человек развивает радикальные и экстремальные тренды, тренды, размывающие его идентичность (как в виртуальных практиках) или стремящиеся вообще отбросить ее (как в практиках, направленных к постчеловеку). В обществе разрушаются устоявшиеся типы и способы социализации, появляются новые, связанные с ведущими современными процессами – глобализацией, компьютеризацией, виртуализацией, – и человек с беспокойством замечает, что эти приходящие механизмы социализации и коммуникации обедняют его личность и его отношения с другими людьми, заставляют его утрачивать человечность. В таких условиях исихастские установки социализации, исихастские личностные практики открывают возможности противостояния кризисным тенденциям. Они способны стать противовесом рискам и вызовам современности – тенденциям виртуализации человека, перехода к постчеловеку, обеднения и формализации общения. И это значит, что исихазм сегодня – это еще и важный духовно-антропологический ресурс византийского наследия.

Павел Рыженко. Муравейник. 2004

Все в большей мере современный христианский мир открывает и признает, что существенные элементы молитвенной жизни христианина, церковного устроения, христианской этики имеют корни в православно-аскетической традиции.

■

Но разговор о византийском наследии не может ограничиться исихазмом. Не только исихазм, но даже православие в целом – лишь одно из крупных слагаемых феномена Византии, византийского сознания и византийского культурно-цивилизационного организма. Организм этот изначально непрост, сложившие его факторы принадлежат разным мирам. Большинство описаний и характеристик Византии начинается с указания трех ее фундаментальных составляющих. Процитируем, к примеру, Георгия Острогорского: «Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития. Без любого из этих трех элементов сущность Византии немыслима». Все три названные столпа Византии – совершенно разной природы и, разумеется, в византийской жизни они не существовали независимо и отдельно, но постоянно сложно взаимодействовали между собой. Обратимся к взаимоотношениям первого и последнего

Иероним Босх. Искушение святого Антония. 1500–1510

Ценность и значение исихазма выходят за рамки православия. Еще в постановлениях Второго Ватиканского собора говорилось, что «на Востоке процветала иноческая духовность», ставшая «своего рода источником латинских религиозных учреждений».

– государственности и веры. Конкретнее речь идет о римской имперской государственности. Она, в отличие от привычной нам европейской государственности Нового времени, включает в себя даже не просто связь с религией, но мощный религиозный компонент как часть собственного внутреннего содержания. Начиная с Цезаря и особенно Августа империя обретает религиозную основу в виде особого культа императора, в который входит божественное почитание его персоны, клятва его гением, воскурение фимиама перед его статуей, строительство храмов в его честь, в том числе и для принесения ему жертв. Участие в этом культе – главный гражданский долг подданного империи. Это – идейное и сакральное ядро римской государственности, и оно прочно перешло в византийскую имперскую государственность. «Культ императора – единственный античный культ, сохранившийся после официального принятия христианства при Константине I и Феодосии», – констатирует авторитетный «Словарь античности». Но этот государственный культ – ярко выраженный *языческий* культ! Как таковой он не может не расходиться с христианскою верой – и в итоге два столпа Византии вступают в непростое, напряженное взаимодействие между собой: вера стремится христианизировать Римскую империю, империя же, в свою очередь, стремится объязычить, паганизировать или, точнее, в согласии с этимологией, *опоганить* веру. Так фиксировал это обстоятельство Николай Алексеев, крупный философ и государствовед из эмиграции первой волны: «В Византии <...> от столкновения евангельского учения с языческой государственностью произошла своеобразная равнодействующая». Это довольно удачная формула. Но далее, разумеется, надо раскрыть, какова же была эта равнодействующая.

Имеется изобилие фактов, черт, способных породить впечатление, что языческие элементы не только выжили, но и получили преобладание. Подобный взгляд долгое время доминировал в науке. Как отмечает крупнейший современный византинист Жильбер Дагрон, в его формирование главный вклад был внесен «римокатолицизмом, но не без помощи прогрессивного крыла русской православной мысли». Не уходя вглубь времен, в качестве выразителя католического антивизантизма надо назвать прежде всего ученейшего Мартина Жюжи (1878–1954), российского же – Владимира Соловьева, который писал, не обинуясь: «Государство римско-византийское сохранило совершенно языческий характер, в нем не произошло решительно никакой существенной перемены. Нельзя указать ни одного сколько-нибудь значительного различия между государственным строем при язычнике Диоклетиане и при quasi-христианах Феодосии или Юстиниане». Такая позиция предполагала, что христианская Византия сохранила языческое обожествление императора. Тому были многие подтверждения в придворных церемониалах типа проскинезы (простирания ниц) и проч. А далее мысль очень естественно приходила отсюда к пресловутой концепции «цезарепапизма», согласно которой в Византии кесарь себя сделал «папой», император узурпировал прерогативы главы Церкви – притом при ее собственном благоволении и содействии. Концепция прочно закрепилась, а ярлык «цезарепапизм» надолго стал одним из самых расхожих и популярных в западном и прогрессистском дискурсе о Византии. Еще в «Очерках византийской культуры» (1919) почтеннейшего Павла Владимировича Безобразова, принадлежавшего к школе академика Василия Григорьевича Васильевского, упоминается как нечто бесспорное «цезарепапизм, несомненно, преобладавший в Византии», и утверждается, что «теория симфонии <...> заключает в себе скрытый цезарепапизм». Апологетами цезарепапизма автор представляет крупнейших канонистов Вальсамона и Хоматиана, святого Симеона Солунского.

И все же с развитием науки эта концепция была оставлена, а с нею и целый набор других антивизантийских «предрассудков», по выражению Дагрона. Как он находит, привели к этому «вселенский дух и просто историческая объективность». Разумеется, столкновение религиозности христианской и языческой в конституции византийского государства имелось и отрицаться никак не может. Однако равнодействующая такого столкновения на поверку оказывается иной. Современного научного анализа на базе полного корпуса данных не выдерживают ни представление об обожествлении персоны императора (вопреки наличию императорского культа), ни утверждение о том, что император себе присваивал иерейскую харизму (хотя постоянно случались ситуации, которые

Культ императора – идейное и сакральное ядро римской государственности, и оно прочно перешло в византийскую имперскую государственность. Но этот государственный культ – ярко выраженный языческий культ!

Император Лев VI перед Христом. 886–912

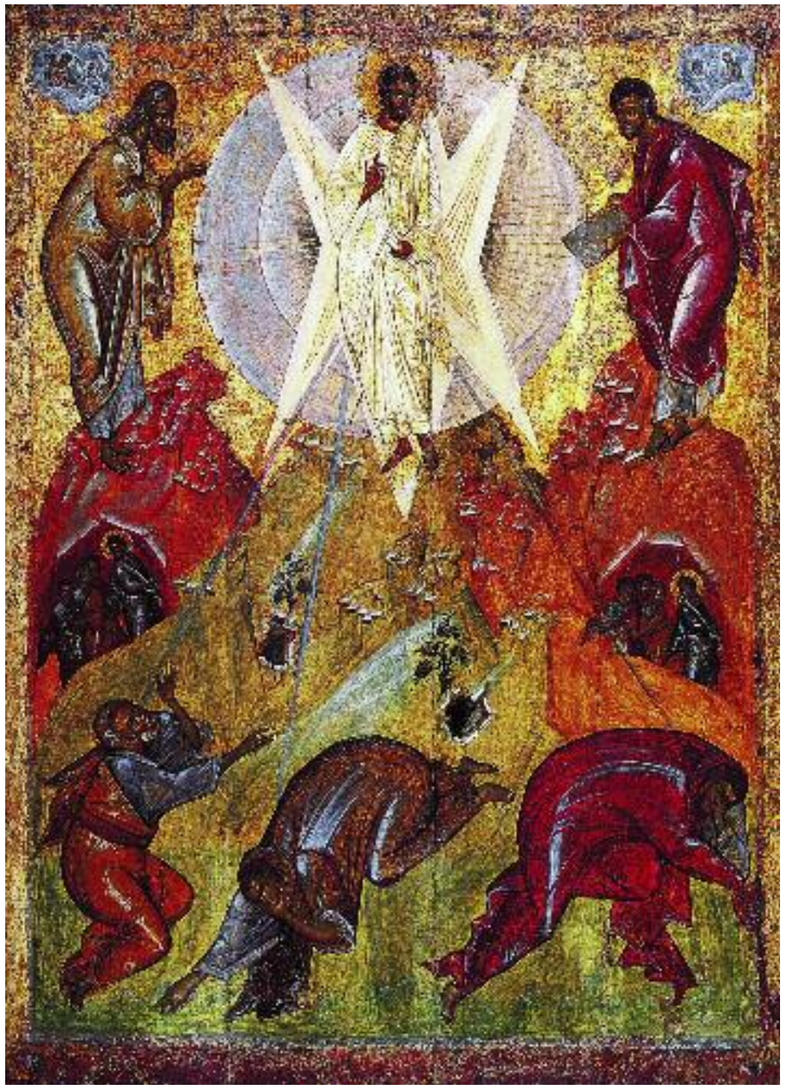
Религиозное сознание Византии наделяло империю статусом сакрального института, совершало сакрализацию империи. И в результате в структуре византийской религиозности существенно усиливалась установка сакрализации реальности.

были на волос от подобного присвоения). Это тонкое балансирование на грани Дагрон передает фразой парадоксальной и мастерской: «Ни один византийский правитель не утратил разум настолько, чтобы провозгласить себя “императором и иереем”, однако ни один из них не переставал мыслить себя таковым».

Сейчас нас, однако, интересует не столько преодоление предрассудков, сколько само содержание равнодействующей, истинные место и роль неискорененного язычества в византийской государственности и других сферах византийского бытия. Пусть за императорским культом в Византии не стояло политической теологии, утверждавшей обоготворение императора, как в языческих эллинистических монархиях. Пусть не было и цезарепапистской узурпации. Но абсолютно невозможно отрицать религиозного, сакрального понимания феномена империи! Вот уж за нею божественность утверждалась всегда и категорически, она сполна наделялась сакральною санкцией и сакральным закреплением. Уже в самом раннем очерке политической теологии Византии у Евсевия Кесарийского утверждалось, что изначально, «в замысле божественного домостроительства, империя уже стала провиденциальным орудием человеческого спасения» (Дагрон). Аналогично пишет и Стивен Рансимен: Византия – это «империя, конституция которой была основана на чисто религиозном убеждении, что империя есть образ Царства Божия на земле». И уже понятно отсюда, что «христианство освятило не столько личность императора как таковую, сколько его власть, место, и лишь в связи с этим – самого императора» (Георгий Курбатов).

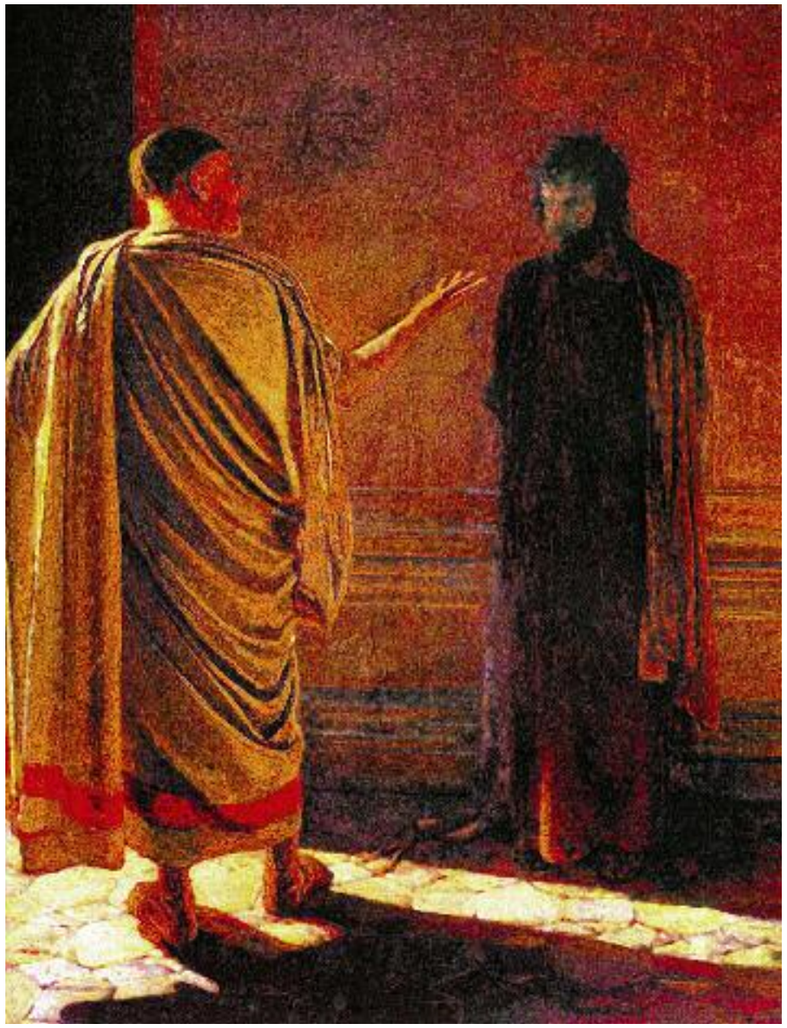
Итак, в политической теологии Византии имел место «примат идеи царства по сравнению с идеей царя» (Курбатов): центр тяжести, главная идеологическая нагрузка и главное сакральное обеспечение – не за императором, а за империей. Но каким бы ни был предмет этого обеспечения, оно было сугубо языческим делом, хотя исполнялось средствами христианской обрядности и языком христианского учения. Ибо *христианская, евангельская религиозность не дает почвы не только для обожествления императора, но и для сакрализации империи*, будь то в форме ее признания «образом Царства Божия» и «провиденциальным орудием человеческого спасения» или в форме юстиниановой «симфонии». Так пишет отец Иоанн Мейендорф: «Как бы добросовестно ни читать Новый Завет, там не найти указания на <...> “симфонию” между Царством Божиим и “миром сим”; скорее – на напряженность между частными, неадекватными и неполными достижениями человеческой истории и абсолютной надеждой на иной мир, где Бог будет “всяческая во всем”». Поэтому то религиозное убеждение, на котором основана конституция Византийской империи, есть в корне языческое убеждение. И нет недостатка в свидетельствах ученых – притом разных конфессий и разных школ, – приходящих к такому выводу. Вот утверждения отца Александра Шмемана: «Обращение Константина не повлекло за собой никакого пересмотра, никакой переоценки теократического сознания империи, а напротив, самих христиан, саму Церковь <...> в империи заставило видеть богоизбранное и священное Царство. <...> Теория Юстиниана укоренена в теократическом сознании языческой империи, для которого государство есть священная и абсолютная форма мира, его смысл и оправдание». Вполне созвучны им заключения Дагрона: «С язычеством <...> императорская идеология продолжала оставаться связанной <...> власть по-прежнему оставалась втайне языческой». Без труда можно найти и другие подобные оценки.

Как легко понять, в этих оценках – двоякое суждение: не только о византийской государственности, но и о византийской религиозности. Религиозное сознание Византии, воспринимая влияние языческого теократического сознания, начинало воспринимать империю «богоизбранным и священным Царством». Оно наделяло империю статусом сакрального института, совершало сакрализацию империи. И в результате в структуре византийской религиозности существенно усиливалась *установка сакрализации реальности* (то есть утверждения прямой причастности Божественному каких-то явлений или вещей мира сего). Такая установка – универсальная принадлежность религиозного сознания, но в разных его формациях она занимает очень разное место. Одно из главных размежеваний между языческой и христианской религиозностью – именно в их отношении к сакрализации. В язычестве это, безусловно, господствующая установка, но в христианстве она играет лишь весьма ограниченную роль: как *освящение* она участвует в конституции литургической сферы, и круг явлений, охватываемых ею, определяется Евхаристией и остальными таинствами Церкви, оставаясь в границах литургической реальности.



Преображение. 1408

Хранимая и культивируемая в исихазме установка обожения отвечает аутентично христианской религиозности, тогда как установка сакрализации не передает уникальность и новизну Благой Вести, толкая византийское сознание назад, к язычеству.



Николай Ге. Что есть истина? 1890

Концепция христианской империи как богоустановленного, сакрально санкционированного государства идет вразрез с православным богословием энергий.

Главная же, доминирующая установка – в корне иная, она соответствует поклонению, на евангельском языке, «в духе и истине» (Ин. 4: 24), всецелому устремлению человека к соединению со Христом в Духе Святом, к синергии и обожению, по православному учению. Исихазм оттого и признан ныне ядром православной духовности, что исихастская практика создавалась с единственной целью добывания квинтэссенциального христианского опыта – опыта восхождения к обожению. Подвижники признаются подлинными носителями этого опыта, как в предшествовавшие эпохи – апостолы, а затем мученики. Хранимая и культивируемая в исихазме установка обожения отвечает аутентично христианской религиозности, тогда как установка сакрализации (которую следует отличать от укорененного в Евхаристии сакраментально-литургического освящения) не передает уникальность и новизну Благой Вести, толкая византийское сознание назад, к язычеству.

Получая свободу, установка сакрализации отнюдь не ограничивается сферой власти и государства. Это – общая установка, определенный тип отношения к реальности, который может сказываться в любых сферах. На другом полюсе от высоких имперских сфер – повседневное существование человека, и здесь сакрализация тоже получила усиленное развитие. Произвольное расширение круга явлений, наделяемых причастностью Божественному, выражается тут прежде всего в разрастании, гипертрофии культового символизма, когда стремятся пронизать сакрализующим культом и ритуалом едва ли не весь порядок земного существования. По этому пути в России, пожалуй, заходили дальше, чем в Византии. Славянство моложе эллинства, и тут ближе были пласты архаической, примитивной религиозности, для которой «все полно богов», а еще больше – бесов, которой близка тенденция к тотальной сакрализации и личного, и общественного бытия. Эта тенденция рождает такие известные явления нашей духовной истории, как догматизация обряда, сакрализация быта, обрядоверие. В них пережитки славянского язычества получали христианское оформление и христианскую легитимацию от парадигмы сакрализации, пришедшей из Византии в составе транслированного на Русь восточнохристианского дискурса. Стоглавый собор 1551 года всего более послужил догматизации обряда. С этой догматизацией в широком сознании поселилось прочное представление, что всякое изменение обрядности – ересь, измена вере. Поэтому через сто лет обрядовая реформа Никона вызвала истовый отпор и привела к трагедии раскола – как видим, эту трагедию приходится тоже отнести к воздействиям византийского наследия! Характерно, что в борьбе с расколом властям пришлось сделать решения Стоглава секретными – так родился еще один стереотип, коренящийся в установке сакрализации и доживший до наших дней.

Языческий культ государства, меняя обличья, становясь то ближе, то дальше от византийского прототипа, фальшиво объявляя себя то христианнейшим, то гуманнейшим, сопровождает всю историю нашего Отечества.

Что же до обрядоверия и сакрализации быта, то они сложили колоритную стихию народной жизни, которая умиляла бытописателей, а для многих ученых служила доказательством глубочайшей православности русского народа. Но эта стихия провалилась на историческом экзамене. За считанные годы – моментально по историческим меркам! – Русь православная стала СССР-ом, где православные оказались малозаметными гонимыми маргиналами, а миллионы прежних обрядоверцев обрели советское сознание, нередко и присоединяясь к гонителям. Свойства обрядоверческого сознания это неплохо позволяют. Если вера не имеет опоры в высших интеллектуальных слоях сознания, эти слои нетрудно заполнить большевистской или иной идеологией, ясно доказывающей вчерашнему православному, что попы обманывали его.

Так постепенно мы возвращаемся к нашим дням и к главной теме об актуальности византийского наследия. Нет сомнений, с сакрализацией тоже связана самая высокая актуальность. «Отзываются в наших днях», по выражению Хомякова, и проблема христианской империи, и формация религиозности, которая ограничивается обрядоверием и граничит вплотную с суеверием. Ущербность обрядоверческой формации не вызывает сегодня споров. Однако совсем иное – «имперский вопрос». Мы напомнили свидетельства специалистов, доказывавших, что Византийская империя отнюдь не безоговорочно может быть названа христианской империей: она имела религиозную конституцию, но соответствующая религиозность – языческой, а не христианской природы. В то же время в своей теологии и идеологии она не желала этого признавать, напротив, она усиленно себя утверждала даже «христианнейшей». Расчленить это сращение, расцепить эти два пласта, две в корне разные формации сознания даже в принципе невозможно. Владимир Би-

умное делание

Паламитское богословие совершило отказ от эссенциализма в сфере антропологии. Необходимо продолжить дело святого Григория Паламы, распространив его энергийный дискурс, концепции богословия энергий на уровень социальной реальности, в область учения об обществе и государстве.

бихин четко фиксировал такую невозможность: «Относительно едва ли не преобладающего числа византийских авторов и исторических лиц современному историку хотелось бы знать, были ли они истинно христианами или втайне язычниками. Дело не в нехватке исторического материала, а в том, что мы от себя навязываем византийцам вопрос, который они сами не спешили ставить и даже поставив решать». И в итоге – практически вся византийская речь обретает «неисправимую двузначность всего говоримого». Гибридный и смутный, в высшей мере двусмысленный феномен!

Такова же и его роль в российской истории. Языческий культ государства, меняя обличья, становясь то ближе, то дальше от византийского прототипа, фальшиво объявляя себя то христианнейшим, то гуманнейшим, сопровождает всю историю нашего Отечества. Двусмысленно и то, как сегодня вновь вбрасывают этот прототип в общественное сознание – то исподволь, а то и прямо выдвигая его как образец в сегодняшних поисках новых ориентиров для российской государственности. Так пишет в своем послесловии к фундаментальному труду Дагрона его переводчик Александр Мусин: «Темы царя и Византии <...> подпитываются на самом высоком уровне. На поддержку этой идеи брошены киноиндустрия и помпезные конференции. <...> Монархия остается вожделенной мечтой многих». Естественно является мысль: не следует ли уйти совсем от этого мутноватого византийского наследия? Не будет ли это прямее, смелее, чище?

«Иногда от постоянного всматривания в тайну России, от постоянного занятия большевизмом в душе поднимается непреодолимая тоска и возникает соблазн ухода в искусство, философию, науку. Но соблазн быстро отступает. Уйти нам нельзя и некуда» – так заканчивает Федор Степун свои знаменитые мемуары «Бывшее и несбывшееся». *Mutatis mutandis* («с соответствующими изменениями», *лат.*) и я скажу это о нашей теме. И феномен Византии, и феномен империи со всем их язычеством неотделимы уже от судеб России, от русского христианства. За много столетий в них вложен неизмеримый капитал – отнюдь не только иллюзорных и обманных теологий и технологий, но и честных попыток настоящего следования заявленным христианским ценностям. «В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая была бы созвучна небесной», – пишет Стивен Рансимен, никак не склонный идеализировать Византию. Отыскиваемые сегодня модели и стратегии новой государственности должны учитывать историю и чувствовать органику российского государственного бытия; и стоит постараться, чтобы идеи и чаяния наших предшественников не были целиком отброшены как чистое заблуждение.

■

Что надо сделать – это даже довольно ясно. Отец Александр Шмеман выразил задачу отчетливой формулой – «переоценка государства в свете христианского учения о мире». Вполне возможно раскрыть эту формулу в ее философском содержании. Государственная модель, в которой империя мыслится как подобие Царствия Божия на земле и как человеческая общность, созвучная небесной (отсыл к юстиниановой идее «симфонии»), связана не только с языческой теократией. Философский ее фундамент – в платонической онтологии, предполагающей сущностную, эссенциальную связь мира с Богом. Но в православном богословии такая связь – не по сущности, а лишь по энергии. И потому мы должны в первую очередь констатировать, что концепция христианской империи как богоустановленного, сакрально санкционированного государства идет вразрез с православным богословием энергий.

Этот вывод ставит нас сразу в новую ситуацию, открывает новое русло рассуждения. Мы понимаем, что, оценивая феномен империи, а также и все другие византийские и восточнохристианские формации общества и государства, мы непременно должны обратиться к паламитскому богословию энергий как последнему зрелому этапу развития православной мысли. Расхождение этого богословия с имперским культом, различие их онтологических предпосылок – лишь первое наблюдение, надо идти глубже. Связь Бога и человека, *ergo*, Бога и мира по энергии – специфический род связи, конституирующий иную реальность и иную процессуальность, динамику мирового бытия, нежели связь по сущности, предполагаемая античной мыслью, равно как и классической европейской метафизикой. Паламитское богословие совершило отказ от эссенциализма – «преодоление метафизики» – в проблеме человека и личности, в сфере антропологии (хотя и здесь остается еще немало открытых проблем). *Необходимо продолжить дело святого Григория Паламы, распространив его энергийный дискурс, концепции богословия энергий на уровень социальной реальности, в область учения об обществе и государстве.* Это – масштабная и нелегкая, глубоко творческая задача. Но лишь на пути ее решения возможен основательный Государственный Проект для восточнохристианской цивилизации. Это путь кардинального, но конструктивного пересмотра имперских концепций. Напротив, все попытки их реанимации и внедрения в старом виде несут лишь фатальное повторение старой спеси и старых иллюзий, старой фальши, двусмысленности, умолчаний, манипуляций... всего нашего «как всегда»!

Некоторые начальные вехи для открывающегося пути видны сразу. Христианское учение о мире не может вести к сакральному обоснованию империи. Ясно также, что энергийная связь мира и Бога не обеспечивает сакрализации вообще никаким мирским институциям в их статичном существовании, не дает она и обоснования юстиниановой «симфонии». Но в то же время это – содержательная связь, и она позволяет делать не только подобные негативные суждения. В согласии с нею «симфония» невозможна, однако возможна синергия. Невозможна «созвучность», однако возможно со-устремление. Устроение социально-государственной сферы согласное с христианской энергийной икономией не должно выражаться в сакрализации институций. Но оно может заключаться в создании определенных социальных и государственных практик и стратегий, в содействии одним таким практикам и отказе от других. Опыт такого рода исподволь возникал и в самой Византии в эпоху Исихастского Возрождения XIV века. И надо взглянуть заново на эту уникальную эпоху под указанным углом зрения.

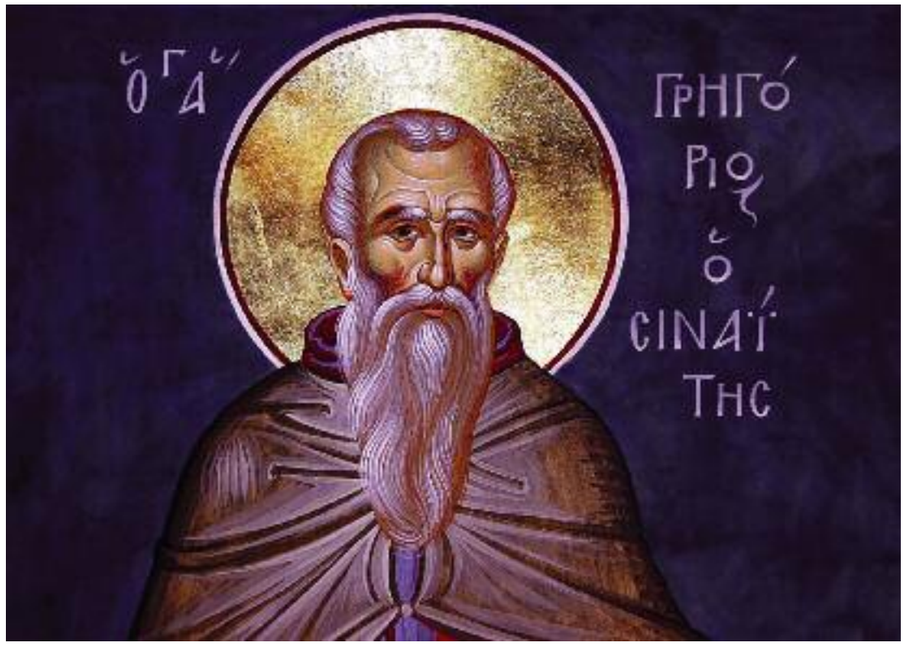
В религиозном сознании при этом уже не будет той давней двойственности и внутренней напряженности, которую порождала взаимная чужеродность исихастской установки обожения и установки сакрализации с ее языческими корнями. К исихастской аскезе мы вновь должны в заключение вернуться, чтобы опять подчеркнуть ее ключевую роль как незаменимого источника подлинного христианского опыта. Черпать из этого источника, хранить с ним живую связь, ориентироваться на его ценности – единственный надежный способ обращения с колючим кладом византийского наследия.

Максим Викторович Медоваров – специалист по истории русской и зарубежной консервативной мысли

Политическое измерение исихазма в поздней Византии и в новейшей истории России

Отношения византийской и русской культур в определенном смысле парадоксальны. Несмотря на общую религию – православие – и пришедшую вместе с ней книжность, бросается в глаза, что политический, социальный и экономический строй как Киевской Руси и княжеств периода раздробленности, так и московского периода не имеет почти ничего общего с византийским. Несомненно, это долгое время затрудняло подражание Византии даже в сфере придворного церемониала и монархической идеологии – оно началось только после брака Ивана III с Софьей Палеолог, то есть уже после падения Второго Рима. Затем сознательная ориентация на византийский политический опыт, совершенно нехарактерная для русского Средневековья, постепенно усиливалась в течение XVI и XVII веков вплоть до Петра I. Иван IV, Алексей Михайлович, патриарх Никон, Федор Алексеевич по своему политическому имиджу сознательно приближались к византийским образцам. Это тем более поразительно, что в указанные два столетия в сфере культуры Россия наоборот все дальше отходила от Византии и все более приближалась к западной культуре. Исследования Александра Камчатнова показывают, какое огромное влияние на всю русскую книжность и образованность в XIV–XV веках оказал византийский исихазм. Болгарский ученик святого Григория Синаита Феодосий создал так называемую Тырновскую школу письменности, влияние традиций которой в России ощущалось вплоть до петровских реформ, но все же шло на убыль к XVII веку.

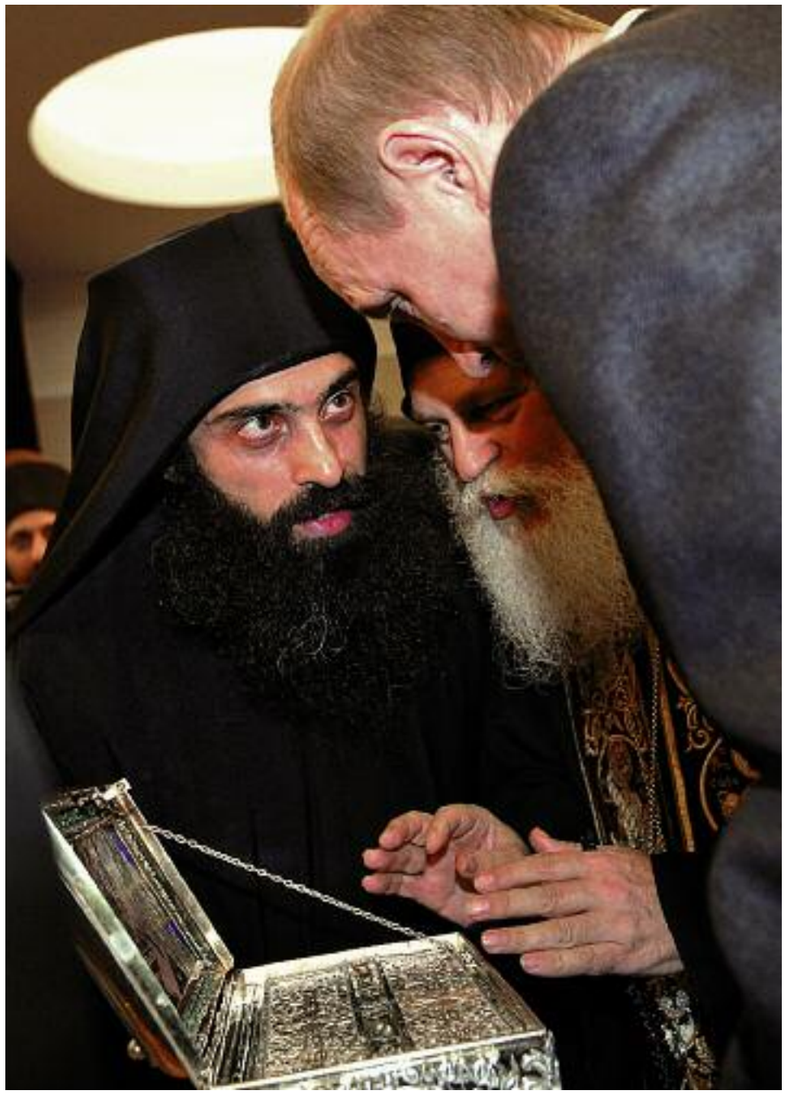
Тема исихазма и наследия святых Григория Паламы, Григория Синаита и других вообще не возникала в России вплоть до появления имяславческого движения, несмотря на имевшиеся труды Ивана Киреевского и Памфила Юркевича о сердечной молитве.



Святой Григорий Синаит

Дальнейший всплеск темы византийского наследия в России произошел только после публикации первого «Философического письма» Петра Чаадаева, считавшего Византию причиной всех дальнейших бед нашей страны (1836 год). В качестве ответа на этот вызов византизм стал славянофильским лозунгом, занял важнейшее место в историософии Федора Тютчева, а затем был подхвачен Константином Леонтьевым и Тертием Филипповым. Однако следует признать, что действительное знание особенностей византийской истории названными мыслителями оставляло желать лучшего: русская общественная мысль и византинология развивались параллельными курсами. Исключением был труд Льва Тихомирова «Монархическая государственность». В нем подробно рассматривались отличия римской монархии и византийской монархии от монархии российской.

Таким образом, к началу XX века византийское наследие в России оставалось в значительной степени лозунгом, мифологемой с минимумом конкретно-исторического содержания. Характерно, что тема исихазма и наследия святых Григория Паламы, Григория Синаита и других вообще не возникала в России вплоть до появления имяславческого движения, несмотря на имевшиеся труды Ивана Киреевского и Памфила Юркевича о сердечной молитве. О степени фантастичности представлений об исихазме, бытовавших в то время, дает представление простой и в то же время скандальный пример. Известный публицист, видный представитель русского национализма Михаил Меньшиков, полемизируя с поздним славянофилом генералом Александром Киреевым, писал в 1905 году: «Насквозь византийское, вышедшее (через Ивана Киреевского) из Оптиной пустыни “православие” славянофилов проникнуто идеями гезихастов, афонских мистиков XIV века, близких к ереси». Данная фраза свидетельствует о том, что русская общественность начала XX века даже не знала, что именно исихазм признан православной ортодоксией на пяти (!) соборах середины XIV века, а его противники отлучены от Церкви. Удивительно ли после этого, что большинство русских православных иерархов и богословов в 1910-е годы заняли откровенно имяборческую позицию? Только после выхода книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа» и начала широчайшего по масштабам движения в защиту умной молитвы и почитания Имени Божьего исихазм внезапно вошел в самую сердцевину русской мысли. Осмысленный в трудах отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова, Алексея Лосева (монаха Андроника), архимандрита Софрония (Сахарова), архимандрита Киприана (Керна), Владимира Лосского и других, он уже навсегда останется одним из краеугольных камней русской мысли и русской истории. Прерванная в XVIII веке и едва возобновленная святым



Безразличен ли монаху-исихасту, ищущему спасения своей души и молящемуся за весь мир в пустынном уединении, политический и общественный строй государства?

Серафимом Саровским традиция умной молитвы в XX веке разлилась широким руслом. Вместе с тем один аспект возрождения исихазма в XX веке, на который практически не обращают внимания, настоятельно требует осмысления. Речь идет о политическом измерении исихазма. Безразличен ли монаху, ищущему спасения своей души и молящемуся за весь мир в пустынном уединении, политический и общественный строй государства? Или же здесь можно говорить о каких-то вполне определенных предпочтениях? Существует тенденция подчеркивать антиплатонический смысл паламитского учения о нетварных энергиях. Сторонники этого мнения полагают, что если возможность умной молитвы и обожения доступна каждому человеку, то не только церковная и политическая, но и космическая и ангельская иерархии становятся неважны. Однако такая позиция противоречит как самому факту иерархического строя видимой Церкви, так и учению Ареопагитского корпуса об иерархии Церкви невидимой – учению, безусловно, авторитетному для основателей исихазма.

Однако есть и еще один аргумент. Политическая ориентация как святого Григория Паламы и других отцов священнобезмолвствующих XIV века, так и их последователей XX века была совершенно однозначной и определенной.

С самого первого дня борьба паламизма с варлаамизмом была абсолютно неотделима от политической и социальной борьбы, развернувшейся в Византии в середине XIV века и вылившейся в разрушительную гражданскую войну 1341–1347 годов.

В этой борьбе не на жизнь, а на смерть столкнулись не просто два придворных клана, как это часто бывало, а два движения с широкими общественными базами и полярными мировоззрениями.

Первая партия называлась зилотами. Ее составляли некоторые представители «западнической» династии Палеологов (нельзя говорить об их полном слиянии, но во время войны против Кантакузина произошла их смычка) и ориентировавшаяся на них протобуржуазия, горожане, торговцы, тесно связанные с ростовщическим капиталом морских держав, особенно Генуи. Той самой Генуи, которая вскоре после рассматриваемых событий организовала поход Мамая на Русь. Эта партия – в духе извечных палеологовских традиций – регулярно пыталась заключить унию с папой и была враждебна к туркам, хотя и не брезговала помощью сарыханских эмиров. Политическим лидером этой партии стал Алексей Апокавк. В философии зилоты ориентировались на приземленное рационалистическое толкование Аристотеля (самого по себе весьма рационалистического). Они были тесно связаны с греками Южной Италии. Именно там родился Варлаам Калабрийский – главный еретик, противник Паламы, преподававший греческий язык византинофобу Петрарке и окончивший свои дни католиком. Утверждение об их приверженности к рационализму не противоречит неоплатоническим реминисценциям: средневековый и ренессансный неоплатонизм, как показано в трудах Лосева, отличался крайним разнообразием. Важно то, что именно варлаамитская версия неоплатонизма вела к итальянскому гуманизму и дальнейшей победе Модерна над христианским Средневековьем. Вся магистральная линия новоевропейской философии, о чем не уставали повторять отец Павел Флоренский, Алексей Лосев и Владимир Эрн, ведет свое происхождение от варлаамизма.

Вторую партию в Византии XIV века возглавлял род Кантакузинов. Ее социальной базой была земельная аристократия, воины (с большими оговорками можно считать их аналогом западного феодального рыцарства). Кантакузинисты воплощали консервативное, патриархальное начало в общественной жизни. Они были противниками унии с папством и сторонниками союза с турками, то есть в некотором роде «евразийцами». Они желали в конечном историческом итоге крестить турок, но при этом относились к исламу внимательно и уважительно (если говорить в первую очередь о трудах самого святого Григория Паламы, тон которых в этом отношении беспрецедентен для византийского богословия).

Иоанн V Палеолог

Победа программы Палеологов значила движение Византии в сторону философии Ренессанса, постепенной секуляризации и обуржуазивания.

Накануне гражданской войны и паламитских споров раскол произошел во всех сферах жизни византийского общества. Консолидировались противостоявшие друг другу социальные слои, конкретные аристократические роды и семьи, отдельные области и города. Получили законченный вид их политические и религиозные программы. С одной стороны, варлаамизм, открывавший с богословской точки зрения дорогу к признанию *filioque* и к унии (напомним, сам Варлаам, начав с антилатинских трактатов, стал в итоге католическим епископом). С другой стороны, паламизм, вызвавший категорическое неприятие у всего католического Запада (хотя и там имели место мистические течения, которые могли бы при опреде-

Турецкий посол перед византийским императором. XV век

Роль айдынского эмира Умура и османского султана Орхана, решительно выступивших на стороне Иоанна Кантакузина, стала решающей в войне – точно так же, как роль язычников-монголов ранее оказалась судьбоносной для спасения России от западного наступления в XIII веке.

ленных условиях рассматриваться как сходные с паламизмом, например, учение Майстера Экхарта). Католицизм, со времен Карла Великого и поныне боящийся «чрезмерного онтологизма» и потому отказавшийся от изначального типа икон, не мог принять и понимание Имени Божьего как словесной иконы, в которой также Своими энергиями присутствует Бог. Латиняне, посещавшие Византию, смеялись над исихазмом как над темным суеверием. Известен случай, когда европейцы насмехались над учением Паламы, катаясь на лодках, и вдруг внезапно утонули. Греки восприняли этот случай как доказательство истинности учения святого Григория.

Разумеется, следует иметь в виду, что в гражданской войне 1341–1347 годов отдельные лица переходили из одного лагеря в другой, настроение населения и даже духовенства отдельных городов также часто менялось, а Сербия и Болгария вмешивались в войну то на стороне Кантакузинов (вначале), то на стороне Палеологов (в конце), к немалым территориальным выгодам сербского короля Стефана Душана. Однако это нисколько не отменяет указанной выше тенденции: победа программы Палеологов значила движение Византии в сторону философии Ренессанса, постепенной секуляризации и обуржуазивания, победа программы Кантакузинов предполагала движение в направлении, прямо противоположном духу еще не наступившего тогда Модерна.

Святой Григорий Палама стал одной из крупнейших фигур гражданской войны. Его изгоняли, низвергали, незаконно «отлучали» от Церкви, брали в плен. Попав в неволю к турецким пиратам, Палама проникся симпатией к ним и сумел обратить многих в православие, что нашло отражение в его позднейшей полемике с исламом. Быть может, ему удалось познакомиться с суфиями-дервишами и критически осмыслить их мистический опыт.

Роль айдынского эмира Умура и османского султана Орхана, решительно выступивших на стороне Иоанна Кантакузина, стала решающей в войне – точно так же, как роль язычников-монголов ранее оказалась судьбоносной для спасения России от западного наступления в XIII веке и от возможности подъема собственной русской протобуржуазии. Во время гражданской войны 1341–1347 годов турки, в отличие от сербов и болгар, не стремились захватить куски византийской территории. Воины малоазийских бейликов не раз срывали наступление Апокавка и Палеологов и прямо вступили в схватку с крестоносцами, которые разрушили Смирну под предлогом, сходным с сегодняшними предлогами для западной агрессии против многих стран мира.

Война, опустошившая земли Византии и временно (на небольшой срок) сократившая ее территорию в три раза, завершилась победой кантакузинистов. Пять поместных соборов утвердили исихазм в качестве обязательного вероучения и анафематствовали Варлаама. Иоанн Кантакузин занял трон, став императором Иоанном VI – соправителем Иоанна V. Позже он оставил престол, ушел в монастырь, написал воспоминания и скончался в возрасте 90 лет. Но возвращение полноты власти в руки Палеологов уже не могло реанимировать византийское западничество и варлаамизм в прежнем виде. Хотя Палеологи и заключили в 1439 году позорную Флорентийскую унию с папством, но к тому времени из недр исихастской традиции вышел святитель Марк Эфесский, сорвавший унию. И даже на краю гибели – в 1453 году – из Царьграда звучал гордый голос Луки Нотары, наследника «евразийских» традиций кантакузинизма: «Лучше увидеть в Городе царствующую турецкую чалму, чем латинскую тиару!»

Если бы в 1347 году с духовной помощью исихастов и военной помощью турок Иоанн Кантакузин не победил бы, то, по мнению таких видных историков, как Сергей Сказкин, Ангелика Лаиу и Дональд Никол, «обуржуазивание» Византии сблизило бы ее путь с западным. Начала бы формироваться политическая греческая нация, базирующаяся не на православии, а на апелляции к Древней Греции (оккультный неоплатонизм Гемиста Плифона в своем политическом аспекте предполагал именно это). Рычаги власти оказались бы у городских торговцев, а не землевладельцев и воинов. Возникло бы этнически однородное эллинское (а не «ромейское») протобуржуазное торговое государство, тесно связанное с Ватиканом и Генуей (либо Венецией, в зависимости от политической конъюнктуры) и враждебное туркам. Это государство отказалось бы от тысячелетней традиции имперского Рима. Византия вполне могла бы со временем стать если не «нормальной европейской страной», «национальным государством», то страной, близкой к этому сомнительному статусу, лишившись своей цивилизационной самобытности и исторической миссии, которую нельзя измерить материальными ценностями. Симптоматично, что в ходе гражданской войны моряки-зилоты установили на несколько лет в Фессалониках своеобразную «республику», близкую по духу к итальянским городам. В Фессалониках осуществлялось само-

Византийская миниатюра XIV века

Война завершилась победой кантакузинистов. Пять поместных соборов утвердили исихазм в качестве обязательного вероучения и анафематствовали Варлаама. Иоанн Кантакузин занял трон, став императором Иоанном VI – соправителем Иоанна V.

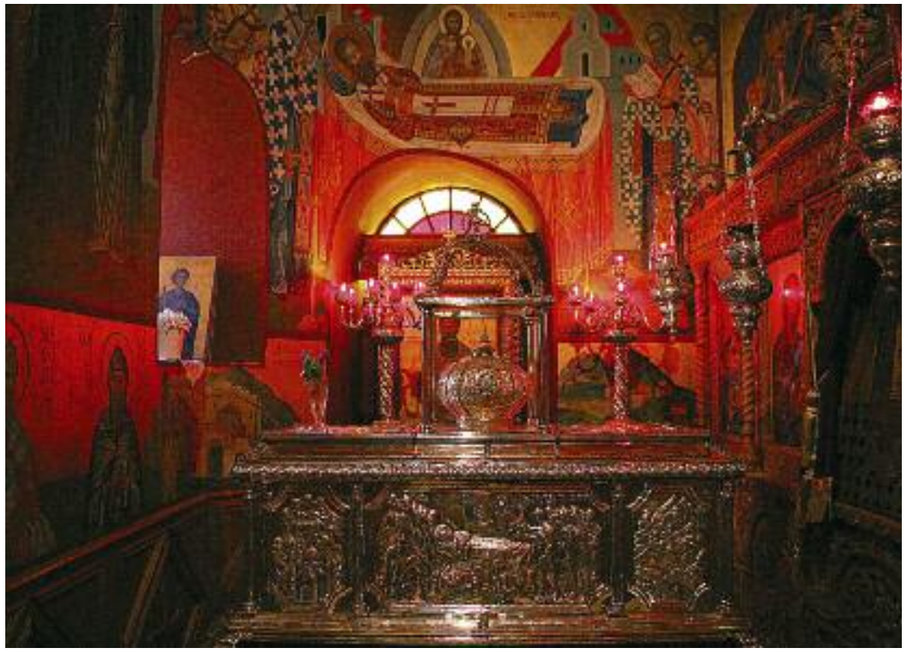
Беноццо Гоццоли. Шествие волхвов. Фрагмент: Гемист Плифон (в центре). 1459–1460

Если бы с духовной помощью исихастов и военной помощью турок Иоанн Кантакузин не победил бы, в Византии начала бы формироваться политическая греческая нация, базирующаяся не на православии, а на апелляции к Древней Греции (оккультный неоплатонизм Гемиста Плифона в своем политическом аспекте предполагал именно это).

управление, фактически власть принадлежала торгово-ремесленными слоями, пока город не был взят Кантакузином. По своей судьбоносности и драматичности этот эпизод можно сравнить только с ликвидацией Новгородского государства Иваном III спустя почти полтора столетия.

История возникновения и утверждения исихазма наглядно показывает, что святой Григорий Палама и его сторонники не только непрестанно практиковали молитву Иисусову и достигали созерцания нетварного света, но активно занимали определенную политическую позицию, ориентируясь на сакральную Ромейскую монархию с иерархическим военно-бюрократическим строем в противоположность протобуржуазным тенденциям гуманистов-варлааамитов с их стремлениями к преобладанию торгово-ремесленных слоев. Социально-политические вопросы оказались далеко не безразличными для исихазма. В определенной степени не так уж был неправ упомянутый выше Меньшиков, заметивший родство паламитского идеала с консервативными славянофильскими теориями в новой истории России. Очень важен контекст, в котором Меньшиков обличал исихазм в статье «Суть славянофильства». Он упрекал славянофильство в том, что в нем нет ничего собственного русского, а только «греко-сирийское, монгольское и немецкое». Любопытно, что эта характеристика была бы верна и для «ромейского» исихазма XIV века – враждебного этническому греческому национализму, зато связанного с традициями сирийско-египетского монашества, обладавшего протурецкой геополитической ориентацией, а если вспомнить Майстера Экхарта, то и «немецкий рисунок» окажется здесь в наличии. Вот почему последовательный и убежденный националист западнического толка Меньшиков (как и его идейные наследники, так называемые национал-демократы, Алексей Широпаев, Сергей Сергеев, Егор Холмогоров и другие в наши дни) отвергал и византийское, и тюрко-монгольское, и консервативное немецкое начала в истории России. Недаром, бросив первый камень в святого Григория Паламу, Ивана Киреевского и «византийское “православие”» вообще, Меньшиков пошел еще дальше. Он разразился филиппиками против «насквозь ордынского “самодержавия” славянофилов» и «насквозь немецкой идеи “народности”».

Действительно, религиозные и философско-богословские учения неотъемлемы от социально-политических практик, причем связь здесь взаимная. Только в императорской, военно-бюрократической, многоэтнической Византии с «евразийской» геополитической ориентацией партии кантакузинистов создались наиболее благоприятные условия для расцвета уходящей корнями в раннее Средневековье практики умной молитвы и созерцания Фаворского света. Потому и в России, и в Румынии – странах, переживших возрождение исихазма в первой половине XX века, – паламитская и имяславческая религиозная ориентация оказалась тесно связанной с монархизмом, консерватизмом и имперской «евразийской» идеей.



Рака с мощами святителя Григория Паламы

Святой Григорий Палама и его сторонники не только достигали созерцания нетварного света, но занимали определенную политическую позицию, ориентируясь на сакральную Ромейскую монархию с иерархическим военно-бюрократическим строем.

В этом плане не может быть ничего показательнее твердых монархических и даже реакционных взглядов величайших русских философов Флоренского, Лосева, Эрна, а также архимандрита Софрония (Сахарова), полностью отвергавших все ценности европейского Модерна со времен ренессансного гуманизма. Смычка «реакционных» политических воззрений в трудах названных философов с их последовательным имяславием органична. Одно просто невозможно отделить от другого. При этом обращает на себя внимание тот факт, что Флоренский в 1920-е годы сотрудничал с советской властью, а после ареста в 1933 году написал знаменитую работу «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Не имея возможности в тюрьме открыто писать, например, о монархии, он сделал все возможное, чтобы придать своему сочинению яркую имперскую, антибуржуазную и даже «евразийскую» окраску. Лосев, освобожденный и реабилитированный в 1933 году, был вплоть до 1953 года лишен возможности публиковать свои работы. Но существует множество свидетельств, что Сталин специально позаботился о том, чтобы философ-исихаст не погиб и продолжал свою деятельность. Имеются также данные о том, что Сталин однажды лично советовался с Лосевым в Кремле по политическим вопросам. К сожалению, эту гипотетическую встречу никто не мог письменно задокументировать. Поэтому сю-

Эдуардо Баррон. Нерон и Сенека. 1904

Лосев вплоть до 1953 года был лишен возможности публиковать свои работы. Существуют свидетельства, что Сталин позаботился о том, чтобы философ продолжал свою деятельность. Имеются данные, что однажды Сталин лично советовался с Лосевым в Кремле по политическим вопросам.

жет обречен навсегда остаться таким же неясным, как и вопрос о том, мог ли юный семинарист Иосиф Джугашвили что-то знать о священнобезмолвствующих в Сванетии, «на горах Кавказа»... Достоверно известно только одно: именно антибуржуазность сталинского режима заставляла имяславцев Флоренского и Лосева, репрессированных этим самым режимом, находить в нем положительные стороны. В связи с этим заслуживает самого серьезного внимания концептуальная статья Владимира Кантора «Флоренский, Степун и большевистское имяславие». В ней отмечаются существенные черты, роднящие богословские воззрения Ареопагитик и святого Григория Паламы с советской идеологией (но не с учением Маркса и Энгельса!) и противопоставляющие их мировоззренческой парадигме европейского Модерна, «расколдованного мира» (по Максу Веберу).

Что касается возрождения исихазма в Румынии 20–30-х годов XX века, то это было время невиданного по накалу духовного подъема румынского православия. В своей краткой программной статье 1937 года «Христианская революция» Мирча Элиаде связывал миссию возрождения мистического православия после краха Российской империи с обновлением всего социально-политического строя Румынии. Практически уникальным в истории православия случаем было то, что патриарх Мирон и весь Синод Румынской православной церкви в 1930-е годы безоговорочно поддерживали легионерское движение. Как известно, легионеры практиковали молитву Иисусову, некоторые из них уходили в затвор и полностью посвящали себя исихастским практикам умного делания. Перед духовным величием румынского исихазма того времени – неотъемлемого от вполне определенной политической ориентации – преклонялся даже барон Юлиус Эвола, который вообще был достаточно критичен по отношению к христианским молитвенным практикам. Но в данном случае он встретился именно с таким пониманием христианства, которое оказалось близким его собственной метафизической доктрине. Говоря о легионерском исихазме, следует вспомнить и пожилого генерала, героя Первой мировой войны, который с воодушевлением возглавил предвыборный список партии «Все для страны», созданной на основе Легиона Михаила Архангела и официально поддерживавшейся патриархом Мироном и румынским духовенством. Этого генерала звали Георге Кантакузино-Граничерул – он был прямым потомком младшей ветви византийских Кантакузинов, после падения Константинополя обосновавшихся в Валахии и Молдавии. Военно-аристократическое измерение исихазма повторилось спустя шесть веков с участием того же самого рода...

Связь религиозных и философских учений с социально-экономическим и политическим строем существует всегда, хотя она может быть сложной и опосредованной. Тем не менее, к примеру, из философии Рене Декарта или Иммануила Канта, равно как из учения Фердинанда Соссюра о языке, вытекают определенные политические симпатии, прямо противоположные тем симпатиям, которые имплицитно содержатся в апофатическом богословии Ареопагитик или в исихазме святого Григория Паламы и имяславцев XX века. В этом смысле исихазм как ортодоксальная форма восточного православия не может быть даже мысленно отделен от обстоятельств его возникновения в Византии середины XIV века. Кантакузинизм с его имперско-монархической, антибуржуазной и даже условно «евразийской» направленностью был политическим измерением паламизма, подобно тому как византистские политические идеалы, воспетые Константином Леонтьевым (монахом Климентом), в условиях России и Румынии XX века оказались неотделимыми от сугубо религиозного измерения исихазма и имяславия. В этом и состоит тот урок, который пока еще недостаточно усвоен современной общественной мыслью. Вместе с тем появление упомянутых работ последователя Лосева лингвиста-метафизика Александра Камчатнова, с одной стороны, и статей Владимира Кантора и идейных преемников националиста Меньшикова, с другой стороны, свидетельствует о произошедшем за последнее столетие росте актуальности рассматриваемой темы. Чем быстрее наступит ясность в этом вопросе и каждый мыслящий человек сможет выбрать, на какой стороне в метафизическом и мировоззренческом противостоянии он находится, тем лучше.

Патриарх Мирон

Патриарх Мирон и весь Синод Румынской православной церкви в 1930-е годы поддерживали легионерское движение. Как известно, легионеры практиковали молитву Иисусову, некоторые из них уходили в затвор и полностью посвящали себя исихастским практикам умного делания.

Даниил Викторович Семикопов –
кандидат философских наук, историк
русской религиозной мысли

Симфония
священства и царства: византийское наследие в современной практике церковно-государственных отношений

Один Бог на небе, один император на земле – вот суть византийской имперской идеи. Языческий Рим не знал разделения сферы власти на духовную и светскую составляющие. Император был не только высшей гражданской властью, но и духовной. Неслучайно он носил титул *pontificus maximus* – главный жрец. Но помимо того, что он был главным жрецом, он еще и обладал божественным гением (даймон, *греч.*). Имевшее восточные и эллинистические параллели обожествление римских императоров было одной из главных причин гонений на христиан, не признававших божественность кесаря и отказывавшихся приносить жертвы его демону-покровителю.

Первые три века истории христианства Римская империя устраивала гонения на христиан, причем на вполне законных основаниях. Но в эпоху императора Константина она признала Церковь. Это было историческим чудом. Вместо *Pax Romana* пришло время *Pax Christiana*. Нам сейчас сложно представить весь масштаб тех событий. Империя, объединявшая весь мир, языческая по своей сущности, вдруг подала руку Церкви. Это не могло не привести к зарождению в христианской среде теократических надежд.

Современники тех событий воспринимали обращение императора как торжество христианства и трансформацию императорской власти в орудие промысла. Ведь изначально, со времен Августа, империя действительно поддерживала мир, создавая тем самым условия для христианской проповеди. Единый язык, разветвленная сеть дорог и сравнительная безопасность путешествий позволяли развиваться не только торговле, но и христианскому миссионерству. Это было ясно еще до императора Константина, и христианские апологеты уже во II веке, наряду с критикой языческой империи, говорили и о провиденциальной богоустановленности власти римских императоров.

Генрих Семирадский. Светочи христианства (Факелы Нерона). 1882

Имевшее восточные и эллинистические параллели обожествление римских императоров было одной из главных причин гонений на христиан, не признававших божественность кесаря и отказывавшихся приносить жертвы его демону-покровителю.

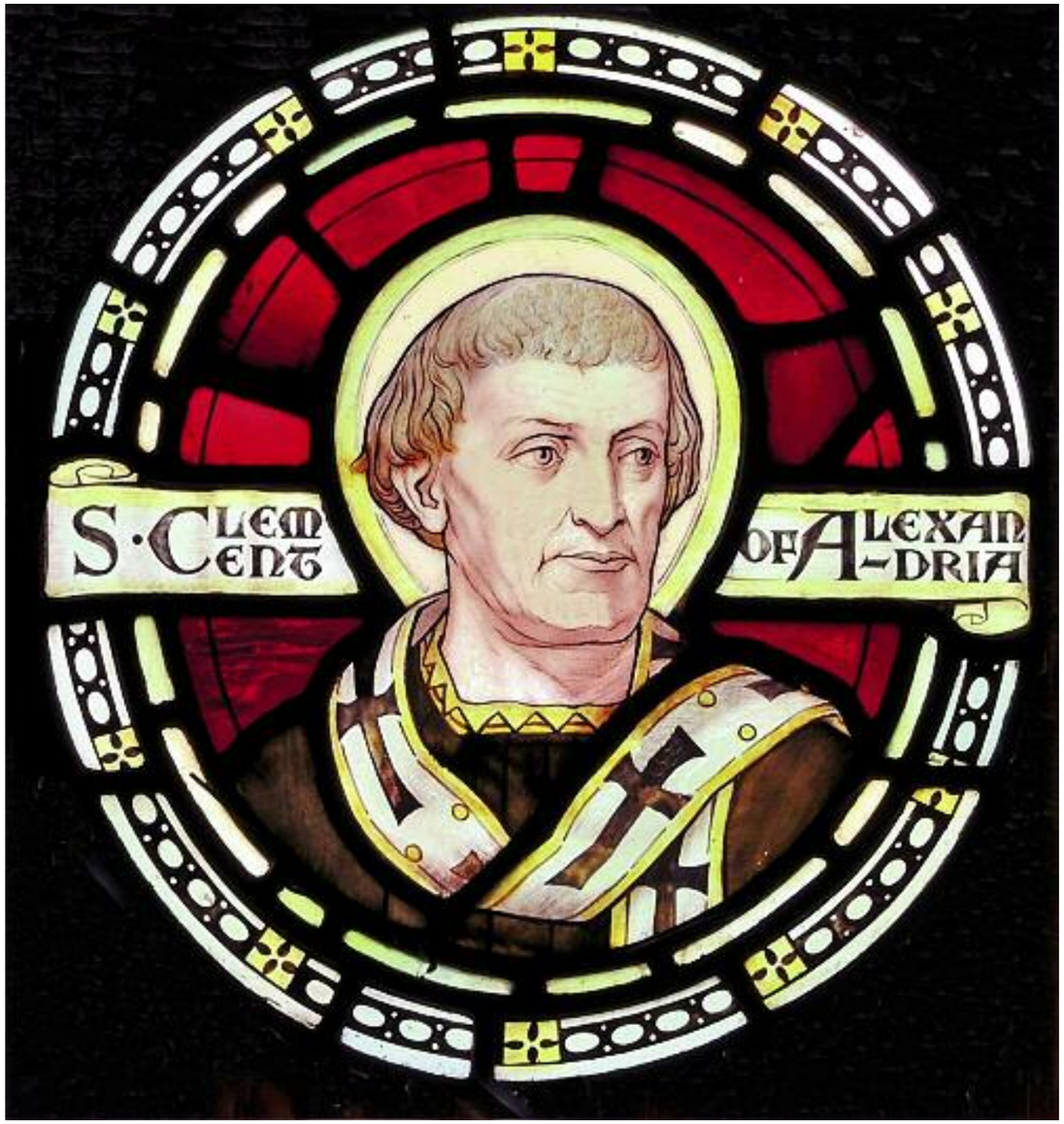
Только века спустя византийское наследие в христианстве получит неоднозначную оценку. Как в протестантской, так и католической среде византизм будет оцениваться в основном негативно. Даже в восточнохристианской традиции вовсе не все млеют от этого слова. В век Просвещения общепринятым стало утверждение, что в Византии Церковь была порабощена государством, а власть императоров была обожествлена. Эта концепция получила название цезарепапизма. Возникнув в протестантской среде, она обвиняла православный Восток в нарушении заповеди отдавать кесарю кесарево, а Божие Богу (Мф. 22: 21).

Между тем императоры играли в Церкви совершенно особую роль, и византийская экклесиология (учение о Церкви) просто непонятна без анализа роли императоров в Церкви. А роль эта была совершенно особой, так как в пределах Византийской империи именно император обеспечивал единство Церкви. Да и термин «вселенский» был тесно связан с императорской властью, ведь границы вселенной (Ойкумены) фактически совпадали с границами империи.

Когда мы говорим о том, что Церковь – вселенская, то не совсем ясно, что же обеспечивает эту вселенскость на историческом земном уровне. У нас нет видимой и осязаемой структуры, которая задавала бы подобное единство. А тогда она была – такой структурой являлась власть византийского императора. Император имел вполне конкретное служение в Церкви. Он был защитником христианской Ойкумены и проповедником христианства вне ее. Таким образом, миссия императора состояла в защите и распространении истинной христианской веры.

Уже император Константин осознавал собственную миссию и называл себя «епископом внешних дел Церкви», с чем и связан его титул равноапостольного. Именно он предпринял первую попытку согласовать христианский и императорский культы, что нашло наиболее полное выражение в строительстве мавзолея святых апостолов. В этом мавзолее находились символические гробницы двенадцати апостолов, а реальная гробница императора Константина стала тринадцатой, расположенной по центру посреди остальных, находившихся по периметру мавзолея. Таким образом, император Константин позиционировал себя в роли тринадцатого апостола, которым в церковной традиции является апостол Павел, просветитель язычников.

Единство веры формирует единство империи, а потому вероучительные вопросы начали приобретать для Византии жизненную важность, стремление к установлению

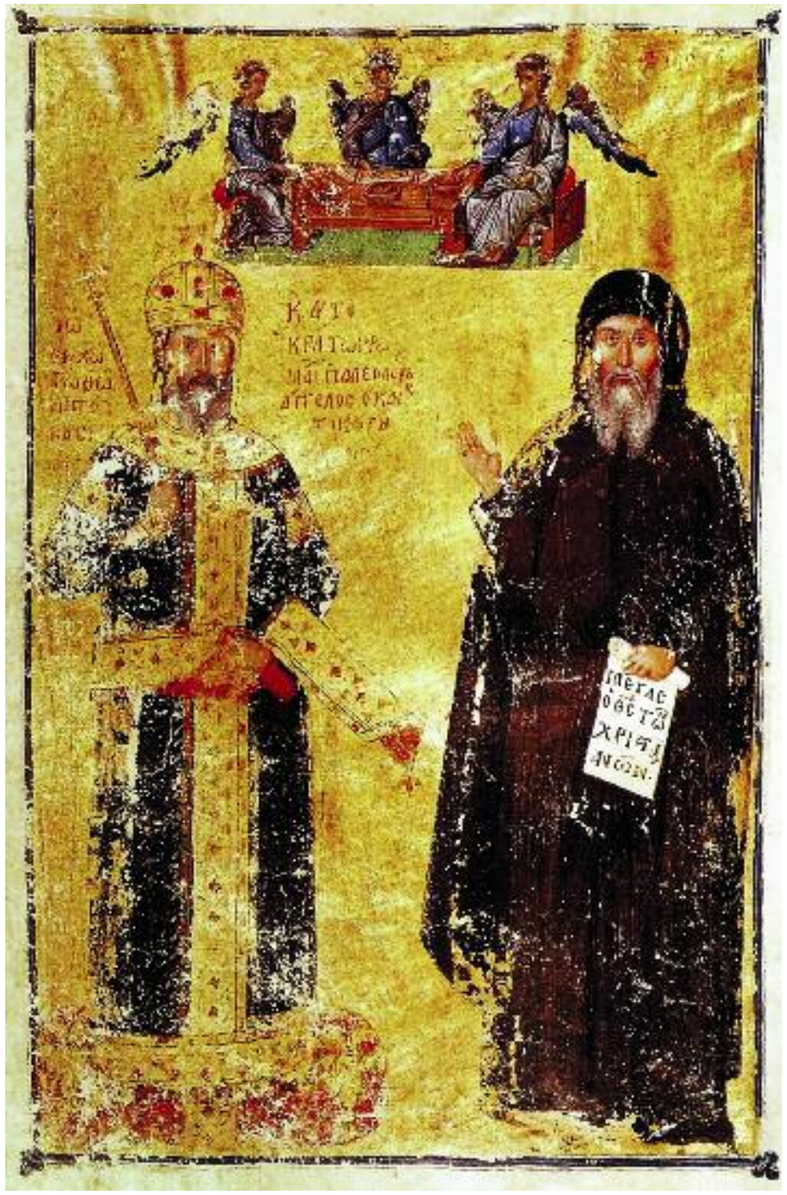


Со времен Августа Римская империя действительно поддерживала мир, создавая тем самым условия для христианской проповеди. Христианские апологеты уже во II веке, наряду с критикой языческой империи, говорили и о провиденциальной богоустановленности власти римских императоров.

единства стало основным мотивом религиозной политики императоров после Константина. Естественно, что на этом пути конфликты были неизбежными. Попыткой их избежать явилась теория симфонии Церкви и империи, предложенная императором Юстинианом, но ей не удалось стать панацеей от всех опасностей в этой сфере. Можно вспомнить историю римского папы Вигилия, поставленного Юстининаном, но не оправдавшего церковно-политических надежд императора. Чего стоит один только известный эпизод, когда посаженный под домашний арест в Плацидианском дворце Константинополя папа Вигилий бежал в церковь апостола Петра в Константинополе, что само по себе символично. Оттуда его пытался вытащить взвод преторианцев. Ухватившегося за колонну сени над престолом папу тянули за бороду и ноги, пока не подломили колонну и не обрушили сень на престол. В результате папа чуть не погиб, но был освобожден возмутившимся народом. Впрочем, это не спасло его от дальнейшего давления со стороны императора. Так что сам святой Юстиниан, не задумываясь, нарушал границы симфонии, если считал это необходимым для мира империи.

Печальным и переломным моментом в истории церковно-государственных отношений в Византии стало возникновение религиозных учений монофелитства и иконоборчества. Если до VII века новые учения возникали в церковной среде, то монофелитство было изобретением императора Ираклия и патриарха Сергия и не привело к единству, а только усилило разделение среди христиан. Еще страшнее для Церкви оказалось иконоборчество. Его родоначальник, император Лев III, уже открыто провозгласил себя одновременно иереем и царем. Особый ужас современников вызывало то, что в данном случае ересь исходила от императоров, на которых лежала обязанность сохранения христианского мира. Так, анонимный византийский историк в IX веке взирал на иконоборчество как на особенно губительную ересь, «ибо она разрушает домостроительство Божие». Он восклицал: «Познайте разницу между императором и иереем! Древние ереси происходят из споров о догматах и вызревали постепенно, тогда как эта изошла из самого императорского могущества».

Но в истории Византии были не только периоды цезарепапизма, встречались и противоположные тенденции папацезаризма, которые, впрочем, никогда не разрастались до западных масштабов, но тем не менее были весьма симптоматичными.



Император Иоанн V Палеолог. XIV век

В пределах Византийской империи именно император обеспечивал единство Церкви. Да и термин «вселенский» был тесно связан с императорской властью, ведь границы вселенной (Ойкумены) фактически совпадали с границами империи.

В период иконоборчества (начало VIII – середина IX веков) в борьбе императоров и монахов выиграли последние, и в результате произошло усиление власти церковной иерархии. Симфонические качели поменяли свое положение, вознося власть патриарха и принижая власть императора. Главным представителем новой формации

Апостолы Петр и Павел являются во сне императору Константину. XIII век

Константин предпринял первую попытку согласовать христианский и императорский культы, что нашло выражение в строительстве мавзолея святых апостолов. Он позиционировал себя в роли тринадцатого апостола, которым в церковной традиции является апостол Павел.

в эту эпоху был константинопольский патриарх Фотий, активно участвовавший в политической борьбе. Одним из главных результатов его деятельности было невиданное возвышение Константинопольского патриархата. На Востоке существовали еще три патриархата – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. До середины V века за первенство в церковной сфере с Константинополем боролась Александрия. Вплоть до начала арабских завоеваний в VII веке Константинополь всегда считался с властью других поместных Церквей. Арабские завоевания, оторвавшие территорию восточных патриархатов от христианской Римской империи, вкупе с ослаблением власти императоров создали почву для усиления власти константинопольских патриархов.

Итогом этого процесса стало принятие на Софийском соборе 879–880 годов первого канона, провозглашавшего, что не только римские клирики, отлученные или осужденные церковным судом, не должны приниматься Константинополем, но и наоборот – восточные клирики не могут апеллировать к папе. Этот канон, отвергая то право апелляции, которым Рим часто злоупотреблял, вместе с тем превращал Константинополь во второй духовный центр, равнозначный первому. Константинополь и Рим поделили христианский мир, что и стало основной причиной разделения Западной и Восточной церквей.

Характерна в этом отношении личность константинопольского патриарха Михаила Керулария, при котором официально и произошло это разделение в 1054 году. До того как стать патриархом, он активно участвовал в политической жизни, известно, что его брат покончил с собой из-за неудавшегося переворота 1043 года. Заняв патриарший престол, он попытался взять реванш. Уже после печальных событий 1054 года он устроил государственный переворот, отправил императора в монастырь и посадил на его место своего ставленника, который, в свою очередь, низверг патриарха. Но в период апогея собственного могущества Михаил Керуларий все же добился для себя права ношения пурпурных сандалий, знака императорской власти, к немалому шоку византийцев, не привыкших к подобному «папизму».

Таким образом, симфония нарушалась в сторону не только цезарепапизма, но и папацезаризма. Из этого как раз следует, что нормой религиозного византизма являлась именно симфония, а все остальное оказывалось нарушением нормативных отношений. Но такие нарушения исторически неизбежны. Ослабление одной из сторон неминуемо ведет сначала к усилению другой, но потом к крушению всей системы в целом.

Попыткой избежать конфликты явилась теория симфонии Церкви и империи, предложенная императором Юстинианом, но ей не удалось стать панацеей от всех опасностей в этой сфере. Сам святой Юстиниан нарушал границы симфонии, если считал это необходимым для мира империи.

Это и произошло с Византией. В дальнейшей истории империи наблюдалась все та же динамика: ослабление власти императоров и усиление власти патриархов. Это превратило византийского императора из «епископа внешних дел Церкви» в помощника и защитника власти патриарха. В поздней период в Византии император частично утратил свой священнический статус. Такая перемена отражала и объективную историческую реальность: Византийская империя сжималась, как шагреневая кожа, а власть патриарха Константинополя по-прежнему распространялась на весь Восток. Впрочем, ослабление власти императора неизбежно умаляло и реальный статус патриарха, пусть номинально и сохранявшего первенство, но с падением Византийской империи превратившегося в чиновника при исламском дворе, что поставило его в крайне унизительное положение.

■

Русь оказалась преемницей Византийской империи, что отразилось в знаменитой концепции «Москва – Третий Рим». При этом Москва явилась наследницей Византии прежде всего в религиозном аспекте – она переняла не императорскую власть, а статус хранительницы истинной веры. Таким образом, русский царь оказался в первую очередь хранителем религиозной истины.

Но уже в XVII веке, в правление царя Алексея Михайловича, имперские идеи витали в воздухе. В принципе еще избрание первого русского патриарха в 1589 году явилось характерным симптомом роста самосознания русских царей – статус московского царя тре-

Избрание первого русского патриарха в 1589 году явилось симптомом роста самосознания русских царей – статус царя требовал наличия патриарха. Симфония хотя и декларировалась на Руси, но никогда не имела полноценного воплощения. Царь играл в этом оркестре первую скрипку.

бовал наличия патриарха. Избрание патриарха было именно государственной инициативой, из чего видно, что симфония хотя и декларировалась на Руси, но никогда не имела полноценного воплощения. Царь, безусловно, играл в этом оркестре первую скрипку.

Только патриарх Никон попытался поставить царя на место, вдохновившись типично западной моделью зависимости светской власти от власти духовной. Но «папистские» начинания патриарха Никона не нашли поддержки и были главной причиной его падения. Более того, они имели одним из своих следствий церковные реформы Петра Великого, упразднившего патриаршество. Патриарх Никон вдохновлялся католической по сути идеей превосходства духовной власти над светской, уподобляя власть патриарха Солнцу, а власть царя – Луне, сияющей отраженным солнечным светом. Неудача Никона стала роковой для института патриаршества, который был устранен Петром, стремившимся к утверждению абсолютной власти в государстве. Противоположное движение симфонических качелей привело к сакрализации царской власти – сакрализации, доходившей до абсурда.

Синодальная эпоха была торжеством власти российских государей, ставших императорами. Но это была не столько революция, сколько вполне закономерная эволюция. Синодальная эпоха и сейчас удостаивается противоположных оценок. Одни считают ее эпохой расцвета церковной жизни, другие – периодом порабощения Русской православной церкви государством. Обе оценки представляются неверными из-за своей категоричности.

Так, если пленение и было, то оно оказалось для Церкви очень плодотворным – привело к росту духовного просвещения, появлению оригинальной богословской мысли. Русская земля в XVIII–XIX веках дала вселенской Церкви множество великих святых – преподобного Серафима Саровского, святителя Тихона Задонского, оптинских старцев и многих других святых. То есть с этой точки зрения синодальная эпоха меньше всего похожа на упадок.

В то же время засилье императорской власти было. Петр Великий принял титул императора и отца Отечества (*pater patriae*), носимый римскими кесарями. А отсюда было уже недалеко и до главы Церкви на протестантский манер, которым он формально и стал в 1721 году. То, что этот шаг был явным нарушением принципа византийской симфонии, сомнения не вызывает. Власть императора исключила власть патриарха, и всякое независимое церковное правление стало восприниматься как поползновение на единодержавную власть царя. Подобные абсолютистские установки усугублялись невиданной дотоле сакрализацией власти.

Правая рука императора Петра по духовным делам, архиепископ Феофан Прокопович, то и дело называл Петра «Христос» и «Бог». Известен анекдот, когда он встретил Петра, шедшего поздно вечером на очередную пьянку, возгласом: «Се Жених грядет в полуночи!» Но помимо анекдотов, эта тенденция нашла свое воплощение и в литургических текстах, в частности, в службе по случаю победы под Полтавой, составленной Феофилактом Лопатинским. В ней Петр сравнивался с Христом, а Мазепа – с Иудой. Мазепа был включен в число еретиков, анафематствовавшихся в чине Торжества православия на первой неделе Великого поста, и был исключен оттуда уже после 1917 года.

Симптоматично для синодальной эпохи и то, что государственное преступление Мазепы рассматривалось как религиозная ересь.

Весь XVIII век указанная тенденция только усиливалась. Достаточно обратиться к барочной придворной поэзии той эпохи. Так, Михаил Ломоносов, не стесняясь, воспевал Петра Великого следующим образом:

Он Бог, он Бог твой был, Россия,
Он члены взял в тебя плотския,
Сошед к тебе от горьних мест.

Известно, что в народной среде портреты императрицы Екатерины II почитались, как иконы, и перед ними возжигались свечи. К чести императрицы Екатерины следует заметить, что она сама сопротивлялась собственному обожеств-

Алексей Антропов. Портрет Петра I. 1713 или 1716

Неудача Никона стала роковой для института патриаршества, который был устранен Петром, стремившимся к утверждению абсолютной власти в государстве. Противоположное движение симфонических качелей привело к сакрализации царской власти – сакрализации, доходившей до абсурда.

Русская земля в XVIII–XIX веках дала вселенской Церкви множество великих святых – преподобного Серафима Саровского, святителя Тихона Задонского, оптинских старцев и многих других святых. То есть с этой точки зрения синодальная эпоха меньше всего похожа на упадок.

лению.

Конечно, следует помнить о том, что культура барокко предполагала метафорическую игру, что слово «бог» могло игриво употребляться с отсылкой к античным божествам. Но как тогда быть с императором Павлом I, который, в отличие от своей матери, воспринял такую игру очень серьезно? Если император Петр I упразднил патриаршество, то император Павел I решил сам стать патриархом. Сразу же после коронации он хотел лично служить литургию, намеревался стать духовником собственной семьи и высших государственных сановников. Если Петр Великий себя главой Церкви все-таки не называл, то император Павел принял подобное наименование. Более столетия спустя митрополит Антоний (Храповицкий) назвал это одним из величайших грехов русской монархии и одной из причин ее падения. Но тогда современные императору иерархи пошли другим путем. Они указали, что каноны православной Церкви запрещают совершать святые таинства священнику, который женился во второй раз, то есть фактически признали за ним священство.

В результате произошло не просто упразднение патриаршества, но перенесение на царя священных функций патриарха. Более того, почитание царя ставилось рядом с почитанием святых, и культ царя оказался неотъемлемой частью религиозного культа. Это был явный перебор, который стал замечаться самими представителями Русской церкви в XIX веке. Особенно ситуация обострилась к концу XIX века. Отношения между последним императором и членами Синода нельзя назвать безоблачными. В среде духовенства в начале XX века сложилось представление о том, что любая политическая форма в равной мере приемлема для Церкви. Даже в среде епископата пошли разговоры о цезарепапизме и о пленении Русской церкви государством. При этом очевидно, что с самого начала некоторые из придерживавшихся подобного мнения архиереев пребывали в заблуждении, считая, что действительно возможна такая форма церковно-государственных отношений, когда государство не только ничего не требует от Церкви, но и поддерживает ее и политически, и материально.

В воздухе начали витать мечты о восстановлении патриаршества. Сейчас вопрос о том, что было бы, если бы патриаршество было восстановлено, представляется чисто академическим. Представляется, что царское правительство было достаточно реалистичным и потому сопротивлялось подобным церковным реформам. Восстановление патриаршества вызвало бы неизмеримое количество сложностей. Необходимо было бы вводить новую ветвь власти на не вполне понятных основаниях и пересматривать структуру управления и законодательство империи.

Безусловно, священноначалие Русской церкви допустило в начале XX века грубые просчеты в области церковно-государственных отношений. Разговоры о цезарепапизме, равнодушие к судьбе монархии со стороны многих архиереев, критика в адрес царя раскачивали и без того нестабильную ситуацию. Поведение же Синода в феврале–марте 1917 года формально можно назвать преступным, так как Синод отказался от поддержки монархии в период междуцарствия, дал присягу Временному правительству и понуждал к этой присяге других, а также ничего не сделал для самого царя и царской семьи. В итоге освобождение от опеки царской власти привело не к свободе, а к гонениям на Русскую церковь и к уничтожению русской православной культуры, верным защитником которых был царь. Характерна в этом плане судьба одного из первых новомучеников – митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). В марте 1917 года он лично помогал выносить обер-прокурору Владимиру Львову царское кресло из зала заседаний Синода. При этом архиепископ Арсений Новгородский прокомментировал подобный шаг: «Вот выносят символ цезарепапизма!» Но уже в январе 1918 года митрополит Владимир был убит большевиками, причем по подстрекательству монахов Киево-Печерской лавры. И это стало возможным именно вследствие уничтожения «цезарепапизма».

Владимир Боровиковский. Император Павел. 1800

В синодальный период власть императора исключила власть патриарха, и всякое независимое церковное правление стало восприниматься как поползновение на единодержавную власть царя. Подобные абсолютистские установки усугублялись невиданной дотоле сакрализацией власти.

Отношения между последним императором и членами Синода нельзя назвать безоблачными. Даже в среде епископата пошли разговоры о цезарепапизме и о пленении Русской церкви государством.

То есть сто лет назад в России проявились те же процессы, что и веками ранее в Византии. Когда власть ослабла, церковная иерархия попыталась взять реванш, поставив под сомнение сам принцип монархической государственности, – чего никогда не было в Византии, где патриарх не мыслился без императора. Это явилось одной из причин крушения Российской империи и сделало возможными гонения на православных христиан при советской власти.

■

С начала IV века и до начала XX века священство и царство в православном мире находились в симфонических отношениях. Эта симфония никогда не была идеальной, но союз мог оказываться плодотворным. Власть царя и императора обретала определенный священный статус, император обеспечивал единство Церкви, был поборником веры и благочестия. Ни одна из других политических форм власти не брала на себя подобных обязательств. Проект христианской империи позволил распространить христианство по всей вселенной.

В истории восточного христианства священство и царство всегда были связаны, и 1917 год стал революционным не только для России. Он явился некоей точкой перехода от эпохи христианской империи к апостасии, так как оказался годом падения последней великой монархии в истории человечества. Монархическая власть, встав на сторону христианства, фактически заставила жить по христианским нормам все народы Европы. Нельзя сказать, что реализация этого плана была бесспорной, но государство защищало и Церковь, и христианские нормы жизни, что привело к бунту человеческой природы против сверхприродного ига Церкви и монархии. Свержение монархий неслучайно повсеместно сопровождалось гонениями на церковные институты. И после свержения монархии Церковь ни в одной стране не смогла реабилитироваться и занять прежнее положение. В лице монархии Церковь Христова потеряла своего самого верного исторического союзника.

Современные либеральные политические режимы не могут выступать в этой роли, так как они основаны на противоположных ортодоксии принципах толерантности, нравственной вседозволенности, на стремлении к обогащению. Сотрудничая с ними, церковное сообщество очень сильно рискует подхватить ту же заразу. В Средневековье божественный порядок репрезентировал себя и в Церкви, и в государстве. Но современное общество на это уже неспособно, а значит, оно более не считает себя богоспасаемым – равно как и богоборческим после бурного XX века. Оно просто религиозно индифферентно.

Самым непосредственным образом падение монархии сказалось на Церкви, особенно на отношениях между иерархией и мирянами.

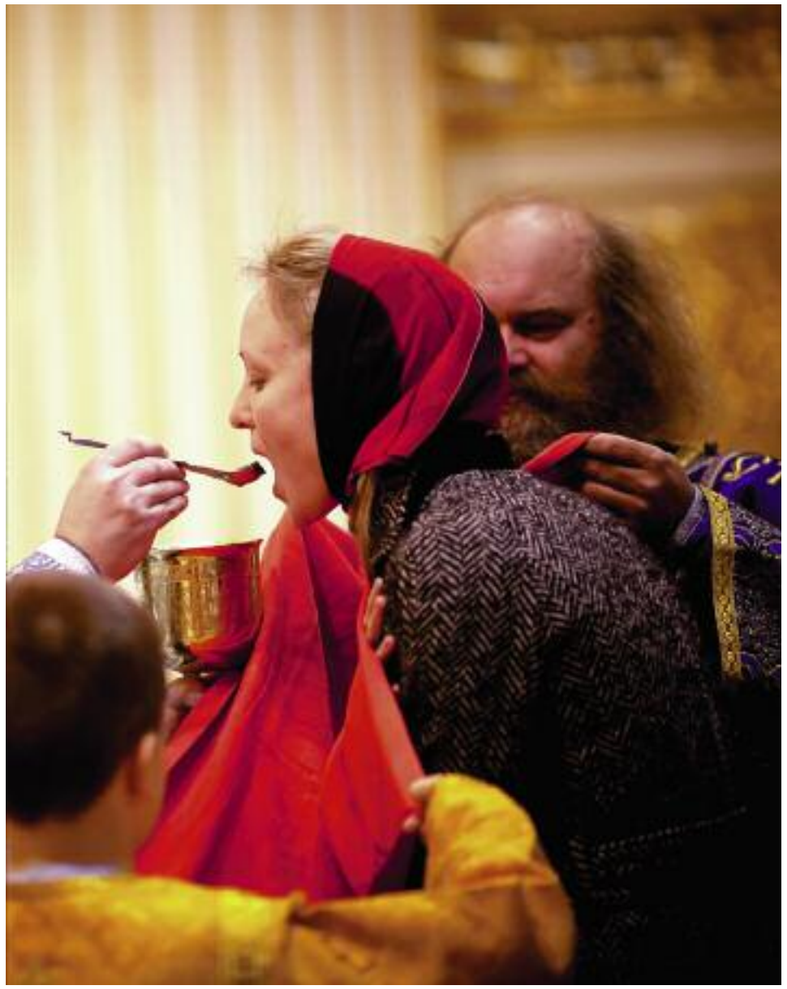
Характерная для христианского Востока симфония между Церковью и государством содействовала разделению церковного сообщества на мирян и клириков. То есть на тех, которые были в ведении власти епископата, и тех, которые подчинялись власти императора. Хотя эти сферы и пересекались, но разграничение было ясным и без труда прослеживается по юридическим средневековым памятникам.

Противопоставление мирян и духовенства характерно для католической экклесиологии, многие православные богословы его оспаривают (в их числе можно указать, например, религиозного философа, священника Павла Флоренского). Но на практике и в византийской, и в русской церковной истории оно – свершившийся факт. Некоторые православные богословы в XX веке указывали, что такое разделение ошибочно и ранняя Церковь его не знала. Для раннехристианского учения характерна убежденность в том, что все христиане без исключения есть царственное священство, святой народ, наделенный различными харизматическими дарами, одним из которых и является собственно священство в узком понимании. В современной же Русской православной церкви миряне не составляют реальную силу.

Такая ситуация сложилась естественным образом. В Византийской и Российской империях люди были в подавляющем большинстве членами Церкви. Неразрывная связь между властью духовной и властью светской привела к тому, что крушение монархии вызвало исход народа из церковной ограды. Фактически от Церкви осталась епископская корпорация, и именно так Церковь сейчас и воспринимается многими на-

Характерна судьба одного из первых новомучеников – митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). В марте 1917 года он лично помогал выносить обер-прокурору Владимиру Львову царское кресло из зала заседаний Синода. При этом архиепископ Арсений Новгородский прокомментировал подобный шаг: «Вот выносят символ цезарепапизма!» Но уже в январе 1918 года митрополит Владимир был убит большевиками, причем по подстрекательству монахов Киево-Печерской лавры.

государство и церковь – Византия и Россия



Православными являются только воцерковленные, то есть те, которые участвуют в мистериальной жизни Церкви и посещают храм хотя бы не реже раза в месяц. А таковых на сегодняшний день всего лишь несколько процентов, и показатель этот не только не растет, но и убывает.

шими соотечественниками. То есть Русская православная церковь – это Московский патриархат со всем его бюрократическим аппаратом.

То, что по разным данным от 60 до 80 процентов населения РФ называют себя православными, уже никого, кроме некоторых чиновников патриархата, не вдохновляет. Ведь православными, строго говоря, являются только те, которых принято называть воцерковленными, то есть те, которые участвуют в мистериальной жизни Церкви и посещают храм хотя бы не реже раза в месяц. Именно этот показатель является значимым. А таковых на сегодняшний день всего лишь несколько процентов, и показатель этот не только не растет, но и убывает. По нему мы, кстати, отстаем от многих европейских стран, так что говорить о какой-либо особой религиозности россиян или религиозном возрождении в России не приходится.

Приведем конкретные данные. Если сравнить сводки ВЦИОМ за 2007 год с аналогичной статистикой за 1999 год, то православными называют себя 75 процентов. И этот показатель растет. Но количество людей, не посещающих храмы, увеличилось с 45 до 59 процентов, а доля тех, которые ходят в церковь раз в год и реже, снизилась с 29 процентов в 1999 году до 16 процентов в 2007 году. В 1999 году причастие ни разу не принимали 53 процента респондентов, в 2007 году эта группа выросла до 83 процентов, раз в год и реже причащаются 10 процентов опрошенных. И лишь 6 процентов причащаются чаще раза в год, те же 6 процентов посещают храм хотя бы раз в месяц. При этом доля крещеных достигает 76 процентов.

Почему же нет положительной динамики именно по числу постоянных прихожан, несмотря на открытие храмов и рост экономического благосостояния? Более того, сейчас наблюдается усиление негативного отношения к Церкви, причем не только среди блогеров, но и среди всех тех, которых по недоразумению называют современной интеллигенцией.

Представляется, что и в церковном менталитете существуют особенности, препятствующие адекватной реакции на вызовы времени. И сами священнослужители зачастую путают Церковь и епископат. Например, когда говорят о том, что патриарх Сергий (Страгородский) спас Русскую церковь своей декларацией 1927 года, признавшей советскую власть. Но с точки зрения традиционного богословия, Церковь не нуждается в спасении, она сама спасет. Патриарх же Сергий спас церковную организацию, что, впрочем, не умаляет его заслуг.

Если обратиться к недавним событиям, то точно так же оценивается хулиганство панк-группы Pussy Riot со всеми сопровождавшими эту провокацию выходками. Патриархат опять-таки расценил критику в адрес патриарха Кирилла как гонение на Церковь и по всем законам жанра устроил митинг в поддержку Церкви с хоругвеносцами, байкерами и прочими символами современного православия. Такая экклесиологическая тенденция на самом деле возникла не на пустом месте, так как в последние годы наблюдается усиление епископской власти, которое доходит до абсурда.

В современной Русской православной церкви фактически правами обладает только епископ, священники имеют исключительно обязанности, а у мирян вообще ничего нет – ни прав, ни обязанностей, помимо обязанности материально содержать храм, то есть покупать свечки и оплачивать требы. Анализ современного устава Русской православной церкви подтверждает это без труда. Так, в разделе, посвященном приходу, говорится о том, что «на обязанности прихожан лежит забота о материальном содержании причта и храма». Но при этом все имущество прихода является неотчуждаемой собственностью епархии, то есть епархиального архиерея, который вправе в любой момент изменить состав приходского собрания и даже распустить приход, имущество которого при этом автоматически переходит епархии. То есть получается, что миряне должны содержать приходы, обеспечивать материальное благополучие епархии, но при этом ни епархия, ни епархиальный епископ им совершенно неподотчетны.

Такое положение грозит опасностью реализации протестантского сценария, который в России может принять и ультраконсервативные черты, так как сложившиеся порядки просто провоцируют мирян на бунт. Негативные по отношению к епископату настроения в последнее время, к сожалению, только усиливаются. Процесс вокруг епископа Диомида был лишь первым тревожным сигналом.

Проблема, видимо, в огромной инерционности бюрократии Русской православной церкви, которая все еще никак не выйдет из симфонического периода. Не всякое византийское наследие является полезным само по себе. Теория симфонии работает только в условиях монархии, так как само слово «симфония» означает созвучие. Цели Церкви и православной империи были созвучны – сохранение истинной веры внутри государства и ее распространение за его пределами. Какое созвучие может быть между современной властью и Церковью? Очевидно, что современная власть не ставит перед собой цель защищать истинную веру и способствовать ее распространению. Цель власти в идеале – рост прав и благосостояния всех граждан, на практике – отдельных граждан. Но такая цель не может быть оправдана теологически, хотя, возможно, для кого-то из церковных чиновников симфония и приносит финансовые плоды.

Но происходят изменения и в богословии. Так, на архиерейском соборе 2008 года – как раз в связи с делом епископа Диомида – было провозглашено доктринальное положение о том, что Церковь одинаково относится ко всем политическим системам. Вслед за этим на патриаршем уровне неоднократно говорилось о симфонии с современной властью. Все это вкупе с тем, что ничего не делается для возрождения сословия мирян, может иметь очень опасные последствия. Критические настроения будут нарастать, станет возможным отток наиболее образованных и религиозно-заинтересованных людей в другие юрисдикции православия и даже другие религиозные деноминации. В том случае, если современная власть выстоит и сохранит стабильность, может вновь наступить «синодализация» церковной организации, но только управляться она будет не православными императорами, а либеральными чиновниками.

Возможна и просто утрата интереса к Русской православной церкви со стороны власти в случае дальнейшего падения ее общественного рейтинга. Кстати, это было бы лучшим исходом, так как в подобном случае епископы начнут-таки искать опору не в чиновниках, а в своей пастве.

Но самый худший вариант для Церкви как организации – падение нынешнего полулиберально-полупатриотично-полуколониального режима, так как тогда возможно повторение репрессий против духовенства и всего русского православия в целом из-за близости церковного руководства к сегодняшним правительственным и олигархическим кругам.

Может быть, руководство Русской православной церкви

Самый худший вариант для Церкви как организации – падение нынешнего полулиберально-полупатриотично-полуколониального режима, так как тогда возможно повторение репрессий против духовенства и всего русского православия в целом.

государство и церковь – Византия и Россия

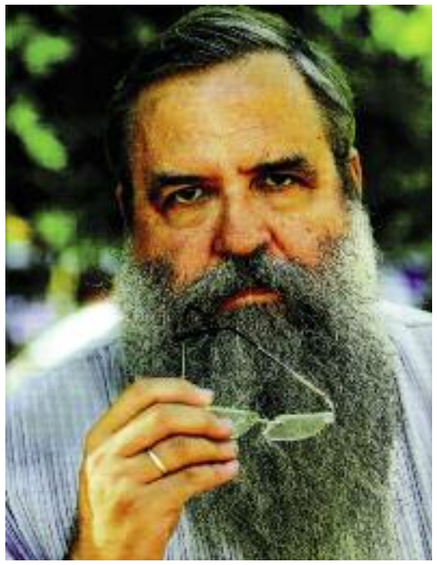
Сегодня единственный выход – это возрождение общин, обладающих правами, влиянием на внутрицерковную политику и участвующих в ней, в том числе и в выборах местного духовенства вплоть до епископа, как это было когда-то в ранней Церкви и в Византии.

всерьез полагает, что действующая власть Российской Федерации, подобно императору Константину или великому князю Владимиру, директивами свыше вернет народ в православие. Но это уж слишком наивно, так как для действующей власти это станет просто самоубийством. Преподавание «Основ православной культуры» в школах даст школьникам исключительно общие сведения, но не сделает их православными. Для этого необходимо воспитываться в православной среде. Строительство еще большего числа храмов также ни к чему не приведет, ибо возведение храма не ведет автоматически к формированию общины. Нельзя насаждать общины и монастыри сверху, они всегда вырастали снизу. Строительство храма в каждом городском квартале, о чем многие в Церкви ратуют, скорее приведет к тому, что церкви станут частью городского пейзажа наравне с аптеками, супермаркетами, кафе и ресторанами. Уже сейчас число храмов превышает число реальных общин в разы, если не на порядок. Понимает ли это руководство Русской православной церкви? Судя по тому, что на самом высшем уровне говорится о необходимости возрождения приходов и общинной жизни, – понимает. Но почему при этом все делается так, чтобы это возрождение пресечь? Видимо, епископат боится активности мирян и предпочитает симфонию с государственными структурами. Но представляется, что наиболее верным путем в сложившейся ситуации был бы отказ вообще от каких-либо симфоний. Теория симфонии, созданная в VI веке, вовсе не является догматом и работает только в монархическом обществе. Церковь жила без симфонии до монархии и может жить без симфонии

после нее, тем более что никакая симфония с властью, которая не считает себя теократической, невозможна. В сегодняшних реалиях единственный выход – это возрождение общин, причем реальных общин, обладающих правами, влиянием на внутрицерковную политику и участвующих в ней, в том числе и в выборах местного духовенства вплоть до епископа, как это было когда-то в ранней Церкви и в Византии. Епископ должен быть слугой всем, а не все должны быть рабами епископа, как это часто сейчас бывает. Такими же самоуправляющимися общинами должны быть и монастыри, которые сейчас в большей степени, выполняют функции туристических центров и кузницы кадров. Общий рецепт сильной и процветающей власти в византийской традиции всегда сочетал жесткую иерархию и субординацию с широким самоуправлением на местах.

Не стоит ожидать обращения всей России в православие, но формирование активного слоя мирян, возрождение истинного монашества создадут условия для того, чтобы восточнохристианская традиция не угасла в глобальном постхристианском море.

При этом не стоит ожидать обращения всей России в православие, но формирование активного слоя мирян, возрождение истинного монашества создадут условия для того, чтобы восточнохристианская традиция не угасла в глобальном постхристианском море. Сейчас важнее сохранение не внешних византийских форм, но внутреннего содержания византийского христианства, выраженного в опыте духовной жизни Церкви как сообщества верных Богу. Именно религиозный опыт, выражающийся в богословии, мистике, литургике и аскетической практике, является ядром византизма, все остальное – бренно.



Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат юридических наук

Церковь и Царство
или «христианская демократия»?
Еще один «византийский урок»*

В 1393 году Патриарх Константинопольский Антоний, объясняя в своем послании Великому князю Московскому Василию Дмитриевичу значение вселенской православной империи, писал: «Святой Царь занимает высокое место в Церкви; он не то, что другие поместные князья и государи. Цари в начале упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной. Цари собирали Вселенские соборы. Они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей. Наконец, Цари вместе с соборами своими постановлениями определили порядок архиерейских кафедр и установили границы митрополичьих округов и епископских епархий. За все это они имеют великую честь и занимают высокое место в Церкви. <...> На всяком месте, где только имеются христиане, имя Царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей и властителей. <...> Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга. Послушай верховного апостола Петра, говорящего в первом соборном послании: “Бога бойтесь, царя чтите” (1 Пет. 2: 17. – *В.К.*). Не сказал “царей”, чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но “Царя”, указывая на то, что один только Царь во Вселенной».

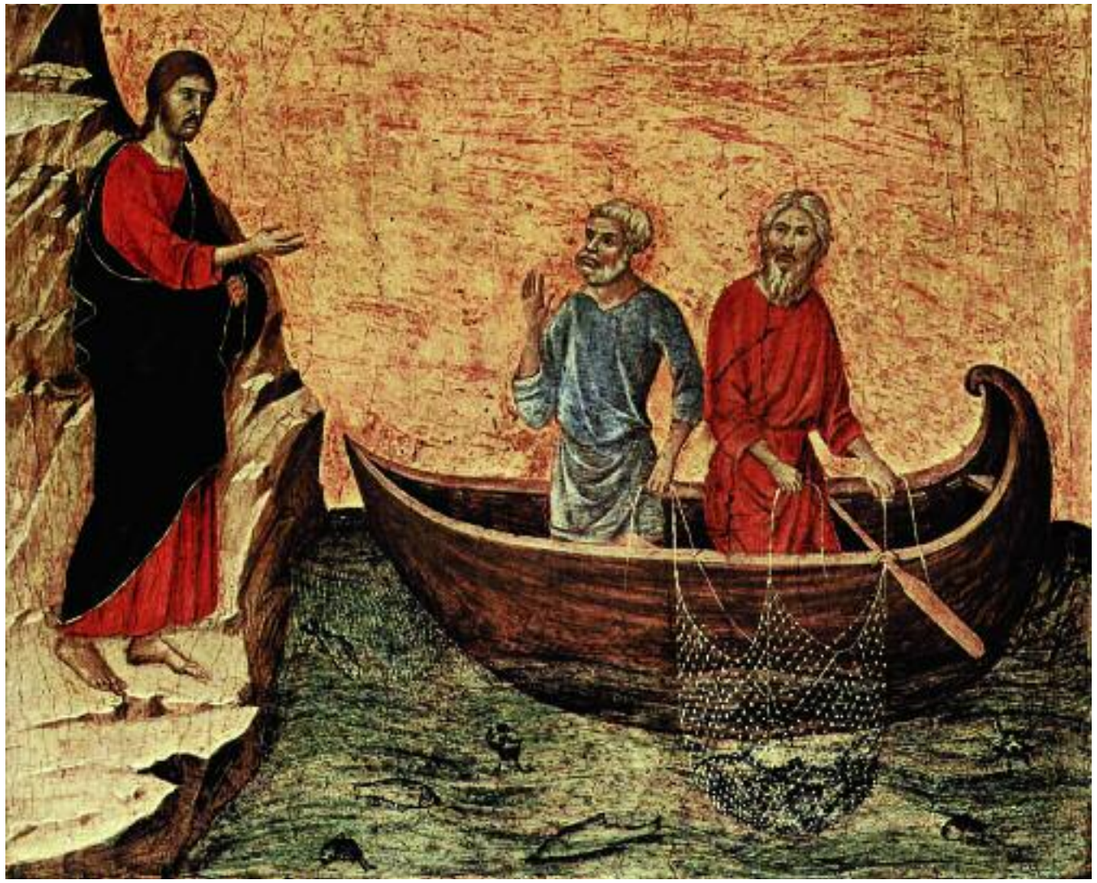
Эта ясная и чеканная формула стала квинтэссенцией того единства Церкви и Царства, которое известный церковный автор минувшего века протопресвитер Александр Шмеман, несмотря на то, что позже сам отдавал дань либерализму и обновленчеству, назвал в одной из своих ранних работ «догматическим союзом». В одноименной статье он писал: «Император причисляется к лику святых именно как Император, как богопомазанный возглавитель христианской империи. Но святость эта не того же, так сказать, порядка, что святость личная или монашеская. Святость личная, мы видели, достижима и мыслится только в уходе от мира. Но у мира остается великая религиозная задача, великая цель и подвиг – сохранить в первой чистоте “безценный бисер” истинной веры, догматическую акривию. Император и есть прежде всего символ и носитель этой православной миссии империи. Это не означает, что к нему как к человеку неприменимы нравственные требования христианства, но здесь возможны снисхождение и компромисс. В некотором смысле тот нравственный максимализм, который связан с влиянием монашества, парадоксально минимизировал нравственный уровень мира. Праведность стала как бы не от мира сего – за ней нужно уходить из мира – и Император или его наследник – русский князь – принимает на смертном одре ангельский образ, как бы свидетельствуя этим недостаточность своего мирского чина для спасения души. И потому не в нравственном совершенствовании, а в этом назначении империи – быть защитницей правой веры – и устанавливается ее теоретическая ценность, ее религиозное оправдание. Так возвращаемся мы к тому догматическому союзу, с которого начали. И недаром Свод Юстиниана, этот первый опыт законодательства христианской империи, начинается с Символа веры. Тут – основа и цель империи, тут – сердце византийской теократии».

Московское царство, затем Российская империя это

Протопресвитер Александр Шмеман:
«Не в нравственном совершенствовании, а в этом назначении империи – быть защитницей правой веры – и устанавливается ее теоретическая ценность, ее религиозное оправдание. <…> И недаром Свод Юстиниана, этот первый опыт законодательства христианской империи, начинается с Символа веры. Тут – основа и цель империи, тут – сердце византийской теократии».

Первый собор в Никее. Фреска XVIII века

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. *Ред.*



Дуччо ди Буонинсенья. Маэста. Призвание апостолов Петра и Андрея.1308–1311

Идеологи христианской демократии имеют некоторые основания выводить свои посылы из настроений раннехристианской общины с ее «духовной демократией». Однако это возможно лишь при абсолютном соблюдении каждым христианского идеала. Во всех остальных случаях собственно христианское из христианства быстро «выветривается» и оборачивается чистым либерализмом или социализмом.

«сердце» сохранили. Напомним, что Алексей Лосев неоднократно говорил о «чистом византийско-московском православии». Речь на самом деле шла об онтологически едином Царстве-Церкви. Неслучайно священноинок Филофей Псковский называл Императора Константина Великого предком великого князя Василия III: «Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды – великий Константинъ, и блаженный святый Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ, и прочии блаженнии святии, ихъ ж корень и до тебе <...>. Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся християнская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Ромеиское царство: два убо Рима падоша, а третий стоитъ, а четвертому не быти <...> да весть твоа держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя християнския веры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесной християномъ царь».

Несмотря на все перемены, такое единство Царства и Церкви оставалось официальной идеологией и в петербургский период. В Своде законов Российской империи правовые нормы, охранявшие Церковь, занимали особое место. Православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», российский Император не мог исповедовать никакой другой веры, кроме православной. Он же рассматривался как «верховный защитник» Православной церкви и «блюститель правоверия».

Автор фундаментального исследования «Священство и Царство. Россия, начало XX века – 1918 год. Исследования и материалы» Михаил Бабкин говорит прямо: «В России, как и в Византии, православные самодержцы выполняли функции по “обезпечению” религиозного спасения душ своих подданных. В управлении Православной церковью цари, повторюсь, имели более широкие полномочия, чем даже патриархи. Сосредотачивая в своих руках светскую и духовную власть, они обладали высшим сакральным авторитетом. Патриархи же играли второстепенные по сравнению с царями роли. Патриархи, как и прочие архиереи, являлись подданными царя. То есть они были слугами Бога и царя. Цари же – слугами *только* Христа, и более никого». Здесь надо иметь в виду, что глава Церкви – не епископ, не папа и не патриарх, но Сам Христос, «образ одушевлен» коего, как значительно позже писал преподобный Максим Грек, есть Царь.

Уже первый христианский Император рассматривался не только как «внешний епископ» (выражение самого Константина Великого), но и как Богом поставленный «общий епископ» (по выражению Евсевия), который при возникновении вопроса о ересях созывает Вселенские соборы. Все семь Вселенских соборов созывались Императорами, которые присутствовали на них сами или же присылали своих представителей. Для того чтобы собор был признан Вселенским, его решения должны были быть приняты единогласием епископов и подписаны Императором, а затем уже – постепенно – признаны церковным народом, миром. Не «сакральное» число семь препятствует сегодня созыву так называемого восьмого собора, о коем так пекутся церковные либералы, а отсутствие после 2 марта 1917 года императорской власти. Собор 448 года в Константинополе приветствовал Феодосия II как «первосвященника и Императора». Отцы Халкидонского собора 451 года признали в Маркиане «священника и Императора, победителя в войне и учителя веры». Даже римские епископы в первые века не отрицали за императорской властью первосвященнического характера. Так, папа Лев Великий приписывает Императору Маркиану и царское могущество, и священническое попечение. Папа Григорий II в своей переписке с Императором Львом Исавром по поводу выражения последнего, что он – Император и священник, возражал только против иконоборческих распоряжений, но не оспаривал священнической власти благочестивых предшественников этого царя. Церковь молилась об Императорах-еретиках. Собственно отличия Императора от епископа – невозможность совершать литургию и приложение Святых Даров, а также право вступать в брак.

Да, действительно, так было не всегда. Идеологи христианской демократии имеют некоторые основания выводить свои посылы из настроений раннехристианской общины с ее «духовной демократией». Однако это возможно лишь при абсолютном соблюдении каждым христианского идеала – при девстве, полном нестяжании и непрестанной молитве, то есть в честном иночестве, равно как и в постоянной готовности к мученическому венцу. Во всех остальных случаях собственно христианское из христианства быстро «выветривается» и оборачивается чистым либерализмом или социализмом.

Весьма популярно, особенно в последнее время, выведение христианско-демократических идей из Ветхого Завета. В частности, игумен Филипп (Рябых), основываясь на Книге Судей и Первой Книге Царств, пишет: «В Первой Книге Царств рассказывается о том, что в древнем Израиле богоустановленным правлением была теократия. Она существовала без институтов государственной власти. Сам Бог заботился о древнем еврейском народе. Проводником Божией воли были судьи, которые судили и организовывали народ в случае необходимости. Но слабость веры еврейского народа в заботу Бога привела к тому, что он захотел иметь видимое проявление власти в лице царя: “Мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши” (1 Цар. 8: 20). Таким образом, Библия нам сообщает, что монархия даже не была изобретением богоизбранного народа, но была заимствована им от язычников». В несколько смягченном виде эту же позицию выражает Андрей Десницкий в статье «Священство и Царство в российском общественном сознании (из истории одного архетипа)»: «Так и в самых “промонархических” отрывках Ветхого Завета Царство изображается как институт, разрешенный Богом, но установленный всецело по воле людей. Иерархия ценностей вполне понятна: идеалом общественного устройства служит теократия, но поскольку она, как всякий идеал, не может постоянно оставаться практической нормой общественного устройства, народ, чтобы избежать анархии, выбирает монархию. Характерно, что Ветхий Завет вообще нигде не содержит четких предписаний относительно форм государственного устройства, в отличие от детально оговоренных форм культа. Господь избирает конкретных людей

Школа Рафаэля. Видение креста («Сим победиши»). 1520–1524

Православная империи на самом деле пришла не из Ветхого Завета и не от еврейского народа, а от язычников и была именно воцерковлена вся целиком, в ее языческих формах, как воцерковляется после Святого Крещения весь человек, а не только какая-то часть его телесно-душевного состава.

(судей, царей, пророков) и через них управляет Своим народом, но нигде и никогда не выводит Он идеальную формулу власти для этого народа». Приведенная точка зрения имеет протестантское происхождение, и ее критиковал еще Лев Тихомиров в «Монархической государственности»: «В протестантстве очень распространена мысль, будто бы в Библии царская власть не одобряется и составляет, по выражению Библии, "грех перед Господом". У историка, вообще точного и безпристрастного, как Шлоссер, прямо говорится, будто бы учреждение Царства "резко противоречило законодательству Моисея, по которому главою государства признавался один только Бог. Трудно понять, как повторяют подобные вещи люди, читавшие Библию". Но можно пойти дальше и задать еще один вопрос: как повторяют подобные вещи люди, читавшие *всю* Библию? История Ветхого Завета и богоизбранного народа *абсолютно завершена* рождением Господа Исуса Христа и может быть рассмотрена только через Него и *никак* не определяет православную историософию, разве что прообразовательно или вообще "анагогически", как говорили отцы-каппадокийцы, через "обрезание Писаний". Последним пророком был святой Иоанн Предотеча, на котором и завершился "пророческий ряд" и вообще все "лица израилтестии". Трудно понять, как вообще может быть использован Ветхий Завет в экзегезе Империи, хотя это и происходило (с разных сторон) на протяжении всей истории».

Виктор Сергеев (его неприятие православия и одновременно попытка богословского «оправдания» демократии очевидны) совершенно справедливо указывает в своей монографии «Демократия как переговорный процесс»: «Именно Ветхий Завет, и именно через тексты пророков, стал основным источником идей у радикальных протестантских сект. Интересно отметить, что в русском православии, где *роль Ветхого Завета вообще значительно скромнее* (курсив мой. – *В.К.*), чем в западных христианских Церквях, где роль высшего суда по отношению к власти заметно приглушена, а необходимость терпеть власть, в духе послания святого Павла к римлянам, рассматривается как императив, содержащаяся в Ветхом Завете идея боговдохновенного пророчества и возможность вызвать власть на суд перед Богом все же ясно проявила себя в одном из наиболее интригующих эпизодов русской истории – переписке между Иваном Грозным и князем Андреем Курбским. Курбский совершенно ясно обвиняет Грозного в отступлении от христианских законов и грозит Божьим судом, опираясь на ветхозаветные цитаты, Грозный же отвечает ему словами святого апостола Павла о божественной природе власти». Именно так. Идеи христианской демократии, действительно впервые высказанные в России князем Андреем Курбским в полемике с царем Иоанном Грозным, суть отрицание прежде всего зрелого православия со времен Вселенских соборов. Православная империи на самом деле пришла не из Ветхого Завета и не от еврейского народа, а от язычников и была именно *воцерковлена* вся целиком, в ее языческих формах, как воцерковляется после Святого Крещения *весь* человек, а не только какая-то часть его телесно-душевного состава.

Церковь учит и всегда учила о том, что императорская власть есть «держай ныне», «катехон», всегда стоящий на страже от «близ грядущего антихриста», «беззаконного». Такое толкование утвердилось со времен изъяснения святым Иоанном Златоустом Послания святого апостола Павла к Солунянам (2: 6–7) и является частью церковного предания. Это связано с тем, что именно «власть сильных римлян» не даст совершить объединения человечества вокруг Иерусалима, где антихрист должен «воссесть яко Бог». В любом случае онтология империи и Церкви есть единая онтология. Их невозможно разорвать. Отсюда происте-

кают древние, даже еще и староримского происхождения, предания о христианстве как тайном императорском культе даже и до святого Константина. Французский исследователь Жильбер Дагрон в книге «Император и священник» пишет о «легенде о тайно обратившемся Императоре», которая «протоптала себе тропинку в истории, ставшую впоследствии широкой дорогой историографии». Согласно этой легенде, «имперский Рим изначально был внутренне христианским», а «обращение Константина – это не что-то начинаемое с чистого листа, но лишь важный момент, когда в мире сем в своей первозданной чистоте "Августу единоначальствовавшему на земли" проявился предвечный план Божественного домостроительства». По словам Дагрона, это было «стремлением совместить христианское время с началом империи, а не с ее христианизацией». Автор приводит примеры легенд о Филиппе Арабе, Императоре и тайном христианине, об Августе, которому пифия открыла, что она потеряла свой пророческий дар с рождением таинственного Младенца, о Нероне, бывшем восторженным свидетелем победы апостола Петра над Симоном-волхвом, а затем левшем казнить Пилата за то, что тот предал Исуса иудеям, о Веспасиане и Тите, которые исполнили пророчество Ветхого Завета, разрушив Иерусалимский храм, и, наконец, о Домициане, тайно обращенном Иоанном Богословом. Сюда же можно отнести также и русское предание о Тиберии, которому святая Мария Магдалина (согласно преданию, ее свободно пропустили во дворец, поскольку она сама была царского рода) преподнесла красное пасхальное яйцо. Конечно, многое здесь относится не к «позитивной», а к «символической» истории. Но тот же уже цитировавшийся Лосев писал о тождестве «полноценного символизма» и «полноценного реализма»... Церковь-Царство – это феномен, перешедший после падения Второго Рима (по причине унии с католиками 1439 года, затеянной именно императорской властью) на Третий Рим – Русское царство, тогда Московскую Русь (именно так, а вовсе не только на град Москву). Перешедший полностью, со всей незыблемостью царского достоинства и церковных чинов. Это и было запечатлено Стоглавым собором 1551 года с участием пяти прославленных Церковью архиереев, в том числе святых Макария Московского и Гурия Казанского, созванным царем Иоанном Грозным, поставившим под его решениями свою подпись. Собор утвердил древний церковный чин как основу и скрепу Царства и будущей империи. Так называемый Большой Московский собор 1666–1667 годов был разбойничьим (его решения признаны ошибочными Поместным собором Русской православной церкви 1971 года). И не потому, что был созван царем без патриарха, а потому, что присутствовавшие на нем «восточные патриархи» являлись к тому времени безместными,

Церковь-Царство – это феномен, перешедший после падения Второго Рима (по причине унии с католиками 1439 года, затеянной именно императорской властью) на Третий Рим – Русское царство, тогда Московскую Русь (именно так, а вовсе не только на град Москву). Перешедший полностью, со всей незыблемостью царского достоинства и церковных чинов.

Сергей Милорадович. Разрыв патриарха Никона с царем Алексем Михайловичем. Конец XIX века

«Перестройка» Церкви-Царства середины XVII века, вошедшая в историю под названием «церковный раскол», нанесла первый – причем самый главный – удар по всей византийско-московской онтологии. Речь идет о прекращении поминовения царя и царствующего дома на проскомидии, что означало, по сути, уничтожение молитвенной – самой живой и реальной – скрепы Церкви, страны и народа.

а также потому, что он наложил клятвы и прещения на древнерусский богослужебный чин, использовавшийся русскими святыми от святого Владимира до святого патриарха Ермогена.

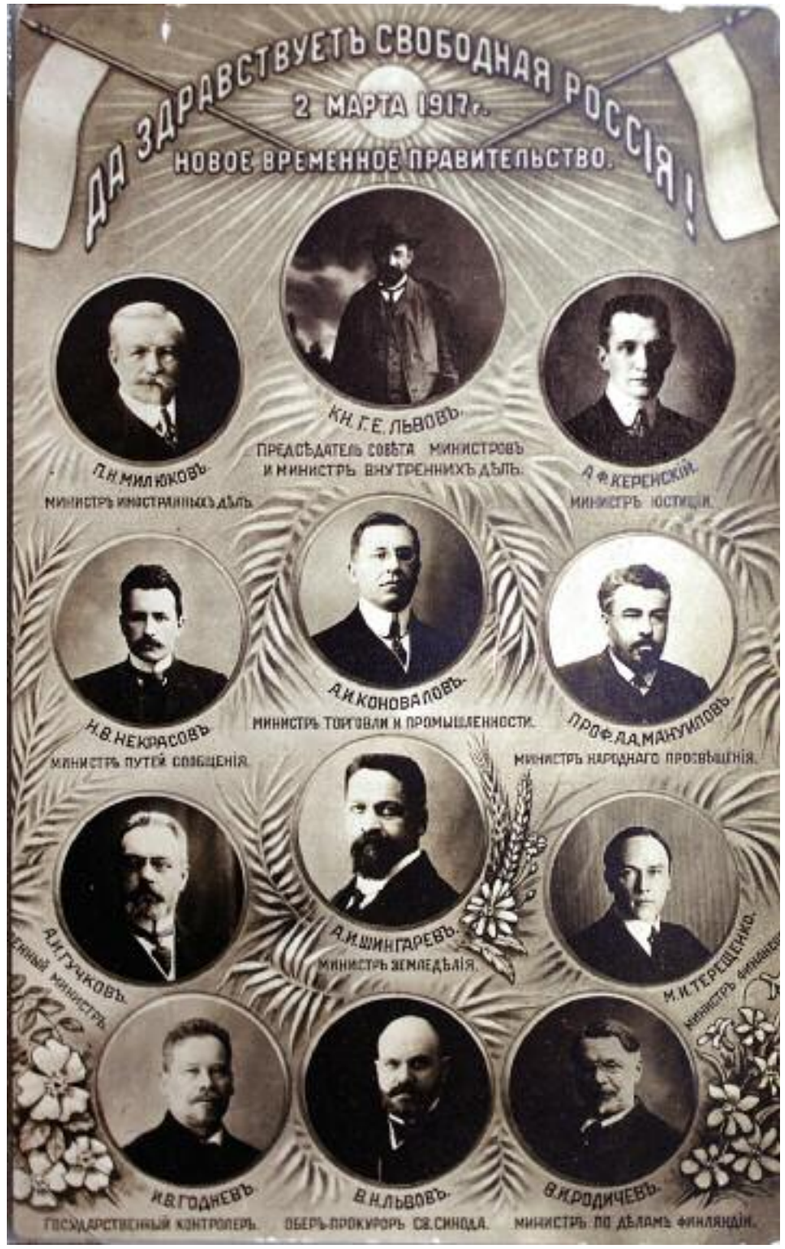
«Перестройка» Церкви-Царства середины XVII века, вошедшая в историю под названием «церковный раскол» (это неточно – вначале была именно «перестройка», и только потом раскол), нанесла первый – причем самый главный – удар по всей византийско-московской онтологии. Речь идет о прекращении поминовения царя и царствующего дома на проскомидии, что означало, по сути, уничтожение молитвенной – самой живой и реальной – скрепы Церкви, страны и народа. Тем самым, как говорит священник Роман Зеленский, мы «творим запустение на святом месте, мы еще и революционеры, так как, самочинно игнорируя, а фактически отвергая царскую власть, каждый раз свершаем мистическую революцию на дискосе, который, кстати, означает ясли, Голгофу, а затем и Гроб Господень».

Можно спорить, почему это произошло. Формальное объяснение – простое заимствование греческого чина в то время, когда греки перешли на «пятипросфорие», имея в виду исчезновение Императора в Константинополе и турецкое иго. Известно, что некоторые деятели раскола с «никоновой» стороны (Арсений Грек, Паисий Лигарид), а вслед за ними и отдельные архиереи сразу после раскола (такие, как Симеон Полоцкий или Епифаний Славинецкий) – бывшие католики, скрытые католики и даже прямые иезуиты. Можно вспомнить и о том, что «латинство» попадало на Русь и раньше, в частности, через доминиканцев «новгородского кружка», как раз после того, как на Западе папство совершило окончательную победу над империей Гогенштауфенов. Семинарские учебники XVIII–XIX веков были пронизаны католическими или протестантскими заимствованиями, в том числе очевидным преувеличением роли ветхозаветной истории. Многие революционеры – выходцы из поповичей, правда, утратившие веру. Неслучайно еще славянофил Иван Аксаков называл революционные идеи «христианством без Бога».

Тем не менее Церковь продолжала поминовение Императора и царского дома на ектеньях и Великом Входе. Террориста Сергея Нечаева спросили: в случае победы революции в России сколько Романовых надо будет убить? Он ответил: «Всю Великую ектенью». Ленин находил эти слова своего предшественника, которого глубоко почитал, «гениальными».

Историк Бабкин в уже упоминавшейся монографии, основываясь на архивных исследованиях, показывает, что еще до революции 1905–1907 годов священноначалие начало менять литургические тексты, ограничивая поминовение царствующего дома и преувеличивая титулование архиереев. В вышедшем в 1900 году «по благословению Святейшего Правительствующего Синода» Служебнике исчезает обязанность вынимания на проскомидии частицы о здравии государя. А еще раньше, в 1898 году, Синод принял определение о том, что местный архиерей на литургии будет поминаться как «преосвященнейший» (на сугубой ектенье) и «великий господин наш преосвященный» (при Великом Входе).

В 1905 году многие архиереи публично проявляли сочувствие начавшейся революции. Старший викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Нарвский Антонин (Грановский) сразу после обнародования Манифеста 17 октября 1905 года перестал на совершаемых им богослужениях поминать царя как «самодержавнейшего», а в декабре 1905 года опубликовал в столичной газете «Слово» статью о том, что православие и самодержавие несовместимы. Это было прямым провозглашением принципов христианской демокра-



Уже к концу марта 1917 года все места богослужебных и других чинов Русской православной церкви, где ранее поминалась царская власть, были исправлены. Изменения заключались в буквальной замене поминовения Императора и лиц царствующего дома на поминовение «благоверного Временного правительства». По сути, именно действия Синода сделали революцию необратимой.

государство и церковь – Византия и Россия

Храм святых новомучеников и исповедников российских в Бутове

Если мученическая смерть царской семьи была искупительной жертвой за сам Дом Романовых и за богоотступничество – прежде всего в годы раскола XVII века, то «бутовская жертва» стала искуплением для священства и мирян Русской церкви (причем как никониан, так и старообрядцев) за беснования «христианской демократии» и «церковного Февраля».

тии. Архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский) (будущий патриарх) после казни 6 марта 1906 года руководителя севастопольского восстания лейтенанта Петра Шмидта совершил панихиду по нему в Санкт-Петербургской духовной академии с участием слушателей. Такую же панихиду третий викарий Санкт-Петербургской епархии ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Ямбургский Сергий (Тихомиров) отслужил на Путиловском заводе.

Все это присходило при прямой поддержке митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского).

Как указывает вполне сочувствующий христианско-демократическим идеям эмигрантский церковный историк Дмитрий Поспеловский, в последние годы существования самодержавной России «почти все архиереи требовали реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости». Многие из них ратовали за «восстановление патриаршества путем созыва собора и установления впредь периодичности соборов». Исследователь приводит следующий факт: 32 петербургских священника создали Союз церковного обновления и утверждали, что «Церковь не должна связываться ни с какой формой государства». Подобная связь, по их мнению, «кощунственна для Церкви» и имеет своим продолжением «связь с полицейским участком». То есть обновленцы еще даже до Февральской революции отрицали богопомазанность монархии.

Твердым монархистом (в основном из-за его позиции уже в 1920–1930-е годы) обычно принято считать будущего кандидата в патриархи и главу Зарубежной церкви митрополита Антония (Храповицкого). Однако священник Павел Флоренский в своей книге «Философия культа», завершенной в 1918 году, писал: «В церковных кругах, считающих себя правилами благочестия и столпами канонической корректности, с некоторых пор стараниями главным образом архиепископа Антония (Храповицкого) стала культивироваться мысль о безусловной необходимости неограниченной церковной власти и склонность к светской власти так или иначе коллективной, например, ограниченной коллективно выработанной конституцией или решениями того или другого представительного органа».

Поэтому естественно, что в феврале–марте 1917 года, по словам Бабкина, «позиция высшего духовенства свидетельствовала о том, что иерархи решили воспользоваться политической ситуацией для осуществления своего желания получить освобождение от влияния Императора ("светской" власти) на церковные дела и фактически избавиться от царя как своего "харизматического конкурента"». Синод уже 6–8 марта распорядился изъять из богослужебных чинов поминовение царской власти. Если Россия была провозглашена Александром Керенским республикой только через шесть месяцев после революционных событий, то Синод это сделал через шесть дней. А уже к концу марта 1917 года все места богослужебных и других чинов Русской православной церкви, где ранее поминалась царская власть, были исправлены. Изменения заключались в буквальной замене поминовения Императора и лиц царствующего дома на поминовение «благоверного Временного правительства» (даже до и без решения предполагавшегося к созыву Учредительного собрания). По сути, именно действия Синода сделали революцию необратимой.

Историк указывает и на своеобразный кощунственный символизм в поступках отдельных представителей духовенства, ассоциировавших свержение самодержавия с пасхальными торжествами. Многие современники указывали на «пасхальную» атмосферу Февральской революции. На улицах городов нередким было приветствие: «Христос воскресе... наконец-то мы свободны». А один из московских клириков, священник Владимир Востоков, явился 4 марта 1917 года на Красную площадь для служения праздничного молебна не в темном (великопостном, положенном по церковному уставу), а в красном – пасхальном – облачении. «Многим из тех, которые в те дни участвовали во всеобщей революционной вакханалии, даже казалось, будто бы "рай опустился на землю"», – отмечает Бабкин.

Да, многие мечтали о временах первых христиан. Но было ли всеобщее девство? Был ли всеобщий добровольный отказ от имущества, от богатства да и от «личной свободы»? От самой жизни? Был ли отказ от возложенного на человека «бремени царского» действительным принятием «бремени Христова»? Не был ли вообще «конец константиновой эры», как говорили и сейчас любят говорить ревнители «Церкви без Царя» и как поспешно возвещают некоторые катехизисы, огромным обманом? Ведь никакого возврата к «первохристианству» нет, да и быть не может. Разве что в иночестве. Но в иночестве он был и есть всегда.

Собор 1917–1918 годов, созванный без участия Императора, то есть в противоречии с никем и никогда не отмененными (и не могущими быть отмененными) канонами Церкви и традициями, целиком проходил под знаком «христианской республики». Все поступавшие к нему предложения о необходимости пересмотреть позицию в отношении свержения монархии пресекались. Был полностью изменен 11-й анафематизм чина недели православия: вместо анафемы «дерзающим на бунт и измену» против царя – анафема на возводивших хулу на Православную церковь, на посягающих на ее собственность и жизнь духовенства.

Одним из идеологов «христианской демократии» стал духовный сын митрополита Антония епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), впоследствии перешедший к старообрядцам белокриницкого согласия. Одну из глав своих воспоминаний он так и назвал: «Моя защита республики». Он, в частности, писал: «Это было в Томске в течение первых двух недель ноября месяца 1918 года. В Томске происходило сибирское соборное совещание, когда Урал и Сибирь оказались отрезанными от Москвы чешским фронтом. <...> Дело в том, что огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты, *возводившие монархизм в догмат* (здесь и далее курсив мой. – *В.К.*) и нисколько не желавшие считаться даже с самыми очевидными фактами. Соответственно с этим главным *догматом о необходимости и неизбежности восстановления царской власти* и начались работы этого томского собрания. Я стал решительно и твердо протестовать против такого оборота дела. <...> Что же я говорил своим монархистам? Что я мог сказать им на основании Священного Писания? Я говорил, что в Священном Писании есть целая отдельная Книга Судий, описывающая идеальную республику. А когда древние иудеи вместо этих благочестивых судей пожелали иметь своего царя, то это вызвало гнев Божий».

Гнев Божий?

Автору этих строк в последнее время довелось несколько раз побывать на Бутовском полигоне. Среди чуть выходящих наружу по образу дивеевской канавки насыпей могильных рвов, среди огромных старых дубов, высящихся в окрестной роще, не покидала – и до сих пор не покидает – мысль. Если мученическая смерть царской семьи была искупительной жертвой за сам Дом Романовых и за богоотступничество – прежде всего в годы раскола XVII века, то «бутовская жертва» стала искуплением для священства и мирян Русской церкви (причем как никониан, так и старообрядцев) за беснования «христианской демократии» и «церковного Февраля».

Александр Павлович Люсый –
старший научный сотрудник Российского института культурологии и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

Византийский нарратив

Империя, согласно Майклу Хардту и Антонио Негри, является не только всеобъемлющим пространственным порядком, направленным в идее к устранению каких-либо границ, но и определенной формой организации времени как остановки истории и фиксации памяти. Историческая точка зрения империи такова, что установленное ею положение вещей изымается из истории, являясь не преходящим моментом, а способом управления вне каких-либо пространственно-временных, социальных и природных рамок, в конечном счете представляя собой совершенную форму социобиовласти. Византизм же – это скорее слепое пятно такой точки зрения.

Империокритицизм: память жанра

Создатели США как «оплота демократии» были воодушевлены моделью древней Римской империи – с открытыми и расширяющимися границами и распределением власти по сетевому принципу, в настоящий момент выходящему на первый план. В сущности, как ситуационная сетевая империя может быть представлена конфигурация чемпионата Европы по футболу 2012 года, в которой живет память об имперско-договорном периоде существования Речи Посполитой (Польша–Украина). Тогда как спортивно-сырьевой империализм новой России реализуется в проведении чемпионата мира 2018 года самодержавно, в то же время имея шанс впервые провести состязания сразу и в Европе, и в Азии, что создает конкретное внутренне диалогическое евразийское напряжение. Не знаю, как организаторы распорядятся его энергетикой, пока что исчерпанность жанра наглядно проявилась в куда более болезненно воспринимаемом отношении российской сборной, одной из самых затратных неоимперских структур, к своим собственным болельщикам, чем «грюнвальдские» битвы российских и польских футбольных фанатов. Впрочем, прототипом Европейского союза как объединения равноправных, суверенных и самоуправляющихся субъектов является отнюдь не централизованная Римская империя или империя Карла Великого, тем более Византия, а скорее Ганза и другие средневековые городские союзы, которые существовали и на севере России. Ощущение жанра с его актуальной или находящейся в состоянии анабиоза памятью – существенный компонент культуры. Великий нарратив способен дать оправдание знанию прошлого, позволяя историческим частностям найти их место в более широком поле истории, и это может также служить поддержкой господствующих нарративов, свойственных отдельным этническим, национальным, религиозным и другим группам. Оборотная сторона великих нарративов – «дисциплинарный империализм», о котором пишут Рэндалл Коллингз и Николай Розов. Ориентализм сменился постколониализмом – в сущности, той же самой формой методологического колониализма, сопровождающегося принуждением к постколониализму.

Разбирая роль европейской беллетристики XVIII–XX веков в распространении ориенталистских стереотипов, один из знаковых интеллектуалов современности Эдвард Саид из русских классиков вскользь упомянул лишь Льва Толстого, вообще не коснувшись ни Пушкина, ни Лермонтова – при всем значении для их творчества восточной экзотики. Саид предупреждал, что русский ориентализм требует дальнейшего изучения, оговаривая его отличие от «классических» европейских образцов.

Культура жанрового мышления предусматривает игру в той или иной степени «имперских» жанров. Пушкин, по известному определению Георгия Федотова, был «певцом империи и свободы». Аналогичным образом его предшественник – Николай Карамзин – сначала написал (с точки зрения «свободы») статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», среди главных героев которой – князь-рыцарь Святослав, а затем самодержавно-имперскую «Историю государства Российского».

ПСЫ ВОЙНЫ
«Берегись, приятель! Было б как-то неудобно, если бы ты их приспустил». На ошейниках собак: Герцеговина, Сербия, Черногория, Босния.
Журнал «Панч». 1876

Пушкин интуитивно постиг глубинные процессы, назревавшие в обеих империях – и Российской, и Османской – и развернувшиеся в следующем веке именно в отмеченных им формах (Стамбул «раздавят», но «не таков Арзрум»), то есть падение Османской империи исторически неизбежно, как и исходящее из глубины страны возрождение новой Турции (неважно, что ее столицей стал не Эрзерум, а Анкара).

Последний султан Османской империи Мехмет VI Вахидеддин

У Византии не нашлось своего запасного «Арзрума», так как, строго говоря, Византия сыграла свою роль «Арзрума» для Римской империи, выработала ее до конца и уступила Оманской империи, именно с распадом которой распад СССР соотносим в большей мере, чем с летальным исходом Византии.

Эдвард Саид в «Ориентализме» отмечал, с одной стороны, усиленное финансовое стимулирование ориенталистских исследований, с другой – отсутствие у последних самокритики. То же самое теперь порой наблюдается у нынешнего посториентализма. Саида попробовала «пересаидить» Ева Томпсон в книге «Трубадуры империи: российская литература и колониализм». Саидизм от Томпсон – пример редукционистской методологической агрессии против самой ядерной жанровой структуры с ярко выраженным «саидизмом» по отношению к фактам, что обесценивает ряд верных замечаний. Так, откровенно «колониальному» Пушкину, следовавшему байроновской модели описания «экзотических» народов, противопоставляются не современные ему европейские авторы, а прежде всего более ироничный, но при этом куда более поздний литературный «колонизатор» Джозеф Конрад. Конрад, конечно, писатель интересный, но для литературной самокритики здесь более важен все же Велимир Хлебников, писавший об историческом долге русской литературы перед многими народами, который по мере сил отдается современными писателями (Алексеем Ивановым, Вадимом Штепой и другими).

«Пушкин, – пишет Томпсон, – цитирует турецкую поэму, которая сравнивает набожный (и поэтому, вероятно, непобедимый) Арзрум со Стамбулом, который обречен на падение, потому что не придерживается предостережений Корана. Автор этой поэмы ошибся: Арзрум пал перед россиянами». Получается, Томпсон попадается в расставленные Пушкиным «колониальные» сети литературной мистификации. Давно установлено, что янычар Амин-Оглу, сатирическую поэму которого якобы цитирует Пушкин в «Путешествии в Арзрум в 1829 году», – лицо вымышленное, элемент литературной игры (это не перевод, а оригинальные стихи).

Однако даже если принять всерьез посыл «перевода», вряд ли стоит этот опыт проникновения вглубь «восточного» мышления трактовать как примитивное торжество победителя. Во включенном Пушкиным в «Путешествие в Арзрум» отрывке «Стамбул гяуры нынче славят» содержится не столько усмотренное Томпсон мелковатое уличение своего персонажа в ошибочности, сколько поэтическая солидарность с ним поверх сиюминутных событий. Описание Стамбула во многом напоминает описание Петербурга из «Евгения Онегина» – столицы, живущей по образцу Парижа. Арзрум, не спящий в «роскоши позорной» и не черпающий «чашей непокорной в вине разврат, огонь и шум», вполне сопоставим с матушкой-Москвой, которая встречает путешественников своими белокаменными храмами и колокольнями: «Но вот уж близко. Перед ними уж белокаменной Москвы, как жар, крестами золотыми горят старинные главы». Если в Арзруме до сих пор «строги законы», то лейтмотивом в изображении Москвы становится традиционность и семейственность.

При этом Пушкин интуитивно постиг глубинные процессы, назревавшие в обеих империях – и Российской, и Османской – и развернувшиеся в следующем веке именно в отмеченных им формах (Стамбул «раздавят», но «не таков Арзрум»), то есть падение Османской империи исторически неизбежно, как и исходящее из глубины страны возрождение новой Турции (неважно, что ее столицей стал не Эрзерум, а Анкара). Эта формула не потеряла актуальности для понимания современных событий в исламском мире. В конечном счете, это всеобщая формула имперской судьбы. В том числе, и судьбы Византии, у которой не нашлось своего запасного «Арзрума», так как, строго говоря, Византия сыграла свою роль «Арзрума» для Римской империи, выработала ее до конца и уступила Оманской империи, именно с распадом которой распад СССР соотносим в большей мере, чем с летальным исходом Византии.

Место укуса

Наш доморощенный ориентализм – нынешняя версия

Мустафа Кемаль Ататюрк

Турки оказались в роли санитаров исторического биоценоза, и лес категорий пророс лесом мечетей. Неожиданный смысл приобретает неоднократно отмеченное позднейшее внешнее сходство Ататюрка с волком (но не лесным, а степным). О биоисторической органичности перетекания Византийской империи в Османскую свидетельствует не только архитектура, но и характер имперского устройства.

византизма. Не могу претендовать на оригинальность общих впечатлений от храма Софии в нынешнем Стамбуле. На ее месте, как нередко бывает с христианскими святынями, в языческие времена тоже было капище – по всей вероятности, храм Артемиды. Что же касается Софии, то сохранившаяся до наших дней Церковь Божественной Мудрости – третья по счету. Первую заложил около 330 года сам основатель новой столицы Константин Великий (от нее не осталось ни одного бесспорного фрагмента). Она была освящена в 360 году, но через 44 года сгорела.

Преподобный Максим Грек

Василий Розанов:

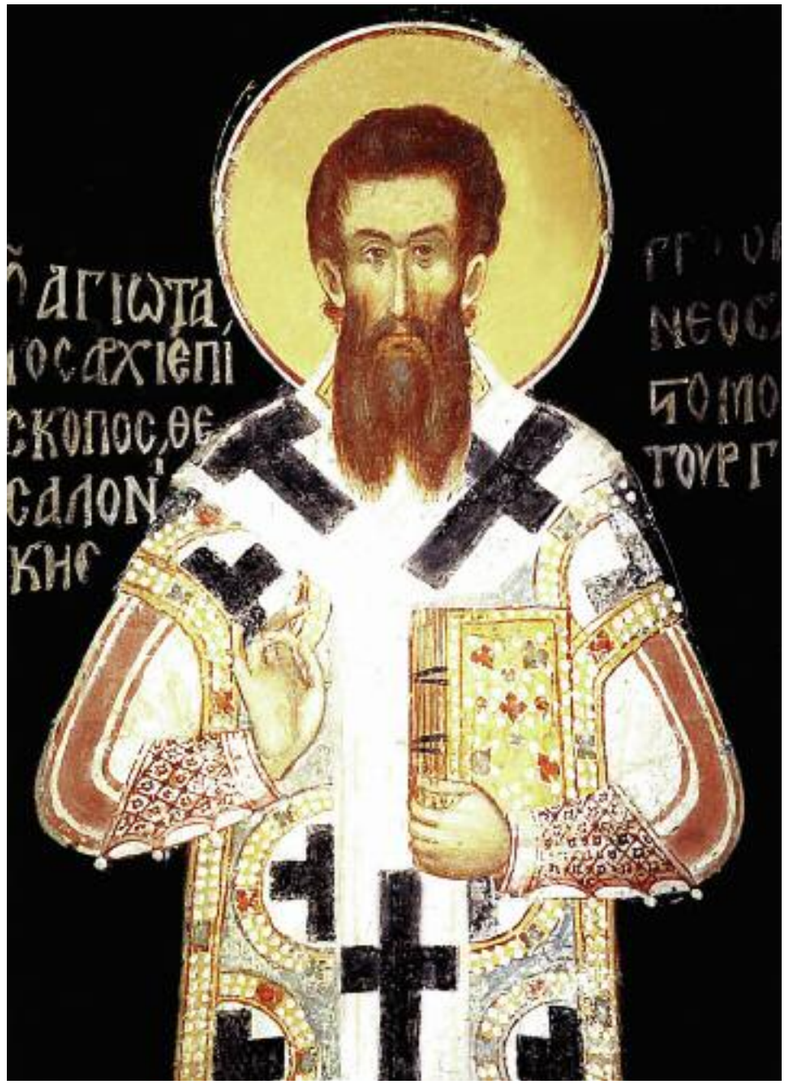
«Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия у постели умирающего очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему».

В 415 году Феодосий II построил на этом же месте новый храм. Но и тот был разрушен в 532 году во время восстания «Ника». Жестоко подавив это восстание, за дело взялся тот, при котором Византия находилась на пике своего могущества, – Юстиниан, не жалевший никаких средств на постройку. София стала в разных смыслах храмом-собирателем. Для строительства были привезены остатки многих монументальных сооружений древности Греции и Рима. Из храма Артемиды в Эфесе (того, который некогда был подожжен Геростратом) привезли колонны. Мраморные плиты доставили из древних каменоломен Фессалии, Лаконии, Карии, Нумидии и со знаменитой горы Пентеликон близ Афин, из мрамора которой за десять веков до Айя-Софии был построен на Акрополе Парфенон – храм Девы-Афины. Центральные – императорские – двери, по преданию, сделаны из остатков Ноева ковчега. Юстиниан в тщеславном порыве решил было вымостить пол плитами кованого золота. И даже все стены внутри храма намеревался покрыть золотом же, но его все же отговорили от этого. Известь для храма разводили на ячменной воде, в цемент добавляли масло, а для верхней доски патриаршего престола был создан материал, которого до того не существовало: в расплавленное золото бросали драгоценные камни – рубины, сапфиры, аметисты, жемчуга, топазы, ониксы. Полностью секреты строительного раствора разгадать не удалось, но налицо вещественное выражение исторического ритма – сначала византийская плоть впитывает золото и драгоценности, потом их оттуда варварски выковыривают завоеватели.

Работа, начатая 23 февраля 532 года, продолжалась 5 лет и 10 месяцев. «Я превзошел тебя, Соломон!» – воскликнул Юстиниан по окончании работ (кстати, он называл свою столицу Новым Иерусалимом, а не Римом). 916 лет София была главной церковью православного мира. В 1453 году взявший Константинополь султан Мехмед II Завоеватель повелел превратить собор в мечеть, каковой Айя-София была 481 год. В 1934 году по указу вождя новой светской Турции Кемаля Ататюрка Айя-София была секуляризована и превращена в музей. Началась не лишенная идеологических коллизий реставрация. Для того чтобы обнаружить и восстановить испорченную или закрашенную христианскую мозаику и иконы, реставраторы шли и на разрушение некоторых исторически важных элементов исламского искусства, в целом пытаясь сохранить баланс между обеими мировыми культурами.

Несколько приземленная покладистость храма снаружи, вполне органично впитавшая в свой облик и позже пристроенные четыре минарета, резко контрастирует с ощущением нигде не виданного простора внутри храма. Этот простор поглощает даже куда менее органичные, чем минареты, висящие на углах чуть ниже купола восемь щитов из ослиной кожи с изречениями из Корана и именами первых халифов. Ататюрк приказал убрать отсюда эти щиты, но сразу после его смерти в 1938 году они были возвращены на место. В 2006 году в храме было возобновлено и проведение мусульманских религиозных обрядов. Но храм остается прежде всего музеем.

Аналогичный упрек (насчет искажения исконного вида) можно сделать и по поводу упирающихся в купол реставрационных лесов (которые сами по себе представляют современное инженерное чудо). Невольно возникает обратное сравнение – не стали ли минареты своеобразными лесами-подпорками веры (чтоб и христианство фаллически-реанимационно взбодрить)? В целом же именно константинопольская София, при всех ее «переделках», сформировала облик Стамбула. Между прочим, это тоже вполне греческое название, только с турецким акцентом. Топоним Стамбул (Istanbul) произошел от искаженного греческого выражения *eis ten polin* – «в город».



Святитель Григорий Палама

Второй и Третий Римы стали степенями отрицания Первого… И воспринятый при этом христианский дух оказался опосредованным, утяжеленным множеством обременений, которыми византийское православие за несколько столетий успело уснастить христианскую веру и которые стали не приближать человека к Христу, а, напротив, удерживать на некоторой дистанции.

Застраивая город мечетями, турки учились архитектуре прежде всего у прежних хозяев города – византийцев. У множества совершенно византийских на вид храмов XVI, XVII и даже XVIII веков, «украшенных» минаретами, прототип один и тот же – софиеобразный. Прав, пожалуй, политолог Сергей Черняховский: «Мусульманский Стамбул в каком-то смысле куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой

гуманитариум

совершенно иного мира». Фактическое падение Византийской империи произошло еще в 1204 году, когда Константинополь с подачи Венеции был взят крестоносцами, почти шестьдесят лет (а не несколько дней, как турки) непрерывно грабившими город в рамках так называемой Латинской империи. Восстановленная же в 1261 году Византия Палеологов была уже явной пародией. Турки оказались в роли санитаров исторического биоценоза, и лес категорий пророс лесом мечетей.

Владимир Соловьев:

«В лице Петра Великого Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи – самодовольный квиетизм. Вместе с тем Петр Великий был совершенно чужд навуходоносоровского идеала власти для власти. Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а для России – необходимым условием ее поворота на путь истинного прогресса».

Неожиданный смысл приобретает неоднократно отмеченное позднейшее внешнее сходство Ататюрка с волком (но не лесным, а степным). О биоисторической органичности перетекания Византийской империи в Османскую свидетельствует не только архитектура, но и характер имперского устройства, жестокие нравы монаршествовавших в обеих империях династий. Вплоть, кстати, до института евнухов, какие бы осовремененные византийско-российские метафоры ни проповедовал в своем поп-кино – нашумевшем телефильме «Гибель империи. Византийский урок» – архимандрит Тихон (Шевкунов). При этом турки, конечно, значительно упростили имевшую множество внутренних перегородок структуру общества. Согласно закону Юстиниана, адресованному префекту претория Демосфену, раб-ремесленник стоил 30 номисм, в то время как необученный раб – 20 номисм. Раб-евнух, владеющий каким-либо ремеслом, ценился в 70 номисм.

Что первым делом сделал Мехмед II, когда в 1453 году утихли страсти штурма? Приказал выбросить из могилы на съедение собакам прах 96-летнего венецианского дожа Энрико Дондоло, стараниями которого собравшиеся было опять освобождать Святую землю от неверных в рамках Четвертого Крестового похода крестоносцы и оказались у стен Константинополя. А потом, когда с пола Софии была смыта кровь попытавшихся спастись здесь осажденных, султан распорядился внести в храм деревья в кадках и развесить по вервям золотые клетки с птицами, дабы производимое здесь на завоевателей впечатление рая стало абсолютным. И неправда, что его конь поскользнулся на еще залитом кровью полу, и всаднику, чтобы не упасть, пришлось опереться о стену у алтаря ладонью, отпечаток которой и сейчас показывают докучливые гиды. На самом деле Мехмед вошел в Софию спешившись и даже посыпав свой тюрбан пылью в знак смирения и примирения – даже не дождавшись, когда с пола будет смыта кровь. Акт о взятии города Мехмед приказал составить по-гречески, на ионийском диалекте – языке Фукидида.

Однако вернемся к не столь назидательным истокам русского «Текста Софии» (или, может быть, текста о невозможности такого текста) – туда же, где находятся и истоки русского текста как такового, – к «Повести временных лет»: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми и служба там лучше, чем в других странах». Лучше не скажешь и сейчас о силе эстетического воздействия внутреннего пространства Софии. Именно здесь случился с нами первый эстетический укус в орган веры. Вероятно, стоит под этим углом перечитать и пушкинскую «Песню о вещем Олеге». А вот древние жители Крита, говорят, были устроены так, что когда их кусала змея, то она же и умирала...

Диагноз нашему укусу поставил Василий Розанов: «Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия у постели умирающего очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему». А суть этой клятвы заключалась прежде всего в том, чтобы хранить в сердце чувство смертельной ненависти к западным племенам, более счастливым по своей исторической судьбе. Так, Второй и Третий Римы стали степенями отрицания Первого... И воспринятый при этом христианский дух оказался опосредованным, утяжеленным множеством обременений, которыми византийское православие за несколько столетий успело уснастить христианскую веру и которые стали не приближать человека к Христу, а, напротив, удерживать на некоторой дистанции. Для Владимира Соловьева византизм стал синонимом неспособности и нежелания выполнять главные жизненные требования христианской веры. Христианская идея оказалась для византийцев не движущим началом жизни, а лишь предметом умственного признания и обрядового почитания. Среди «общественных грехов» византизма – равнодушие государства к неформальной религиозно-гражданской, религиозно-нравственной жизни людей и к задачам ее развития.

В деле государственного и религиозного строительства, по Соловьеву, России у Византии, в сущности, учиться нечему: «Россия с самого начала своей исторической жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским. Первый христианский князь киевский, который, бывши язычником, неограниченно отдавался своим естественным склонностям, крестившись, сразу понял ту простую истину, которой никогда не понимали ни византийские императоры, начиная с Константина Великого, ни епископы греческие, между прочим, и те, что были присланы в Киев для наставления новых христиан. Он понял, что истинная вера обязывает – именно обязывает – переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры. Он понял это и в применении к такому случаю, который был неясен не для одних византийцев; он нашел несогласным с духом Христовым казнить смертью даже явных разбойников. Новокрещенный Владимир понял, что отнимать жизнь у людей обезоруженных и, следовательно, безвредных – в отмщение за их прежние злодеяния – противно христианской справедливости. Замечательно, что в таком отношении к этому вопросу он руководился не одним только естественным чувством жалости, а прямо своим сознанием истинных христианских требований».

Худший пример византиста – патриарх Никон. А вот как расценивает Владимир Соловьев скорее антивизантийскую направленность противоречивых, конечно, реформ Петра I: «Россия в XVII веке избегла участи Византии: она сознала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого. Если Бог хотел спасти Россию и мог это сделать только чрез свободную деятельность человека, то Петр Великий был, несомненно, таким человеком. При всех своих частных пороках и дикостях, он был историческим сотрудником Божиим, лицом истинно провиденциальным, или теократическим. Истинное значение человека определяется не его отдельными качествами и поступками, а преобладающим интересом его жизни. И едва ли во всемирной истории есть другой пример такого, как у Петра Великого, всецелого, решительного и неуклонного преобладания одного нравственного интереса общего блага. От ранних лет понявши, чего недостает России, чтобы стать на путь действительного совершенствования, он до последнего дня жизни заботился только о том, чтобы создать для нас эти необходимые условия. В лице Петра Великого Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи – самодовольный квиетизм. Вместе с тем Петр Великий был совершенно чужд навуходоносоровского идеала власти для власти. Его власть была для него обязанностью непрерывного труда на пользу общую, а для России – необходимым условием ее поворота на путь истинного прогресса. Без неограниченной власти Петра Великого преобразование нашего Отечества и его приобщение к европейской культуре не могло бы совершиться, и он сам смотрел на свое самодержавие как на орудие этого провиденциального дела». Но, в конечном счете, и Петр «принял смерть от коня своего»...

Проект обестуреченной Византии

Отталкиваясь от исторического исследования британского историка Дмитрия Оболенского «Византийское содружество наций», советник министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики Рубен Заргарян в многократно перепечатанной статье «Для силы России необходим византизм» пытается убедить читателей, что возрождение нового византийского союза... без Турции (!) очень соответствует национальным интересам всех прочих народов, населяющих Восточное Средиземноморье. «Формирование единой воли восточносредиземноморских народов для противостояния турецкой экспансии объективно будет влиять на переориентацию Турции к проведению ответственной цивилизованной политики, что в будущем может способствовать ее интеграции в Восточносредиземноморское сообщество». Получается какой-то вывернутый аналог-антипод пресловутой ельцинской «суверенизации» России – идеи, которая поначалу просто ошарашила союзные элиты.

История Византии, конечно, поучительна, эстетика бесподобна, но современные маниловские византийские фантазии так и норовят то зрения лишить, то еще какого-либо мыслительного органа. Это нарратив истории болезни.

Наталия Александровна Ганина – доктор филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, автор книг «Готская языческая лексика», «Немецкие средневековые рукописи и фрагменты из “Коллекции документов Густава Шмидта” в собрании Научной библиотеки Московского университета» (в соавторстве), «Крымско-готский язык», коллективных монографий и научных статей, а также сборника стихов «Родное пепелище»

Крымская Византия
Путевые впечатления

Ливадия

Некогда это место звалось
Панас-Чаир – «Священный луг».

С экскурсией... на три вздоха... пусть так.

Первый этаж дворца – под железной пятой Ялтинской конференции. Лишь вензель Государя, трижды врезанный в верх мраморного камина биллиардной, пресекает – отсекает.

Покои второго этажа, где *не было* Ялтинской конференции. Уцелели сами пространства и часть отделки (камин, деревянные панели) – да еще беккеровский рояль Государыни. Ее руки касались этих клавиш – но рояль грубо, посанаторски перекрашен (был черный, сейчас белый – или, точнее, бледный), и люди вплотную обступают его, кажется, даже облокачиваются. – Обломки, осколки...

И вдруг по всем верхним покоям – глубокий глухой звон часов. Этого голоса здесь никто не ждал. Бой часов всегда торжествен и внезапен – сама торжественность и внезапность – но здесь... Негромкий, но властный – все останавливающий и восстанавливающий. «Глагол времен» – да, но в таком безвременье...
Холод, холод – не те вещи, не тот воздух, шарканье музейных тапочек, фотографии во льду, иконы с лампадкой в одном из углов – Феодоровская литографией, остальные на дереве – над Библией за какой-то стеклянной выгородкой... и странный, невероятный этот звук *оттуда* – единственный уцелевший.

...нет, с боем часов никто не явился, и покои не преобразились – но все на миг расступилось, отслоилось...

Колодец в уголке двора: стена, розы, каменный многогранник, инициал Го-

Колодец в уголке двора: стена, розы, каменный многогранник, инициал Государя – а сверху скалится каменное чудище.

Странный железный стержень с цепями и остриями над кругом колодца не украшает, а угрожает. – Указует.

Белая дверь, мозаика над входом: Святой Архангел Михаил. Поясное изображение, золотой фон.

сударя – а сверху скалится каменное чудище. Химера от Потоцких? Да, но теперь все видится иначе, и странный железный стержень с цепями и остриями над кругом колодца не украшает, а угрожает. – Указует.

Белая звонница с куполком, похожая на часовню.

Деревянный крест над всей ливадийской белизной и узорностью – крест, обозначающий воздвигаемую главку Крестовоздвиженской дворцовой церкви. – Да, так все и есть: сияющее белое, узорное черное (чугун фонарей и решеток), розы у стен и по стенам – и грубый, точно с екатеринбургской дороги, крест.

Дворцовая церковь после всего *ливадийского отсутствия* – точно верхний лазурный киево-печерский храм после всех пещер. – Небо.

Белая дверь, мозаика над входом: Святой Архангел Михаил. Поясное изображение, золотой фон. Надписание (под титлом):
А Г
Г Д
Л Н
Ъ Ь

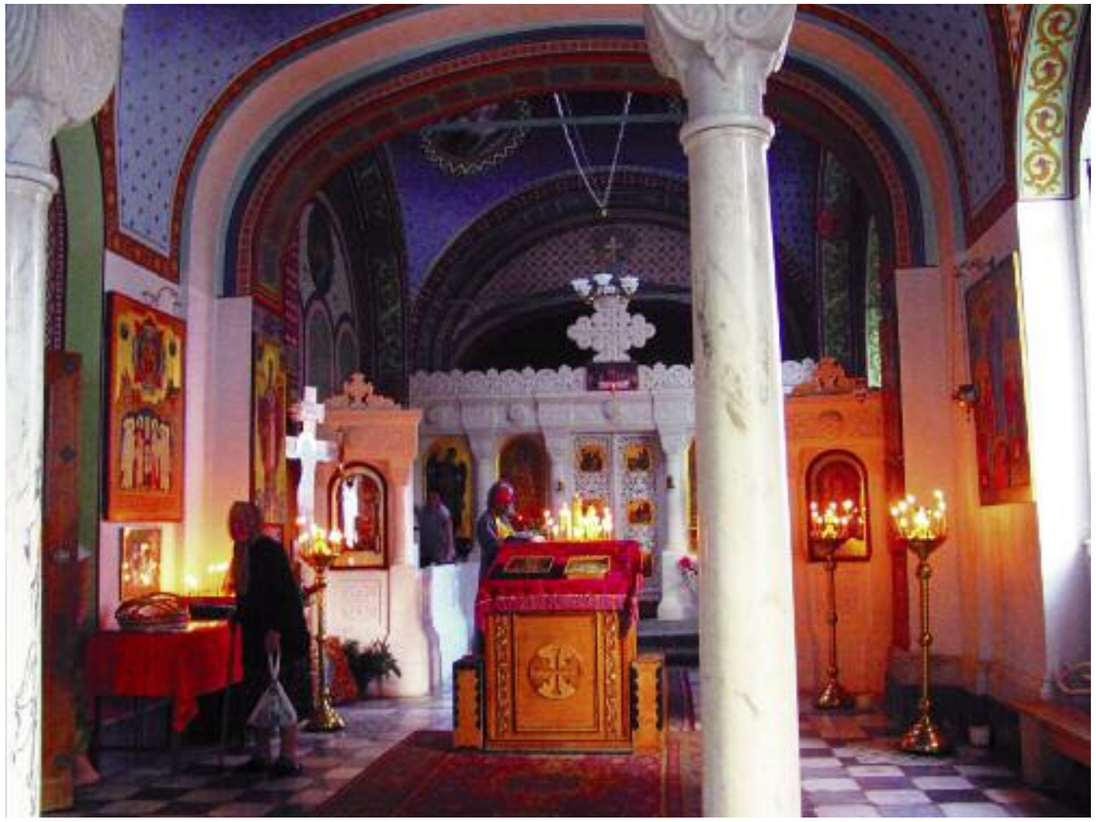
Синий, яркий, пестрозвездный свод; ряд белых коринфских – византийских – колонн поперек храма; свет из отверстия в своде (там, где снаружи крест) – указанием и обетованием.

Только через боль (ужас *колодца*, деревянный крест) – но как светит, как зовет...
Ангелы и святые на своде. Преподобный Серафим (большая икона – «картина») справа от входа. Образа на аналое: Воскресения Христова, Воздвижения Креста (храмовый) и Святого Царя-Мученика. Белые узорные Царские Врата.

Фотографии, дневники и вещи Царской Семьи «все это время» хранились именно в закрытой дворцовой церкви.

Есть во дворце фотография молодых Государя и Государыни с Их подписями: «Папа – Мама – Ц[арское] С[ело] – 1917». Это Их подарок Великой Княжне Ольге на день Ее рождения в 1917 году: фотография, запечатлевшая их в год Ее рождения.

Архитектор Краснов покрыл Ливадийский дворец «вечным» составом, совершенно сохраняющим белизну от пыли и непогоды.



Нежная тишина, свет, растворяющий – вбирающий огоньки свечей. Единственное во всей Ливадии место покоя.

В конце 90-х дворец мог рухнуть: ему угрожал оползень, который удалось остановить в 1999 году.

Снова в церкви (одинокий поход несколько дней спустя). Нежная тишина, свет, растворяющий – вбирающий огоньки свечей. Единственное во всей Ливадии место покоя.

И всегда чувство, что за Царскими Вратами решаются судьбы міра.

Образ: «Снятие пятой печати».

Парк: прохожу по ступеням под арками перголы и попадаю... в сырой заброшенный овраг с осыпями и кучами (а надобно знать, что во всех крымских парках очень чисто: любовно метут, тщательно следят). Провал. Выбираюсь, наконец: сосновая роща, красные стволы, под ногами сухая золотая хвоя, по веткам две белки играют – порхают.

В Воронцовском дворце сохранилось все (на наш взгляд; а если не все, то каким же было *все*?). В Ливадии – ничего.

Когда во дворце били часы, кто-то из очередной группы нарочитым голосом: «При-израки»... – Мальчишка. – А я вот подумала (потом; тогда просто отсекла): это с какой стороны глядеть... Это «группы» здесь призраки, а не Те.
Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда *не* забирали, *не* вывозили, так все и осталось с 1914 года.Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда *не* забирали, *не* вывозили, так все и осталось с 1914 года. И дата эта – 1914 – на одном из белых фронтонов, черным по белому, а рядом – черно-рдяный многогранный фонарь. А прочие (прочее) – Сталин, Рузвельт, Черчилль, «группы» – призраки в Их доме.

А в храме (белом и лазурном Крестовоздвиженском) – не призраки.
И все, которые идут в этот дворец как в Их дом...

12/25 мая 2002

Крымское

Утро Горного Крыма.
Горы: складчатые, гребнистые, столовые, круглые, вздыбленные. Там, где утесы сплошным окаменелым восклицательным знаком, – стройная руина: арка, часть стены. И следом, в отвесной темно-серой, хмурой скале, скальной стене – пещерный монастырь Инкерманский. Невысокий бело-золотой храм – замком и ключом ко всей скале.
Из открытого окна поезда глядим и крестимся. Минуем это, и: окно в скале! Цветное, узорное (главный рисунок – крест), высокое. Весь давний дивный Восток от Грузии до Каппадокии, от Эдессы до Палестины.

Высоты и долины: по выпуклостям и впадинам, по зелени и камню – тени облаков и просветы. Облака – низкие (нижние), светлые, клочковатые – неслись с моря.

Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда не забирали, не вывозили, так все и осталось с 1914 года.

Все в маках. Вблизи они горят нестерпимо, вдали еле тлеют: тусклые, матовые, едва красные полосы по полям и склонам.

Едва коснувшись этой земли, все становится древностью: забытый бетонный отвес – мегалитом, обломок гипса – мрамором, хибара нынешняя – хибарой незапамятной... Все затягивает, как илом, этой вне- и довременностью.

Проезжая под какой-то безвестной вершиной: Афон. – И за поворотом, на скале, высящейся у подножья гряды единым огромным камнем, – победоносно реющий храм. (Первое видение Форосской церкви).

В отвесной темно-серой, хмурой скале, скальной стене – пещерный монастырь Инкерманский. Невысокий бело-золотой храм – замком и ключом ко всей скале.

Горы – для подвига, море – для подвига. Какого? Найдется, была бы воля.

Здешние края – трагические: вздыбленная земля, жилистые деревья, изо всех сил тянущиеся травы, орлиные крылья гор. Трагедия в призрачной рамке уюта (греческого, татарско-турецкого, державно-российского).

«Южный берег Крыма»: разумеется, удобнее считать это декорацией.

Хмурые каменные вазы былого поместья.

Крым 30-х годов (не пушкинских!): отдельная страшная тема – ветка (до сердцевины черная).

...Белокурая, ясноглазая, губы сердечком, белый ворот кофточки, белая юбочка с пояском, белые носочки-туфельки, за спиной белая ваза, в правом верхнем или левом нижнем углу снимка белая витиеватая надпись: «Кореиз 1935». – Машинистка НКВД, санаторий НКВД, Южный берег НКВД...
«Они ныряют над могилами...» – о, этим еще мало сказано...
«Горька морей трава –
Ложноволосая – и пахнет долгой ложью...»
(Издевки здесь нет – одна боль.)

Крым и англичане – роковое схождение. Ядра и пули Крымской войны – сэр Уинстон Черчилль, пожелавший прихватить на память Спящего льва из Воронцовского дворца и между прочим заметивший, что кипарис-де – траурное дерево, уместное лишь на кладбище. Про льва, по легенде, игриво бросил Сталину: «А он Вам никого не напоминает?» (Иначе говоря: «Может ли лев быть небританским?») Ответа не последовало. А насчет кипарисов Сталин встревожился – и пошли по Крыму рубить деревья, порайонно-побатальонно рапортуя об успехах... дело, однако, как-то заглохло...
И: конечно же! «Прихватить на память» (под негласным, безмолвным, но вполне внятным девизом: «Тащи бесхозное!») – это же лорд Эльджин и Эллада.
«Крым и англичане» – наложение двух линий: «Россия и англичане» и «Греция и англичане». Рок в квадрате.

На обратном пути из Ливадии – вид на серебристо-серый, низкий, ушедший в зелень и землю Дюльбер: «восточные» куполки и башенки за спиной громадного санаторского корпуса. Великий Князь, строивший Дюльбер, воздвигал твердыню: где она?

Серебристо-серый – быть может, как линкор «Мальборо», увозивший отсюда Императрицу Марию Феодоровну и Великого Князя Николая Николаевича...
Навсегда покинутый Дюльбер.

Крым и англичане – роковое схождение. Ядра и пули Крымской войны – сэр Уинстон Черчилль, пожелавший прихватить на память Спящего льва из Воронцовского дворца и между прочим заметивший, что кипарис-де – траурное дерево, уместное лишь на кладбище.

Если смотреть с горы, то Дюльбер слева, а справа – темно-серый мрачный Кореиз: очередное юсуповское гнездо. Итальянское палаццо, у входа венецианские львы (говорят: мне-то туда не захотелось).
А еще говорят, что там была дача НКВД, где Дзержинский в подвале упражнялся в стрельбе. – Юсуповские подвалы... Из-за них же дачу выбрал в 45-м году Сталин: единственное бомбоубежище на весь берег. – Юсуповские подземелья...

Другое имение Юсуповых, горное, звалось Коккозы. «Кок-коз» – «Голубой глаз», и глаз этот, говорят, красовался повсюду, отовсюду глядел (фонтан, убранство дома). По мусульман-

Снаружи – белое видение на скале – на «Красном камне» (теперь и впрямь обагренном); внутри – возвращенная Византия, то есть Византия после турок.

скому обычаю – «от сглаза». – Сохранился один фонтан. – В начале войны в Коккозах обосновалось севастопольское отделение гестапо. – По хозяину и гости.

Звуки новые дальше, глуше...
Вновь раскрыты Крыма ларцы.
Выступают на миг – и глубже
В свою зелень уходят дворцы.

Воскресенская Форосская церковь построена купцом Кузнецовым в память спасения Императора Александра III в Борках; освящена в 1892 году в присутствии Константина Петровича Победоносцева; в 20-е годы закрыта и осквернена; восстановлена в конце 80-х – начале 90-х (народная ремарка: «Спасибо Раисе Максимовне» – именно так; Горбачева не поминают). «Чай Кузнецова»; на марке – Форосская церковь. Только ли этикетка? Задумываюсь.

Первый настоятель – молодой севастопольский иеромонах, впоследствии архимандрит, о. Петр (Посаднев), чьими трудами вновь подымался храм, убит на второй день праздника Преображения Господня в 1997 году (убийцы, одного из которых о. Петр некогда приютил в сторожке и вывел в люди, думали ограбить храм).

Снаружи – белое видение на скале – на «Красном камне» (теперь и впрямь *обагренном*); внутри – возвращенная Византия, то есть Византия после турок. Коринфские – византийские, благородного камня – серого с темными прожилками мрамора – колонны исцарапаны, изглоданы; впрочем, камень оказался слишком тверд, и имена осквернителей не прописаны. Странным образом кому-то из них вздумалось изобразить *якорь*, и он виден отчетливо. – Дай-то Бог, что-

Центром Херсонеса стал белый храм Святого Владимира (прежде была базилика – «Шесть колонн»). Теперь все сходится и стягивается к нему.

бы потом это не сочли делом рук местного или захожего народа православного; впрочем, не верится что-то в грядущих археологов – как говорят немцы, die Zeit ist knapp («времени в обрез», буквально: «время в обрез»).
Уцелевшая мозаика пола. По ней и по колоннам – алые, золотые прозрачные пятна – свет сквозь новые цветные стекла узких окон.

Резной деревянный иконостас – слово о. Петра о нем: «Иконостас будет, а меня не будет» (устанавливали – радовался, трогал гладкое смуглое дерево, да вдруг и сказал...).

Ему был 31 год; не остался он служить в севастопольских храмах, а пошел на Красный камень, в разрушенный храм. Память его здесь трепетно чтят, и был он, видно, из *невосполнимых* (твердые и ясные черты, живой взгляд – не сравнивая, я отчего-то вспомнила Петра Георгиевича Паламарчука, писателя и историка Москвы).

Ясное воскресное утро; многие пришли в храм заранее, потому что шли, «как Бог даст». Внесли и расставили всюду (у икон, а возле порога – у портрета о. Петра) розовый лохматый шалфей (кругом в горах цветет). – Слишком крепко пахнет: вынесли; сейчас других цветов принесут.

Державная икона Божией Матери справа, у окна. И здесь фон светлый, как в Оптиной.
Образ Святителя Николая с огромными – грустными и строгими, тихо вопрошающими – очами, скорбно изогнутыми бровями.

Горы слева и справа, море (моря!) – слева и справа.
Неделя о слепом.

«Тут все любят венчаться – и наши, и приезжие». – Все любят венчаться...
Гора Фавор и Гора Елеонская.

14/27 мая 2002

Херсонес

Херсонес, бережок, полдень...

Центром Херсонеса стал белый храм Святого Владимира (прежде была базилика – «Шесть колонн»). Теперь все сходится и стягивается к нему.

Внутри храма прохладно, обширно и бедно (иконами и утварью). Не ввысь, а вширь (и, должно быть, вглубь). – Пространно.

Маки в развалинах, в углах чьих-то домов, куда я входила (быть может, через окна?). Лабиринты руин.
Город мертвых и храм живых.
Поднявшись на холм, никак не обозначаемый на плане, но являющий собою главную обзорную точку всей береговой линии Херсонеса (здесь не могло не быть какой-то башни), обратясь лицом к морю, я увидела слева по берегу башню Зенона, а справа – смиренные вечные узоры развалин и белый дозирающий храм.
На этот холм, полный черепков и ракушек, я всходила семнадцать лет назад (с моря, от Зеноновой башни).

Здешний берег – слоеный пирог.

Срезанные временем дома.

Вросший в сухую землю обломок – пенек колонны, белый – если можно так сказать, темно-белый – так и не посеревший мрамор. Берусь: прочно ли стоит? – Совершенно неколебимо. – Гляжу с восхищением: похвальный пример.

Древность? вечность? – *Извечность*.

Базилика: по выгибу стены признаю алтарь. Так значит, этот вот квадрат, этот выступ над каменным полом... Был? Есть? Подхожу (ибо уже стою рядом), в память прежнего припадаю (склоняюсь – почти ложусь возле), кладу руку на край. Теплые, прогретые солнцем камни (плинфа вперемешку с серыми) и – было то в камне или в руке – послышался мне какой-то внутренний гул: не отзвук, а ток. – Быль.

А Херсонес – центр (сердце) Севастополя. – Здешний (и, быть может, всего Крыма) Кремль.

Теперь с моря виден Крест (кресты на главах и стенах Херсонесского храма). Хочется сказать: теперь сюда снова могут причаливать византийские корабли.

Семнадцать лет назад я многого не видела – не умела читать этой книги: знак Имени Христова над дверью базилики, в мраморе ее, рыбы и крест на плите купели... но книгу саму любила.

Знаменитые «Шесть колонн» – не «Античность», а VI век по Рождестве Христовом: руины храма – да, но не языческого, а христианского – византийского, и они белому собору не противостоят, а радуются. «Он – мы».

2/15 июня 2002

Второму Риму

Византия, отзовись, Византия, –
Всех стройнее, наряднее – где ж ты?
Многостолпные палаты золотые,
Василевса пурпурные одежды,

Кораблей великолепная стая...
Где Царьград твой – око вселенной,
Где зеница – София Святая,
Перед Богом яхонт драгоценный...

Как сквозь толщу: «Кирие элейсон»*...
Как из глуби морской – свеща с амвона...
Взял огонь, расклевало железо,
Поглотили тебя тёмные волны.

Говорят, была льстива, лукава...
Что растленно было, то истлело.
Обветшала твоя пышная слава,
Кривда минула, правда уцелела –

И – не басня то, не выдумка, не сон нам –
Византия, Жар-птица Византия,
В малом храме, снегами занесённом,
Твои крылья плещут золотые.

Первый день Рождества 1992/1993

1453

Надменный рыцарь на скалистой круче,
Глядящий вдаль, где вал огня высокий...
Светило закатилось на Востоке.

Тяжёлым багрецом того заката
Миланские доспехи заблистали
И меч двуручный золингенской стали.

Ужели золингенские волчата
Орлу чужому бросятся на помощь?
Ты помнишь ли, Европа... нет, не помнишь.

Черты, как изо льда, взор – чистой стали,
Холодный ветер треплет плащ твой белый...
И вновь тебе невнятны наши беды.

14/27 июля 1993

* * *

Купол мглистый, Святая София!
Вековечный, многоочитый!
Как войти в приделы пустые?
Как ступить на гулкие плиты?

Недвижимо воздушное море,
Окна-очи глядят незряче.
О, как много простора для горя,
Как раскрыты выси для плача!

Что здесь: «Радуйся» или «Здравствуй» –
Что и молвить – к тому ж при страже...
Пусть другие дивятся убранству,
Письменам-ятаганам – я же,

В пустоте твоего разора
Не бывав, не бродив – не вправе, –
Слышу отзвук далекого хора,
Вижу всё, как тогда: во славе, –

Ты-то знаешь. Лелея сон свой,
Ввысь и вглубь, в пределы иные
Ты глядишь, закатное солнце,
Купол света, Святая София.

11/24 января 2000

* «Господи, помилуй», *древнегреч.*

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»,
член Союза писателей России,
кандидат физико-математических наук

Виде́ние – литературный жанр, в котором сюжет видения излагается от лица визионера, которому он был открыт трансцендентной силой.
Ви́дение – то же, что восприятие; система мнений, воззрений о чем-либо.

История и эмоции
Видение

В подзаголовке не проставлено ударение – потому что оба варианта верны. Литературный текст – но не научный или политический – имеет право на сочетание двух подходов одновременно. И я хочу этим правом воспользоваться.

■

Предварительное замечание общего характера. Любое сообщение – как правдивое, так и ложное – влечет за собой ту или иную эмоциональную реакцию, и в связи с этим оно всегда направлено на что-то, оно чему-то служит. И предвидеть эмоциональный результат воздействия так же важно, как и оценивать истинность или ложность самого сообщения. Истинность не всегда есть индульгенция на то, что сообщение служит добру. Не к месту сказанные или тенденциозно подобранные сообщения могут нанести человеку и целому обществу урон, сформировать в нем непродуктивное состояние, направить его эмоции – а значит, и поведение – в ошибочном и даже губительном направлении.

■

Когда мы говорим о собственной истории, мы никогда не должны упускать из вида цель – зачем это делается. Если целью является поддержание гордости за Отечество, эмоциональный подъем, стремление к дальнейшему развитию самого себя и своей страны – это одно. Если «правдивое» сообщение ослабляет нашу гордость, наш патриотизм, то это другое. Правда, придающая нам силу («не в силе Бог, а в правде!»), – это не просто соответствующая действительности информация или истинное высказывание, а правдивое сообщение, служащее добру, росту гордости и уверенности. Любые сообщения на пути от места их возникновения до средств массовой информации должны быть осмыслены с точки зрения ожидаемого воздействия. И если оно негативно, то место такому правдивому сообщению в лаборатории, медицинской карточке больного, в протоколе осмотра места происшествия, в профессиональной литературе – где угодно, только не в средствах массовой информации, ибо именно они обладают способностью генерировать определенное эмоциональное состояние общества. Когда говорят, что о плохих, постыдных эпизодах отечественной истории неустанно рассказывается для того, «чтобы это не повторилось», – это лукавство. Когда сегодня массированно, ежедневно, по поводу и без повода рассказывают об «ужасах сталинизма» (как вчера говорили об «ужасах царизма» и «религиозном мракобесии» и т.д.), это никак не может гарантировать невозможность их повторения. Это вредная, разрушительная демагогия. Профессиональный анализ политической истории, выявляющий причинно-следственные связи имевших место явлений, позволяющий в дальнейшем осознанно избегать нежелательного, – это важная и нужная часть научной и политической аналитики. Но аналитики, остающейся вне общественного, массового сознания. На массовое сознание обрушивается не научная аналитика, а политическая борьба. Коль скоро в этой борьбе используется такой инструмент, как «демократические выборы», то и воздействие на эмоциональный мир электората с целью оттолкнуть его от соперника, связав образ такого конкурента на эмоциональном уровне с «ужасами прошлого», становится практикой актуальной политики с использованием СМИ. То, что при этом народ-электорат разрушает идентификационную матрицу общественного сознания, теряет веру в собственное предназначение, в свою историю, в смысл и оправдание собственной жизни и жизни своих предков, – это не учитывается. Это считается вполне приемлемой платой за достижение власти «демократическим путем».

Лев Гумилёв писал: «В нашем понимании термин Византия не только город Константинополь и подвластная ему страна. Не только ортодоксальное православие, но и еретические течения <...> идейная, да и политическая борьба – тоже вид связи, формы развития».

■

Зачем мы сегодня вспоминаем Византию? Чем она так важна для нашей сегодняшней жизни? Лев Гумилев писал: «Византия – культура неповторимая, многообразная, выплеснувшаяся далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застывали на зеленых равнинах Ирландии, и дремучих лесах Заволжья, и тропических нагорьях вокруг озера Цана и Великой Евразийской степи. В нашем понимании термин Византия не только город Константинополь и подвластная ему страна. Не только ортодоксальное православие, но и еретические течения: несторианство, монофизитство, монофилитство, христиане-гностики и т.д. То, что перечисленные течения мысли боролись между собой, не противоречит предложенному значению термина, ибо идейная, да и политическая борьба – тоже вид связи, формы развития». Да, конечно, надо знать о том, что какие-то важные корни нашего живого российского древа уходят в глубину Византийской истории, что православие пришло к нам из Византии... Это надо знать и чтить как память о своих основах, об истоках духовности. Полезны и нравоучительны аналогии процесса гибели Византии с внешне схожими внутренними и внешними проблемами нашей сегодняшней жизни. Возникает надежда, что, зная о печальном опыте Византии, удастся его избежать. Думается, однако, что польза тут скорее дидактическая. Все в мире изменилось, стало намного сложнее, и те самые «вирусы», которые сгубили Византию, тоже модифицировались, хотя и остаются узнаваемыми. И лекарства против них нужны новые... Чем была для нашей страны Византия в последние, скажем, полвека? Практически ничем. Она существовала как не самая популярная страничка мировой истории, как периферия сознания – периферия, не имевшая практической пользы. Даже для такого, как я, чьи греческие предки, проживавшие в Крыму на протяжении тысячелетий, были самыми что ни на есть натуральными византийцами, а тех из них, которые попали в переписи начиная с XVIII века, я просто знаю по именам. А может, именно выборочное забвение и отрицание своей генетической связи с прошлым порождает те угрозы существованию страны, с которыми мы столкнулись сегодня? И еще: умеем ли мы анализировать и извлекать пользу из расхождения ожиданий, надежд и планов, бывших в прошлом, с возникающей действительностью? Каким виделось будущее детей и внуков моим прапрадедам? Что не сбылось и почему? Что тщетно в наших мечтах, а от чего все-таки не стоит отказываться?

■

История – как «то, что было в действительности», – не существует нигде. Ближе всех к тому, что было в действительности, приближается научное историческое знание, потому что только наука руководствуется точными и проверяемыми критериями истинности: например, подлинным документом. Но это дает лишь фрагмент знания о бывшем. Исторические сведения, содержащиеся в преданиях, мифах, легендах, в качестве критерия истинности опираются на эмоциональные заявления рассказчиков типа «старики врать не станут» или «мамой клянусь!» Рассказы о событиях прошлого, закрепленные в религиозных книгах, в качестве критерия истинности объявляют святость текста. Исторические сведения, изложенные в священных книгах, – это уже не исторические данные, а догматы, не подлежащие изменениям, уточнениям или пересмотру. Из всех информационных ресурсов питаются литература и политика, беря то, что им нужно, и трактуя это, как требуют политический момент и конъюнктура. Массовое сознание получает большую часть сведений именно из этих рук – политиков, публицистов, пропагандистов, литераторов. Вроде бы, и достоверные научные данные от народа никто не прячет, и даже в школьных учебниках они имеются, но историю Франции – не умом, а сердцем – многие воспринимают по «Трем мушкетерам», историю Отечественной войны 1812 года – по «Войне и миру», а Первую мировую – по «Похождениям бравого солдата Швейка». Такова реальность, и политикам она известна. Люди живут не в мире научных фактов, а в мире собственных эмоций. И поведением людей, их предпочтениями управляют не научные факты сами по себе, а эмоции и чувства, которые можно породить разными способами. Мечту тоже рождают эмоции. Строго говоря, мечта – это и есть сложная эмоция, формирующая персональную гамму чувств в образной форме.

■

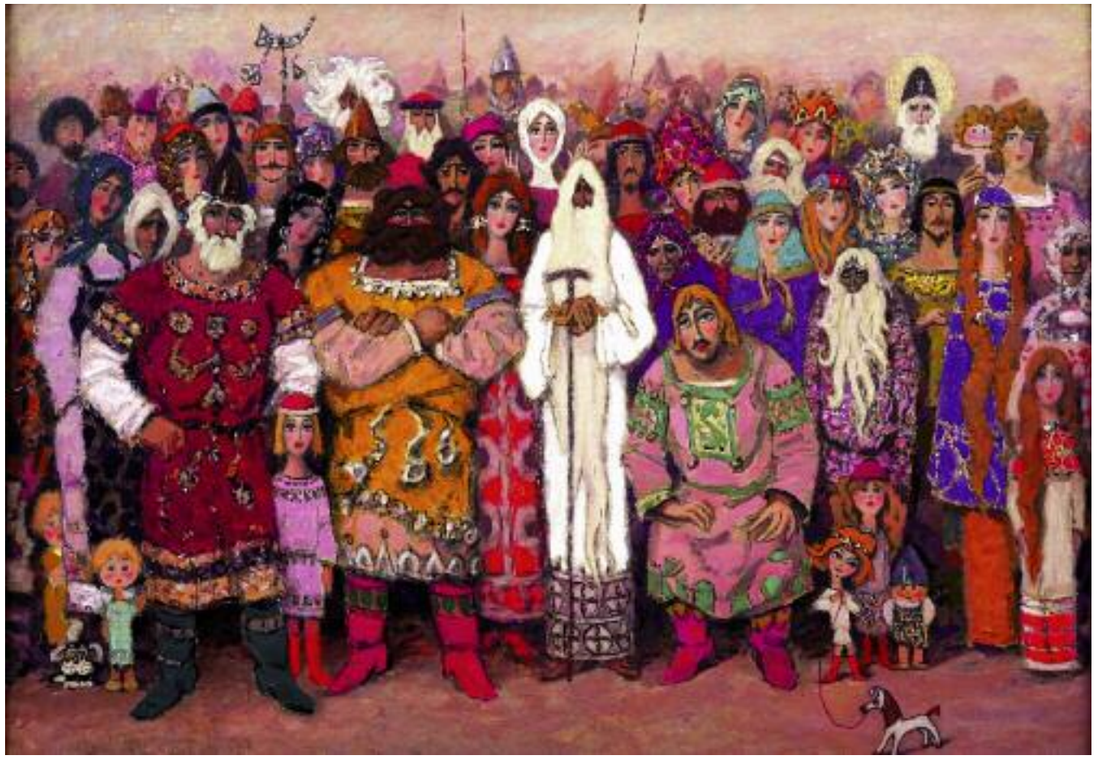
Если мы хотим, чтобы наша страна и каждый из нас успешно развивались – и духовно, и материально, чтобы мы верили в возможность такого развития и нам хотелось направлять на это свои силы, знания и умения, совершенно необходимо, чтобы в каждом из нас – а уж в целом обществе просто обязательно – преобладало чувство гордости за страну на протяжении всей ее истории, чувство уверенности в своих силах и возможностях, знание о том, что мы и прежде, и сейчас способны достигать намеченных целей. Образ страны на всем протяжении ее истории должен быть позитивным, любимым, славным. Все трудности, все невзгоды и мрачные периоды истории должны восприниматься как естественные трудности на пути развития, как временные неудачи, за которыми наступали победы, как поиск способов достижения высших идеалов. Именно так формируется реалистический образ того, что любишь и ценишь: правдиво, не скрывая изъянов, но с любовью и стремлением создать образ чего-то безусловно ценного.

К сожалению, современное российское общество во всех его сегментах и прежде всего его «политический класс» делают все, чтобы подавить в общественном сознании, в общественной воле малейшие ростки энергии созидания. Свою страну приказано ненавидеть, презирать, смаковать самые болезненные и трагичные страницы ее истории, а даже об очевидных достижениях требуется говорить как о «произошедших вопреки» или «благодаря помощи извне». Наши современные политики и их помощники, колдующие над ретортой, в которой клубится и бурлит «общественное сознание россиян», тщательно следят за тем, чтобы любые фракции гордости за свое прошлое, любые взвеси, содержащие достижения и победы, любые эманации собственной силы и способностей достигать намеченные результаты осаждались, испарялись, изгонялись.

■

Мечты о России редко сбывались. Долгая непрерывная череда письменных образов будущего – возможного, должного, нежелательного – никогда полностью не совпадала с действительностью. Не совпадали с реальностью и научные прогнозы – от работ Менделеева до Программы КПСС. И это притом что и прогнозы, и планы являлись верными, то есть в них не было ошибок, если не считать ошибкой прогнозирования отсутствие предвидения революций, войн, переворотов.

И в сфере иного – философского, социального – предвидения, чаще всего существовавшего в художественной



Персонажи мультфильма «Детство Ратибора» по повести Валентина Иванова «Русь изначальная»

Чем была для нашей страны Византия в последние, скажем, полвека? Практически ничем. Она существовала как не самая популярная страничка мировой истории, как периферия сознания – периферия, не имевшая практической пользы.

Леопольд фон Ранке. 1877

то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего. Отразила ли она идеалы русского народа? Или явилась результатом разброда нашего национального сознания? Или, сверх всего этого, Толстой выразил свою тоску по умиравшим дворянским гнездам, Достоевский – свою эпилепсию, Чехов – свою чахотку и Горький – свою злобную и безграничную жажду денег, которую он смог кое-как удовлетворить только на самом склоне своей жизни, да и то за счет совзнаков? Я не берусь ответить на этот вопрос. Но во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные». Солоневич, конечно, не эталон научной точности и объективности, но некоторую полезную корректировку «литературного прогнозирования» помогает произвести.

История – как «то, что было в действительности» (Леопольд фон Ранке). – не существует нигде. Ближе всех к тому, что было в действительности, приближается научное историческое знание, потому что только наука руководствуется точными и проверяемыми критериями истинности: например, подлинным документом.

литературе, тоже трудно найти что-то, совпавшее с жизнью страны и народа. Сны Веры Павловны у Чернышевского трактовали как предвидение социализма, а романтические грезы Пушкина, обращенные к Чаадаеву, прямо-таки взяли и воплотили в жизнь, написав некие имена «на обломках самовластья». Как очень резко, но в чем-то справедливо писал Солоневич в «Народной монархии»: «Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-

■

Оглядываясь в наше прошлое, мы видим три империи – «три источника и три составных части» разных аспектов нашей истории: Византийскую империю – «Греческое царство», Русское царство – Российскую империю, СССР – Советскую империю. Несомненно, есть основания говорить и о «четвертой империи», так или иначе оказавшей фундаментальное влияние, – Татаро-Монгольской (Ордынское царство, Русско-Ордынская империя и т.п. – как бы ее ни называли).

Византия не есть «Россия в прошлом». Это другая – «не наша» – страна. Она лишь влияла на Россию. У России своя собственная – во всех аспектах – история. Мы многие тысячелетия жили и развивались на своей земле, порождая непрерывную цепь поколений, генетически связанных друг с другом. Мы хранили и совершенствовали объединявший нас язык. Мы добывали, развивали и передавали из поколения в поколения знания и умения, ценности и представления о добре и зле. При этом мы вбирали в себя и «переваривали» в собственном культурном котле многое от других стран и народов. В том числе изменялись и развивались наши религиозные представления, и Византия в этом отношении для нас – один из источников.

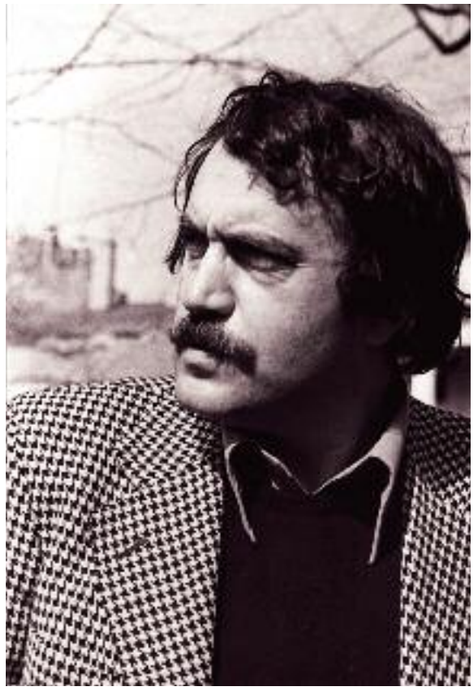
Мы пытаемся восстанавливать, реконструировать образы прошлых эпох, мы пытаемся заглядывать в мысли и чувства прежде живших людей, стараясь угадать присущие им надежды и чаяния и сопоставить это с тем, что произошло в действительности. Путь этот труден, неточен, но полезен. Потому что важно знать и отдавать себе отчет в том, насколько оправданными являются наши ожидания и вера в будущее, в какой мере мы способны адекватно воспринимать социально-политические тенденции, предугадывать и созидать собственное будущее. В этом смысле наиболее влиятельным, близким, поддающимся практически полезному анализу и осмыслению является советский период нашей истории. К сожалению, этот период используется как резервуар ненависти и презрения, а не источник любви и гордости к стране и народу. Но если мы не научимся из ближайшего прошлого черпать силы и энергию, то где же мы их тогда вообще возьмем?

■

Пользуясь широкими рамками жанра публицистического эссе, обращусь к личной памяти и собственным эмоциям как объекту исследования: каким мне виделось будущее в прошлом и что наступило «на самом деле». Теперь, когда мне шестьдесят два года, интересно – по крайней мере, это интересно мне самому – вспомнить и сравнить: что я ожидал от будущего, к чему стремился, что «строил» – и что получилось на самом деле. Мыслями о будущем, образами будущего была наполнена жизнь моего поколения, да и всей страны. Это были 60-е – годы, ставшие именем нарицательным, годы, обозначившие определенное поколение и вполне определенный строй мысли, мотиваций. «Шестидесятники» для меня – скорее старшие братья: не «отцы», но и не ровесники. Большинство «шестидесятников» лет на 10–15 старше, они помнили войну, некоторые даже участвовали в ней. Название, прикрепившееся к этому поколению, по мнению их самих, неточное. Правильнее их было бы называть «пятидесятниками» (Василий Аксенов) – по десятилетию вхождения в жизнь, в профессию, по осознанию ломающейся политической реальности. А вот мое поколение – по тем же признакам – как раз и есть «шестидесятники». Это для нас полетел в космос Гагарин, для нас образовалась группа «Битлз», для нас шло бурное освобождение африканских народов при братской помощи СССР, для нас американцы завязли во вьетнамской войне, для нас на экраны вышли «Кавказская пленница» и «Фантомас».

■

Я не сомневался ни в победе коммунизма, ни в том, что история закономерно развивается от низшего, недоразвитого (феодализм, капитализм) к высшему, более совершенному (социализм, коммунизм). Это было не ощущением некой теоретической возможности, а спокойным знанием – сродни уверенности в наступлении зимы или лета. Все вокруг лишь подтверждало мощь и неизбежность прогресса, прежде всего – развитие техники. Каждодневно ощущалась могучая поступь научно-технического развития: первый спутник, второй – уже побольше, потяжелее. Потом настал черед собачек Белки и Стрелки, потом и до Луны долетели, потом Гагарин–Титов–Николаев–Попович–Быковский–Терешкова... Я всю жизнь, как музыкальную фразу, помню эти имена. Научно-технический прогресс пронизывал всю нашу жизнь не только в космосе, но и в ежедневных победах развивавшейся промышленности: то запустят какой-то «стан-3500», то небывалую плотину для ГЭС построят, непрерывно появлялись все более совершенные модели самолетов: Ту-104, Ту-114, Ту-134, Ту-144, Ил-18, Ил-62, Як-40. Да и бытовая техника не стояла на месте: холодильники, стиральные машины, телевизоры и радиолы, магнитофоны, пылесосы и полотеры – все вместе формировало ощущение не только очевидности прогресса вообще, но и фактического его присутствия в жизни.



Мыслями о будущем, образами будущего была наполнена жизнь моего поколения, да и всей страны. Это были 60-е – годы. Большинство «шестидесятников» лет на 10–15 старше, они помнили войну, некоторые даже участвовали в ней. Правильнее их было бы называть «пятидесятниками» (Василий Аксенов).

Гармония ощущалась не только в научно-техническом прогрессе, но и, как ни странно, в постоянной нехватке чего-то в жизни. Пресловутый дефицит выполнял и некую позитивную роль: он был тем, что следовало преодолевать, – и многое действительно преодолевалось. Нехватка вещей, их недоступность играли роль «зла», которое, однако, было злом побеждаемым. Дефицит и прочие жизненные несовершенства обеспечивали диалектическое противоречие, являвшееся источником движения вперед, развитием. Был ясен путь, ясна была и цель – коммунизм, общество справедливости: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Пока этого не получалось, но таким, как я, было совершенно ясно, что со временем получится.

■

Прогресс был виден и ощутим не только в научно-техниче-

ской области. Сетования поэта Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», – были поэтической шуткой, не более. «Лирики» находились не просто «в почете», а прямо-таки в фаворе. Слава и обласканность властью наших знаменитых «стадионных» поэтов, наших «звезд советской эстрады», наших кинематографистов, писателей, художников были предельными. Нынешнее блеяние «кумиров прежних лет» по поводу того, что им «не давали», их «не пускали», их «запрещали», выглядит унизительными нищенскими побасенками, рядом с которыми присутствовать стыдно, не то что их произносить. Те, которые действительно попадали под несправедливые жернова судьбы и системы, разумеется, были, но их для столь мощного многоголосого хора нынешних псевдожертв «тоталитарного режима» не хватило бы. Несомненно, наряду с такими, как я, были и люди с совсем иными представлениями о должном. И их право на иной взгляд ничуть не меньше моего. А их роль в судьбе – страны и моей личной – оказалась гораздо важнее моей собственной.

■

Возвращусь к образу будущего, которое нами ожидалось, не ограничивая себя словами «коммунизм» и «светлое будущее», а пытаясь нащупать наиболее глубинные чаяния – мои и окружавших меня людей. Пытаясь восстановить свои ценностные представления тех лет, я стараюсь вспомнить: к чему, по моему тогдашнему мнению, следовало стремиться, что есть успех. Думаю, именно этот аспект жизненной философии наилучшим образом характеризует представления о должном, желанном будущем, а вовсе не лозунговые и плакатные концепции политических теорий. Главным в жизни считалось (мною и близкими) «найти себя», определить ту профессию, то поприще, к которому есть природные склонности, талант, если он имеется. Максимально раскрыть, развить свои способности – именно это представлялось наиболее важным. Все остальное (деньги, слава, общественное положение) считалось второстепенным. И при этом – естественным следствием правильности выбора. Если ты не ошибся в выборе профессии – признание и успех придут обязательно!

■

Я получил лучшее в мире образование. Звучит вызывающе и претенциозно, однако, полагаю, что дело обстоит именно так: я окончил физический факультет университета по специальности «теоретическая и математическая физика». Можно, конечно, при оценке уровня полученного образования сравнивать достаточно важные, но вторичные признаки: какой именно университет, с какими оценками и т.д. Эти факторы значимые, но не отменяют высказывания в его общем смысле: образовательная программа и качество преподавания, мне предоставленные, соответствовали высшему уровню мировых достижений в этой сфере. Я знал физику и математику не хуже выпускников Кембриджа, Гарварда или Массачусетского технологического университета – что впоследствии жизнь подтвердила. Мы находились на уровне самых последних достижений науки и обладали передовыми исследовательскими навыками. Мы ощущали себя полноценной частью единого мирового процесса «познания природы». Говоря языком современным, мы (физики-математики) давно и всецело были глобализированы, у нас на всех была одна общая система знаний и умений, общая и цельная картина мира, созданная усилиями мировых гениев из разных стран и народов. Поэтому у меня не было причин для устойчивого недовольства действительностью.

■

Гуманитарии зачастую находились в ином положении, сфера их деятельности – в какой бы стране и в какие бы времена они ни находились – всегда весьма жестко ограничена и предопределена языково-культурной и политической средой. Разумеется, это было и ныне является серьезной причиной для недовольства политической (культурной, языковой, религиозной и т.д.) средой обитания и профессиональной деятельностью многих гуманитариев. Граница между «гуманитариями» и «негуманитариями» в том смысле, о котором я сейчас говорю, очень условна. Например, физик Андрей Сахаров в силу обстоятельств личного и, возможно, мировоззренческого характера весьма остро вдруг почувствовал «несвободу», до которой многим другим физикам не было никакого дела либо они не придавали этому такого значения.

■

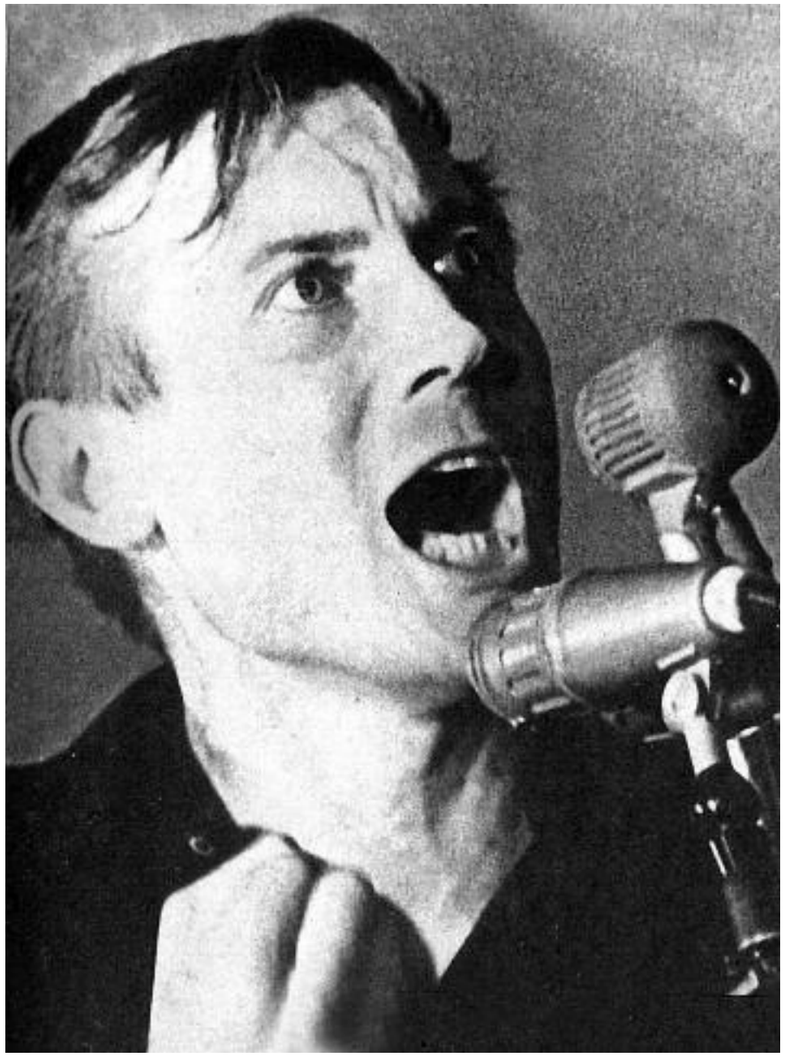
Поскольку я родился в семье, в которой общая культура и научная работа ценились превыше всего, то соответствующая иерархия смыслов была мною воспринята как нечто естественное, тем более что система ценностей, пропагандировавшаяся в стране, не вступала с ней в противоречие. Путь «восхождения к успеху» был для меня понятен: университет–аспирантура–кандидатская–докторская... И главным во всех этих формальных вехах была профессиональная и творческая со-

Научно-технический прогресс пронизывал всю нашу жизнь не только в космосе, но и в ежедневных победах развивавшейся промышленности: то запустят какой-то «стан-3500», то небывалую плотину для ГЭС построят, непрерывно появлялись все более совершенные модели самолетов: Ту-104, Ту-114, Ту-134, Ту-144, Ил-18, Ил-62, Як-40.

стоятельность, признание профессиональной среды, общее содержание жизни. Мое успешное будущее годам к шестидесяти представлялось примерно следующим. По формальным признакам: доктор физико-математических наук, профессор, автор некоего «достаточного» количества опубликованных научных работ и монографий, в которых отражены полноценные (в меру таланта и усердия) результаты исследований. По внутреннему содержанию: максимально широкая эрудиция в разных областях, основательное знание мировой литературы, искусства – живописи, музыки, театра, кино. По материальному уровню: очевидное и автоматически возникающее благосостояние профессора вуза – квартира, наполненная хорошей библиотекой и собранием граммофонных пластинок, быть может, автомашина, возможность путешествий по родной стране, а в исключительных случаях и за границу. По признакам, так сказать, демографическим – полагал иметь семью, двоих-троих детей и некоторое количество внуков, а также сохранять тесные отношения с родственниками и друзьями, то есть поддерживать «родоплеменной» и «профессионально-дружеский» кластеры общения. По признакам «метафизическим» я вообще ничего не хотел обрести в будущем, поскольку ни о чем подобном не думал: я считал себя атеистом «как все», и ни проблема загробной жизни, ни проблема греха или спасения души меня не интересовали. Церковь как религиозный институт я воспринимал как пережиток прошлого, который должен отмереть сам собой. А вот к Церкви как объекту культурно-исторического наследия я относился с любовью, считая, что храмы надо беречь и восстанавливать, что церковную музыку надо исполнять и слушать, что иконы – важнейшая часть русского искусства и т.д.

■

Я не хочу представлять нашу семью неким оторванным от реальной жизни островком «материалистического идеализма». Были у нас и критический взгляд на происходящее, и достаточно жесткие оценки прошлого, и неудовлетворенные бытовые нужды, и систематическая нехватка денег, и



Евгений Евтушенко

Сетования поэта Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», – были поэтической шуткой, не более. «Лирики» находились не просто «в почете», а прямо-таки в фаворе. Слава и обласканность властью наших знаменитых «стадионных» поэтов, наших «звезд советской эстрады», наших кинематографистов, писателей, художников были предельными.

неприятие многих глупых императивов, принятых в обществе. Видел я вокруг себя и другие семьи, и другие идеалы. Сейчас для меня именно эти отличия, их природа стали одним из самых главных «внутренних дискурсов». Я пытаюсь понять природу того смертельно опасного раскола, в котором мы существуем и который продолжает с огромной настойчивостью добивать страну. Я хотел бы максимально глубоко и обстоятельно понять, почему родившийся в 1902 году в Костромской губернии Белкин Николай Иванович (мой отец) и родившийся в 1921 году в соседней Ярославской губернии Яковлев Александр Николаевич (член Политбюро ЦК КПСС, «прораб перестройки») столь различны по своим глубинным принципам, по своим ценностям? Почему первый – просто и без пафоса любил свою страну и всю жизнь отдал науке, второй – «тоже-ученый» – стал ее сладострастным палачом? Почему я, родившийся в Ярославле в 1950 году, люблю свою страну во всей ее сложной и противоречивой целостности, а родившаяся со мной в один год в Барановичах Валерия Ильинична Новодворская ненавидит ее с глубокой профессиональной самоотверженностью санитара-истребителя вредных насекомых? И можем ли мы найти компромиссное сосуществование во имя общих для нас высших ценностей?

■

Восстанавливая тот образ будущего, который существовал в моем воображении в далеком прошлом, могу быть неточен во многих деталях, но при этом я уверен, что существенные, базовые черты передаю правильно. Во всяком случае, о том, к чему пытаюсь пробиться – к ценностному ядру семьи и моему личному, – стараюсь писать правдиво.

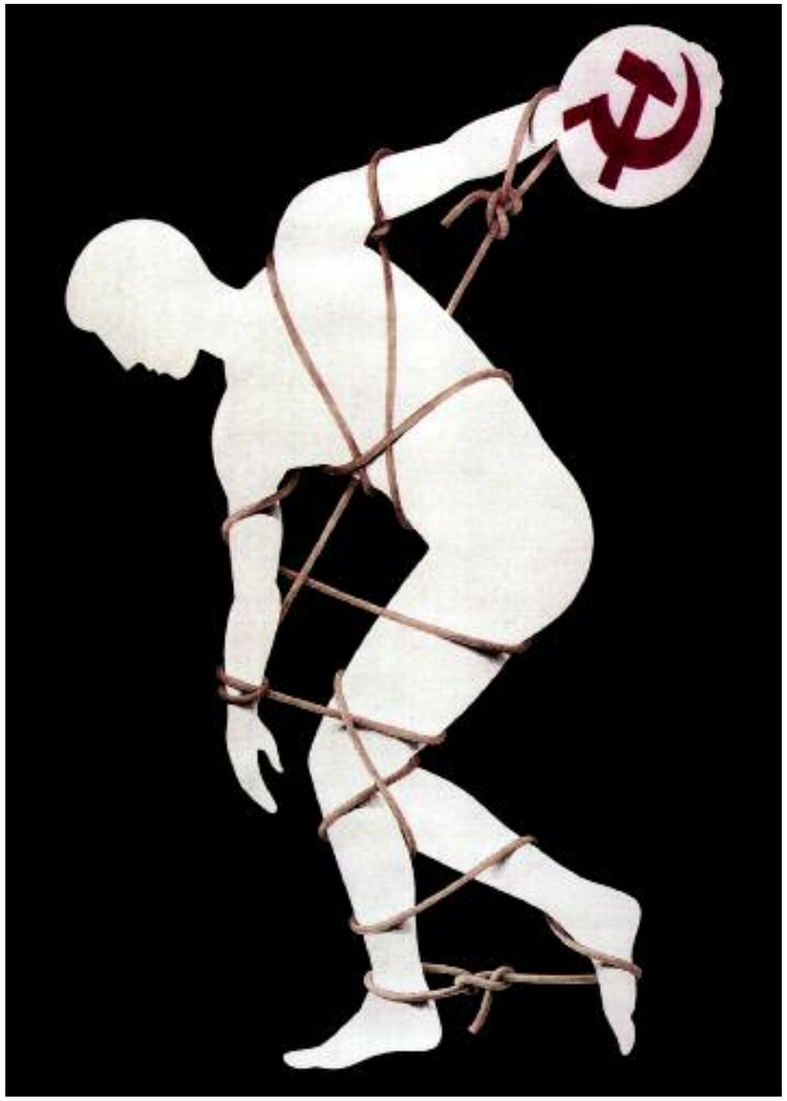
■

Благословенные шестидесятые сменились семидесятыми – именно этот период сейчас называют застоем. В том контексте, о котором я пишу, те годы – как раз не застой, а начало мощной турбулентности, сомнений, расхождений в жизненных принципах, для многих – переоценки фундаментальных взглядов на общество и государство. Для меня основным источником этих «возмущений» была среда научно-технической интеллигенции, часть которой начала эмигрировать, что сопровождалось пересмотром взглядов на «идеалы коммунизма» и на «пороки капитализма». Сердцевиной такого пересмотра и такой переоценки в большинстве случаев была неудовлетворенность материальным положением и материальными перспективами в сравнении с таковыми в «развитых странах». В иных случаях неудовлетворенность исходила из религиозного или национального дискомфорта. Я, разумеется, находился под влиянием этих разговоров, периодически погружался в информационный поток, описывавший замечательную, изобильную жизнь «там» и мрачную несвободу в мире тотального дефицита «здесь». При этом, однако, мое ценностное ядро – как я теперь понимаю и формулирую – не размывалось, не разрушалось. Я лишь становился более информированным, но не утрачивал при этом благоразумной способности подвергать сомнению любые сведения. Во мне не происходила смена представлений о «правильном пути», не формировалась стратегия перебежки «туда, где лучше». И если я к концу семидесятых уже догадывался, что в восьмидесятом году коммунизм построен не будет, то считал это лишь неточностью прогноза, ситуативной ошибкой, а не принципиальной непригодностью парадигмы. Важно также отметить, что к концу семидесятых мой критицизм в отношении существовавшей политической системы и ее справедливости изрядно возрос. Вера в «неотвратимое» светлое будущее подугасла, а значимость материального фактора возросла. Разнообразие судеб и жизненных путей моих коллег, сверстников, множественность факторов, влиявших на это, указывали, как минимум, на то, что не все в жизни так однозначно и «единственно верно», как думалось в юности. Я тогда еще не мог осознать «джексон-вэниковскую» эмиграцию моих коллег и знакомых как «смену личной парадигмы», но ясно осознавал приятие ими других «правил игры», других жизненных ориентиров, которые они воспринимали не только как более выгодные, но и более справедливые для себя и своих детей. Ради этого они отказывались от культурной и языковой среды, не просто принимая неизбежность превращения их детей и внуков в иной культурно-языковый тип, но и горячо желая этого.

Граница между «гуманитариями» и «негуманитариями» в том смысле, о котором я сейчас говорю, очень условна. Например, физик Андрей Сахаров в силу обстоятельств личного и, возможно, мировоззренческого характера весьма остро вдруг почувствовал «несвободу», до которой многим другим физикам не было никакого дела либо они не придавали этому такого значения.

■

Восьмидесятые годы с очевидностью продемонстрировали маразматическую беспомощность высшей власти, необходимость перемен, но таких перемен, которые приведут-таки к построению общества всеобщей справедливости – общества, по-прежнему называемого коммунизмом или «социализмом с человеческим лицом». Любой партийный лидер, призвавший к переменам, был обречен на успех и всенародную поддержку. Таковым оказался Горбачев. Конечно, важно



Благословенные шестидесятые сменились семидесятыми – именно этот период сейчас называют застоем. В том контексте, о котором я пишу, те годы – как раз не застой, а начало мощной турбулентности, сомнений, расхождений в жизненных принципах, для многих – переоценки фундаментальных взглядов на общество и государство.

■

Конец восьмидесятых для меня стал периодом трагической ломки многих жизненных реалий. Мне пришлось окончательно отказаться от своей профессии и от научной работы вообще. Многие оказались вынужденными не жить и развиваться, а выживать, чтобы хотя бы как-то дать возможность своим детям вырулить на дорогу, где, быть может, будет творчество, развитие, профессионализм, успех. Пути к этому лежали или через эмиграцию, или через соучастие в погроме («совков» и «коммуняк»), или через предпринимательство, которое в случае удачи могло дать деньги. А деньги стали с тех пор главным «ресурсом всего». Задача осложнялась тем, что я жил в одной из бывших союзных республик и не относился к титульной нации. Поэтому в политической жизни я мог участвовать только как объект унижения, как носитель вины за «историческое прошлое» и никак иначе. Даже коллаборационизм не обеспечивал выхода из униженного сословия. Жизнь в режиме выживания отвратительна. Это особенно противоестественно для тех, которые уже жили иной – одухотворенной – жизнью, ставили и достигали высоких целей, осваивая изощренно-сложные профессии, востребованные и оцененные обществом, которые двигались от простого ко все более и более сложному. «Модус вивенди» и «модус операнди» нового общества стали определять авантюристы и бездари, лишенные стремления к развитию. Развитие – это непременно поиск и обретение нового. Захватившие власть эпигоны не стремились к новому. Они довольствовались копированием, подражанием. Их вожделенным результатом стало не нечто новое, а деньги, которые можно заполучить и в жанре имитации.

Любой партийный лидер, призвавший к переменам, был обречен на успех и всенародную поддержку. Таковым оказался Горбачев. Конечно, важно понять, кто он – дурак или умница, мерзавец или праведник, предатель или герой, политический диверсант или кто-то еще. Однако для моих рассуждений важнее, что в результате его деятельности у меня было отнято будущее.

■

Важно отметить фактическую смену сути парадигмы существования: прежде я понимал, что достижение духовного (профессионального, научного и т.д.) результата влечет за собой материальное вознаграждение. Теперь все изменилось: обеспечь (неважно каким способом!) материальный результат, а уж потом сможешь, если захочешь, попытаться приобщиться и к культуре, и к духовности.

■

Подводя итог моему рассуждению об образе будущего (или о «видении» – с обоими ударениями), с которым прожита первая половина жизни, необходимо сделать следующие выводы. До тех пор пока не наступила скоротечная гибель парадигмы, которой этот образ соответствовал, он придавал дополнительные смыслы, оправдания и утешения в жизни реальной. Его роль была двойственной: служа подспорьем для формирования позитивных смыслов бытия, он не способствовал своевременному критичному восприятию действительности, регистрации новых общественных процессов и явлений, постижению их сути, выработке защитных механизмов, формированию скорректированных образов будущего. Но не считаю, что этот образ навеки исчез: он существует на складе идей и образов, он еще может быть востребован как экспериментальная модель, как неудавшийся прототип возможной усовершенствованной модели в будущем. Образ коммунистического будущего не был создан мною самим. Он был предложен извне, а я лишь надлежащим образом его воспринял с помощью существовавшей системы образования, культуры, политического просвещения и пропаганды, семейного воспитания. Сейчас ни у меня, ни у всех остальных, собирающихся жить в России, нет образа будущего. Во всяком случае – нет образа позитивного будущего. Мрачных анитиутопий – сколько угодно, и аз многогрешный тоже приложил к этому руку.

■

В общем, мы оказались живущими в пространстве триллера: позади мрак и ужас, впереди – ужас и мрак. В такой системе координат не хочется искать пути ни вперед, ни назад. Отсюда хочется только сбежать или... проснуться. Проснуться и осознать, что прошлое было прекрасным, а будущее станет еще прекраснее! Но как это сделать, не впадая из одной вредной ереси – оплевывания прошлого и демонизирования будущего – в другую – лакировку прошлого и сочинение очередных сусальных утопий? А для этого нужна правильная социальная философия, позволяющая сохранять социальное здоровье и развиваться, раскрывая свои потенциалы. Сегодня у нас нет социальной философии как метода осмысления действительности и выработки стратегии движения в будущее. Из-за этого мы хватаемся за какие угодно критерии – экономические, политические или даже вовсе метафизические, упуская возможность жить здоровой социальной жизнью.

■

Персональная и социальная психологии в этом очень близки. Человек может извлечь полезный урок из произошедшего с ним одним единственным образом – освоением современных методов самоанализа, таких, например, как саногенное мышление. С его помощью можно не просто разобраться, а научиться управлять своими эмоциями (обидой, виной, ревностью, страхом и т.д.), а не находиться в их власти или пытаться подавить их в себе. Общество тоже переживает эмоции. И если эти переживания не «размыслить» в соответствии с эффективными методиками, если не выработать правильную социальную философию, общество будет болеть – и болеть смертельно. Психологические механизмы личной и социальной психологий схожи. Правда, соответствующие методики для общества пока не разработаны.

■

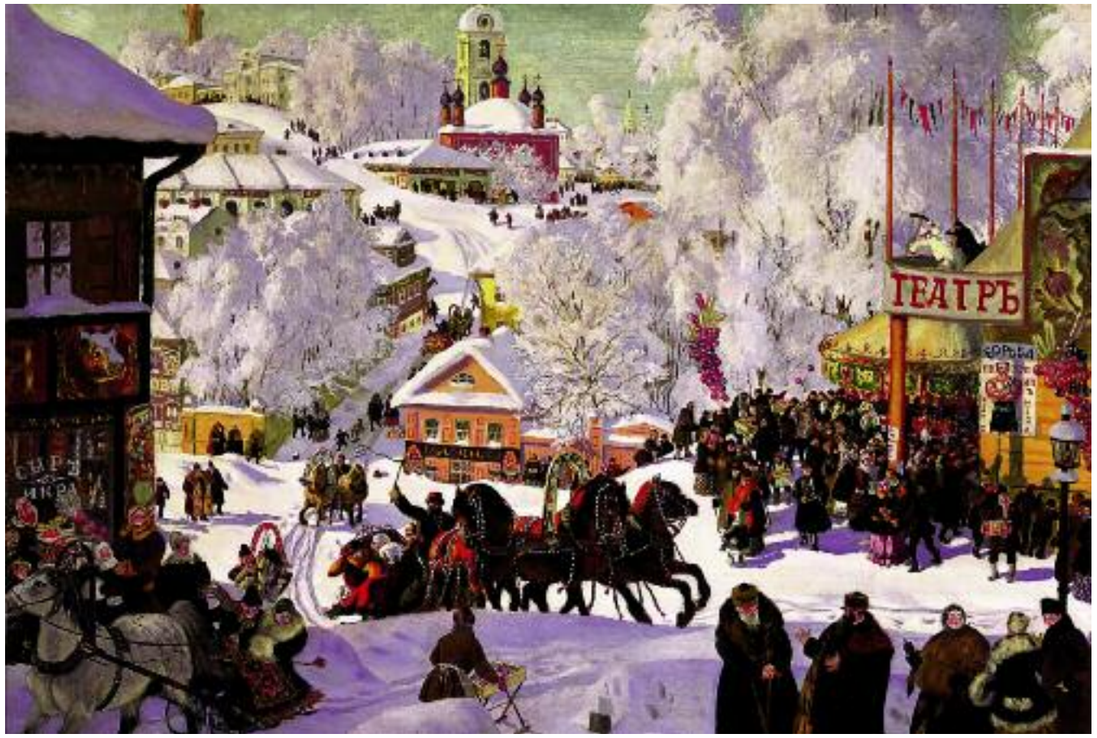
Но если для самого себя человек и является «нравственным субъектом», то кто является «нравственным субъектом» для общества? Есть ли у нашего общества этот субъект? Чаще всего, как только речь заходит об общественной морали, взоры обращаются к церковным институтам традиционных конфессий, поскольку вопросы нравственности всегда находились в центре внимания вероучений и священнослужителей. Кроме практического опыта, у Церквей есть и теоретический базис, критерии морали, система нравственных координат, восходящая в случае христианства, например, к Нагорной проповеди Иисуса Христа. Выполняют ли сегодня Церкви эту социальную функцию – быть нравственным субъектом общества? Мне думается, нет, не в полной мере. По ряду ключевых моментов жизни нашей страны и общества Церковь заняла выжидательную, молчаливую позицию, самозащитно напоминая, что ее главная функция – не дела земные, а мир горний.

■

Было бы хорошо, если бы кто-то написал «Историю справедливости». Рассмотрел бы изменение содержания этого понятия в разные времена и у разных народов, показал бы отличия в восприятии справедливости у разных слоев одного и того же общества, привел бы примеры справедливости и несправедливости и объяснил бы причины и того и другого. И рассказал бы о последствиях для общества, не распознавшего массовую несправедливость одних по отношению к другим.

■

Все размышляющие о главном качестве, главном отличии желанной России будущего приходят к одному и тому же понятию – справедливость. Все хотят жить в справедливом обществе. Но надо помнить, что представления о справедливости существенно разнятся в зависимости от того, по какую сторону прилавка ты находишься. Надо понимать, что, совершив нечто безнравственное в масштабах всего народа, всей страны, нельзя сделать вид, что этого не было, или представить это как деяние нравственное – в надежде, что «все забудется». Не получится. На безнравственной основе не построить честного и справедливого мира. В истории мировых революций всегда имел место порыв народных масс к справедливости. Ради ее торжества убивали и грабили. Проходило время, и «кое-какая» справедливость «кое в чем» устанавливалась. Всем достижениям советской власти – реальным и несомненным – и действительно высоким идеалам эпохи предшествовали преступно-безнравственные поступки «революционных масс» и их «комиссаров». Да и те, которые боролись с советской властью – за «свою справедливость», – тоже попирали нравственные законы. Смогли ли мы дать этому взвешенную нравственную оценку? Понимаем ли мы – зачем нужна подобная оценка, какой вообще должна быть оценка, направленная на подлинное примирение? Нет, мы лишь усилили общественный раскол, поляризуя противоположные позиции. Как вообще этого добиться, кто должен и может сделать это общественно признанным? Попытки достигнуть этого в форме осуждения «культа личности» и его ремейка под названием «десталинизация» не принесли должного нравственного эффекта в силу своей ошибочности: оценивали не тех, не так, не тогда, не за то и не те.



Борис Кустодиев. Масленица. 1919

Без массового деятельного оптимизма мы рассыплемся, развалимся, разбежимся. А где же взять его – этот самый деятельный оптимизм? А в самих себе, в своей собственной истории – позитивно окрашенной и воспринимаемой, представляющей Россию в красочном светлом образе.

■

В непрерывной нравственной оценке – а это всегда оценка эмоциональная – происходящего во всех сферах жизни состоит важнейшая функция и социальной философии, и исторической науки, и Церкви, и действующих политиков, и деятелей культуры. Надо давать нравственную оценку событиям прошлого, исходя как из так или иначе понимаемых нравственных устоев прошедшего периода, так и из норм дня сегодняшнего. Но и этого мало. Надо аккуратно разбираться в причинах, истоках, мотивациях, подвинувших народ, его политических лидеров на те или иные деяния. У нас пока нет механизма, который позволил бы это сделать. На мой взгляд, его нет и в мире. Те народы, которым пришлось залечивать похожие исторические раны, лишь закрывали – более или менее гуманно – глаза на проблему, делая вид, что ее уже нет. Но ни один народ, переживший обиду – этнической, религиозной или политической природы, – не забывает о ней, пока он существует. Он может длительное время вести себя так, как будто «все прошло», но при малейшем раздражителе обиды оживают и становятся готовыми снова определять поведение.

■

Сегодня страна и ее политическая элита погружены в пессимизм, у них нет ни веры, ни надежды. Пессимистом можно, а иногда и должно быть в академическом институте или на университетской кафедре. Но если ты хочешь что-то конкретное сделать в реальной жизни, если ты политик, желающий чего-то достичь, ты обязан излучать энтузиазм и веру в успех. Без массового деятельного оптимизма мы рассыплемся, развалимся, разбежимся. А где же взять его – этот самый деятельный оптимизм? А в самих себе, в своей собственной истории – позитивно окрашенной и воспринимаемой, представляющей Россию в красочном светлом образе. А к тем, для которых образ России иной – грязно-негативный, – я и не обращаюсь!

EDITOR'S-IN-CHIEF COLUMN

S.N. Belkin

– Editor-in-chief and Co-founder of Literary Miscellany and Portal *Development and Economy*, Member of the Union of Writers of the Russian Federation, Candidate of Science in Physics and Mathematics

Byzantium Visible and Invisible – 4

FUTURE-IN-THE-PAST

S.F. Chernyakhovsky

– Doctor of Political Science, Professor, Full Member of the Academy of Political Sciences

Empire as a Challenge – 6

A.N. Sevastyanov

– Candidate of Science in Philology, Member of the Union of Writers of the Russian Federation and Russian Journalists Union, Editorial Board Member of the magazine *Issues of Nationalism*, author of numerous books including *National Capitalism*, *National Democracy*, *Results of the 20th Century for Russians*, *Russian Idea in the 21st Century*, *Time to be Russian!*, *Russia for Russians!*, *Ethnicity and Nation*, *The Dictatorship of the Intelligentsia against the Utopia of the Middle Class*, *Victory Forever! Against Vlasovites and Hitlerites*, *Drifts*, *Slants and Deviations in the Russian Movement*

Emulation or Edification: The Use of Byzantine Experience – 28

A.V. Yefremov

– Candidate of Science in History, Historiosophy Expert

"The Austere Byzantine Spirit" – 44

M.A. Yemelyanov-Lukyanchikov

– Historian, journalist, traveler, Candidate of Science in History, expert in Russian History and History of Civilizations of Sub-Saharan Africa, author of the book *Hierarchy of the Rainbow: Russian Civilization in the Heritage of K.N. Leontyev, N.Ya. Danilevsky, O.A. Spengler and A.D. Toynbee*, author and host of the history program *Accents* on Radio *Radonezh* (2007–2010), author of the programs *Hour of Truth* and *Cinehistory* on the 1st History Channel *365 Days TV* (2009–2012), participant in programs about travels and Russian history on *People's Radio* and TV channels *Culture*, *REN TV* and *7 TV*, organizer of and participant in travels in Russia and Africa

System of Axses of the Russian Civilization – 52

BYZANTIUM AND US

A.I. Neklessa

– Chairman of the Commission on Social and Cultural Problems of Globalization, Bureau Member of the Academic Council *History of World Culture* under the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Deputy General Director of the Institute of Economic Strategies, Director of the Center of Geoeconomic Research (North–South Laboratory) of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences

Byzantium of the North – 70

I.L. Brazhnikov

– Doctor of Philology, Lecturer of the Moscow State University of Education, Political Writer, author of the books *Mythopoetics of an Act: Situation of Response in a Literary Text and Russian Literature of the 19th and 20th Centuries: Historiosophic Context*

Byzantinism: Stylization or Identity Factor? – 84

Archimandrite Tikhon (Shevkunov)

– Vicar of Sretensky Stavropegial Convent in Moscow, Rector of the Sretenskaya Theological Seminary, Executive Secretary of the Patriarchal Council for Culture

The Byzantine Lesson – 94

S.M. Sergeyev

– Candidate of Science in History, Science Editor of the magazine *Issues of Nationalism*

Byzantinism as the Last Recourse of Russia's Oligarchy – 104

A.D. Stepanov

– Historian, Chief Editor of the *Russian People's Line* Portal

Yet Another Byzantine Lesson – 110

BYZANTIUM AND THE POST-SOVIET WORLD

S.V. Khatuntsev

– Candidate of Science in History, author of publications on history, philosophy and geopolitics including the book *Konstantin Leontyev: Intellectual Biography (1850–1874)*

Byzantinism or Eurasianism? – 118

A.N. Okara

– Candidate of Science in Law, Director of the Center for East European Studies, author of political and ideological projects and studies in futurology, social philosophy and elitology

New East Europe in the 21th Century. Can the Byzantine Civilization Legacy Change Russia and the Rest of the World? – 130

D.I. Vydrin

– Author, Political Writer (Kiev)

Byzantine Genome of the Ukrainian Elite – 152

INTERVIEW

V.M. Zhivov

– Doctor of Philology, Deputy Director of Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Professor of the University of California in Berkley

"Examination of the Russian-Byzantine Link should be Precise and Nuanced" – 166

PRAXIS NOERA

S.S. Khoruzhy

– Founder and Director of the Autonomous Nonprofit Organisation Institute of Synergetic Anthropology

Thorny Treasure: Byzantine Legacy in its Double Edged Actuality – 180

M.V. Medovarov

– Expert in the History of Russian and International Conservative Thought

Political Dimension of Hesychasm in Late Byzantium and Contemporary Russia – 192

THE STATE AND THE CHURCH: BYZANTIUM AND RUSSIA

D.V. Semikopov

– Candidate of Science in Philosophy, Historian of Russian Religious Thought

The Symphony of Priesthood and Kingdom: Byzantine Legacy in Contemporary Relations between the Church and the State – 202

V.I. Karpets

– Candidate of Science in Law, Member of the Union of Writers of the Russian Federation

Church and Kingdom or "Christian Democracy"? Yet Another "Byzantine Lesson" – 218

HUMANITARIUM

A.P. Lyusy

– Senior Research Associate of the Russian Institute of Cultural Studies and Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage

Byzantine Narrative – 228

N.A. Ganina

– Doctor of Philology, Lecturer of the Moscow Lomonosov State University, author of the books *Gothic Pagan Vocabulary*, *Medieval German Manuscripts and Fragments from the Gustav Schmidt Collection of Documents in the Academic Library of the Moscow University* (co-author), *Language of the Crimean Goths*, collective books and articles and the book of verses *Native Hearth*

Crimean Byzantium: Travel Impressions – 236

S.N. Belkin

– Editor-in-chief and Co-founder of Literary Miscellany and Portal *Development and Economy*, Member of the Union of Writers of the Russian Federation, Candidate of Science in Physics and Mathematics

History and Emotions: Vision – 248

CONTENTS

Table of Contents and the Authors' Info in English – 262

ANNOUNCEMENT

Results and Prospects – 264

Итоги и перспективы

«Византийская» тема для альманаха «Развитие и экономика» не была случайностью. Статьи этого номера продемонстрировали многогранность, глубину и значимость византийского фактора сегодня. Византия – это и исток, и урок, и наследие. Византийские черты на русском лице – это и красота, и некрасивость, и мудрый взгляд, и родимые пятна. Идеи, суждения и оценки, высказанные на страницах четвертого номера альманаха, позволяют внимательному и вдумчивому читателю точнее определить координаты России не только в прошлом и настоящем, но и в возможном будущем. Надеемся, что для такого читателя этот номер послужит полезным источником – знаний, поводов для дальнейших размышлений и поисков, ориентиром в выработке оценок, основанием для корректировки поведения и политики.

Продолжая «генеральную линию» альманаха на поиски и обоснование путей развития страны, в следующем номере мы планируем обратиться к актуальным вопросам современной политики и жизнеустроительной практики. Страна переживает период интеллектуальной и политической неопределенности. И в умах, и на политической сцене, все более напоминающей поле для сражений, а не подмостки для самовыражения, царит растерянность и агрессивность, ощущение утраты ориентиров перемешано с уверенностью в знании истины. Способы сравнения предлагаемых стратегий неясны, но их никто и не ищет, остаются невнятными цели, конечные пункты маршрутов, по которым призывают идти многочисленные политики и политические партии. Но надвигается грозное состояние, при котором общество охватывает страшный морок: «Цель – ничто, движение – все». Политики, ученые, структурированные и аморфные сегменты общества все меньше напоминают ансамбль хоть чем-то общим связанных элементов и все больше выглядят как разрозненные, борющиеся друг с другом, но непонятно за что сущности. Эти разночастотные социальные вибрации могут войти либо в разрушительный резонанс – если победит общее стремление к разрушению «всего плохого и отжившего», либо придут к созидательному единению – если будут обретены, найдены общие цели и смыслы. Мы видим свою задачу, свою миссию в поиске общих смыслов и целей – при сохранении разнообразия в подходах, предпочтениях и вкусах.

В интеллектуальном пространстве сегодня предлагается довольно много идей и проектов, призванных вывести Россию на ожидаемый виток развития. Вбрасывается изрядное количество новых или кажущихся таковыми концептов – «шестой» и «седьмой» экономические уклады, «альтернативная глобализация», «нравственная экономика», «сверхмодерн», «четвертый путь», «новая экономика», «экономика знаний», «диктатура когнитариата», «коридоры развития»... Насущно важно из этого богатства идей, проектов и прожектов выделить наиболее эффективные и реалистические подходы, соответствующие осознанным стратегиям развития, ведущим к правильным целям. Социально-экономические модели подразделяют по разным признакам и соответственно оценивают в разных функциональных пространствах. Чаще всего подобные сравнения не просто ошибочны, а чрезвычайно вредны, поскольку их некорректность неочевидна, что позволяет ошибочные выводы воспринимать как верные. Чтобы корректно сравнивать друг с другом различные модели, их надо уметь сводить в одну систему координат – чего никто не делает.

Предстоящей осенью в России ожидается всплеск политических страстей. Причем происходить это будет во всех формах и во всех пространствах – от уличной митинговой активности до кабинетных интриг и жестких кадровых решений, от интеллектуального дискурса, переходящего в брань и политическую борьбу направлений, групп и кланов, до активизации деятельности спецслужб, террористов и криминалитета.

В связи с этим мы уверены, что стоит продолжить рассмотрение и обсуждение различных типов экономик, экономических парадигм и шире – способов жизнеустройства. От ставшей традиционной, но остающейся важной критики либеральной парадигмы надо перейти к конструктивному рассмотрению реальных возможностей и альтернатив. Надо отыскать социально-политические подходы, помещающие экономику в разряд инструментов по достижению обществом высших, стратегических целей. Мы будем пытаться найти, обосновать и предложить тот тип жизнеустройства и те социально-экономические технологии, которые наилучшим образом – по сумме всех критериев – подходят для России, а, возможно, и для других стран.

Редакция

миллениум банк зао

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru

интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.).